

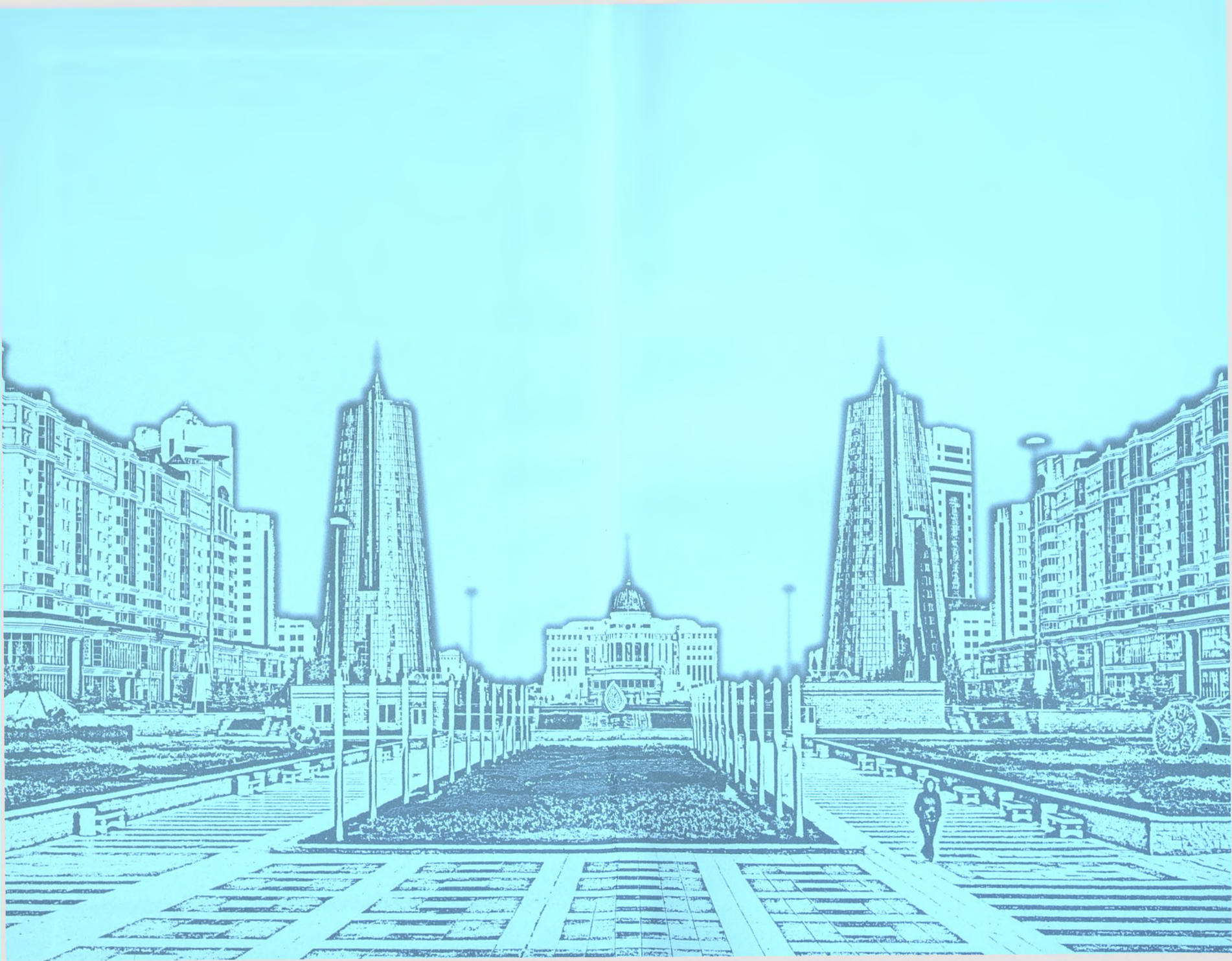
А 2017

4851к

Сабий ДОСАҒОВ

ХРАНИТЕЛИ СОКРОВЕННОГО

Сабит ДОСАНОВ

ХРАНИТЕЛИ СОКРОВЕННОГО

«Я каждый вечер стараюсь ответить себе на важный вопрос: «Правильно ли прожит день?» Для меня как для Президента этот вопрос означает: «Все ли я делаю для того, что бы сделать жизнь моих соотечественников лучше?» Это основа моего кредо.

Нурсултан НАЗАРБАЕВ

Никогда не бывает больших дел
без больших трудностей.
Для спасения государства достаточно
одного Великого человека.

Мари Франсуа ВОЛЬТЕР

**АЛМАТЫ
«БАСПА»
2017**

УДК 821 (574)
ББК 84(5қаз-рус) -44
Д 70

«Выпущено по программе «Повышение конкурентоспособности сферы культуры и искусства, сохранение, изучение и популяризация казахстанского культурного наследия и повышение эффективности реализации архивного дела», подпрограмме «Приобретение, издание и распространение социально-важных видов литературы» Министерства культуры и спорта Республики Казахстан».

Досанов С.
Д 70 «Хранители сокровенного»: Документальная проза, художественная проза. / Сабит Досанов. – Алматы: ИП «Баспа», 2017. – 384 с.

ISBN 978-601-80663-1-3

Двадцатипятилетний исторический путь, пройденный нашей страной за годы независимости, преодолен только благодаря силе и мощи созидательного труда народа Казахстана под мудрым руководством Президента РК – Елбасы Нурсултана Назарбаева. Как преодолевались многие трудности на этом пути, какие усилия предпринимались и воплощались для реализации поставленных задач в различных сферах нашей жизни, размышления автора в предлагаемой широкому кругу читателей книге.

УДК 821 (574)
ББК 84(5қаз-рус) -44

ISBN 978-601-80663-1-3

© Досанов С., 2017.
© ИП «Баспа», 2017.

К 25-ЛЕТИЮ
НЕЗАВИСИМОСТИ
КАЗАХСТАНА

ГЛАЗАМИ ЧЕТЫРЕХ ПОКОЛЕНИЙ

Это роман о любви. Любовь с первого взгляда и навсегда.

Лиана Полухина

Когда я читал его повесть «Белая аруана», я был в восторге... У меня слезы появились... Это – мастерство!

Рахим Мукимов

Дорогой Сабит! Без Вас на земле было бы скучнее и труднее. Вы – добрый свет, и воплощенная любовь к людям.

Людмила Щипахина

Дорогой брат Сабит. Ты всегда будешь мне дорог как брат по крови, по делу и по боли.

Римма Казакова

«Белую Аруану», наверное, учат в казахской школе. Но эту поэму должны учить в любой школе, ибо это вещь большого значения и звучания. «Аруана» – камень, бриллиант, поэма. В «Аруане» воплотилось то, что соединяет народы, соединяет разные вероисповедания. Это вещь классическая.

Мурман Джгубурия

Сабит Досанов – выдающийся мастер. Его роман «Двадцатый век» – эпическое полотно, своего рода поэма в прозе.

Владимир Мирнев

Умело владея пером, Досанов разворачивает перед читателем воображаемую картину пепелища, пожирающую разум Нурдаулета.

Ашот Сагратян

Роман «Двадцатый век» – большое событие для Казахстана и России. Я убежден, что с этим романом казахская литература выйдет на общероссийский и, в конечном счете, на мировой уровень.

Феликс Кузнецов

Настоящий роман. Роман не для беглого прочтения, а для того, чтобы прочитать, вдуматься, и думая, читать.

Егор Исаев

Роман очень интересный, острый, талантливый. То, что острое, но бездарное – это агитка. Но когда он талантлив, когда у него полет хороший, тогда это – литература.

Валентин Осипов

Роман «Двадцатый век» – не просто талантливый, но и объединительный для нас, русских и казахов. Это – монументальное произведение... Я аргументированно надеюсь, что российский читатель в полной мере сможет оценить Ваш весомый вклад в наше единство – единство, которое выходит за рамки духовно-творческих связей.

Олег Шестинский

Первая часть

**ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ
ПРОЗА**

ПРЕЗИДЕНТ ЗНАЕТ ЧАЯНИЯ ЛЮДЕЙ

С большим удовольствием посмотрел киноэпопею «Путь Лидера», где показан жизненный путь Главы государства. На экране воссоздана не только история реального человека, но и эпоха, в которой происходило становление личности героя.

Его характер закалялся в трудностях и критических ситуациях. Трудовая биография молодого Султана началась у доменной печи – это труд, требующий от человека не только физической силы, но и твердости духа и мужского характера, а также трудолюбия.

Несомненно, характер человека и его личность формируют среда, его окружение, коллеги и друзья. И мы видим, что молодой Султан никогда не избегал трудных ситуаций и всегда выходил из них с достоинством. Фильм очень органичный в том смысле, что в нем показаны не просто суровые производственные будни, но и ежедневные заботы героев. Режиссер проводит удачные параллели, например, в одном из эпизодов горная речка родного ущелья в Ушкониры в воображении Султана превращается в огненную лаву металла. Надо отметить, что Рустем Абдрашов нашел очень интересный ход, когда в фильме рабочая жизнь Султана перекликается с удивительной природой родного края, знакомыми городскими пейзажами Астаны. Надо отдать должное профессиональной операторской работе, благодаря которой зрители могли насладиться неповторимой природой разных уголков нашей страны.

Думаю, что успех фильма держится на трех китах – это удачный сценарий, отличная режиссерская работа и блестящий актерский ансамбль. Особо хочу отметить работу Мадины Исмановой и Нуржана Алимханова, которые сыграли роли Сары Алпысовны и Нурсултана Абишевича. Их искренние чувства проявились в тот напряженный и трогательный момент, когда героиня Мадины узнает об аварии на доменной печи. Ее чувства, душевные переживания зрители восприняли очень близко к сердцу. В этом и заключается мастерство актера.

Не случайно центром событий выбран Темиртау – город, где будущий Президент формировался как личность, и где наиболее ярко проявились его лидерские качества. Зрителю было интересно вместе с героями пройти путь личного и профессионального становления Султана, увидеть места, где прошла его молодость. Фильм настолько завораживает, что зритель забывает о том, что он живет уже в XXI веке. В этом и есть великая сила искусства, когда мы окунаемся в атмосферу той эпохи и сполна можем прочувствовать, например, коллективный дух праздничных демонстраций, непритязательный советский быт, простые и искренние радости людей.

В одной из рецензий на фильм я прочитал, что величие Президента в том, что, появляясь в кадре в нескольких эпизодах, он прекрасно сыграл свою роль. А я бы отметил, что Нурсултан Абишевич не сыграл, а прожил свою жизнь на экране. Очень удачно звучит закадровый текст, и мы слышим воспоминания и размышления Главы государства. Конечно, надо отметить, что фильм имеет огромное воспитательное значение для молодежи, так как на примере жизненного пути Президента подрастающее поколение поймет, что успеха в жизни можно достичь только благодаря неустанному труду.

После просмотра этого фильма я стал невольно анализировать свои встречи с Нурсултаном Абишевичем и искать подтверждение экранного образа. Впервые я встретился с Президентом, когда он работал в Караганде, и с тех пор мне посчастливилось видеться с ним на различных мероприятиях, при личных встречах, в зарубежных поездках. Анализируя дела и свершения Главы государства, я могу сказать, что они основаны на серьезной жизненной школе, первые уроки которой он получил на Темиртауском горно-металлургическом комбинате. Я ездил в этот город, чтобы своими глазами увидеть ставший уже легендарным завод, и у меня до сих пор в памяти момент, как огромная кипящая лава в миг поглотила трактор «Т-54», который бросили в этот огонь... Поэтому я прекрасно понимаю, что наш Президент, сумевший противостоять этой огненной

лаве, действительно закален не только физически, но и морально. Он вышел из рабочей среды, хорошо знает, что такое трудовой коллектив, знает чаяния и нужды рабочих в отличие от многих нынешних руководителей, которые сразу со студенческой скамьи стремятся занять руководящее кресло, не познав производства с самых азов.

Не принося достоинства других глав государств, могу сказать, что нашему Лидеру нации присуще особое стратегическое мышление. У него много достоинств, которые хочется выделить, одно из них – это решительность при принятии судьбоносных решений. Порой он предлагает идеи, которые не сразу воспринимаются и осознаются. Вспомните 1991 год, когда вопреки всем обстоятельствам Президент принял решение о вводе национальной валюты – тенге. Если бы мы запоздали с этим шагом, экономика республики могла оказаться в тяжелых условиях. Еще одна героическая инициатива, не побоюсь этих слов, – решение о переносе столицы в Акмолу.

Нурсултан Абишевич всегда ставит перед собой высокую планку, которую покоряет сам и призывает народ к этому. Он – настоящий борец. Это мы видим и в фильме, когда Султан смог с первого раза побороть на борцовском ковре опытного спортсмена.

Если речь идет о судьбе народа, наш Президент готов преодолеть любые преграды. Не будем забывать о том, в каком сложном геополитическом положении находится Казахстан. Рядом – великие державы – Россия и Китай, и мы должны находить общий язык с соседями, которых, как говорит Президент, не выбирают. Кстати, он является одним из инициаторов проведения встреч без галстуков. Это ведь здорово, когда руководители стран собираются в неформальной дружеской обстановке. С дружбы отдельных людей начинается дружба между народами и государствами. Думаю, что писатели должны брать пример с этих начинаний.

Казахстан – многонациональная страна, и не случайно политологи на заре независимости предрекали нам сложное будущее, но, несмотря на эти мрачные прогнозы, нам

удалось избежать конфликтов на межнациональной почве. И во многом это заслуга Главы государства. Созданная по его инициативе Ассамблея народа Казахстана стала гармоничным звеном в общественной жизни страны и вскоре приобрела законодательный статус.

Мне лично каждая встреча с Президентом дает особый настрой, оптимизм, заряжает энергией. Одна из последних встреч состоялась в Акорде, где накануне Дня Независимости он лично вручал государственные награды, и, как всегда, даже в короткой беседе мы успели многое обсудить. Должен сказать и еще об одном качестве нашего Президента. Свои новые книги, которые выходят в свет, я первым делом отправляю Главе государства, близким друзьям и некоторым чиновникам. Несмотря на свою огромную занятость, Нурсултан Абишевич всегда их прочитывает и выражает свое мнение в ответном письме. Кстати, такое же отношение отличает и Имангали Тасмагамбетова. К сожалению, многие чиновники не читают книги, объясняя это нехваткой времени...

Наш Президент никогда не отрывается от своих корней и своего народа. Мне навсегда запомнился случай, когда народный любимец Нургиса Тлендиев был удостоен звания Халық қаһарманы, Президент не стал дожидаться его выписки из больницы, лично приехал к нему и вручил награду. Он всегда высоко ценит труд представителей культуры, и за эту духовную связь с народом мы особенно ценим нашего Лидера нации.

Когда я смотрел фильм «Путь Лидера», вспомнил слова Маргарет Тэтчер: «Я знаю очень влиятельных 4–5 мировых лидеров, один из них – Нурсултан Назарбаев». Это действительно так, не раз и от других мировых лидеров мы слышали подобную оценку нашего Елбасы. Даже Джорж Буш признался: «Стабильность и процветание, которые переживает ваша страна, стали моделью для других стран региона». Сейчас никто не оспаривает, что Казахстан по многим параметрам лидирует среди стран СНГ.

В этом большая заслуга нашего Президента – Лидера нации Нурсултана Абишевича Назарбаева.

ТЕРРИТОРИЯ МИРА И СОГЛАСИЯ

*На вопросы «Казахстанской Правды»
отвечает Сабит Досанов.*

Сегодня мы в гостях у писателя, который не нуждается в особом представлении. Это литератор с мировой известностью – лауреат Государственной премии Казахстана Габит Досанов. На его визитной карточке тесно от названий премий, лауреатом, которых он стал, наград, которые были ему, вручены за его подвижнический труд, научных степеней и званий, но он предпочитает, чтобы в первую очередь его называли писателем, лауреатом Госпремии. Будем иметь это в виду.

Повод для встречи с писателем более чем значительный: Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев выступил с Посланием народу Казахстана «Нурлы Жол – путь в будущее». Сабит Аймуханович в тот же день прочитал «Послание» и посчитал необходимым высказать свое отношение к этому важнейшему для страны и мира документу. Так сложилось, что 1 декабря Казахстан будет впервые отмечать День Первого Президента, так что писателю, как прежде говорили – властителю дум народных – есть о чем сказать.

Корр: – День Первого президента – и праздник, и повод для гордости, что Нурсултан Абишевич Назарбаев – казахстанец, что именно он стоит у руля государства в это непростое время.

Досанов: – Я вспомнил слова «отца цифровой революции», блестящего оратора Стива Джобса, который некогда сказал, что он легко обменял бы все разработанные им технологии на одну только встречу с Сократом, – сказал Сабит Аймуханович. – Так вот, если образно сказать, то для нас «Послание», как встреча с мудрецом, как встреча с Сократом. Нынешнее «Послание» представлено народу

раньше обычного, для этого есть причины, и в этой связи я вспомнил еще одну мудрость, которая принадлежит Данте Алигьери: «Самый мудрый человек тот, которого больше других раздражает потеря времени». Наш президент сделал мудрый шаг, он показал, что ценит время. Сейчас нельзя терять ни минуты, чтобы противостоять новым вызовам и угрозам. Наш президент находит нужные слова, объясняя сложившуюся ситуацию, но главное – он знает, как исправить положение: «Мировая экономика так и не оправилась от последствий глобального финансово-экономического кризиса. Восстановление идёт очень медленными и неуверенными темпами, а где-то ещё продолжается спад... Я из своего опыта предчувствую, что ближайшие годы станут временем глобальных испытаний. Будет меняться вся архитектура мира. Достоинно пройти через этот сложный этап смогут далеко не все страны. Этот рубеж перейдут только сильные государства, сплочённые народы...

У нас нет времени на раскачку. Те меры, о которых сегодня пойдёт речь, следует реализовать уже с 1 января 2015 года. Мы должны оперативно принять все возможные меры для предотвращения негативных тенденций».

Корр: – Чувствуется, что Президент Казахстана настроен по-деловому, не преуменьшая трудностей, но и не преувеличивая их. Все «Послание» проникнуто заботой о Казахстане и казахстанцах. И это вселяет уверенность в том, что намеченное обязательно будет выполнено.

Досанов: – Геополитическая обстановка тоже непростая, и она усугубилась с развитием кризиса в Украине, – продолжил Сабит Аймуханович. – В непростое время нам предстоит пережить. Мировая экономика до сих пор не оправилась от последствий кризиса. Извиняюсь за обилие цитат великих людей, но я стараюсь подбирать такие афоризмы, которые точно и полно отражают ситуацию. К примеру, вот фраза Демокрита: «Слово мудрого человека дороже золота». В каждой части «Послания», в каждом абзаце и строчке мудрость, которая дороже золота.

Слово – это великая сила, помните: «миром правит слово, словом правит поэт». Слово разрушает города, слово может остановить солнце. Лучше не скажешь... Хотя слова бывают разные. Некоторые политики сладко говорят, но за их речами нет ничего, только пустота. Слово нашего Президента весомо. Он никогда не обманывал народ. Помню, в первые годы после обретения нашей страной независимости, Казахстан испытывал большие трудности, республика словно проходила проверку на прочность. Люди по полгода и больше не получали зарплат, задерживались пенсии и пособия, среди шахтеров Караганды царили протестные настроения. И тогда наш Президент прилетел в Карагаду. Он ничего не скрывал, сказал, что не обещает уже сегодня золотых гор, трудности, скорее всего, продлятся еще, но если у нас в стране будет доброе согласие среди людей, взаимопонимание, то будет поднята и экономика. Французский гуманист Пьер Буста как-то заметил, что обещания раздражают больше, чем откровенные отказы. У нашего Президента принцип схожий: лучше горькая правда, чем сладкая ложь. И как показывает время, Нурсултан Абишевич Назарбаев обладает провидческими способностями. Все его замыслы претворяются в жизнь, самые дерзкие проекты в итоге оборачиваются реальностью, обогнавшей время. Все наладилось в результате и в Караганде. И еще одна цитата, на этот раз из Уинстона Черчилля: «Пессимист при возможности думает о трудностях, оптимист – при каждой трудности думает о возможностях». У Нурсултана Абишевича тоже есть такая черта – он умеет при любой трудности отыскать возможности ее преодоления.

У Нельсона Манделы было такое кредо, его личный закон: «необходимо добиваться, чтобы перед законом все были равны, улучшать социальное положение, жилищные условия, гарантировать получение работы, – и для всего этого необходимы мир, дружба, взаимопонимание. Все эти человеческие ценности в центре внимания казахстанского Лидера.

Корр: – Стоит только открыть текст «Послания», как попадаешь на территорию созидания, в атмосферу толерантности...

Досанов: – Да! Чего только стоят вот эти слова, точные, выстраданные сердцем: «Мы должны крепить доверие между всеми казахстанцами! Быть толерантными друг к другу! Это ключи к будущему Казахстана. Межэтническое согласие — это живительный кислород. Мы не замечаем его, когда дышим, делаем это автоматически — мы просто живём. Мы должны сами беречь наше единство и межэтническое согласие. Извне, никто и никогда не придет делать это за нас».

Корр: – По поводу конкретных пунктов у вас есть какие-то соображения?

Досанов: – Мне запал в душу пятый пункт – о развитии жилищной инфраструктуры... Жилищная проблема – проблема мировая. Очень важно для страны, чтобы жилье стало доступным. Отсутствие первоначального взноса, низкие проценты за ипотеку позволяют теперь даже молодежи иметь благоустроенное жилье, а это наверняка еще улучшит социальный климат в стране.

Сабит Аймуханович еще полистал текст документа, сказал:

– Замечательно, что не осталось без внимания подрастающее поколение. Не секрет, что кое-где дети вынуждены еще ходить в ветхие, аварийные школы, заниматься в три смены. На строительство новых школ будет направлено дополнительно 70 миллиардов тенге. На возведение детских дошкольных учреждений будет выделено дополнительно 20 миллиардов тенге. Это не может не радовать нас. И еще я порадовался за нашу экономику, потому, что Президент принял решение о выделении из Национального фонда дополнительно до трех миллиардов долларов ежегодно в течении трех лет – с 2015 по 2017 годы.

– И еще мне очень по душе решение Президента взять под строгий контроль расходование средств, – продолжил писатель. Об этом в Послании народу Казахстана «Нурлы

Жол» сказано предельно твердо и ясно: «Созданная мною комиссия будет строго следить за эффективным расходованием средств и докладывать мне лично. Спрос будет строгим за каждый тенге. Особая ответственность возлагается на всех акимов. «Нур Отану» надо активно подключиться к этой работе и установить жёсткий партийный контроль на всех уровнях».

– Задачи, поставленные в Послании очень большие и ответственные, – продолжил Сабит Досанов. – Планка поставлена на самом вершине. Возьмем ли эту высоту? Помнится, что когда была объявлена программа «2030», то в сомневающих недостатка не было. У меня, признаюсь, тоже были сомнения, потому, что задачи были поставлены поистине грандиозные. И вот несколько дней назад на совещании нуротановцев, в работе которого принимал участие Президент, прозвучало, что семьдесят процентов задач из этой грандиозной программы уже выполнено.

По плечу нашему народу и задачи из Послания. Я считаю, что существует для этого, как минимум, две гарантии. Первая – это трудолюбивый, сплоченный, толерантный казахстанский народ, вторая – наш мудрый, мужественный Президент... И здесь, мне кажется, уместна сентенция великого Конфуция: «Если каждый человек утром или вечером будет задавать себе вопрос «Что я сделал для государства?», то такое государство будет вечно». Если государство будет сильным, то и мы будем счастливыми.

Нашему народу не впервой решать грандиозные задачи – есть для этого силы, средства, и очень важно, что в такое время у руля государства – не устану это повторять – такой мудрый лидер.

Сабит Аймуханович задумался на минуту, и продолжил:

– Нет выше счастья, чем жить в независимой стране, это право мы выстрадали, за это счастье мы должны благодарить Всевышнего Аллаха, но помнить, что достичь независимости очень нелегко, а сохранить независимость еще труднее.

Создана Ассамблея народа Казахстана, тоже находились малoverы, но сегодня перенимать наш опыт приезжают люди из-за границы. Мы – сплоченный народ, и пришла пора думать не только о себе, о своих проблемах, какими – бы важными они нам не казались, а думать о стране, о нашей дорогой Родине. Джон Кеннеди говорил «Не спрашивай, что твоя страна может дать тебе, а спрашивай, что ты можешь дать ей!» Этот принцип должен стать основополагающим для каждого казахстанца в эти нелегкие времена.

Корр: – Вы широко известный литератор – и у нас в стране, и за рубежом люди читают ваши романы и повести, их переводят на разные языки. Судьба сводила вас с множеством неординарных людей – писателей, художников, политических деятелей. Могли бы вы рассказать о встречах с нашим Президентом?

Досанов: – Мне в этом смысле повезло, я познакомился с Нурсултаном Абишевичем Назарбаевым, когда он работал в карагандинском обкоме, и с этого времени у нас дружеские отношения. Хотя писатель всегда находится как бы между двух огней – между народом и властью. Угодишь власти, народ может не понять. Поэтому я выбираю золотую середину, в зависимости от ситуации, бывает, остро критикую правительство. Президент, Правительство на мою критику реагируют адекватно.

Ко мне приходит информация отовсюду – из официальных структур, от отдельных людей. Я и сам нахожусь в гуще народа, поэтому знаком с положением дел не понаслышке. Например, в тот год, когда в стране был получен миллиард пудов зерна, я узнаю, что в Уральске мешок зерна стоит пять тысяч. Тогда я задаю вопрос:

– Как наши государственные мужи полагают: пенсионеры смогут прожить при таких ценах? Я стараюсь действовать и жить по принципу Льва Толстого, который сказал, что писатель должен быть адвокатом своего народа. Иногда, если правительство работает хорошо, я хвалю чиновников – все зависит от конкретной ситуации. Не следует забывать,

что правительство – это наемные менеджеры, и призваны служить народу.

Мы о многом поговорили с Сабитом Аймухановчем, коснулись разных сторон жизни и творчества, и это интервью в ближайшее время найдет свое место на страницах газеты, а сегодня темой нашей встречи стало Послание Президента народу Казахстана «Нұрлы Жол» и праздник, который мы все ждем с нетерпением – День Первого Президента Казахстана.

Еще несколько строк из Послания: «Я убеждён, что на новом ответственном витке истории обретёт новое звучание. Ведь что такое стабильность и согласие, благополучие, безопасность, крыша над головой. Мир – это радость отцовства и материнства, здоровье родителей и счастье наших детей. Мир – это стабильная работа, зарплата и уверенность в завтрашнем дне. Мир и стабильность – это общенародное достояние, которое нужно каждодневным трудом защищать и укреплять. Я всегда говорю: молодежь – опора нашего будущего. Государство открыло перед новым поколением все двери и все пути! «Нұрлы Жол» – вот где можно приложить усилия, развернуться нашей креативной динамичной молодежи!..

Желаю всем успехов и достижения новых вершин, которые поднимут на еще большую высоту нашу Родину!»

Лучше на самом деле не скажешь.

***Записал Геннадий ДОРОНИН.
«Казахстанская правда»***

ДОРОЖЕ ЗОЛОТА!

Демокрит сказал: «Слово мудреца ценнее золота». Интервью Главы государства «Размышления у подножия Улытау» по своей сути и содержанию вполне соответствует этому высказыванию. Я с большим интересом смотрел это интервью в эфире телеканала и более детально с ним смог ознакомиться в печатной версии.

Особо меня впечатлило мудро выбранное место проведения интервью – гора Улытау. В казахской степи нет плохой земли, однако Улытау занимает особое место в истории казахского народа, с ней связано множество свершений и различных побед. В этом уникальном месте казахский народ поднимал на престол своих ханов.

Стоит отметить, что каждое выступление Главы государства – это поистине историческое событие. Когда-то Стив Джобс написал, что обменял бы все свои технологии ради одной встречи с Сократом. Хочу сказать, что по крайней мере для меня размышления президента у подножия Улытау – это такая встреча. Глава государства вел легкую, непринужденную беседу, говорил о серьезных и глобальных вещах простым и доступным языком.

Особенность этого интервью в том, что оно не похоже на другие выступления. Елбасы в нем поднял много вопросов, но мне хотелось бы остановиться только на двух из них. Это вопросы языка и религии.

Нурсултан Назарбаев отметил, что для своего народа мы можем передать историю, культуру, обычаи только на своем языке. Попробуйте перевести некоторые казахские идиомы или афоризмы Абая на русский, английский языки. Это невозможно, потому что у каждого языка есть свои неповторимые особенности, а с исчезновением языка могут исчезнуть и эти драгоценные особенности.

Отрадно, что Глава государства прекрасно понимает все эти темы. И в этом интервью президент подробно рассказал о необходимых мерах для развития казахского языка в нашем обществе. Он подчеркнул, что достигнуть этого мы сможем только при взаимном уважении всех национальностей, проживающих в Казахстане, бережном отношении к культуре, традициям и языку каждой этнической группы населения нашей страны.

К сожалению, многие наши собратья с пренебрежением относятся к своему родному казахскому языку. Они не изучают его, считая, что наш язык очень беден. Но это не так. Казахский язык по своей сути является одним из богатейших языков в мире. К примеру, на всей планете самым востребованным языком является английский. Шекспир в своих произведениях использовал не более 15 000 английских слов. Тогда как в романе Мухтара Ауэзова «Путь Абая» содержится 16 880 слов. Защищать интересы родного языка нужно так же, как и границу государства.

Второй очень важный вопрос, который затронул Глава государства, это религия. В сущности, казахи никогда не теряли своей веры. Они вернулись к религии, словно не было никакого перерыва. Просто без былой боязни стали следовать заповедям, поклоняться Всевышнему и строить мечети. По мнению Президента, все это правильно: казахам нужны и религия, и традиции.

Размышления у горы Улытау несут в себе значительный посыл для молодежи, науки и всех граждан страны. Каждое слово пронизано всеми вековыми ценностями Великой казахской степи. И каждое слово Нурсултана Назарбаева содержит в себе огромный смысл, каждое слово направлено на воспитание человечности.

ЛЮБИТЬ И ЗНАТЬ

По моему мнению, проект Программы развития языков – документ действительно первой необходимости и государственного значения. Министр культуры Мухтар Кул-Мухаммед доходчиво и объективно обозначил точные приоритеты программы, не обошел молчанием прежние упущения. По его докладу на презентации проекта я для себя сделал обнадеживающий вывод: документ очень своевременный, прошел всестороннее обсуждение, в нем определены конкретные сроки исполнения. Заметно, что программа дополняет и углубляет прежние законы и постановления, касающиеся развития государственного языка.

Шакарим, исполняя новую песню, всегда говорил слушателям: «Эта песня лучше тех, что пелись раньше». Так что нынешняя программа, бесспорно, лучше прежних, однако улучшения возможны всегда. И сейчас предложенный к обсуждению проект заставляет о многом задуматься, высказать свои соображения. Кстати, по моему, не стоит торопиться завершать обсуждение. Срок в один месяц, наверное, все-таки маловат. Тем более что лето – время каникулярное и отпускное.

Литератору, для которого язык – казахский, русский... – рабочий инструмент, всегда есть что сказать на эту тему, поскольку о языковых проблемах мы размышляем и рассуждаем постоянно. Помногу общаясь со своими казахскоязычными, европейски образованными соотечественниками (и какими только языками они, к счастью, ни владеют – от английского до японского!), я с удивлением заметил: они, простите за прямое слово, немного стесняются родной речи. Им кажется, что казахский язык как бы отчасти

подзадержался в прошлом... Не стану продолжать. Мы все не раз и не два слышали подобные доводы, упреки и оправдания. Справедливее за прошедшие годы они не стали. Ах, до чего они не правы, мои соотечественники!.. У казахского языка, если беспристрастно разобраться, ничуть не меньше прав на то, чтобы находиться в первых рядах, чем у английского, немецкого, итальянского, арабского. Больше столетия назад об этом писал великий востоковед Радлов, прямо заявивший: «Я знаю, что в мире есть три великих языка: французский, русский и казахский». Шекспироведы подсчитали, что в произведениях великого английского драматурга, во всех его трагедиях, комедиях и исторических хрониках, свыше 15 тыс. слов. Замечательно, достойно восхищения!.. Занялись подсчетами и казахские лингвисты и обнаружили, что только в одном романе «Абай жолы» («Путь Абая») Мухтар Ауэзов использовал 16 тыс. 880 слов. Нет, казахский язык нельзя назвать бедным. Это язык мощных, ярких и разнообразных красок, сверкающий огромным изобилием смыслов и понятий, язык прочно-земной и возвышенно-небесный. Это язык моего народа и моей жизни, и никому из нас невозможно обойтись без него ни одного дня. Прекрасно, что казахский язык ныне обладает могучей поддержкой благородных подвижников – рыцарей или, если хотите, батыров родной речи, ратующих за него, находясь как на государственной службе, так и вне ее.

Не буду скрывать, начинают испытывать беспокойство мои русскоязычные друзья. Они порой слышат крайние мнения вроде того, что русский язык не нужен. И они в тревоге. Напрасной, скажу откровенно. Мне Олжас Сулейменов рассказывал, что в Прибалтике, пережившей запреты на русский язык, теперь эстонцы, латыши и литовцы в спешных поисках переводчиков с литовского, латышского и эстонского. В Казахстане такое невозможно, конечно. И русский язык – один из шести официальных языков ООН, язык, при благородном посредстве которого мы вошли в европейскую культуру, – вне опасности. Он

всегда будет необходим в нашем многонациональном государстве. И все же нашим русскоязычным соотечественникам, патриотам государства пора задуматься над тем, что неспроста в Конституции страны казахский язык назван «государственным». Да, пришло время и в Парламенте, и в Правительстве, и в любом официальном собрании, и всем чиновникам говорить по-казахски. Да, пора – и здесь всем нам пример наш Президент, сдававший, когда он шел на выборы, экзамен на знание казахского языка, – претендентам на ту или иную должность проходить такое же испытание. Да, мало девяти министерств, на которых возлагается обязанность выполнять Программу развития языков. Необходима всеобщая и повсеместная языковая среда. Конечно, нужен координирующий орган министерского ранга. Также хорошо было бы иметь нечто вроде лингвистической (наподобие экологической) полиции, чтобы не краснеть от стыда за безграмотную рекламу на казахском языке. А все-таки самое главное – самостоятельный патриотический и душевный выбор людей, веление сердца, когда чувство родной страны и высокий гражданственный разум соединены любовью к неповторимым речевым сокровищам – государственному языку суверенного Казахстана.

ДЕНЬ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА. РОЖДЕН ВО БЛАГО НАРОДА

Феноменальным человеком, рожденным во благо казахстанцев, считает Нурсултана Назарбаева известный казахский писатель Сабит Досанов, лауреат Международной премии имени Михаила Шолохова, академик Академии российской литературы, лауреат Государственной премии РК нынешнего года в области литературы и искусства, присужденный ему за роман-эпопею «Двадцатый век». Сегодня в День Первого Президента писатель адресует свои пожелания Главе государства.

– День Первого Президента мы празднуем впервые. Хотелось бы услышать ваше мнение по этому поводу.

– Скажу честно, когда услышал об этом, первой эмоцией была радость.

Мне посчастливилось в течение жизни лично общаться с Нурсултаном Абишевичем Назарбаевым. В первый раз я его увидел еще во время его работы в Карагандинском обкоме партии. И чувство уважения, зародившееся тогда, с каждым годом лишь крепло. Также в числе других я сопровождал Главу государства во время его рабочей поездки в Катар. Мы общались также на традиционных встречах с представителями интеллигенции.

Казахстан – не первая страна в мире, которая один из 365 дней в году посвятила своему Президенту. Подобные праздники существуют в ряде европейских и азиатских государств.

– Все, кто видел и общался с Президентом хоть раз, отмечают его необыкновенную харизму и обаятельность. Каким знаете Президента Вы?

– Нурсултан Абишевич – человек высокой внутренней культуры. При всей загруженности государственными

делами он находит время и много читает. Некоторым чиновникам нужно бы брать пример с него.

Когда мой роман «Двадцатый век» был готов, я передал один экземпляр Главе государства. А через два дня был приглашен на прием к нему. Он положительно отозвался о моем произведении. Я был удивлен, ведь прошло всего два дня. А роман, к слову состоит из двух томов. Прочитав этот вопрос в моих глазах, Президент улыбнулся: «Не верите, что читал?». И начал рассказывать содержимое романа. Оказалось, Глава государства обладает не только уникальной памятью, но и в совершенстве владеет техникой диагонального чтения, доступной лишь единицам.

Вообще, его отличительной особенностью является очень высокая культура. Получая от писателей произведения, он обязательно адресует каждому слова благодарности. Традиционными стали и его встречи с представителями интеллигенции, на которых мы говорим об актуальных проблемах, делимся своими суждениями и мыслями. Нашего Президента можно назвать и покровителем искусств. Понимаете, в истории бывают монументальные личности, которые не только оставляют свой след, но подчас и меняют ход истории. И не каждому народу суждено иметь такого правителя. Я считаю, что казахстанцам несказанно повезло. Наш Президент был рожден во благо своего народа.

– О событиях давно минувших дней мы узнаем из истории. А о великих личностях, делавших эту историю, чаще рассказывают писатели...

– Наш Президент – уникальный человек. Я бы даже сказал, человек-феномен. Всевышний одарил его мудростью правителя, острым умом, аналитическим мышлением и дальновидностью.

Двадцать лет назад, когда некогда великая империя Советов развалилась, Казахстан, как и многие союзные республики, начинал практически с нуля. В «наследство» от СССР он получил страну, почти дышавшую на ладан. Стояли заводы, фабрики, на месте бывших зажиточных

колхозов остались руины, люди были растеряны и напуганы. Тогда перед ним стояло много задач. В реанимации нуждались сельское хозяйство, промышленность, хромала оборона государства. Но Нурсултан Абишевич тонким чутьем и дальновидностью мудрого политика сумел выделить главное. Для достижения поставленных целей, которые тогда казались неоправданно амбициозными, Глава государства вел политику единства. Во главу угла всех задач он поставил цель – народ должен быть единым. Разрозненный, ослабевший из-за внутренних междоусобиц народ становится легкой добычей чужаков, в истории тому много примеров. Наш Президент сумел не только объединить свой народ, в котором представители десятков национальностей, конфессий, но и повести за собой. Люди поверили ему и не ошиблись в своем выборе.

– Нашего Президента уважают в мировом сообществе. За короткий срок Казахстан занял достойное место на политической арене. В чем Вы видите фактор, определивший успех?

– Как я уже говорил, наш Президент – феномен. В чем же это заключается? Во-первых, сумев объединить под единым флагом свой народ, он подал пример удивительной толерантности всему миру.

К примеру, Съезд мировых религий, который ежегодно проходит в столице, по инициативе Главы государства – это тоже феномен. Никогда прежде в истории ни одному правителю не удавалось усадить столь разных представителей религиозных конфессий за один стол. Никогда прежде они – все разные по вере, взглядам не вели столь конструктивный диалог.

А председательствование в ОБСЕ? Сам факт того, что азиатское государство Казахстан не только успешно возглавил европейскую организацию, но с не меньшим успехом провел саммит, говорит о многом. К тому же, по итогам саммита, как известно, была принята Астанинская Декларация.

Авторитет и уважение в мировом сообществе не даются

просто так. И успех Назарбаева – это, прежде всего, его труд, его мудрость и дальновидность. Он умеет ставить высокие цели, и умеет их достигать.

– Политический мировой бомонд безоговорочно признает авторитет Главы государства. А простой народ искренне любит его. Как ему удастся сочетать в себе качества лидера, политика и в то же время оставаться для каждого казахстанца одним из своих?

– Представителей интеллигенции можно разделить на три вида. Первые – это выросшие в степи, впитавшие в себя аромат полыни настоящие представители своего народа. Вторые – это, так сказать, европеизированные городские интеллигенты. И третьи – это удачно сочетающие в себе качества истинных степняков и интеллигентов городских кварталов люди. Они понимают и аульного жителя, и горожанина. Я считаю, что наш Президент является лучшим представителем этого вида интеллигенции. Думы и чаяния любого казахстанца находят в его сердце отклик, он понимает и слышит каждого, независимо от принадлежности к нации, профессии, месту проживания. И люди не могут не чувствовать этого. Потому что все отражается в его политике. Возьмите хотя бы Стратегию – 2030, любую программу, даже последнюю программную статью, в каждом документе – заключения, сделанные на основе глубокого анализа. А анализировать без знания изнутри невозможно.

Я думаю, всенародная любовь и уважение нашего Президента – лучший индикатор его труда, его личности. Есть замечательные слова Вольтера: «Чтобы спасти государство, достаточно одного великого человека». Для Казахстана этим великим человеком, спасшим страну и ведущим ее по верному курсу успеха, стал Нурсултан Назарбаев.

– Благодарим вас за беседу и еще раз поздравляем с заслуженной наградой – Государственной премией в области литературы и искусства.

Зарина НОКРАБЕКОВА

БЕРЕГИТЕ ПТЕНЦОВ ЛАСТОЧКИ

– *Сабит Аймуханович, вы являетесь лауреатом Международной премии имени М. Шолохова, обладателем других литературных наград. Недавно Президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев своим указом наградил вас орденом «Парасат», который даётся не только за литературные, но и за общественные достижения.*

– Можно ли в XXI веке отгородиться от мира и той среды, в которой живёшь? Наверное, но вряд ли это возможно для писателя. Он пишет о том, что видит или представляет, и пишет для людей. Есть Всевышний, который нас создал и каждому определил свой путь. Не в достойной ли жизни через реализацию отмеренного Богом потенциала предназначение человека? Антуан де Сент-Экзюпери сказал: «Чтобы познать людей, надо их любить». А для человека, пишущего для народа, это означает быть с народом, быть сопричастным всему, что происходит в стране.

Поэтому у меня много официальных и неофициальных общественных обязанностей, но этот шлейф необременителен. Более того, он совпадает с моими внутренними устремлениями, интересами и профессией.

– *Как обычно складывается Ваш рабочий день?*

– Как у большинства пишущих людей, для творчества – тишь и покой ночи, а день – для всего остального. Так было, когда я работал, так складывается и сейчас, когда я официально на пенсии. Работаю по старинке: ручка и бумага, а с компьютером пока на «Вы». В последнее время пишу ежедневно, что бы ни произошло. Говорят, у Тура Хейердала во дворе были солнечные часы с надписью: «Честному человеку работать пора». Замыслов много, и времени катастрофически не хватает. Несколько лет назад был момент, когда по ряду обстоятельств я не садился за письменный стол больше месяца. Когда же взял ручку, понял, что мне трудно не только писать, но и держать её. С тех пор перерывов стараюсь не делать.

– Немецкий классик Готфрид Бенн в своей автобиографической прозе «Двойная жизнь» рассказывает, как он оберегал свою творческую жизнь от рутины быта. Возможна ли для художника, на ваш взгляд, иная ситуация?

– Человечество в своей сложной многовековой истории выработало понимание гармонии существования и ценностей жизни. Все наши деяния связаны с их постижением. Неслучайно народы создали, по сути, одинаковое мерило человеческих ценностей. И это наша нравственная основа, сила, которая даёт возможность не только существовать на этой Земле, не только не кануть в пропасть времени, но и подниматься по историческим ступеням. В кочевой цивилизации казахов, если вдруг менялись погодные условия, а в это время в жилище ласточки свивали гнёзда, заветы и традиции предков не позволяли трогаться с места, пока не оперятся птенцы. А если в юрту заползала змея, то убрать её можно было, лишь предварительно напоив молоком. Поэтому в моём понимании невероятно трудно разделить одно целое на какие-либо равноценные части, как невозможно из одного кристалла сделать два одинаковых по качеству и величине.

– Каков, на ваш взгляд, современный литературный процесс в Казахстане?

– Казахская литература вопреки всем кризисам, катаклизмам, государственным переменам была и остаётся мощной. Ни в какие лихие годы наша страна талантами не скудела – наоборот, наблюдался даже их всплеск. Однако, на мой взгляд, талантам труднее выстоять, выжить в сложные времена, поскольку, как правило, творческие люди – непрактичные, негибкие, не умеют приспособливаться к новым условиям. И от этого быстро угасают. К тому же скольким Ауэзовым, Мукановым, Мусреповым не дано было раскрыть себя, ибо им надо зарабатывать на хлеб насущный! Серьёзная литература не даёт сейчас возможности содержать семью. Тем не менее, продолжают творить и радовать наши классики, появилась молодая поросль. Есть и романисты, и новеллисты, и поэты. Стало больше проводиться встреч с читателями, да и читатели более активны...

– Назовите наиболее знаковые имена в казахстанской литературе.

– Я бы обособил имя нашей гордости, глыбы – Олжаса Сулейменова. Всё, что он пишет, и всё, что он сделал для казахстанской литературы и науки, уже заняло своё место в истории. Но Олжас ещё и выдающийся общественный деятель: достаточно лишь напомнить о возглавленном им движении «Невада–Семипалатинск», закрывшем ядерный полигон. С этого события современная история начала новый отсчёт времени.

– *Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств – участников СНГ выступил инициатором выпуска книжной серии «Классика литератур СНГ» в издательстве «Художественная литература». Серия вызвала широкий резонанс...*

– Это просто замечательная инициатива. Народы СНГ, а значит, и их литературы жили общими проблемами и проблемами, формировались на одной нравственной платформе. И разобщение никому не пошло на пользу. Так что – «Светлый путь!», как говорят казахи.

– *Казахстанский том «Льётся песня под домбру» недавно увидел свет. Бахыт Кенжеев, солидаризируясь с известным мнением Арсения Тарковского, считает, что фольклор должны переводить не поэты, а учёные. Как вы относитесь к этой точке зрения?*

– Здесь должен быть симбиоз. Если фольклор поэтический, то должен переводить поэт, а редактировать и рецензировать – учёный. При переводе важно выдерживать и тематическое соответствие, и стихотворную ритмику.

– *В каких литературных жанрах вы работаете?*

– Сразу после окончания факультета журналистики я стал работать на телевидении и в газете «Казахская литература», а потом – в публицистических и литературно-критических жанрах, хотя уже в школе писал небольшие рассказы. Постепенно пришло понимание неудовлетворённости, приведшее меня к созданию первой повести «Белая аруана». Я показал её корифею казахстанской литературы Сабиту Муканову и, получив его поддержку, почувствовал желание дальше писать повести, рассказы, а затем создал первый роман «Горная дорога». Потом были пьесы, и их поставили на центральных сценах Казахстана. Стихи я писал ещё с мо-

лодости, но не публиковал их. Так что у меня полное жанровое разнообразие, хотя, по-прежнему главным жанром в своём творчестве считаю роман.

– **Как эволюционировало ваше творчество?**

– С возрастом неудовлетворённость написанным заставляет более критически относиться ко всему вышедшему из-под пера. Ответственности больше, поэтому и правки больше. А по молодости всё, что написано, казалось шедевром. И здесь очень интересен преподанный мне моим учителем Сабитом Мукановым урок. Я написал небольшой рассказ и показал Сабиту-ага. Он попросил меня прочитать его вслух и, ничего не говоря о рассказе, пригласил в другую комнату выпить чаю. Мы сели за стол. Марьям-апай, супруга Сабита Муканова, подала мне пиалу с ароматным чаем. Вдруг Сабит-ага мне говорит: «Насыпь сахару!» По правде говоря, я вообще-то пью чай без сахара. Но Сабит Муканов для меня был почти что божеством, и я, не осмелившись перечить ему, молча насыпал ложку сахара. Сабит-ага, внимательно за мной наблюдая, попросил вновь: «Насыпь ещё!» Я подчинился. И вновь: «Насыпь ещё!» После четвёртой ложки я тихо зароптал, что уже и так слишком сладко. И тогда Сабит Муканов мне сказал: «Ты хорошо пишешь. У тебя богатый язык, причём глубинный, народный. Но когда нанизываешь одно слово на другое, надо знать меру. Вот сейчас ты не смог пить слишком сладкий чай. Во всём должна быть мера. И в языке тоже». Этот урок я запомнил на всю жизнь.

– **Сабит Аймуханович, каковы ваши ближайшие творческие планы?**

– Планов много. В голове сюжеты для двух пьес и новые линии романа. Вот только что отметил свой семидесятилетний юбилей, на котором встретился с друзьями из ближнего и дальнего зарубежья. Сразу возникло желание работать и работать. Как сказал великий Сенека: «Лучше не начинать, чем остановиться на полпути».

Беседу вела Елена ЗЕЙФЕРТ

«Литературная газета»

17-23.02.2010 год.

КУЛЬТУРА – ЭТО ПАСПОРТ НАЦИИ

«Мы можем быть депутатами парламента, но мы не можем быть людьми искусства. Поэтому мы должны ценить их и преклоняться перед талантами».
Ататюрк.

Сабит Досанов входит в когорту выводящихся писателей, чье имя известно далеко за пределами родной страны. Литература и общественная деятельность мастера слова отмечена множеством наград, званиями и почестями, а народные признания неоспоримо. Его перу принадлежит несколько десятков художественных произведений, среди которых широко известные «Горная дорога», «Вторая жизнь», повесть «Белая аруана», рассказы которые переведены на языки народов мира. Эпический роман «Двадцатый век», на создание которого ушло двадцать лет, являет собой художественную летопись прошедшего века. Уже сегодня самому трудоемкому детищу Досанова пророчат мировую славу. Однако, поводом для серьезного разговора стал предстоящий юбилей независимого Казахстана и оценка пережитых событий и явлений.

– Остались считанные дни до празднования 20-летия независимости Казахстана. На ваш взгляд, каков главный итог пройденного исторического пути?

– Независимость – это главное достояние нашей страны и главное счастье нашего народа. За короткий исторический срок страна прошла путь преобразований и достигла сказочных высот. Главное богатство нашего народа, как много раз говорил Президент РК Нурсултан Назарбаев, – это дружба и согласие народа. Без этого невозможно развиваться и идти вперед. На примере соседних стран мы наблюдаем, что в

процессе бесконечных разборок и переворотов, которые ничем нельзя оправдать, им некогда думать о жизни и творчестве. Нашей обязанностью является служение Родине. Надо быть патриотом. В связи с этим мне вспоминаются слова американского президента Теодора Рузвельта, который говорил: «Патриотизм означает поддержку своей страны». И я считаю, что каждый гражданин на своем посту должен поддержать свою страну.

– Конфуцию приписывают изречение, которое гласит: «Нет большего наказания для человека, чем жить в эпоху перемен». Так сложилось, что это время выпало на нашу долю. Так ли уж нам не повезло?

– Это не только трудное время, но и интересное, когда у каждого человека появилась возможность в полной мере трудиться, проявить себя, открыть свои таланты и способности. Выражаясь метафорически, независимость дала людям крылья. В советское время литераторам создавали условия, но была жестокая цензура. С обретением независимости писатели и поэты стали выражать свои мысли и взгляды свободно. Сегодня много говорят о застое в нашей литературе. Я совершенно с этим мнением не согласен. Здесь есть свои причины. Тираж книг сократился, самый большой две-три тысячи экземпляров, и те не доходят до читателей, особенно в глубинке, поэтому наших литераторов не знают.

– В каком случае какие имена бы вы выделили из этого ряда?

– На самом деле у нас появилось много хороших произведений. Например, недавно литературный журнал начал публикацию романа Мухтара Магауина «Чингисхан». Это многообещающий роман, потому что не только казахская, но и всемирная история связана с личностью Чингисхана. Положительный или отрицательный он герой – это тема для отдельной беседы, но из истории человечества не вычеркнуть личность великого правителя, совершившего массу исторических, эпохальных изменений в Европе и Азии. В этой связи мне вспоминаются слова Бисмарка, который сказал: «Глупые люди учатся на своих ошибках, а умные – на

чужих». Мы должны учиться на ошибках истории и личностях, ее созидавших.

На современную тему тоже появляется много произведений. Например, в жанре прозы заявлен ряд талантливых молодых писателей, среди них Аскар Алтай. Он создал несколько циклов рассказов в годы независимости и о независимости, о нашей жизни, наших достижениях, промахах. Кроме того, хочу отметить такого талантливого прозаика, как Нургали Ораз. Из старой гвардии я бы выделил народного писателя Кабдеша Жумадилова, Оразбека Сарсенбаева, Софы Сматаева, Турысбека Саукетаева, Камилу Каздабаеву, чьи произведения раскрывают проблематику современной жизни.

– *Скажите, что лично Вам, прославившемуся еще в эпоху социализма еще мог дать суверенитет Казахстан?*

– Лично мне в творческом плане независимость помогла раскрыться еще шире и глубже, что отразилось на моей плодотворной деятельности. За эти двадцать лет я создал пять романов, недавно вышел в свет четырехтомный роман – эпопея «Двадцатый век». В этом произведении я постарался через судьбу четырех поколений создать художественную летопись последнего столетия. Этой мой подарок к юбилею независимости Казахстана.

– *Сабит Аймуханович, вы не только плодотворный литератор, но и активный общественный деятель. Какую оценку вы дадите процессам, происходящим в последнее время в стране?*

– Надо отметить, что во всех сферах жизни страна переживает подъем: в сельском хозяйстве, производстве и др. Весьма кстати разработана инновационная программа по развитию промышленности и производства, ведь известно, что без сильной экономики не может быть успешного роста страны. В последнее время много внимания уделяется вопросам сельского хозяйства, и меня это очень радует. До сих пор аул не поднялся на ноги во весь рост. Образно говоря, государство – это большое дерево, аул – его корни. Без корней дерево сохнет, поэтому государство должно озаботиться проблемами села. Еще в XIX веке Жан Жак Рус-

со писал: «Единственное средство удержания государства – это сельское хозяйство. Обладай хоть всеми богатствами мира, но если ему станет нечем кормиться, то государство будет зависеть от других». Кстати, в своем Послании народу Казахстан Нурсултан Назарбаев данному вопросу уделяет большое внимание, и государство не жалеет средств на развитие села. Другое дело, что наши ненасытные местные чиновники неправильно используют эти средства, не все они доходят до села. Например, ситуация с программой по обеспечению населения чистой водой «Ак Булак». Из государственного бюджета на ее реализацию была выделена огромная сумма, а толку никакого.

Как писателя и гражданина нашей страны меня очень волнует ситуация с религиозными организациями. Сегодня это один из больных вопросов. В такой большой стране, как Китай, с населением в 1,5 млрд.чел. действует всего четыре религиозных направления. А на наши 16 млн. жителей приходится четыре тысячи разных религиозных организаций. Не секрет, что зарубежные идеологи на развитие экстремистских религиозных группировок в Казахстане выделяют гигантские суммы. Я хочу выразить свое недовольство в адрес наших религиозных деятелей, потому что у них нет заинтересованности в людях, в их чаяниях, а все их помысли обращены исключительно в сторону личного обогащения. Как-то я разговаривал с одной молодой казашкой, которая сменила свою мусульманскую веру на иную. Когда я у нее спросил, почему она так поступила, то получил неприятный ответ: «У меня была трудная ситуация, мне нужна была моральная поддержка, я пришла в мечеть. Со мной там не хотели разговаривать, лишь сказали, чтобы я бросила деньги в ящик для пожертвований, прочитала суру из Корана и шла восвояси. А в храме меня приняли с большим участием и вниманием. Помогли мне добрыми советами». Я считаю, что активизация религиозных экстремистских организаций произошла в результате плохой работы наших религиозных деятелей. Их всегда можно увидеть на различных тоях и мероприятиях рядом с начальством. На самом деле их место не возле чиновников, а среди на-

рода. В результате мы получили разного рода фанатиков и события, произошедшие в Актобе, Астане, Атырау, Тараз, Алматы. Уинстон Черчилль писал: «Фанатик – это человек, который не может изменить взгляд и не может переменить тему. Фанатик может получить временную победу, но последовательной победы он не может достичь». Думаю, что Закон о религии подлежит дополнительному пересмотру и исправлениям. Надо жестче относиться к разным религиозным объединениям, иначе это влечет за собой известную опасность для государства и души народа. Меня эта проблема очень волнует.

Наше государство поставило высокую цель – войти в число 50 ведущих стран. Для решения этой задачи у нас проводится серьезная работа в сфере экономики, производства, сельского хозяйства и т.д., но вместе с тем необходимо поднимать культуру, развивать духовные богатства, без которых нет всеобъемлющего развития, движения вперед к цивилизованному обществу. Мне нравятся слова Бориса Покровского, которые он произнес, когда Владимир Путин вручал ему Государственную премию: «Если не будет у нас достойного искусства – не будет и страны. Никакая экономика, никакая политика, ничто кроме подлинной культуры, не поднимет нам голову». Эти слова поддержал наш Президент. Жаль, что эти слова не доходят до чиновников местного и областного уровня. К большому сожалению, наши большие чиновники отошли от искусства, литературы.

– Так ли уже все чиновники безразличны к своей культуре?

– Есть чиновники, которые понимают важность литературы и искусства и всячески поддерживают, но их очень мало, можно по пальцам пересчитать. Наши интеллигенция неспроста уважает и любит Имангали Тасмаганбетова. На каком бы посту ни находился, он тесно общается с творческой элитой. У них он многое берет для собственного духовного развития, узнает о жизни народа, помогает талантливым деятелям культуры и искусства. Есть другой пример – Серик Умбетов. В бытность его Акимом Алматинской области за два года до празднования юбилея Мукагали Макатаева он

собрал своих заместителей и аксакалов и вместе они отправились на родину великого поэта в Карасаз. Там они посоветовались, и в результате из бюджета было выделено 800 млн. тенге, на которые сделали капитальный ремонт Музея Мукагали Макатаева, проложили хорошую дорогу да Карасаза, построили мавзолей матери поэта, создали великолепный парк имени Мукагали Макатаева, издали собрание сочинений поэта в нескольких томах. Эти деньги пошли на благо народа.

Или взять, к примеру, акима Западно – Казахстанской области Бахтыкожу Измухамбетова. В этом году я посетил Уральск, и был приятно удивлен новым обликом города. Вы знаете, город изменил свое культурное лицо. Его улицы увешаны портретами знаменитых казахских деятелей, поэтов, артистов, чего раньше не было.

– У нас есть хорошая традиция – отмечать юбилеи наших деятелей с торжеством, байгой, национальными играми. Имеет ли смысл расходовать немалые средства на эти праздники, когда в стране существует столько нерешенных проблем?

– Приведу один из свежих примеров. В Караганде недавно провели юбилей моего любимого поэта Касыма Аманжолова. В середине прошлого века я написал роман, посвященный его творчеству, под названием «Вторая жизнь». Я очень переживал, но напрасно опасался. Они не только достойно провели юбилей, но сделали много полезного для народа. Во – первых, проложили дорогу к аулу Касыма Аманжолова. Во – вторых, возвели памятник поэту десятиметровой высоты, выпустили четыре книги, два документальных фильма, посвященных Касыму Аманжолову. Все эти действия несут важную культурную и нравственную функцию в воспитании молодежи и обогащении духовной составляющей человека. Ведь, читая стихи Касыма Аманжолова, душа будто проходит путь очищения.

В этом отношении надо брать пример с нашего Президента, который всячески поддерживает деятелей культуры. И примеров тому масса, один из которых, когда Нурсултан

Абишевич лично вручил орден «Халык қаһарманы» Нургисе Тлендиеву.

– В «Двадцатом веке» главный положительный герой – бай. Еще двадцать лет тому назад таким героям давалась негативная оценка. Есть стойкое ощущение метаний из одной крайности в другую?

– Нет. В советское время я не писал о баях, потому что их всегда надо было преподносить с отрицательной точки зрения. На одном из собраний я спросил, почему русский барин всегда описывается умным, просвещенным человеком, а казахский бай – это нечто противоположение. Кто такой бай? Он имеет тучные стада домашнего скота, обладает большими богатствами, имеет несколько жен, многочисленное количество работников. Управлять всем этим хозяйством может только непростой человек, неглупый, дальновидный. Безусловно, со всеми недостатками, но определенно выдающийся в своей среде человек. То есть образ, абсолютно не совпадающий с тем, что нужно было писать. Раньше у меня была мечта создать образ настоящего казахского бая и через этот образ воспеть ум, доброту, мудрость. Я осуществил свою мечту через образ Нурдаулета – главного героя в моем романе.

У меня была еще одна мечта – создать образ казахской женщины, красавицы, умницы, образованной, просвещенной. В советской литературе даже наши классики в лучшем случае описывали хорошую хозяйку, супругу, которая немного владела некоторыми видами искусств, немного знала русский язык, имела право на редкие выезды в Петербург. На самом деле казахская женщина не была так ограничена. История знает великих казахских женщин – умных, мудрых, смелых, волевых. Я задался целью возвысить образ казахской женщины. И придумал Айжан – девушку – сироту, которую воспитывал Нурдаулет. Они полюбили друг друга. Айжан – выпускница Сорбонского университета в Париже, работала в Москве в отдела востоковедения Академии наук СССР, написала книгу «Солнце встает с востока», «Восток – Запад». Своими трудами она ломает западные стереотипы о том, что все цивилизации зарождались на Западе. Она

доказывает обратное на конкретных примерах и становится знаменитым ученым.

– Но ведь образ Айжан – собирательный. А были ли на самом деле такие женщины в казахской истории?

– Когда мой роман вышел, в Москве русские писатели задавали мне такой же вопрос о прототипах. Я им ответил, что конкретных фактов я не встречал, но у нас есть Улпанана, Домалак-ана, жены ханов, которые давали мудрые советы своим мужьям и, на самом деле, являлись тонкими политиками.

– В романе есть эпизод встречи главных героев в Сорбонне возле памятника Гомеру, о существовании которого Вы, работая над произведением, не знали. Как часто ваши творческие фантазии обретают реальность?

– Наверное, Бог нашептал. Когда меня пригласили в Сорбонну провести творческий вечер в главном корпусе, то я был сильно удивлен, увидев памятник Гомеру. Талант – это дар от Бога, который не каждому дается. Когда меня спрашивают, что нужно сделать, чтобы стать писателем, я всегда отвечаю, что самое главное – иметь талант от Бога. Если его нет, то никакая учеба и труд не помогут. Но даже таланта мало. Его надо развивать. Чтобы высоко летать, надо иметь два крыла: одно – это талант, другое – многократный труд. Ты можешь фантазировать. Но это должно быть в рамках жизненной истины. Читатель должен верить тебе. Основа любого произведения – это реалии жизни.

– Вы до сих пор соблюдаете правило Дюма – ни дня без строчки?

– Мое утро начинается с чтения газет и журналов. Порой я сам себя ругаю, потому что это занятие отнимает у меня золотое время. Много читаю нашу литературу, но в основном, ночью. Даже когда нет времени, пишу хотя бы несколько строк. Например, увидел на улице красавицу или человека с редким характерным качеством – обязательно сделаю портретную зарисовку. У меня катастрофически не хватает времени, день расписан буквально по минутам и предельно забит выступлениями на телевидении и радио, на творческих встречах и пр.

– Над чем вы сейчас работаете?

– В последние несколько месяцев я занимался доработкой романа, вот только принесли сигнальное издание. У меня есть идеи для нескольких романов, пьес на современную тему. В настоящее время я взял перерыв, при этом, есть текущие заказы статей для крупных изданий.

– Сегодня в литературе появилось много писателей, и не все они талантливы...

– Сейчас есть такие обозначения: писатель – любитель, писатель – партизан, писатель – пенсионер и т.д. Много разных книг выходит – время все расставит по своим местам. В истории все хорошее останется, а плохое забудется.

– Пока время все расставит по местам, мы ведь можем утратить себя как народ?

– Такая опасность тоже существует, поэтому мы должны бороться с этими «серым потоком». Государство должно дать дорогу хорошим издательствам, настоящим писателям платить достойные гонорары и создать при издательствах художественные советы. Вкус народа надо воспитывать на классике, на настоящем таланте. Культуру и экономику надо развивать одновременно, не разделяя их. Культура – это духовное богатство государства. В Сорбонне в числе изучаемых 80 языков мира есть казахский язык. Если не знаешь своей истории, то тебя ждет темное будущее.

Гульназ КЫДЫРОВА

«Страна и мир»

11.2011 год.

ЧЕЛОВЕК СИЛЕН ДРУЖБОЙ

Выступления в Университете Сорбонна.

*Уважаемый господин Ректор Жак Легран!
Уважаемые дамы и господа!*

Я очень рад встретиться с Вами и в этом историческом зале услышать Ваше мнение о моей книге, которой я придаю особое значение – «Белой аруане», вышедший на французском языке в Париже – столице древнейшей мировой культуры.

Для писателя появление новой книги можно сравнить с рождением ребенка и по физическим, душевным мукам. Казахи чтут национальные традиции, а по нашим обычаям, дорогу в жизнь новорожденному открывают аксакалы, чтобы у малыша был долгий и светлый путь. В сорок дней ребенку в доме собираются старики и шепчут ему в ухо пожелания. Так и я решил, что напутствовать моего «французского малыша» должны сами читатели – французы, знатоки, аксакалы мировой литературы. И они должны дать ему свою первую оценку, свои пожелания, свои наставления. А в качестве «коримдыка» («платы за смотрины») я считаю ваше теплое и дружеское обсуждение. Большое спасибо всем за высокую оценку моего труда, за конструктивные замечания, за добрые слова. Восточная мудрость гласит: «Кто смотрит лишь себе под ноги, то видит лишь дорожную пыль. Только тот, кто смотрит вокруг себя, видит мир».

Для меня сегодняшний разговор особенно значим еще и потому, что очень дорожу мнением каждого читателя, тем более, знатоков литературы, сидящих в этом зале.

Я всегда считал и считаю основой успеха для писателя чистоту душевных помыслов. В связи с этим, мне вспомнилась древняя казахская легенда.

Высоко в горах, труднодоступной простым смертным пещере в скале, среди темных замшелых камней и серой тусклости красок, растет дивный красоты цветок, прозрачно – нежные лепестки которого испускают небесные сияние. Запахи и нектар его обладают волшебными свойствами. Просветленный, богом избранный, святой человек, испив чудесный нектар и вздохнув благоухающий аромат, становится обладателям божественного дара Слова.

Простой же смертный, душа которого омрачена хотя бы лишь одним пятнышком темных мыслей или дел, приближаясь к цветку, не может видеть сияющего нимба над ним, а тяжесть темной отрицательной человеческой ауры так воздействует на нектар цветка, что тот превращается в ядовитый сок, покрывающий кровотокащими незаживающими волдырями ладони.

Поэтому никто не смеет приближаться к цветку, если не уверен в чистоте своей души. Поэтому божественный дар Слова доступен лишь избранным особо чистым, светлым душой людям.

Но этот дар может и покинуть Поэта, если дальнейший его жизненный путь не будет праведным. Если же свою жизнь Поэт будет лелеять и беречь свою душу, не запятнав ее ничем, Бог дарует Поэту бессмертие...

Наш народ всегда уважал и высоко чтит своих талантов, признавая за ними особый божественный дар. Это притчу усвоил и я в детстве, слушая рассказы старших об известных степных Поэтах. Казахи, народ, который всегда понимал слово, а степные акыны и мудрецы Бии словом могли останавливать многие распри и вражду. И казахская литература поэтому – одна из богатейших мировых кладезей мудрости и назидания.

Во вторых половине прошлого века Робер Андре писал: «Я рад, что казахское произведение «Юность Абая» Мухтара Ауэзова, а так же стихи Олжаса Сулейменова были переведены на французский язык. Сегодня счастлив тем, что вслед за этими титанами казахской литературы вышла моя «Белая аруана». Этому событию способствовало раз-

витие дружеских связей между Казахстаном и Францией, миролюбивый дух наших народов. Здесь уместно отметить особые заслуги представителя РК при ЮНЕСКО О.О. Сулейменова. О.О. Сулейменов не только опытный дипломат, много сделавший для укрепления культурных связей, но и выдающийся поэт с мировым именем. Очень благодарен я господину Ректору Жаку Леграну, моему переводчику Анри Аврилю, и господину Фишлеру, автору предисловия к моей книге, а также присутствующим здесь студентам, преподавателям и представителям прессы.

Птица высоко летит благодаря крыльям, человек же силен дружбой. Великий Наполеон сказал: «Во французском языке нет слова – невозможно!» Перефразируя великого француза, хочу сказать: «Нет невозможного для наших народов – казахов и французов, когда между нами дружба».

Спасибо Вам за ваши гостеприимство, поддержку и доброту.

Низкий поклон великому французскому народу!

*Париж.
2007 год.*

ЛУЧШЕ ГОРЬКАЯ ПРАВДА, ЧЕМ СЛАДКАЯ ЛОЖЬ

«Вы все меня знаете. Я суровый критик, причем я строг не только по отношению к другим, но и к себе. Сейчас проводится много презентаций новых книг, юбилеев писателей, а настоящей литературы нет. Поэтому я с большим сомнением читал роман Сабита Досанова «Двадцатый век» – так на прошедшей международной конференции в Москве начал свою речь знаменитый и уважаемый критик Феликс Кузнецов. Внутри Сабита Аймухановича будто клокотал вулкан. Тон, которым были произнесены эти слова, показался ему суровым. Досанов ожидал, что на его голову выльется ушат ледяной критики. «Но «Двадцатый век» относится именно к настоящей литературе», – уже мягко закончил Кузнецов.

Сердце Сабита Аймухановича не знало покоя в течение двадцати лет, в последнее время долгие бессонные ночи и муки творчества стали его верными спутниками. Сейчас в романе «Двадцатый век» поставлена точка: Досанов завершил работу над последним, четвертым, томом своей книги. В этом произведении Досанов через преемственность поколений хотел показать основные этапы двадцатого века, его темные и светлые стороны. Сейчас вышло уже три тома, четвертый находится в процессе производства. Перевод второго тома осуществил Владимир Мирнев. Предисловие к первому тому написал мэтр русской словесности Михаил Алексеев, ко второму – классик современной русской литературы, главный редактор «Литературной газеты» Юрий Поляков.

– Это была очень кропотливая, трудная работа. Можно сказать, что после создания этого романа я даже постарел, – признается Сабит Аймуханович.

– У вашего учителя Михаила Шолохова главной книгой жизни стал «Тихий Дон». Можно ли сказать то же самое о вашем романе «Двадцатый век»?

– Да. К созданию самой главной книги в своей жизни я шел около двадцати лет. У меня выходило много книг, в числе которых «Белая аруана», роман «Горная дорога», «Вторая жизнь». Я давно мечтал создать художественную летопись прошедшего столетия через судьбы нескольких поколений одной семьи. Наши отечественные писатели в своих творениях рассказали о казахских ханах и батырах, в том числе об Абылай хане, Кабанбае и Богенбае батырах, а я захотел поведать о судьбе народа. Я долго работал в архивах, искал нужные материалы, а потом сел писать. Новаторство романа в том, что я сделал попытку показать отношения Казахстана и России с другой точки зрения. Конечно, с великим русским народом нас связывает одна судьба. Но в царские времена между нами складывались сложные отношения. Я хотел рассказать истину, поскольку считаю, что «Лучше горькая правда, чем сладкая ложь». Первый том романа дает оценку столыпинской реформе, в нем рассказывается о том, как одним росчерком пера царя все казахские земли вошли в распоряжение империи, и тысячи русских крестьян переселялись на лучшие казахские пастбища. В архиве я нашел интересный факт: оказывается еще Бахытжан Каратаев, избранный депутатом Государственной думы, критиковал царское правительство за вытеснение коренного населения в полупустыни. А Владимир Ильич Ленин не только цитировал, но и поддержал его выступление.

– О чем Вы мечтали, когда работали над этим фундаментальным произведением?

– Создать положительный образ казахского бая. Ведь, по сути, кто такой бай? Это человек, владеющий несколькими сотнями голов скота, распоряжающийся огромным хозяйством. А взять на себя такую ответственность может только человек, обладающий интеллектом. Эту мысль я показал на примере главного героя – бая Нурдаулета. Он был царским полковником, глубоко образованным человеком, владел не

только русским, но и иностранными языками, являлся представителем конституционно – демократической партии. Но когда Нурдаулет понял сущность столыпинской реформы, он отошел от царской политики и встал на защиту своего народу.

Таинственное совпадение

– Личная жизнь бая Нурдаулета не сложилось. В тридцать лет пришла настоящая любовь к сироте Айжан. Но обстоятельства разлучили их, и девушка пожертвовала своим личным счастьем ради сохранения жизни своего возлюбленного Нурдаулета. Потом молодые люди снова случайно увиделись в Сорбонском университете. Кстати, в своей книге я описал Сорбонну, учитывая тот факт, что до выхода романа не бывал там. Я указал, что мои герои встретились у памятника Гомеру. Два года назад я провел в Сорбонне творческий вечер, был удивлен, когда увидел, что памятник Гомеру на самом деле находится в описанном мной месте.

Казахская красавица

– В своей работе я пытался создать собирательный образ казахской женщины. Моей мечтой было показать красивую умную девушку. Ею как раз и стал возлюбленная Нурдаулета – Айжан. Она еще в начале XX века окончила университет в Сорбонне, владела французским, работала в Академии наук СССР, в отделе востоковедения, пишет замечательную книгу «Солнце встает с востока», «Восток и Запад». В книге есть эпизод, когда профессора Бекмаханова, создавшего книгу о хане Кенесары, обвиняют в национализме. На его защиту и встала Айжан, и ее арестовали. Русские коллеги спросили меня: действительно ли такая женщина начала XX века могла владеть французским языком? И тогда я ответил, что у моей героини есть прототип: некоторые казахские представительницы прекрасного пола действительно знали иностранные языки и оканчивали престижные институты.

– **В чем состоит новаторство «Двадцатого века»?**

– Я думаю, что каждым произведением должно проявляться писательское новаторство. Я стремился к этому с молодости, меня не привлекает стандартное произведение. В 25 лет я написал свою повесть «Белая аруана», где постарался показать чувства и судьбы людей глазами животного. В «Двадцатом веке» я придумал своеобразный символ – Белоголового орла Акбаса. Когда в романе описывается судьбоносная история, я показывал ее через чувства и восприятие этой благородной птицы. Это символический образ, дух казахского народа. Орел становится свидетелем многих исторических этапов, например, освоения целинных земель или джута. Наряду с остальными персонажами Белоголовый орел – один из главных героев этой эпопеи. Многие известные писатели, в том числе Азилхан Нуршаихов, Оразбек Сарсенбаев, Аскар Алтай, Серик Кирабаев, отметили, что это новаторство.

– **Какие проблемные вопросы вы затрагиваете в финальной части романа?**

– В четвертом томе я поднимаю проблемы нравственности, села, культуры. Образно можно сказать, что когда умирает село – погибает и государство. Государство – это большое дерево, село – его корни. Без корней дерево просто не существует. В моей книге есть глава под названием «Контрасты». Живут два друга, которые когда-то вместе учились. Один в силу сложившихся обстоятельств стал бомжем, другой ступил на путь большого бизнеса. В моей книге показан контраст между самыми низшими и высшими слоями общества.

– **И напоследок традиционный вопрос: Ваши творческие планы?**

– Теперь, когда я завершил свой двадцатилетний труд, у меня много планов. Во-первых, хочу немножко отдохнуть, буду ждать откликов читателей и отзывов литераторов на мою книгу. В планах – продолжить работу над эпопеей: я сокращу некоторые ее главы, другие перепишу. Если можно так сказать, публицистика, журналистика – это легкая каван

лерия, а большая проза – тяжелая артиллерия. В последнее время «артиллерия» пока молчит, а я хочу, чтобы она заговорила. Поэтому я мечтаю написать роман на современную тему, который бы охватывал наши времена. Ведь в современном обществе существует много проблем: экономических, политических, нравственных. Я хочу остановиться именно на вопросах культуры и литературы.

– В Казахстане до сих пор не решена проблема достойного гонорара за труд писателя. Можно сказать, это несоблюдение конституционного права человека. Например, за один роман могут заплатить около 150-200 тысяч тенге. Разве это гонорар? Произведения издаются за счет писателя. В советские времена мой первый роман «Горная дорога» вышел тиражом 100 000 экземпляров, которые сразу же разошлись. Сейчас романы появляются на свет в количестве, не превышающем 2000 – 3000 книг. Раньше нам не давала говорить цензура. Когда она исчезла, мы вздохнули с облегчением, но наша радость оказалось не долгой. На смену цензуре пришла другая важная проблема. Сейчас практически никто не занимается пропагандой казахской литературы, и поэтому мы не можем выйти на российский рынок. Я читал, что книжный бизнес занимает в России второе место после продажи водки. Рынок завоевала российская литература. К тому же очень сложно в наше время найти хорошего переводчика, поскольку многие из них уехали из страны.

Агент 007

– Также проблема состоит в том, что у нас в стране нет литературных агентов. За рубежом этот вид деятельности получил широкое распространения, и произведения лучших мастеров пера агенты пробивают на мировой рынок. К примеру, взять бразильского писателя Пауло Коэльо. Еще до того как Коэльо заявил о своем намерении писать роман о Казахстане, около 200 издательств различных стран мира заключили с ним договор о выпуске книги «Заир».

А самое главное, у нас загрязнена экология человеческой души. Люди прекратили читать книги. А ведь Жан Жак Рус-

со сказал: «Когда люди перестают читать, они перестают думать». К сожалению, после развала, Советского Союза мы потеряли большую армию читателей, теперь они превратились в зрителей.

В конце нашей беседы Сабит Досанов поведал историю о великом Бальзаке. Рассказывали, что однажды недруги классика подослали к нему на творческую встречу рабочих. Те начали рассказывать ему о своем тяжелом положении и говорить, что ему, белоручке – писателю, никогда их не понять. Тогда Бальзак показал возмущенным свои руки, которыми были созданы сотни гениальных произведений. Они не отличались от рук рабочих. Ведь тяжелый труд писателя сравним с трудом обычного работяги. Труд у Досанова тяжелый, кропотливый, а результат работы – ювелирное писательское изделие. Как точнее сказал Владимир Мирнев: «Двадцатый век» – это эпическое полотно, своего рода поэма в прозе».

Ольга ХРАБРЫХ
«Экспресс-К»

МОЙ «ДВАДЦАТЫЙ ВЕК»

Поводом для очередной встречи с Сабитом Досановым, лауреатом Международной премии имени М.Шолохова, заслуженным деятелем РК, академиком Российской академии педагогических и социальных наук и Академии российской литературы, профессором – не только награждение казахского писателя российским орденом Г.Р. Державина, но и завершение им работы над романом-эпопеей «Двадцатый век».

– Сабит Аймуханович, казахские СМИ не оставляют без внимания как ваши публикации на родине, как и многочисленные переводы на русский и другие языки. Кстати, известный французский публицист Альберт Фишлер, еще десять лет назад, во время нашей долгой беседы в посольстве Казахстана в Париже, высоко оценил Ваше творчество (цитирую статью в нашей газете): «Это великолепная повесть («Белая аруана») не может оставить французского читателя равнодушным. Сабит Досанов является чутким рассказчиком и внимательным художником, показывающим прошлое, настоящее и будущее». И вот на склоне лет Вы – признанный мэтр отечественной словесности, совершаете довольно рискованный шаг, на который решаются немного мастера пера. Да и название романа-эпопеи обязывает ко многому – «Двадцатый век»...

– Многие, между прочим, так и думают, что работа над «Двадцатым веком» длилась всего-навсего три-четыре года, что роман возник как бы внезапно, словно по мановению волшебной палочки. Наверное, нужно чтобы восторжествовала, как говорит мой старший друг Юрий Бондарев, «истина совести и правды», познакомить моих читателей с историей создания романа. Его первый том вышел более десяти лет назад, благодаря поддержке директора издательства «Санат» Серики Абдраимова. Тонкий знаток казахской

словесности, Серик Абдраимов очень хорошо отнесся к тексту, но в рукописи—тридцать печатных листов: неподъемно. Мне пришлось собственными руками, сквозь слезы, сокращать роман.

Семь печатных листов остались на письменном столе. Честно признаюсь: спешил, тема крупная, очень серьезная, носилась в воздухе. Стремился побыстрее «застолбить», чтобы другие коллеги не перехватили.

– Значит, торопились и успели... а проза от скоростного режима работы не пострадала?

– Да, первый том, как вы говорите, рискованная затея... Я сам, не дожидаясь критических стрел и ударов, безжалостно и полностью забраковал этот начальный вариант. Написал заново. К тому времени полтора десятилетия не вылезал из архивов, дотошно расспрашивал сверстников, аксакалов, историков. Жил многими узловыми событиями прошедшего столетия. И, наконец, понял, что к самому крупному в моей творческой биографии сочинению меня призывают три мечты, три сильнейших желания.

– К счастью, имелись и ориентиры великой мощности: «Война и мир», «Тихий Дон», «Путь Абая»...

– Конечно, это так, но ведь без самостоятельного взгляда на мир, без собственного отношения к жизни и литературе, никакие ориентиры помочь не в состоянии. Решение создать эпическое произведение пришло лишь после того, как были написаны романы «Горная дорога» (там главные герои – певица и художник) и «Вторая жизнь» (в центре повествования – выдающийся казахский поэт Касым Аманжолов). Вот первая мечта – роман-эпопея. Но в романе такого размаха не обойтись без героя, человека неординарного. Неспроста в последнее десятилетия казахская проза все чаще «приглашает» то в повесть, то в роман крупные исторические фигуры, героев переломных эпох. Аблайхан и Кабанбай-батыр, по праву, потеснили передовичков социалистического соревнования.

Так оформилась вторая мечта: мне стало понятно – нужен положительный образ бая: пора покончить с коллектив-

но-негативным портретом хозяина казахской степи. Мой Нурдаулет – умница, тонкий политик. Прекрасный знаток и ценитель литературы, полковник царской армии, депутат Государственной думы, близкий друг деятелей «Алаша», человек высокой духовности, по зову сердца совершивший хадж.

– В романе-эпопее обязательна трагическая составляющая...

– Разумеется, у меня и в мыслях не было, как пишет Пушкин, нарочно «подмешать в поэтический бокал» побольше трагического, выжать слезу из читателя. Сама логика событий не позволила обойти трагические события в жизни моих героев. Так мы подошли к моей третьей мечте – об образе казахской женщины. Айжан росла сиротой, после встречи с нею Нурдалет страстно влюбился, но бай Бектас (такие характеры наши классики передали правильно) украл девушку; ее насильно выдали замуж. С тяжелым сердцем писал я сцену, когда избитого до полусмерти Нурдаулета, пытавшегося спасти Айжан, приволокли к ней и сказали, что прикончат, если она не останется с насильником.

– И она осталась, не вырвалась из байского плена?

– Вырвалась. Нурдаулет искал любимую повсюду: от Омска до Москвы. А встретились они в Париже, куда мой герой приехал на съезд социал-демократов, на лестнице Сорбонского университета, около бюста Гомера. Должен сказать, что о Гомере в Сорбонне я писал наугад, фантазировал. И только, когда два года назад в Сорбонне состоялся мой творческий вечер и прошла презентация книги: «Белая аруана» на французском языке, только тогда довелось воочию увидеть Сорбонского Гомера. Однако великий поэт сидел в кресле, как Вольтер, изваянный знаменитым скульптором Гудоном.

– Давайте вернемся к Айжан. Как сложилась судьба вашей героини?

– Айжан арестовали, она побывала в сибирской ссылке. И все же несгибаемый характер помог ей преодолеть злые превратности судьбы. Она стала замечательным историком,

автором книг «Солнце встает с востока», «Восток и Запад», работала в Московском институте востоковедения. У моей Айжан, исполнившей свое жизненное предназначение, была справедливая цель. Немало страниц романа отдано бурной полемике середины прошлого века, в центре которой судьба и личность хана Кенесары. Читатель встретится с малоизвестными обстоятельствами того непростого времени.

– Немало страниц вы посвятили и столыпинской реформе начала прошлого века.

– Да, тогда плодороднейшие степные земли были объявлены собственностью Российской империи... Тот же Нурдаулет превратился в бедняка. Не могло не порадовать, что русские читатели с добрым пониманием отнеслись к этим правдивым страницам. К примеру, Феликс Кузнецов, когда первый том «Двадцатого века» пять лет назад обсуждался в Москве на Международной конференции, посвященной моему роману, признался, что приступил к чтению с сомнением: ведь роман начинается с обсуждения русского вторжения в казахские земли. Но автора, по мнению Кузнецова, нельзя упрекнуть в искажении исторической истины. Покоряет размах, психологизм. Убеждает еще и то, как он заметил, что «Сабит Досанов не сторонник одной краски: черной или белой».

– Обсуждался, как мы знаем, русский перевод первого тома. Известно, что вы очень требовательно относитесь к тому, как преобразуется Ваша проза в переводе на русский язык. Как строились Ваши отношения с переводом?

– Мне повезло необычайно. Юрий Владимирович Антропов, сам родом из Восточного Казахстана, к работе подошел с невероятной ответственностью. Составил подробнейший – на сорока страницах – конспект подстрочника. Спорили мы до хрипоты, обговаривали каждое слово. Строгий к слову мастер не скупился на резкие реплики в мой адрес. Я не отставал. Страсти кипели, слава богу, мирила нас жена Юрия Владимировича. Результат – замечательный. Я очень

доволен. К моей великой печали, Антропову не довелось перевести для русского читателя весь роман: Юрия Владимирович не стало, когда он только-только начал работу над вторым томом. На конференцию по моему приглашению пришли и жена, и сыновья Юрия Владимирович.

– *Работа над переводом сейчас продолжается...*

– Истинно так. Феликс Феодосьевич, по-отечески, близко к сердцу, принимающий судьбу русского перевода, предложил в переводчики Владимира Личутина, прекрасного прозаика, с превосходным пониманием глубин народного речевого строя, с чувством языка, но пришлось бы подождать полтора-два года. Окончательный выбор – по рекомендации Кузнецова – пал на Владимира Мирнева. Не сомневаюсь, что ему, хорошему прозаику, удастся завершить огромный труд, столь успешно начатый моим дорогим другом Юрием Владимировичем Антроповым.

– *К Вашей первой книге написал предисловие Сейтжан Омаров. Сабит Муканов писал, что Ваше изображение отчего края волнует читателей. Так что, Вы в орбите читательского и писательского, пусть временами и неблагосклонно пристрастного, внимания...*

– Понимаю, что Вы имеете ввиду и продолжу: очень тепло отзывался о моих книгах Мухамеджан Каратев. Мне дорого одобрение аксакалов – Серика Кирабаева, Азильхана Нуршаихова, лауреата Государственной премии Оразбека Сарсенбаева. Да и молодежь читает меня внимательно, как и я стараюсь не пропускать произведения современных казахских прозаиков – Куандыка Туменбая, Аскара Алтая, Нургали Ораза, Айгуль Кемельбаевой, лауреата премии «Алаш» Несипека Даутаева, Магиры Кожакметовой, Жаната Ахмади...

– *Замечательно. Кстати, молодежь вас не только читает. Но и издает: последние тома вышли благодаря попечению Аскара Алтая. Но это к слову. Итак, теперь, когда Вы закончили роман-эпопею, каковы Ваши дальнейшие творческие планы?*

– Поставив последнюю точку в романе, я принял решение: подождать откликов читателей, критиков, писателей. Не меньше шести месяцев буду читать и перечитывать не только отзывы, но и собственный текст. Исправлять, дополнять что-то, скорее всего, перепишу. Знаете, за свою долгую жизнь в литературе, как вам известно, до моего семидесятилетнего юбилея осталось всего ничего, я неоднократно сталкивался с непониманием, даже с откровенным недоброжелательством. Проницательных и взыскательных суждений было куда меньше. Меня это обстоятельство никогда не смущало, не отнимало веры в свое предназначение. Наоборот. Как писал Константин Федин, «ветер гасит искру, а костер горит сильнее и ярче». Справедливые слова. Я продолжаю работать, соблюдая правило: «Ни дня без строчки».

Константин Кешин
«Казахстанская правда»
28.03.2009 год.

СЧАСТЬЕ – ЭТО КОГДА НЕТ НЕСЧАСТЬЯ

К сожалению, время от времени мир облетают печальные вести об очередных крушениях авиалайнеров, и человечество скорбит о новых многочисленных жертвах. В редких случаях кому-то из пострадавших удается выжить. Одним из таких счастливиц является писатель Сабит Досанов, заслуженный деятель Республики Казахстан, лауреат Международной премии им. М.Шолохова. Он – пассажир самолета Ил-18, потерпевшего крушение в Алма-Атинском аэропорту 4 января 1965 года. Из 95 пассажиров выжили 33, из 8 членов экипажа погибли 3.

– Сабит Аймуханович, в минувшем веке вам посчастливилось выжить в авиакатастрофе. Расскажите, как произошла эта трагедия, как вы стали пассажиром рокового рейса?

– Третьего января из Усть-Каменогорска я прибыл в аэропорт Семипалатинска. Мне, как и сотням пассажиров, буквально оккупировавших аэропорт и штурмовавших кассы, нужно было срочно возвращаться в Алма-Ату. Представьте себе, позади праздничные дни, завтра на работу, а билетов нет, хаос, шум-гам. В тот момент я был очень рад, что попасть на борт самолета Ил-18 мне помог мой дядя, занимавший высокий пост. Он тоже летел в столицу и посадки мы ждали в депутатской комнате. Элитных пассажиров на борту собралось много. Это был рейс №101 Москва – Омск – Семипалатинск – Алма-Ата. Кстати, по метеоусловиям вылет на пару часов откладывался, а когда мы наконец-то оказались в салоне самолета, там тоже случились какие-то разборки, члены экипажа со скандалом пытались кого-то высадить. Нам с дядей достались места в хвостовой части. Затем самолет поднялся. Все вроде шло, как надо, но затем катастрофическую роль сыграл туман. Экипаж отчаянно

совершил несколько попыток посадить лайнер, но ... Самолет начал разлетаться на части. Пассажиры взлетели вверх, как пробки шампанского, на высоту 3-4-этажного дома. От удара о землю я потерял сознание. Придя в себя, сразу начал звать дядю, но он не откликнулся. Темнота, дым, копоть, стоны, холод. Вдруг я заметил, что совсем близко от меня горит бак, интуитивно я осознал, что нужно бежать. Несмотря на резкую боль, я был уверен в своих силах, я был крепким спортивным парнем, который не курил и не пил. Преодолевая слабость, я встал, но, сделав лишь один шаг, рухнул от боли в ногу и потерял сознание. У меня было сломано бедро, дышать мешали сильнейшие ушибы груди и, как выяснилось потом, перелом ключицы. Придя в себя, я мобилизовал все свои силы, чтобы отдалиться от этого бака. Через несколько минут я увидел, как он взметнулся вверх и взорвался, а его остатки догорали именно на том месте, где только что был я. Когда прибыли спасатели, я был контужен, я слышал их голоса: «Мертвый, и здесь мертвые...». Тогда я напряг все свои силы и пытался выкрикнуть: «Я живой!». Большая часть пассажиров погибла.

– ***Причиной авиакатастрофы стал злосчастный туман?***

– И ошибка экипажа. Хотя, как мне стало известно позже, диспетчер запрещал нашему экипажу посадку, давалось указание лететь в Караганду, затем речь шла о посадке на запасной аэродром. С нами на борту оказался опытный авторитетный летчик, управленец, который возвращался в Алма-Ату из служебной командировки. Он взял на себя управление самолетом, именно он совершил ошибки в пилотировании (самолет столкнулся с землей на скорости 300 километров в час – Ред.).

– ***Что тогда сообщали об авиакатастрофе СМИ?***

– Никакого шума в печати не было, во всяком случае, я никаких публикаций не читал, телепередач не видел. Время же было совсем другое.

– ***А какие были тогда компенсации пострадавшим в авиакатастрофе?***

– О чем вы говорите? Когда я больше месяца неподвижно лежал в травматологии на скелетном вытяжении с привязанными к ноге гирями, постоянно думал о погибших, осознавая, насколько милостива судьба ко мне. Дважды меня посетил один чиновник, приходивший по поручению Динмухамеда Ахмедовича Кунаева. Он как раз и заводил речь о компенсациях, но я ничего не просил. Выписался на костылях. Продолжал жить с семьей на съемной квартире. Тогда мой сосед посоветовал обратиться в райком партии с просьбой предоставить квартиру, что я и сделал. В итоге мне выделили двухкомнатную квартиру в 6-ом микрорайоне. Наша радость с женой была велика. Я был выпускником журфака, и ни у одного из моих сокурсников еще не было собственной квартиры.

– *Сабит Аймуханович, после пережитого вы боялись летать?*

– Нет. Не должно же такое горе дважды повториться с одним и тем же человеком. Я и по стране много летал, и в Москву, и за рубеж. Кстати, катастрофы преследовали меня и на земле, однажды в Москве я попал в серьезную дорожно-транспортную аварию.

– *А с братьями по несчастью не пытались встретиться?*

– Пытался, но не удалось. Было бы интересно узнать, как сложилась их жизнь. Мне же судьба подарила долгую интересную, плодотворную жизнь, преисполненную творчеством, поездками, встречами и дружбой с замечательными людьми.

– *Вы в своих произведениях описывали случившееся?*

– Нет.

– *Что вы испытываете, когда слышите о новых авиакатастрофах?*

– Сильнейшую боль за погибших, за их близких. Очень переживал за хоккеиста Александра Галимова, который, как и я, сумел самостоятельно выбраться из огня. Как жаль, что не удалось спасти его. Всегда жду сообщений об информации с черных ящиков. Самое обидное, когда говорят, что

была какая-то неисправность. Самолеты – это лишь металл, их нужно чаще обновлять, ведь главный капитал любой страны – это люди...

КОММЕНТАРИЙ СПЕЦИАЛИСТА

Вспомнить о данном авиационном происшествии мы попросили ветерана аэрофлота пилота первого класса Наиля Ваккасовича СЕЙФУЛЛИНА, который в те годы летал на Ил-18 пилотом-инструктором:

– Командиром экипажа Ил-18 был опытный: пилот Артамонов, проверяющим – Азаков. Азаков сидел в правом кресле, Артамонов – в левом. Они вместе управляли воздушным судном, в сложившейся ситуации они выходили на посадку в автоматическом режиме. На высоте 60 метров автоматический режим должен был быть выключен, от одного из них должна была прозвучать команда «Беру управление на себя». Но этого не произошло, пилоты так и не решились между собой, кто будет главным.

Долгие годы результаты расследования были секретной информацией. Азаков и Артамонов были осуждены на 10 лет лишения свободы. Тем не менее, в те годы на подготовку летного состава выделялось больше средств, чем сейчас. Мы постоянно совершали тренировочные полеты, поквартально тренировались на тренажерах. А сегодня частные компании избегают таких затрат, поэтому уровень подготовки летного состава страдает.

СПРАВКА «НОВОЙ» – КАЗАХСТАН»

Сабит Досанов начал писать очень рано, еще учась в школе. Это были 50-е годы, тогда его стихи, рассказы, заметки печатались в районных, областных, республиканских газетах и журналах. Сабитом Досановым создано несколько десятков художественных произведений, среди которых широко известные романы «Горная дорога», «Вторая жизнь», повесть «Белая аруана», переведенные на многие языки и

изданные отдельными книгами в Москве в 1981, 1988, 1999, 2000 годах. Перу писателя также принадлежит документальная проза: «Судьба страждущей земли» (1978 г.), «Весна 1985-го» (1989 г.), «Не заблуждайтесь, Люди!» «Кимберлит с ароматом полыни» (1999 г.), «Тотем под чадрой» (2002 г.); сборник стихов «Казагым-ау, кайда кетип барасын?» («Куда идете, казахи?») (1994 г.); монографии «Свежие следы» (1976 г.), «Кладезь» (1987 г.), «Не гаси сердца огонь» (1989 г.). С.Досанов талантливый драматург, автор пьес «Циклон», «Завтра бюро», «Круги ада». Его пьесы с успехом поставлены на сценах Казахского государственного академического театра имени М.Ауэзова, тепло приняты зрителями Семипалатинского, Таразского, Аркалыкского, Жезказганского, Атырауского театров.

Слова классиков о Сабите Досанове:

Сабит Муканов: *«Рисую отчий край верблюдицы, ее любовь к верблюжонку, Сабит волнует чувства читателей и даже невольно вызывает у них слезы на глазах».*

Юрий Бондарев: *«Обладая талантом сильным, добрым и редким по зоркой остроте и живописности, Досанов проникает в исторические лабиринты жизни своего народа, его чаяний и ожиданий».*

Олжас Сулейменов: *«Резкий поворот истории в начале 90-х XX века задул, погасил огоньки многих дарований. Продолжают светить единицы. Сохранил свой огонь-свет и Сабит Досанов. На фоне темноты, образованной сотнями погасших, его книги, новые книги набирают световую силу».*

ПРЕДТЕЧА

*Может показаться удивительным,
что великие
мысли чаще встречаются в произведениях
поэтов, чем в трудах
философов.
ДЕКАРТ*

В давние времена какой-то правитель, беседуя с глазу на глаз с тайным соглядатаем, вернувшимся из соседнего враждебного государства, спросил у него:

– Сколько войска у соседей?

– Сто тысяч, – ответил соглядатай.

– Ерунда, у меня семьсот тысяч воинов.

– Вы просили узнать и об акынах...

– Да, сколько у соседей акынов, стихи которых знают наизусть в народе?

– Их семь. – Тогда такое государство невозможно завоевать! – воскликнул правитель.

– Почему же? – удивился соглядатай.

– Семь акынов – это семь морей, семь гор... Разве можно переплыть семь морей и перевалить за семь гор? Когда семеро бросят клич с семи сторон, народ взбурлит и вспенится подобно морю, то встанет неприступными горными вершинами. Я отказываюсь от своих помыслов...

У нас много хороших поэтов, но мало ярких талантов, смогших подняться на орбиту славы с космической энергией и с космической стремительностью. Олжас Сулейменов, посвятивший первую поэму «Земля, поклонись человеку!» Ю.А. Гагарину – гениальному подвигу человечества, особо выделяется мощью природного таланта и величиим гражданского облика. Знаменитая поэма начинается следующими словами:

...Разгадай:

Почему люди тянутся к звездам!

*Почему в наших песнях
Герой – это сокол!
Почему все прекрасное,
Что он создал,
Человек, помолчав.
Называет – Высоким!*

Эти строки полны мощной взрывной силой, kloкочущей неуемной энергией. «Без открытий, без удивления нет искусства» – пишет Георгий Марков. Подтверждением этого является вулканоподобный талант Олжаса Сулейменова и поэма «Земля, поклонись человеку!», рожденная им. Неповторимых личностей порождает само время. Олжас Сулейменов – Личность, которую явила в жизнь наша эпоха.

В эпоху, когда жизнь настолько разнообразна, ускорена и противоречива, трудно сделать исторические открытия или поразить своих современников ярким произведением. Для этого ты должен быть особо одаренным человеком, всесторонне образованным и тонко чувствующим биение времени. Жизнь, тем не менее, дарит нам таких людей! Удивительно пророческий и до конца с нами не осознанный смысл таят в себе слова Стефана Цвейга, утверждающего: «Открытие Востока – последний из трех этапов грандиозного расширения европейского кругозора. Первым радостным потрясением для европейского духа было открытие античности собственного великого прошлого. Вторым событием такого рода – оно почти совпало с первым – явилось открытие будущего – в океане, который дотолде почитался бесконечным, всплыл на поверхность целый континент Америка. Горизонт отодвинулся в необозримую даль, в неведомые страны, причудливые растения возбуждали проснувшуюся фантазию, наполняя европейский дух новыми замыслами и безграничными дерзаниями. Третье, самое недавнее открытие – трудно даже понять, почему оно свершилось так поздно, – это открытие Востока для Европы».

Восточная культура, уходящая корнями в глубь веков в прошлое, явила миру великих мыслителей: Аль-Фараби, Насими, Фирдоуси, Саади, Рудаки, Махтумкули и Абая.

Сегодня среди таких ярких звезд, как Чингиз Айтматов, Расул Гамзатов, Мустай Карим мы отводим особое место Олжасу Сулейменову, ставшему явлением в литературе не только силой творческого дарования, но и доказавшего это истинной гражданской позицией избранного им пути. В стихах Олжаса, отличающихся глубинным полифоническим звуком слов, новшества формы используются не ради внешнего эффекта, а порождены особым видением и глубокими раздумьями, которые благодаря его бурному таланту выплескиваются через край.

У поэзии Олжаса, признанной мировой литературой, есть два крыла. Одно из этих крыл берет основу из русской и западной классики, а другое напоено восточной самоисконной казахской национальной поэзией. Поэтому-то творчеству Олжаса Сулейменова присущи и мудрость Пушкина, романтизм поэзии Лермонтова, новшество и своеобразие Владимира Маяковского, глубина и сложность, отличающие творчество Андрея Белого, Андрея Вознесенского, Евгения Евтушенко, глубинное иносказание восточной поэзии, широкий эпический размах казахского фольклора, огненное дыхание стихов Махамбета, глубокая захватывающая в себе мысль поэзии Абая. Такое явление редкое, когда каждый из этих отдельных самих по себе миров находит свое новое качество в творчестве одного поэта. Вот почему творчество Олжаса Сулейменова, ставшего «вечной песней жизни под просторным небом», считается ярким явлением мировой литературы.

Широкая масштабность, возвышенность, глубина и всеобъемлемость творчество поэта, который по горячим следам книжки первых стихов «Аргамачи» создает всемирно известную поэму, сразу же притягивают и захватывают читателя.

Нет Востока,

И Запада нет.

Нет у неба конца.

Нет Востока,

И Запада нет,

Два сына есть у отца.

Нет Востока,

И Запада нет.

Есть

Восход и закат,

Есть большое слово —

ЗЕМЛЯ!

Даже из этого небольшого отрывка не признать силу таланта поэта невозможно. Поэзию свою он питает из источника великих гуманистических идеалов, где дума о судьбе человечества выносится на первый план. И неспроста говорит поэт: «Мы кочуем навстречу себе, узнаваясь в другом». Глубокий смысл в другом мудром высказывании поэта: «Писатели восстанавливают летопись Мира и Любви, чтобы от многообразия лживых вер человечество когда-нибудь пришло к единству сознания».

У гражданина, который не сопереживал в горе вместе со своим народом, нет морального права принимать участие в его радости. Так и невозможно поэтому нелюбящему человечество стать певцом планетарного масштаба. Таланты, рождающиеся раз, однажды воспевают надежды и чаяние не только своего народа, но и других народов, населяющих землю, и своим творчеством служат гуманизму. Яркие свидетельства тому творчества великих: англичанина Джорджа Ноэля Гордона Байрона, венгра Шандора Петефи, испанцев Федерико Гарсиа Лорка, Рафаэля Альберти, поляка Адама Мицкевича, француза Поля Элюара, турка Назыма Хикмета, чилийца Пабло Неруды... Подобно соколу, не дремлющему поэт всегда бывает чуток и беспокоен.

Наверное поэтому и писал Виктор Гюго:

Паж, вставайте, —

Не до сна!

Мне седлайте

Скакуна!

Настоящий поэт не может быть привязанным к письменному столу и кабинету, он является настоящим общественным деятелем, ведущим сражение за судьбу мира. Так, в

стихотворении «Айналайын», которое по звучанию и духу близко к вышеназванным строкам Гюго, Олжас Сулейменов говорит:

*Кочую по чёрно-белому свету.
Мне дом двухэтажный построить советуют,
а я, как удастся, какая оказия,
мотаюсь по Африкам, Франциям, Азиям.
В Нью-Йорке с дастанами выступаю,
в Алеппе арабам глаза открываю,
вернусь,
И в кармане опять –
ни копья;
Копьё заведётся –
опять на коня!*

Почему? Отчего так обеспокоен поэт? На этот вопрос дает ответ опять же творчество поэта.

*Кружись, айналайн, Земля моя!
Как никто,
я сегодня тебя понимаю,
все болезни твои
на себя принимаю,
я кочую, кружусь по дорогам
твоим...*

Да таково гражданское кредо поэта. Если слова великого русского поэта Пушкина: «История народа принадлежит поэту» переиначить на современный лад, то перед судьбами народов и мира первым держит ответ поэт». Творчество Олжаса Сулейменова свидетельство тому. Источник гражданских мотивов, где довлеет чуткое отношение к судьбам мира, заключается не только в силе его таланта, но и в умении как гражданина, любить человечество и осознавать ответственность перед обществом и временем.

«Карьера – высокая скала, ползком на нее может подняться и змея; взмахнув крыльями и сокол», – говорит Абай. Олжас Сулейменов, взмахом орлиных крыльев поднявшийся до высот всемирной литературы, является счастливым поэтом, достигшим и высот гражданственности. Беспокойный

пафос его стихов о судьбах человечества является кредом поэта не только в искусстве, но и в жизни. Олжас Сулейменов, который был на всех континентах и заставлял силой своего таланта аплодировать сильным мира сего в Западной Европе, посещал не раз многие государства Африки, покорил Азию и Австралию как поэт и как общественный деятель, с идеями гуманизма и прогресса, сохранения дружбы между народами. Работа эта необходима, как воздух, очень ответственна и ее по справедливости можно отнести к гражданскому подвигу. Это подтверждают потоки писем, идущие со всех концов света на имя поэта, публициста, общественного деятеля, ученого, мыслителя и гражданина... Пишут учащиеся и деятели, известные представители литературы и искусства, труженики и рабочие, представители интеллигенции. Вообще, почта О. Сулейменова – отдельная и очень интересная тема.

Олжас Сулейменов – духовный наследник великих. Сулейменова, человека особого дарования, Л.Н. Мартынов оценивал как «лингвиста по натуре, инженера-геолога по образованию, поэта милостью божьей», говоря о нем следующее: «И – да не прозвучит это парадоксом – Олжас, щедрый в своих творениях на имена людские, не случайно столь скупко упоминает Чокана Валиханова («Я бываю Чоканом, Конфуцием, Блоком, Тагором!») и Абая («Но жив Абай, разоблачавший тупость и чванство девятнадцатого века). Это все потому, что близость к ним он рассматривает как нечто само собой разумеющееся, потому что фактически он сам является духовным их продолжением!.. «В «Глиняной книге», занимающей большое место в творчестве поэта, сложный, многогранный талант еще раз доказывает глубину и своеобразие личностного гуманистического мировоззрения, расширил не только тематические просторы Сулейменовской поэзии, но и распахнул горизонт его поэтического мышления. Примером тому могут послужить стихотворения поэта о космосе, красавице Африке, о Париже, об улицах Нью-Йорка, красном и черном гонце, греческом зале, о площади Пушкина...».

Когда-то великий Гейне говорил о том, что трещина, появившаяся на свете, первым делом ранит сердце поэта. Эти слова можно увязать с творческой судьбой и гражданским обликом талантливой и крылатой сына нашего народа, одного из ярчайших поэтов нашего времени Олжаса Сулейменова. В этом и заключается причина того, того, почему понятны и общие для всего человечества полные прогрессивных и гуманистических идей мудрые размышления Олжаса Сулейменова, воспринимающего боль всего мира, как свою боль. В одной из статей Мустай Карим писал: «Всякий истинный художник приносит в искусство свой восьмой, до него не существующий день недели или хотя бы несколько минут того дня в зависимости от величины его дарования». Это глубокое, обоснованное мнение можно отнести и к творчеству Олжаса Сулейменова. Только следует добавить, что восьмой день недели поэта, историка, публициста и мыслителя Олжаса Сулейменова является особенно плодотворным. Свидетельством тому его звездные стихи и научные исследования, ставшие достоянием золотого фонда всемирной литературы. Оставив в стороне десятки научных статей и доклады, прочитанные им, которые загоняли в тупик многих эрудитов и знатоков, вспомним только хотя бы книгу «Аз и Я». Несмотря на некоторые спорные предложения и выводы, вызвавшие в свое время горячие дискуссии, этот труд стал явлением в нашей культурной жизни, научным откровением и гражданским подвигом.

А книга «Язык письма», с новым поистине революционным взглядом на историю человечества и единство всех языков мира, возможно, будет по достоинству оценена лишь в нынешнем двадцатом веке. Его открытие стоит вровень с величайшими открытиями эпохи. Олжас, как всегда, впереди научного мышления, как первопроходец в непознанном еще историей мире.

Олжас Омарович Сулейменов свое сложное, многогранное творчество сочетает с широкомасштабной общественной деятельностью, такой как возглавляемое им междуна-

родное движение «Невада – Семей», которому уже четверть века.

«Лишь истинный сын прославляет свою страну» – гласит народная мудрость. Когда выезжаешь за рубеж или у себя на Родине встречаешься с представителями других народностей, то они первым делом называют лучших сыновей и дочерей нашего народа, имена которых прославились на весь мир. Одним из них является и Олжас Сулейменов. На IX конгрессе международной ассоциации литературных критиков МАЛК, проходившем в Алматы, выступал известный французский романист, выдающийся литературный критик Робер Андре. При его словах «Я рад, что казахское произведение «Юность Абая» Мухтара Ауэзова, а также стихи О. Сулейменова переведены на французский» нам невольно вспомнились строки великого Абая: «Есть любимый сын, люби его, он вполне достоин того». В 1986 году в городе Бомбее в Индии, находясь в составе советской делегации, принявшей участие в V международной встрече «Запад – Восток», в 2007 году в Париже на презентации моей книги, вышедшей на французском языке, услышав высокие отзывы об Олжасе Сулейменове из уст видных представителей, прибывших из Америки, Англии, Франции, Японии, ФРГ, мне на память пришли строки Евгения Евтушенко: «Талантов у нас много, дайте мне личность!». Да, мы не обделены талантами, но их у нас не так уж и много. А таких, как Олжас Сулейменов, не только настоящих талантов, но и выдающихся личностей? Их единицы. А мы не только не умеем ценить то, что имеем, наоборот ощущаем к ним зависть, стараемся не дать им взлететь высоко. Нас тянет за полы назад себялюбие, забота о личном благополучии, неумение видеть дальше юрт собственного небольшого аула.

В больших раздумьях «Возвысить степь, не унижая горы», опубликованных на страницах «Правды» (27 января 1989 года), Олжас Сулейменов заявил:

«Обобщённого научного знания о судьбах этого огромного куска Евразии не написано: концепция его не выработана. Наши усилия должны быть направлены на то, чтобы

разоблачить ложный догмат, утверждающий, что предки наши всегда только враждовали. Войны — это мгновения, яркие, кровавые, но мгновения в исторических сутках. А сутки состояли и из светлых времён дня, когда люди жили, общались, торговали, обменивались орудиями ремесла, любили друг друга. Но и вражда тоже. Это нормальная, противоречивая жизнь любых обществ. Нужно восстанавливать летопись Мира в противовес летописи Войн. И тогда мы увидим, что наша встреча в XX веке не случайна, она состоялась не по воле гениев: подготовлена всем нашим прошлым. Словом, возвышаясь, — не унижать, расти вместе, подниматься сотворчеством».

28 февраля 1989 года — лишь миг в бесконечности времени, значение которого по достоинству смогут оценить только наши потомки. Этот день войдёт в перечень золотых дат истории нашей Земли. Переполненный зал Союза писателей Казахстана не смог вместить всех желающих, всё людское море, которое бурлило и волновалось у здания Союза и внутри него. На трибуне — Гражданин, Поэт и Человек Олжас Сулейменов. Он зачитывает обращение к народам о создании общественного движения «Невада-Семипалатинск», задача которого навсегда запретить тридцатилетние испытания ядерного оружия в Казахстане.

Есть люди, у которых обострено чувство боли и сострадания, сопереживания ближнему. Есть люди, которые, как обнажённый нерв, сразу же реагируют на любое изменение в организме народа, есть люди, сердца которых всегда вместе с народом. О запрещении ядерных испытаний у нас, в республике, мы все говорили давно, много, но... друг другу.

И вот движение «Невада», во главе которого Олжас. Трудно передать, насколько слились люди в этот миг, насколько в унисон бились сердца. Справедливое распределение прибылей, получаемых от природных богатств республики... И снова Олжас, одним из первых, заявил об этом во весь голос. Вопросы социальной справедливости, контроль над деятельностью министерств и ведомств, контроль за экологической обстановкой, содействие развитию отдалённых

районов республики и другие вопросы – все самые болевые точки, на пульсе которых его рука.

«Я борюсь не за место в зале, а за трибуну», – заявил О. Сулейменов перед выборами («Вечерняя Алма-Ата», 25 марта 1989 года). Не только слова, но и каждый мужественный поступок Поэта вызывают уважение. Олжас Сулейменов не только прекрасный Поэт, пламенный публицист, он настоящий борец. Поэтому его можно охарактеризовать словами Гёте, который писал:

*Распахни врата мне шире,
Не глумись над пришельцем!
Человеком был я в мире,
Это значит – был борцом!*

Объявивший мир, впитавший миллионы народных судеб эпох теперешних и минувших, Олжас всегда готов откликнуться на просьбы и боли любого человека. Он отдавал свои личные сбережения бедствующим Арала, жертвам декабрьских событий он купил квартиры, помогал восстанавливать справедливость несправедливо обиженным. Ибо подлинный гуманизм, человеколюбие, доброта души не могут быть безадресны, а направлены на конкретные цели, на конкретных людей. Ибо Олжас Сулейменов многомерен, он обладает видением провидца, осознаёт значение гуманистических основ человеческого бытия, осознаёт ответственность за грядущее Человечества!

Зерно, упавшее в определённую, ему природой предназначенную почву, может дать всходы лишь тогда, когда вберёт в себя все необходимые для его роста питательные соки. Искра Божья, заложенная в человеке, вспыхивает многокрасочными сполохами, когда человек осознаёт себя сыном Земли, независимо от вероисповедания, цвета кожи, идеологии.

Каждая эпоха в истории любого народа, как и казахского, даёт миру выдающиеся Личности, настолько неразрывно с нею связанные, настолько вобравшие в себя все её основные вехи, настолько отражающие и поглощающие все её перипетии, и надежды, что через познание значения этой

Личности лучше познаёшь и саму эпоху. В казахском народе имена великих Абая, Чокана, Аблая, Толеби, Казыбек-би, Каныша, Мухтара говорят о минувших днях много яснее, чем сухая констатация фактов прошедших веков. Сегодняшняя история делается нашими руками, нашими делами и нашими помыслами, и такими нашими Личностями, как Олжас Сулейменов. Хотя оценить сполна значение того или иного события в истории можно лишь с высоты прожитых лет, издалека. Всё великое вблизи кажется не таким большим и цельным, как издалека, ибо только вблизи видны все изъяны, гора – лишь наклонная дорога вверх, лишь земная твердь. Разве дано видеть, насколько высока вершина горы с её подножья, если рядом гряда горных хребтов?

1999 г.

КОГДА ЗАЦВЕЛА САКУРА...

Корейцы считают, что расцвет сакуры олицетворяет пробуждение, обновление, возрождение всего живого, и проводят тонкую связь с расцветом духовных сил. Наша ответственная поездка в Южную Корею пришлась как раз на время цветения сакуры – вестника добра, песни любви. Мы, казахи, верим в предзнаменования, и это совпадение отметили как добрую примету.

Признаюсь, одна из самых больших ошибок в жизни та, что на все у меня хватало времени, кроме здоровья – главного богатства человека. Я работал порой сверх меры, не занимался спортом, не находил времени сделать физзарядку и даже часок пройтись пешком... Недавно мне потребовалась срочная операция, которую делают в далекой загранице. Нужны были средства, которых ни у меня, ни у родственников не оказалось. Меня стали иногда посещать мысли, что жизнь прожита и не стоило бы цепляться за нее так отчаянно...

Однако помощь пришла. Президент Нурсултан Абишевич Назарбаев, узнав о сложившейся ситуации, оказал нам мо-

ральную и материальную поддержку. Заместитель начальника Управления делами Президента Валерий Бенберин и ответственный работник этого учреждения Гульжан Шымбаева провели переговоры с зарубежными центрами и предложили мне поехать в клинику «Асан» в Сеуле, куда мы и прилетели 14 марта.

22-этажная клиника «Асан», открытая в 1989 году, поистине поражает размерами. В ней 2 700 койко-мест. Здесь проведено 57 тыс. сложных операций. Бесперебойно работает более ста лифтов, в которые свободно помещаются кровати пациентов. Среди страждущих очень много русских и арабов. С каждым годом увеличивается число пациентов из стран Ближнего Востока, Монголии, Японии, Китая. Дорогостоящая медицинская аппаратура и, самое важное, персонал, который ею управляет, безукоризненно служат действенному лечению людей. Очень высока культура обслуживания. Пациент здесь всегда в центре внимания, его желания стараются предупредить, чувствуется, что за него все искренне переживают. Не только врачи, но и медсестры свободно говорят на английском. Армия переводчиков в совершенстве владеет шестью языками: английским, китайским, японским, русским, арабским, монгольским. С нами работали две переводчицы – кореянка Виктория Ли и уроженка города Таласа киргизка Нуржамал.

Мне с первого взгляда понравился доктор, вошедший в палату. Примерно сорока лет, среднего роста, подтянутый, атлетического телосложения. Высокий лоб, густые брови и зачесанные назад черные волосы... Человечность, уважение, уверенность в своих силах чувствовались и в его словах, и во всем облике. Это был профессор Сон Сан Хун. Мы поздоровались. «Слышал, что вы известный писатель. Я с большим уважением отношусь к труженикам пера», – сказал он. «Я хорошо знаю вас заочно, – ответил я. – Говорят, что кроме профессионализма Вас отличает еще и легкая рука. Вверяю свою судьбу сначала Богу, а после него Вам. Помогите излечиться от недуга...»

Начались бесконечные анализы, кардиограммы, УЗИ... Нас с супругой Куралай поместили в палату на втором этаже. В первой комнате – кухня с холодильником, раковиной, электрочайником, микроволновкой. За столом можно было принимать гостей. Дальняя стена второй комнаты состояла из сплошного стекла. И из этого «окна» открывался великолепный вид. Воды реки Ханган протекают под самыми стенами огромного здания, по длинному мосту постоянно проносятся поезда и машины. На другом берегу реки виднеется невысокая гора с голыми склонами и затянутой облаками вершиной...

В свой следующий приход профессор Сон Сан Хун сообщил, что меня нельзя оперировать по нескольким причинам. «Это не просто сложная, а очень опасная операция. Скажу прямо, могу дать всего 10% за ее удачный исход, остальные 90 – это риск», – сказал доктор. С таким решением я не мог согласиться: «Есть у нас поговорка: «Риск – это лодка, если повезет – выплывешь, отчаяние – это бездонное море, погрязнешь в нем – можешь утонуть». Нет счастья без риска. Я хотел бы рискнуть. Я верю в доброту и милосердие Аллаха и в ваш профессионализм, опыт и мастерство».

Профессор дал нам на раздумье час. Когда он вернулся, решение мое не изменилось... «Не переживай. Считай, что я уехал в короткую командировку. Если Богу будет угодно, вернусь через несколько часов. Жди меня, вспомни наши счастливые дни. Любовь и вера – великая сила! Они все победят», – сказал я супруге Куралай.

16 марта после полудня мне сделали операцию. «... Слава богу! Живой», – подумал я, только придя в сознание. Послеоперационный период был тяжелым. Многие часы под системой, без сна. «Я никому не сделал ничего плохого. Даже врагам. Старался по возможности протянуть руку помощи, – думалось мне. – Много людей желают мне скорейшего выздоровления. Рядом моя супруга – моя любовь, моя половинка, которая верит в меня. В ее любви я черпаю силы...»

Доктор Сон Сан Хун был доволен исходом операции. Однажды на обходе я прочел ему свое стихотворение «Я не Бог». Переводила Нуржамал. Она свободно говорила не только на корейском и киргизском языках, но и на казахском и смогла донести содержание стихотворения. «Я понял глубокий смысл, заключенный в ваших строках», – сказал профессор. Уверен, нет счастья больше, чем взаимопонимание между людьми.

Добавлю, что имя профессора Сон Сан Хуна известно в профессиональных кругах, он защитил докторскую диссертацию, член нескольких солидных международных медицинских организаций, автор около ста научных трудов. Есть такие слова Гиппократа: «Врач – это философ. Нет почти никакой разницы между медициной и мудростью». Они очень подходят к профессору. «Врач от бога», – говорят про него коллеги...

Мы тепло расстались с профессором. Я выполняю все его назначения. Мы готовы бороться дальше. А еще я пригласил знаменитого врача посетить Казахстан. Он согласился. Надеюсь, смогу принять его как почетного, дорогого гостя. И Сон Сан Хун проведет мастер-классы для хирургов Казахстана.

... Когда мы ступили на землю Южной Кореи, сакура только-только распускала почки. Перед отъездом мы созерцали ее буйное цветение: нежные, как пух, розовые лепесточки купались под лучами солнца.

«Жизнь преподносит то мед, то яд, и счастье, и беду умей принять», – говорил Фирдоуси. Человечество – дитя матери-природы. Как сменяются времена года, день и ночь, так и в нашей жизни идут по очереди радость и горе. Я тоже один из тех, кто попеременно вкушает то сладость, то горечь. Семь раз я смотрел в лицо смерти. И в восьмой раз тоже Аллах не дал уйти в мир иной. Дальнейшая моя обязанность – до последнего вздоха служить своему народу. Счастья всем!

Вторая часть

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ПРОЗА**

СОН ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Отрывок из романа

I

Массивная дубовая дверь еле слышно приоткрылась. Президент, прервав ход мыслей, посмотрел на многолетнего надежного спутника, который остановился посередине просторного кабинета. Этот худощавый человек среднего роста, лет пятидесяти, заходящий сюда по долгу своей службы несколько раз в день, остановился, чтобы не отвлекать Президента от раздумий.

– Махмут, заходи. Проходи поближе.

– Простите, Нурсултан Абишевич, что я помешал Вам. Но уже пора собираться.

– Самолет готов?

– Да, самолет готов. Лица, которые будут с вами, уже в аэропорту. Вас также ждут алматинские представители во главе с Ахметжаном Смагуловичем.

– Ну, вот и опять времени не хватает на задуманное... Что ж – в путь, так в путь! Хорошо.

Президент любил Алматы, в который направлялся сегодня. Город, в котором прошли самые запоминающиеся для его страны в двадцатом веке события. Он объездил весь белый свет, видел самые большие города мира, жил в уникальных роскошных зданиях планеты, но всю свою любовь и сердце он отдавал вот этим двум очень небольшим по мировым меркам городам – Алматы и Астане. И если Астана стала, по-настоящему, близкой и родной лишь в последние годы, то Алматы был и оставался средоточием всего самого значимого, важного и переломного в его судьбе. Теплый, красивый, уютный город с тенистой прохладой улиц, красивыми скверами и журчащими арыками, но, в то же время, и бурлящий, насыщенный делами финансовый и культурный центр Казахстана.

Неожиданно мысли Президента были прерваны трелью телефона. С другого конца провода послышался знакомый вкрадчивый голос Президента Таджикистана Имомали Рахмонова.

– Здравствуйте, Нурсултан Абишевич!

– Здравствуйте, Имомали Шарипович, – вежливо отозвался Нурсултан. – Как семья, как родственники – все ли в порядке?

– Спасибо. Все в порядке. Живы – здоровы.

– Как у вас с погодой?

– В Душанбе – хорошая погода. Сейчас лето, когда людям жить все же легче.

– А как с политической погодой?

– Без изменений. Главное – в стране покой, народ не страдает.

– Прекрасно! Разве есть счастье выше, чем мир и благополучие народа?

– Простите, можно обращаюсь с одной просьбой?

– Не смущайтесь. Говорите!

– Ваши таджикские братья никак не могут забыть вкус качественного казахстанского хлеба. Было бы хорошо, если и нынче бы отнеслись к нам, по-братски, продали со скидкой определенное количество зерна. Мы в долгу не останемся. Ваши таджикские братья прекрасно знают цену долга.

Президент умел в любой ситуации мыслить спокойно и рассудительно, взвешивая каждое слово, и каждым его ответом руководило нечто большее, чем простая восточная вежливость, а понимание сути, гораздо более серьезной и важной – за каждым деянием должны стоять интересы собственного народа:– И у нас есть небольшая просьба. Скоро наш Премьер-Министр Карим Масимов свяжется со своим коллегой. Пусть они вместе обсудят и решат проблемы в интересах наших обеих стран.

– Хорошо. Спасибо вам, Нурсултан Абишевич!

Президент резко поднялся с места: «Заждались люди. Надо ехать!». Пока Нурсултан Абишевич Назарбаев, беседа с заведующим Канцелярией Администрации Президен-

та Махмутом Базаркуловичем Касымбековым, добрались до аэропорта Астаны, время показывало полдень.

В Алматы стояла небывалая жара. Зной, будто небо перевернулось и упало на землю, буквально обжигал легкие. Нынешнее лето словно замерло во времени и забыло о дождях. Прекрасный город, расположенный у подножия Алатау, никак не мог отряхнуться, избавиться от пыли.

В городе, окруженном горами, не было даже слабого дуновения ветерка. Безжалостные лучи солнца, проникая сквозь преждевременно пожухшие листья многолетних могучих тополей, дубов и карагачей, даже почву у корней превратили в безжизненный такыр. А уж асфальт, не выдержав напора огнедышащей жары, тот и вовсе стал плавиться. Несмотря на это, Нурсултан Абишевич сразу из аэропорта отправился по производственным объектам, побывал в новом седьмом районе Алматы – Алатауском. Быстрым шагом он прошелся по многочисленным строящимся объектам. Шел так, что за ним едва успевали другие, намного моложе его чиновники и сопровождающие.

«Нуреке даже в такой удушливый зной идет легко и бодро, – подумал сопровождавший Назарбаева джигит среднего роста, Управляющий Делами Президента Сарыбай Калмырзаев, который и сам вышагивал энергично– чувствовалась его спортивная закалка. – А другие изрядно вспотели, стали задыхаться. Да, у Нуреке высокая работоспособность. Всем бы брать пример с него: летом занимается плаванием, зимой – лыжами, до сегодняшней поры седлает коня как подлинный наездник, к тому же в последние годы профессионально играет в теннис и гольф. Слава Богу, здоровье не подкачал».

Настроение у Президента заметно ухудшалось. Он нахмурил свои живые глаза. Куда-то исчезла обаятельная улыбка. На лбу залегла глубокая складка. Где-то у залысин высокого лба вздулась характерная вена. Он заговорил резко и отрывисто: «Город Алматы кому-то в угоду разрастается вширь и ввысь. В то время как вы все знаете, что это недопустимо. Понятно, что бездумное и хаотичное строительство

навредит городу, его продуваемости. А сейсмоопасность? Почему не думаете о людях? Будущее самого большого города Казахстана может быть перечеркнуто, если срочно не принять мер!». Он оборвал фразу и внимательно посмотрел вокруг. Помолчал. И продолжил говорить, но теперь обращаясь к конкретным руководителям. Президент всегда действовал решительно, он тут же поручил местному руководству остановить строительство гигантских сооружений, которые сужают дыхание города, а также потребовал прекратить разрушение вполне пригодных зданий. Особо подчеркнул необходимость строительства трёх малых городов между Алматы и Капшагаем, бережного отношения к окружающей среде, сохранения равновесия в природе.

На следующий день визит продолжился в Алматинской области. В этот раз из-за сжатого графика ему не довелось побывать в родном ауле. Зато он неожиданно встретился со своим наставником Сеитханом Исаевым. Через него, председателя совета ветеранов Карасайского района, мудрого аксакала, он получил исчерпывающую информацию обо всем, что происходит в аулах. У Нурсултана Абишевича – цепкая и крепкая память. Все, что было взято им на заметку, рано или поздно находило свое решение. Предстояло решить множество серьезных проблем. Для себя он наметил основные. «Иногда важнейшую информацию лучше получать не из официальных сводок, а вот от таких простых людей».

Воспитанный в национальных традициях, с молоком матери впитавший слова назидания народной мудрости, Президент с особой теплотой и удовольствием попрощался с наставником.

«Да, не зря казахский народ издревле с особой почтительностью и вниманием прислушивается к словам старцев, ибо именно они воплощают мудрость народную!». Именно в их словах не было той нарочитой витиеватости, излишней пафосности, которую Нурсултан Абишевич не любил, слова непременно были просты и правдивы, как народные рассказы и притчи, которые Президент высоко ценил. Они

содержали житейскую мудрость, иногда, казалось бы, наивную, но всегда такую глубокую и поучительную. Нурсултан вспомнил об одной притче, рассказанной ему другом – поэтом Олжасом.

Возможно, этот случай произошел в неизвестные давние времена. Один деспотичный глуповатый хан властвовал над народом. Однажды, фантазируя, он пришел к особенному решению. С закружившейся от благосклонности фортуны, огромного богатства и власти, головой, замутненными глазами, лишенный разума хан пришел к выводу, что все старики в стране являются обузой и лишними ртами. Оттого – надо срочно избавиться от них. Хан приказывает отсечь голову всем, кому перевалило за шестьдесят. Не будет нерешенных проблем в стране, если не будет людей, не пригодных к труду, – сказал хан. Главный визирь, прекрасно зная, что потеряет свою голову, если не выполнит приказа, всех стариков собирает в одно место и уничтожает их поголовно. Только не посмел он поднять руку на своего отца, найдя ему убежище в лесу.

Когда исчезли старики, в стране начался хаос. Богатства легко разбазарились, в народе начался раздрай. Земля изнасилась, урожая не было. Росло число разбойников, грабителей и воров. Оскудела казна. Хан вместе с истощенными приближенными, решив поднять настроение, поехал на охоту. На краю страны он остановился на берегу реки, которая огибала неприступную высокую гору. Здесь хан, купаясь в реке, увидел на ее дне поблескивающий золотой слиток, величиной с лошадиную голову. Однако, ни хан, ни его спутники не смогли достать золото из большой глубины. Возвратившись во дворец, хан приказал главному визирю:

– Подними золото со дна реки! Если не сумеешь – отсеку голову!

Главный визирь рассказал об этом случае отцу.

– Достать это золото проще простого, – сказал отец. – Золото не лежит на дне, как думает хан, а находится на вершине скалы, нависающей над рекой. Это не золото на дне реки, а его отражение. Поднимись на вершину скалы, потом

просунь железный лом в щель между камнем и золотом. Тут этот огромный золотой слиток очень легко отделится от скалы.

Послушавшись совета отца, главный визирь принес в казну золото, величиной с лошадиную голову.

– Как ты достал золото, которое никто не сумел достать?!
– Удивленно спросил хан. – Скажи правду, иначе отсеку голову.

Главный визирь рассказал всю правду. Хан долго молчал, крепко задумавшись:

– Я очень сильно ошибся. Бедные старики, я не оценил ваших достоинств! Вы не обузой оказались, а драгоценностью.

«Когда-то Сингапур, признанный сегодня азиатским тигром, был экономически очень слаб. И эта маленькая страна за короткое время превратилась в мощное государство, стала вровень с великими державами. Достижения стали возможными благодаря правильно выбранным Президентом Ли Куанг Ю направлениям развития. Для решения стратегической задачи он привлек к себе советниками старейшин не только своей страны, но и разных государств мира», – Нурсултан Абишевич задумался. Он стоял, выпрямившись, оперевшись рукой о подоконник. День близился к вечеру. Стояла глубокая тишина. Краски вечернего неба, длинные тени деревьев, зелень травы завладели его вниманием. На край лужайки, где бил фонтанчик поливной воды, прилетели две птички, которые не могли поделить между собой какую-то мушку или червячка. Внезапно что-то отвлекло одну, а вторая улетела с добычей. – Да, – вдруг негромко вслух сказал с улыбкой Президент, – ошиблась! Не надо отвлекаться! Рот не раззевай! Будет тебе урок на будущее.

Он сосредоточенно смотрел в окно своей Алматинской резиденции, а мысли увлекали его все дальше: «Так и в жизни. Из всего надо извлекать урок. Всегда анализировать все сделанное, и пытаться избирать правильный путь, учитывая пройденное не только тобой, но и другими. Разве не говорил Бисмарк, что «глупые учатся на своих, а умные – на

чужих ошибках?» Сколько ни тяжела допущенная ошибка, но еще тяжелее, если не исправить ее своевременно. Особенно у руководителя нет права на ошибку, потому что народ доверил тебе свою судьбу».

Президент подошел к своему письменному столу. Он много читал. Любил читать, но одновременно несколько книг. Поэтому на столе стопочкой всегда лежали книги, отражающие его разностороннюю натуру – тут и мемуары, и сложные монографии по экономике, и новые романы, и старая, много раз перечитанная классика. Только вчера ему принесли новые издания исследований об Алаш-Орде и «Уроки мудрости» Конфуция. Вечером он подчеркнул весьма поучительные слова Ахмета Байтурсынова, заложив страницу цветной закладкой. «Как это сказал Ахан? – Нурсултан открыл книгу, – А, вот! «В первую очередь вы, руководители страны, не ошибитесь. Если вы ошибетесь, то ошибется и страна, идущая за вами».

Нурсултан перед сном, по обыкновению, стал читать. Ему в руку попала книга Конфуция. Когда-то он читал ее. Сегодня вновь перелистал.

«Цзыгун спросил о том, в чем состоит управление государством. Учитель ответил:

– Это когда достаточно еды, достаточно оружия и есть доверие народа.

– А что из названного можно первым исключить в случае необходимости? – спросил Цзыгун.

– Можно исключить оружие.

– А что из оставшегося можно первым исключить в случае необходимости? – снова спросил Цзыгун.

– Можно исключить еду. Смерть издревле никто не может избежать. Когда же народ не верит, то не устоять».

На миг ему вспомнился сегодняшний разговор и стало досадно: «Вот выяснилось, что в ауле прямо под Алматы нет воды! Как это так? И дорогу подвели, и новую школу отстроили, а из-за безответственности головоотяпов насос вышел из строя. Вот так – один бездельник всю работу на смарку пускает. Как трудно работать с людьми?!».

Ему больше не лежалось, и он решил приняться за работу. Обильная и разнообразная почта лежала на столе. Хотя по заведенному порядку он просматривал поступившую почту по утрам, но сегодня сразу после завтрака дела не дали ему этого сделать. Писем было много и от разных людей и учреждений. Сегодня они, вообще, не содержали чего-то особенного – обычные дела, правда весьма значимые для авторов, а потому требовавшие внимательного прочтения. Так прошло еще часа два. Только когда раздался звон больших часов, пробивших двенадцать, Президент снова лег спать.

В ту ночь ему приснился сон. Нурсултан сидел в своем кабинете в Аккорде. Занавески на окнах были плотно зашторены. Со скрипом распахнулась дубовая дверь. В кабинет вошла светлолицая, высокого роста, с большими карими глазами женщина в легком белом платке, прошла поближе к нему и вдруг остановилась, как вкопанная. Одета в длинное до пят платье, которое отливало разными цветами: то нежно голубым как цвет голубого неба, то изумрудным, сравнимым с только появившейся апрельской зеленью, то становилось похожим на осенний листопад – от нежно желтого до темно-красного цвета. И. что удивительно, заволаживало – оттого как видоизменялся цвет платья, так изменялся и занавес на окнах. Он узнал свою нежно любимую им мать Альжан.

– Что ты делаешь? – спросила она, оглядывая Нурсултана долгим взглядом.

– Вот, рассматриваю бумагу, – ответил Нурсултан слегка дрогнувшим от волнения хриловатым голосом.

– Что за бумага? – мать Альжан сделала шаг в сторону Нурсултана.

– Она имеет государственное значение. Собираюсь подписать указ.

– Наверняка, в полутемной комнате не рассматривают бумагу, имеющую отношение к судьбе народа. Вставай и открой занавес! Открой дверь балкона!

Нурсултан беспрекословно исполнил веление матери. Полутемную комнату осветил луч света. Свежее дуновение

ветерка, проникшего с улицы, очистило воздух, придало бодрости.

– Вот, видишь? – радостно заговорила мать Альжан таким знакомым любящим грудным голосом. – После глотка свежего воздуха у тебя засветились глаза и по лицу пробежал свет. Свежий ветерок Сары-Арки изгнал из помещения всю пыль, затаившуюся в углах.

– Сейчас который час? Скоро ли вечер? – спросил Нурсултан, устремляясь к матери.

– Сейчас полдень. Еще много времени до вечера. До этого ты сделаешь немало дел. Вот и очистилось помещение от пыли, вот и освежился воздух. Теперь путь открыт. Тебя поддерживают на небе Аллах, а на земле – народ. Пусть будет благосклонными к тебе удача и счастье!

После этих слов Альжан вдруг исчезла, а Нурсултан так и остался стоять с протянутыми к матери руками.

Нурсултан проснулся. Задумчиво поднявшись с постели, отдернул шторы. Розовые лучи просыпающего солнца осветили и без того просветленное от нахлынувших чувств лицо Нурсултана.

Он понимал, что сегодняшний сон – не простой, и его надо осмыслить: «Экономика страны укреплена. Теперь следует создать условия для процветания людей. Дать свет во все уголки, пустить свежий воздух в комнаты. Все поставить на службу народу! Именно об этом сказала мама. Но и сейчас для меня нет другой судьбы, чем судьба народа. Ради народа я и сейчас готов на все – на любой риск, на любую трудность. Прежде всего, будь благополучной, моя Страна!.. Да, в этом году трудностей много. Нынешнее лето засушливо, дождей нет, – задумался Нурсултан. – Сегодня последний день июля. Однако до сих пор не выпало ни капли дождя. Не то, что день, и ночь удушлива. Даже в низинах пожелтели травы, вся зелень сохнет. Почва потеряла влагу, превращается в такыры, становится пылью. Экология нынешнего века очень сложная. Нарушено природное равновесие. Пренебрежительное отношение к природе не проходит бесследно. Об этом тоже должны помнить

руководители держав. Может, и об этом хотела напомнить мама? Она ведь очень любила природу. Там у нас, в ауле, природа щедра, как нигде. Помню, как мама перечисляла бесчисленные названия цветов и трав. В пору нашего детства Земля-Матушка была так богата и щедра. Высота густой травы достигала стремени всадника. Бесчисленное количество птиц щебетали в березовых и сосновых лесах. Как красивы были деревья и кустарники, названия которых можно перечислять бесконечно: джида, вишня, черешня, тополь, карагач. Да, а ива, джингиль, осина, липа, и орешник, и шиповник. А тамариск, терновик, сирень, раkitник? А травы? В Степи такое колоссальное разнотравье: полынь, чернобыльник, зверобой, гармала, верблюжья колючка. Да разве все перечислишь. А как богаты клетчаткой и витаминами люцерна, клевер, репей? В детстве мы собирали и осоку, пырей, ковыль. А как быстро разрасталась лебеда, бурьян, одуванчик, чабрец... Густые камыши, они же своей высотой скрывали даже всадника, а в зарослях и непроходимых чащобах бродили тигры, архары, и барсы, в лесах – медведи, а в бескрайной степи – быстрые сайгаки. Гордостью Степи среди птиц были лебеди, горделиво плавающие по зеркальной глади озер. Сегодня нет в природе многих из этих растений, зверей и птиц... А сейчас слепые орлы, словно только что родившиеся птенцы, ковыляющие по степи неведомо куда и зачем. Агонизирующие тела мелких млекопитающих – грызунов, корсаков и волков и, только недавно зеленых и шустрых, ящериц. (Из книги Н Назарбаева «Эпицентр мира», Алматы, 2001) В советские времена были вырублены многие гектары березовых рощ и тугаев, много лесов погибло от пожаров. Одновременно, с исчезновением лесов и тугаев обеднел растительный мир, нет уже тех бодрящих и ароматных запахов от множества ягод и фруктов. Загрязнилась некогда кристально чистая вода в реках и озерах, резко обнажилось их побережье. Будто этого мало, природу загрязняют промышленные и бытовые отходы. На глазах хиреет окружающая среда. Тревожит и массовая гибель тюленей в Каспийском море. Если будет продолжаться

ся такое пренебрежительное отношение к природе, то это к добру не приведет. Казахстан предпринимает со своей стороны меры по ее спасению. Однако, контролируя положение в своей стране, мы не можем диктовать условия всему миру. Самая важная проблема, которую предстоит решать на уровне Организации Объединенных Наций, – остановить давление на экологию, спасти Природу-Матушку. Разве спасение общего дома человечества от катастрофы ядерной войны – не было первостепенной задачей? Оттого мы первыми на планете и отказались от ядерного арсенала... Теперь же. природа нуждается в нашей защите... »

Такие простые, но исполненные любви, понимания и заботы о будущем Земли, мысли Президента постепенно перешли к сегодняшним важным встречам и переговорам с нефтяниками, экологические аспекты работы которых, и защиту окружающей природы Президент поставил во главу всех условий переговоров.

II

Когда лайнер главы Казахской республики в далеком 1991 году приземлился в аэропорту Внуково, сгущались сумерки. Как-то сразу стало темно. Вездесущий холодный ветер принял в свои пронизывающие объятия пассажиров, выходящих из теплого салона гигантского самолета. Трескучий мороз обжигал лицо. «В Алма-Ате – ясно и тепло, – подумал Президент. – А небо Москвы тяжелое, как свинец. Темные облака нависли над городом. Отчего так стучит сердце? Что это за знак, ведь чувство редко обманывает меня?...»

– Нурсултан Абишевич, Здравствуйте!

Не сразу поняв, что окликают его, он взглянул в сторону раздавшегося голоса:

– Здравствуйте!

– Я жду вас по поручению Бориса Николаевича.

– Что-то случилось?

Высокорослый красивый мужчина с голубыми глазами, заговорил тихим, вкрадчивым голосом:

– Борис Николаевич попросил, чтобы Вы срочно связались с ним.

Беседа на ходу, они вошли в комнату отдыха для высокопоставленных пассажиров. Уполномоченный Ельцина позвонил в Беловежье и передал трубку телефона Назарбаеву.

– Нурсултан Абишевич, прошу срочно прилететь в Беловежье.

– Для чего? – спросил Назарбаев спокойным голосом, с выдержкой, выработанной годами, хотя по возбужденному голосу Ельцина почувствовал некоторое беспокойство.

– Тройка в составе России, Украины, Белоруссии в срочном порядке подготовила документ особой важности, который собираемся подписать тут же. Мы хотим, чтобы Казахстан четвертым присоединился к этому соглашению. Это просьба и Шушкевича с Кравчуком.

– О чем этот документ?

– О роспуске Советского Союза.

Нурсултан был поражен, хотя и предполагал такой вариант. Политик на то и политик, чтобы как в шахматной партии просчитывать возможные варианты развития событий. «Значит, так. Вопрос решился. Но вопрос в том, что за этим последует? Ведь понятно, что в политике нельзя ни спешить, ни опаздывать... М-м-м... Каждый ход должен быть выверен. Основное качество политика – его гибкость. Как мой шаг отразится на моей республике?.. Сейчас для нас главное – территориальная целостность. И об этом надо, прежде всего, думать!... Пожалуй, надо выдержать паузу!»

Нурсултан Назарбаев спокойно и решительно ответил:

– Борис Николаевич! Без совета и консультаций я не готов экспромтом подписывать важные документы.

В голосе Ельцина появилось нетерпение и раздражение:

– Ну, хорошо.

Назарбаев прилетел в Москву по приглашению Михаила Горбачева. Авторитет Главы республики в Кремле и других республиках Союза был очень высок, и Михаил Горбачев делал на него ставку. Горбачев стремился сохранить пост Президента Советского Союза, и предлагал проект созда-

ния Союза суверенных государств. Однако и у Ельцина были свои планы.

«Итак, – задумался Нурсултан. – Политика – это как посевная, что посеешь, то и пожнешь. Возможно, следует осторожничать, но и нельзя, чтобы застали меня врасплох. Горбачев сделает все, чтобы во всех вариантах союзного договора сохранить свою личную власть. А группа, возглавляемая Ельциным, преследует свои цели. Конфронтация приобретает опасные формы. Лишь бы в результате такого противостояния не пострадали простые люди. Вот в чем суть! Скользкая и двусмысленная политика Горбачева только сгущает проблемы. В результате этого не только экономическая реформа, но и политическая реформа загнаны в тупик. Где же выход из этого тупика?».

После Ельцина по телефону с Назарбаевым переговорили и председатель Верховного Совета Белоруссии Станислав Шушкевич, и Президент Украины Леонид Кравчук.

Руководители России, Белоруссии, Украины с трёх сторон говорили одно и то же – срочно прилететь в Беловежье и поставить свою подпись на очень важном документе от имени Казахстана. Но Нурсултан Абишевич обладал умением держать удар, несмотря ни на что:

– Я не могу поставить свою подпись на особо важном документе, не посоветовавшись, не согласовывая с народом.

После категоричного заявления Президента Казахстана, тройственный союз подписал Беловежское соглашение.

Тяжелые думы, ставшие неразлучными спутниками, лишили сна Нурсултана до глубокой ночи. Как бы он ни ложился поздно, по давно закрепившейся привычке он поднимался рано. Бодро поднявшись с постели, прибыл в Кремль, к Горбачеву. Нурсултан надеялся, что ему удастся с глазу на глаз поговорить с Горбачевым, однако у того оказался Ельцин.

Разговор трех лидеров в Кремле был невероятно трудным, напряженным и продолжился более двух часов. Главной темой была встреча в Беловежской пуще. На вопросы Горбачева и Назарбаева Ельцин отвечал весьма убедитель-

но. В ходе беседы стало ясно, что от имени тройки лидеров республик в Беловежье было заявлено о роспуске Союза Советских Социалистических Республик. В тот миг на родимом пятне с левой стороны лба Михаила Горбачева выступил пот, серое лицо посерело еще сильнее...

Покинув Кремль, Назарбаев провел пресс-конференцию в постпредстве Казахстана в Москве с большой группой зарубежных журналистов. Он заявил о том, что прибыл в Москву по предварительному соглашению о проекте Союзного договора. На совете должны быть и руководители России, Украины, Белоруссии. Однако, случилось непредвиденное. Сказал, что необходимо было обратить внимание на межнациональные отношения, которыми озабочены и другие стороны.

– Конечно, – особо подчеркнул Назарбаев. – Идеально было бы, если бы Россия, Украина, Белоруссия и Казахстан находились в одном политическом союзном пространстве, как страны, обладающие ядерным арсеналом. Поэтому наше соглашение прозвучало бы как соглашение государств, обладающих ядерным оружием.

Мысль о признании независимости бывших республик в составе СССР, цивилизованного воплощения в жизнь многолетних чаяний народа, об открытии пути для их вхождения в члены Организации Объединенных Наций стала воплощаться в реальность.

К 10 декабря 1991 года в Алма-Ате Нурсултан Назарбаев подписал Указ о переименовании Казахской Советской Социалистической республики в Республику Казахстан.

В этот исторический день состоялось торжественное заседание Верховного Совета, посвященное вступлению в должность всенародно избранного 1 декабря 1991 года Президента Республики Казахстан Нурсултана Абишевича Назарбаева...

Хотя Нурсултан Назарбаев поздно возвратился с заседания, он не спешил лечь, отдохнуть, а вышел освежиться на улицу. Было начало декабря, но на удивление стояла относительно теплая погода. Видимо природа, радуясь вместе

с народом, решила подарить ему еще немного солнца и тепла. Электрическое освещение ночной Алма-Аты яркими огнями переливалось в унисон бесчисленным мерцающим звездам на небе. Из резиденции Президента, что на улице Фурманова, хорошо были видны мощные горные гряды. Одна скалистая вершина Алатау напоминала барса, устремленного в броске вперед. На другой тёмно-синей вершине пика запуталось светлое облако, похожее на шаль, обвившую шею девушки. Окружающее пространство, омытое вечерним дождем, радуется своей чистотой. Небольшими гроздьями еще оставшиеся желтые листья старых тополей свисали, наполнившись влагой, а молодые деревья, тянувшиеся вверх, напоминали о грядущем обновлении. Вдохнув полной грудью свежего потока воздуха, идущего с гор, Нурсултан вновь оказался в плену раздумий о возникших вопросах, на которые пока еще не было ответа.

«Казахстан – как гигантский корабль, плавающий в океане, – думал он. – И население республики, находящееся на этом корабле, как пассажиры с одной душой и общей судьбой. Народ доверил мне штурвал этого корабля. Однако это очень тяжелый груз ответственности. Этот корабль только отчалил от берега социализма. Впереди преодоление, и преодоление огромного расстояния, пока мы не окажемся на неизвестном пока противоположном берегу. Здесь много подводных течений, опасностей, рифов. Сумею ли я все это выдержать? Еще вчера тихий и спокойный мирный океан сегодня яростно бушует и штормит. Большинство людей уже стало паниковать перед надвигающимися волнами. Кто даст гарантию, что девятый вал могучего океана не вышвырнет нас как обычную щепку из своей акватории? Смогу ли я при подобном шторме выстоять у штурвала, не смыкая глаз?... Но я должен выстоять! Просто обязан выстоять! Да... Теперь я ответственен за наше будущее! Надо учиться, надо все вытерпеть! Разве сама жизнь не научила меня терпению, когда плавил сталь при двухтысячной градусной жаре у печи Казахстанской Магнитки – Темиртау?.. Когда решается судьба народа, главное идти вперед к поставлен-

ной цели, не оглядываясь. Решительно преодолевать любые преграды. Надо находить выход в любой экстремальной ситуации. Ошибаться мне нельзя...».

Едва он вошел в дом, как Сара протянула телефонную трубку.

– Прошу прощения за поздний звонок, – чётко и ясно прозвучал знакомый голос Президента Туркменистана Сапармурада Ниязова.

– Ничего, – ответил Нурсултан. – Рад Вас слышать. Разве сейчас можно считаться со временем?

– Тоже верно. Славяне торжествуют, создав свой союз. Нельзя оставаться в стороне и нам, мусульманам. Давайте посоветуемся. Пригласи в Алма-Ату руководителей республик Средней Азии.

– Правильно, следует посоветоваться. Однако, будет правильным, если встретимся в Ашхабаде, а не в Алма-Ате.

– Почему?

– Слово «Ашхабад» в переводе звучит как город влюбленных. Будет понятным, если среднеазиатские братья, скупающие друг по другу, выскажут свои горячие соображения в жарком городе влюбленных.

– Нурсултан Абишевич, я поражен. Ты даже в таких сложнейших обстоятельствах находишь время для шуток.

– Юмор – украшение души. Сапармурад Атаевич. А если отбросить шутки в сторону, вникнуть в суть проблемы, то в данное время эту встречу лучше провести в Ашхабаде, а не в Алма-Ате.

– Почему?

– По той причине, что и так много по этому поводу будет инсинуаций. Журналистская братия уже сейчас трезвонит о том, что «Назарбаев приступил к созданию мусульманского блока». Если встретимся в Алма-Ате, то станем жертвами подобных рассуждений. Правильнее будет – мы поедем к вам.

– Договорились. Приезжайте, жду.

Через два дня после этого разговора в Ашхабад прибыли Президент Узбекистана Ислам Каримов, Президент Кыр-

гызстана Аскар Акаев, Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, Президент Таджикистана Рахман Набиев.

– В Ашхабаде жарко, – заметил Аскар Акаев.

– Но сердца людей жарче солнца, – вставил Ислам Каримов.

– Однако сердца братских людей, встретившихся в городе влюбленных, жарче всех, – сказал Нурсултан Назарбаев.

Встреча руководителей, начавшаяся с шутки, перешла в открытый разговор по обсуждению наболевших вопросов. Решено было искать пути к объединению всех бывших союзных республик в общее содружество. Участники встречи, как один, заявили о своей готовности стать соучредителями Содружества Независимых Государств, учитывающих интересы всех его субъектов и равноправие республик.

Нурсултан Назарбаев был глубоко убежден, что результатом любых преобразований не может, не должна быть конфронтация, а уж тем более со славянскими государствами:

– Если мы создадим мусульманской блок в противовес славянскому союзу, то это может привести к опасности, которая окажется более разрушительной, чем столкновения на Балканах и в Карабахе. Мы должны позаботиться не только о населении своих республик, но и о соотечественниках, проживающих в России и других государствах. Нам важно думать наперед. Ни в коем случае нельзя оказаться жертвой поспешных решений.

Его слова как всегда прозвучали убедительно.

– И это верно, – поддержал Назарбаева Ислам Каримов, который умел прятать свои мысли за ровным спокойным видом, никогда не показывая, радуется он или огорчен.

– Эти слова выдающегося казаха поставят на место зарвавшихся шовинистов, – сдвинул густые брови Аскар Акаев, который до сих пор лишь молча кивал головой.

Как говорится, согласие решает дело. Руководители государств Средней Азии и Казахстана, поставив подписи под Ашхабадским заявлением, почувствовали себя покорившими и вершины Памира, и преодолевшими еще более высо-

кую и сложную политическую вершину, а затем благополучно возвратились в свои страны.

После Ашхабадского визита, едва переведя дух, Назарбаев ухватился еще за одну новую идею. Он умел предвидеть последствия происходящих перемен, и они ему показались весьма серьезными.

«Ашхабадское заявление, – размышлял он, – это самый эффективный метод, чтобы не дать вспыхнуть пожару распрей и столкновений. Сейчас времени в обрез, работы – непочатый край. Многого не хватает нашей стране. Однако, на первый план следует выделить самое главное из них. На сегодняшний день нет ничего важнее, как не допустить вооруженного столкновения народов, сохранить мир и согласие. Как говорит казахская пословица: «В расцветающей стране – мечтам несть числа, а в погибающей стране – распрям несть числа». Остальные проблемы и заботы будут решены своим чередом. Цель ясна, задач предостаточно. Да! Да! И еще раз – да!.. Следует срочно приступать к делу!..»

Остановившись на этом, Назарбаев предложил, чтобы вопросы, поднятые в Ашхабадском заявлении, были рассмотрены на совещании глав суверенных государств, в котором могут принять участие и другие суверенные государства. Теперь эту встречу, сказал он, можно провести уже в Алма-Ате, в которой проживают множество и славянских, и мусульманских народов. Предложение было горячо поддержано большинством бывших союзных республик. Однако, как и всегда, в любом начинании, нашлись и сомневающиеся. Один из них – политик мирового уровня, человек весьма неординарный и решительный, Президент самой большой республики Борис Николаевич Ельцин.

«Назарбаев очень умный политик, понимаете ли, смотрит вперед, ориентируется на перспективу, – говорил Ельцин своим советникам. – Он не примет решения, понимаете ли, если не измерит хотя бы семьдесят раз, не подумает столько же раз. Что он задумал? Восток, понимаете ли, дело тонкое. Надо думать, надо посмотреть, что за этим стоит...».

Ельцин позвонил Кравчуку и Шушкевичу. Они решили ехать, оговорив при этом, что будут очень внимательны, и при любом небольшом сомнении откажутся от соглашения. Ельцин колебался и после этого разговора. Только после второго звонка Назарбаева, только после обстоятельного, открытого разговора, он прилетел в Алма-Ату, возглавив руководителей славянских государств.

Борис Николаевич Ельцин – фигура особенная и выдающаяся, оставившая свой след в истории России, сделавшая невероятно много для демократических преобразований и укрепления мощи своей страны. Он настороженно относился к инициативам Президента Назарбаева, подозревая за появлением нового Союза какой-то подвох. Даже внешне серые его глаза напоминали глаза волка, как известно, существа сильного, мощного, но очень осторожного. Человеком он был достаточно противоречивым, и, несмотря на внешнюю строгость, в нем было что-то и большое, и добродушное. Осмотревшись, вникнув во все, изучив документы, увидев мягкую, приветливую улыбку Нурсултана Назарбаева, выслушав его терпеливые разъяснения и доводы, убедившись в открытости встречи, его недоверие оттаяло...

Внешний вид Алма-Атинской резиденции Президента Республики Казахстан особо не впечатляет своей оригинальностью. Это четырехэтажное здание вначале предназначалось для Дома-музея вождя революции Ленина. Когда строительство подходило к концу, Нурсултан Абишевич Назарбаев в целях экономии средств предложил: «Используем это здание для резиденции Президента, чтобы не строить нового». Однако, внутри все по-другому.

Один из маститых журналистов Дюйсембек Сыздыков, войдя в помещение вместе с коллегами, увидев огромную хрустальную люстру в просторном и высоком зале заседаний и внутреннюю красоту здания, не уступающей дворцам зарубежных государств, даже зацокал от восхищения.

«Значит, правда, что в оформлении здания приняли участие французы, – подумал он, вглядываясь в отделку, проведенную с большим вкусом. – Большинство картин, разве-

шенных на стенах – произведения художников Казахстана. Да, довольно преклоняться перед Западом. Замечательно, что Глава страны не забывает о местных талантах...». Размышления Дуйсенбека были прерваны появлением руководителей государств. Высокопоставленные лица стали проходить и усаживаться в президиуме. В самом Центре – Назарбаев и Ельцин. Нурсултан Абишевич в добром расположении духа, хотя и заметно уставший. На его лице появились морщинки. Но, по-прежнему улыбчивый и энергичный.. Ельцин благодушен и улыбается. Аскар Акаев, сдвинув густые брови, время от времени, кивает головой. Кравчук выглядит как солдат в строю. Шушкевич, встряхнув огромной головой, сидит как беркут, поймавший добычу. Тер-Петросян распрямил ссутулившиеся плечи. Ниязов сидит, выпятив грудь. Остальные президенты невозмутимы. Каримов, тот явно никогда не дает волю радости и не показывает трудности, по традиции сидит, молча управляя своими чувствами. Наконец, слово взял Нурсултан Абишевич Назарбаев, который, находясь в прекрасном настроении, сообщил журналистам: «После всестороннего обсуждения проектов предварительно тщательно подготовленных документов одиннадцать глав бывших союзных республик – ныне независимых государств поставили свои подписи под Соглашением о формировании Содружества Независимых Государств».

По окончании пресс-конференции, в которой участвовали руководители всех одиннадцати государств, свыше пятисот журналистов постсоветского и дальнего зарубежья поспешили передать информацию в свои страны. И хотя само содержание срочных сообщений было по сути одинаковым, они пестрели различными заголовками.

Корреспондент Ассошиэйтед-пресс: «Удивительное событие века».

Корреспондент французской газеты «Фигаро»: «Найден выход из тупика».

В «Санди Телеграф» направлена статья «Содружество мусульман и славян».

Казахский журналист Дуйсенбек Сыздыков назвал свой материал скромно «Алма-Атинская декларация», а потом взял интервью у Президента Азербайджана А. Муталибова и Президента Таджикистана Р. Набиева, которые поставили свои подписи под документами, последовавшими за Ашхабадским заявлением.

Действительно, журналисты, направив срочные сообщения во все концы мира, сумели приковать к проходившему в Алма-Ате событию внимание всей планеты, показав, что Союз не распался, он существует, правда, в принципиально обновленном виде.

Это случилось в начале последнего десятилетия двадцатого века – 21 декабря 1991 года.

В тот день Нурсултан пришел домой в хорошем настроении, хотя и чувствовал слабое хорошо знакомое жжение в груди. Это всегда бывало тогда, когда он находился в предвкушении новых идей. В те моменты, когда ему удавалось развязать сложнейшие и запутанные узлы, когда находился правильный выход из трудных ситуаций, у Нурсултана Назарбаева прибавлялось энергии, бодрости, открывалось «второе дыхание» и тут же появлялись и закручивались новые мысли и идеи. Он был доволен своими первыми шагами, но не обольщался и никогда не был склонен к самоуспокоению. «Однако нельзя этим довольствоваться, что называется, поживать на лаврах, – думал Нурсултан. – Сколько еще впереди непокоренных вершин. Все еще впереди. Еще предстоит найти выход из таких труднейших положений. И у меня нет права на ошибку...». Прогуливаясь перед сном, Нурсултан, по давно сложившейся привычке и в тот день долго не засыпал – он размышлял о судьбе страны.

III

Сегодня он раньше обычного появился на работе. Сегодня он даже отложил рассмотрение и многих неотложных документов и бумаг, ожидавших его подписи. Еще со вчерашнего дня их просмотрели и положили к нему на стол работники Канцелярии. Об этих бумагах пришел напомнить и сам

руководитель Канцелярии Махмут Касымбеков, но увидев задумавшегося, отрешенного, отгородившегося мыслями от всех Президента, молча вышел из комнаты, тихонько притворив дверь. В такие минуты, и он это достоверно знал, по многолетней привычке Нурсултан Абишевич обдумывает и принимает самые сложные и судьбоносные решения, бесконечно взвешивая и анализируя все «за» и «против». Предстояло решить ключевой для жизни страны и ее граждан вопрос – оставаться ли в рублевой зоне или выйти из нее? Что делать дальше с деньгами? Доверять рублю уже не приходилось. Бешеными темпами развивалась инфляция. Народ нищал на глазах. Процесс «шоковой терапии» семимильными шагами подрывал все экономические устои государств, входивших в рублевую зону. Хотя рублевая зона и означала союз с Россией, северному соседу доверять стало все трудней. Даже теперь, несмотря на новые договоренности о Союзе, не поставив в известность Казахстан, Россия внезапно объявила о либерализации цен. Государства, имевшие в качестве валюты рубли, захлебнулись в деструкционных экономических процессах. «Деньгами скоро можно будет топить печки, как на заре двадцатого века, в период революции. Такими темпами мы быстро сломаем и без того хрупкие экономические сдвиги. А, может, следует перестраховаться и создать национальную валюту? Или нет?... Однако, это – нелегкое дело. Мы, пока, еще к этому, положила руку на сердце, не готовы. Похоже, потянешь сюда – сломается арба, потянешь туда – сдохнет бык. Что же, все-таки делать?», – Нурсултану, который искал выход из тупика, импонировал принцип Наполеона: «Во французском языке нет слова «невозможное». – Что можно придумать в такой ситуации? Конечно, следует действовать. Самое худшее – это бездействие. Безусловно!... Надо решаться!...». – и Нурсултан вспомнил притчу-рассказ, услышанный когда-то из уст Олжаса Сулейменова.

В XV веке государство Инков, в состав которого входили Перу, Боливия, Северо-Западная Аргентина и Южный Эквадор, подчинив богатейшую Чили, превратилось в мощ-

нейшую державу. Государство Инков, которым в те времена руководили жрецы, достигло высочайших вершин цивилизации, многие загадки которой не могут разгадать и в XX веке. Устройства, которыми они пользовались, точность обработки предметов, принципы строительства до сих пор и у нас вызывают восхищение.

Образцами архитектурных шедевров и чудес считаются их теперь уже заброшенные города, дворцы и пирамиды. С вершин пиков Андских гор хорошо виден фантастический Млечный путь, галактика, из которой, как верили инки, и прибыли на землю их предки. Поэтому Млечный путь был основой их силы, мощи и процветания, пуповиной, соединяющей их с богами. Однако, с периодичностью в 650 лет Млечный путь исчезает с горизонта инков под влиянием движения галактик в общем круговороте. В тот момент исчезает мощь, укрепляющая страну и дающая энергию и доблести воинам. По их поверьям, в это время, чтобы не предпринимали воины, их ожидает лишь горечь поражения.

И никогда бы испанцы не одержали верх в битве с инками, если бы не начали ее именно в тот момент, когда с горизонта исчез Млечный путь. Инки сдаются испанцам без сопротивления, хотя враги по численности были в тысячу раз меньше и слабее их. Король Атауальпа, который считал себя сыном Солнца, поражение инков объяснил крахом единства, исчезнувшим вместе с Млечным путем. Возможно, что государство Инков в далеком XV веке достигло цивилизации XX века – легенда, но истина, что вместе с настроением обреченности страна теряет могущество, а воины – доблесть.

Поражение инков от заведомо слабых испанцев без всякого сопротивления Верховный духовный жрец страны объясняет предопределением богов. Ошибочное мнение? «Исчез символ мощи и богатства страны – Млечный путь. Теперь нам все равно, мы обречены», и это привело к всенародной трагедии. Из-за бездействия в дни опасности над страной в самый решающий момент целое цивилизованное государство было стерто с лица земли.

«Легенда и истина – близнецы, – подумал Нурсултан. – Разве не это преступление – лицедреть, сложа руки, в самой трудной ситуации. Надо всегда искать выход из тупика!...»

Нурсултан поднялся из-за письменного стола и стал вышагивать по длинному и просторному кабинету. Посмотрел на политическую карту мира, вывешенную справа. Выделив взглядом на карте Казахстан, который на севере граничит с Россией, на востоке – с Китаем, на юге – со странами Центральной Азии, плюс на юго-востоке почти соприкасается с Монголией, где в стране проживает шестнадцатимиллионное население, а общая площадь территории составляет два миллиона семьсот тысяч квадратных километров, он продолжал размышлять.

«Наши предки отстояли булатными мечами и своими жизнями наши земли. – Нурсултан как всегда размышлял обстоятельно. – Теперь вот мы получили политическую независимость. А экономика? И экономика должна быть независимой. Кровеносный сосуд экономики – деньги. Нам выгодно пока оставаться в рублевой зоне. Если же мы ее покинем, начнутся разделение, дележ, разрушение хозяйственных связей. Если же Москва выпустит новую валюту, это станет еще большим ударом для экономики Казахстана. И тогда остается лишь один путь ослабить этот удар – создание собственных денег. Сейчас это очень нелегко. Требуются огромные денежные средства, но главное – время, – Нурсултан Абишевич глубоко вздохнул. – Чтобы выиграть время, конечно, следовало оставаться в рублевой зоне. – Нурсултан даже остановился от такой мысли. У него перехватило дыхание. – А, что? Почему бы и нет?... Однако, ключ к такому развитию находится не у нас, а у северного соседа. Премьер-министр России Виктор Черномордин заверил, что в любом случае Казахстан обязательно останется в рублевом пространстве. Даже с Президентом России Борисом Ельциным мы подписываем второе официальное заявление о том, что остаемся в единой рублевой зоне. Попробуй после этого не поверить их обещаниям! – но мысль его стала уверенней. Он уже знал, что надо действовать

именно так. – Куда денешься от того факта, что Россия, не предупредив нас, второго января девяносто второго года объявил об отпуске цен в свободное плавание? Разве можно забыть, что в результате этого все цены выросли в девять-двенадцать раз? Если Россия, неожиданно для нас, выпустит в оборот новые деньги, то слабая экономика Казахстана не выдержит. Нельзя, чтобы нас застали врасплох. В моих руках находится судьба не одной семьи, не одного края, не одного региона, а миллионов казахстанцев, доверившихся мне. Ошибаться нельзя! Верь доброму, Нурсултан, но будь готов и к плохому! Значит, выпуск новой нашей валюты – одного из атрибутов независимости, неизбежен».

Остановившись на этом, Нурсултан в совершенно секретном порядке срочно дает команду о подготовке казахстанского тенге и печатания его в Англии, в английском монетном дворе.

1 апреля 1993 года происходит неожиданное событие – Россия вводит в оборот новые деньги. Обстановка резко осложнилась. Это уже не тупик, это – затягивающая в себя бездна! Но время уже работало на Казахстан. Нурсултан разгадал подтекст политики России, которая несмотря ни на какие заверения не избавилась от имперских замашек. И в этом случае он не ошибся. Предпринятые им важные шаги для подстраховки по введению национальной валюты необходимо ускорить. Президент находит семь миллионов долларов и оплачивает расходы по изготовлению оставшегося объема денег. В этот момент Нурсултан вспоминает высказывание Бертольда Брехта: «Никогда не заглядывай в бездну, иначе бездна заглянет в тебя». Есть одно качество, данное Богом Нурсултану, он безошибочно выбирал ту проблему из множества, которую предстояло решить в первую очередь, а потом находил единственный путь к ее преодолению, не заглядывая в край бездны.

Историческое событие произошло одиннадцатого октября одна тысяча девятьсот девяносто третьего года.

В тот день Олжас Сулейменов, возвратившись из очередной командировки, не приступая к ужину, включает теле-

визор. На голубом экране появилась фигура Президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева. По национальному телевидению он объявил народу Республики Казахстан о введении новой валюты – тенге. На голубом экране появились образцы красивых денежных знаков – на лицевой стороне купюр были помещены портреты великих предков аль-Фараби, Аблайхана, Абульхаира, Абая, Чокана, Курмангазы. У Олжаса от прилива радости сердце подкатилось к горлу...

В тот день все казахские интеллектуалы ликовали и просили друг у друга «суюнши»...

В тот день Нурсултан Назарбаев на ужин пришел с опозданием...

IV

Подписав очередные документы, Президент поднялся с места и, подойдя к окну, бросил свой взор вдаль. Открытое небо, по которому, как морские волны, плыли светлые облака. Он переехал в новую резиденцию, которая так быстро выросла на левобережье Есиля, которой он сам дал название Акорда. Великолепное архитектурное сооружение, возведенное на обособленном возвышении, издали видится потрясающим, внушительным зрелищем. А внутри! Когда проходишь по длинным коридорам и просторным помещениям, кажется, что находишься в сказочной стране...

НОЧЬ, КОГДА ВЫЛИ ВОЛКИ

Роман

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЗАГОВОР

1

Лежала она в своей комнате одна, тихо дремля, как вдруг некто страшный с окровавленной пастью и огромным широким лицом, покрытым густой черной шерстью, ворвался к ней, спящей, в спальню, и сорвал с нее одеяло. Похожее на огромную обезьяну, это чудище, разбрасывая в стороны искры, сыплющиеся из кровавых звериных глаз, возникло над ее головой и угрожающе замерло.

– Прочь, прочь! – закричала женщина, но на ее громкий и отчаянно горький возглас это чудище никак не отреагировало.

– Отдай мне вон того ребенка, что лежит у тебя под грудью, – заревело чудище.

– Почему я должна его отдать?

– Жизнь его на свете завершена.

– Как это? Он же совсем еще молоденький, юный.

– Этот вопрос обращай не ко мне, а к нему, к нашему Создателю. Бог Аллах всеединый, когда даровал жизнь этому ребенку, тогда же и определил день и час, когда он уйдет из этой брэнной жизни и каким образом, и записал это у него на лбу.

– А ты сам-то кто?

– Я – исполнитель воли великого Аллаха Азраил.

Чудище произнесло это, и протянуло руки к младенцу, невинно спящему на постели рядом с матерью.

– Нет, не дам! Если ты, Азраил, отнимающий души, то не трогай моего сына, а возьми меня, меня возьми! – закричала она.

Но чудище выхватило младенца из постели и исчезло вместе с ним.

Нет-Нет! Умру, но не отдам! – завопила несчастная, вскочила с постели, и душа ее была готова вылететь из ее тела...

Такой она увидела страшный сон, и проснулась в испуге, и долго не могла прийти в себя. Тело ее мелко дрожало, как от лихорадки, сердце ее, как иногда говорят, не помещалось во рту. Вчера она, страшно устав за день, упала спать. И, видимо, от этой усталости очень крепко уснула.

Крепко спящий человек быстро высыпается. Выспалась ли она, или же приснившийся ей кошмар встревожил ее и, тем самым разбудил окончательно, она так и не поняла, но, несмотря на то, что усталое тело ее требовало отдыха, дальше спать женщина не смогла. В комнате еще было темно, и она встала и зажгла свет. Посмотрела на часы, висящие на противоположной стене. Было четыре часа ночи. Обычно она просыпалась около шести часов утра, а тут четыре... Это было самое трудное время, три часа до девяти, когда просыпаются все. Эти три часа были для нее сущим адом, тянулись, как три года. Поскольку жила она одиноко, то и занятий по дому у нее было немного. Раньше любимым делом у нее было чтение книг. Но в последнее время и эта охота отпала. Осталось занятие – чтение ежедневных газет и журналов. Подписалась на несколько газет годовой подпиской. В киоске, расположенном рядом с домом, за углом, она покупала целую кипу других газет. Среди них были и правительственные издания и оппозиционные. Но и их она не читает сразу, как раньше, а откладывает на потом. Некоторые откроет и тут же закроет, в других прочтет одну – две заметки и успокаивается на этом. Вот и сегодня, еще не позавтракав, даже воды не попив, пошла в соседний газетный киоск за углом и купила несколько газеток. Некоторые, сидя на кухне, слегка просмотрела, кое-что даже прочитала, сделала своеобразный обзор. Потом приняла душ, выпила чашку чая. Съела полкусочка хлеба. Так видимо была устроена ее природа,

к утренней еде она была совершенно равнодушна. Но и дневная, вечерняя пища тоже кое-как проскальзывала в ее желудок. И это не каждый год, а каждый месяц она все худеет и худеет. Да и раньше она не была полной, а теперь вовсе похудела, и все худеет. Одни кости торчат, вот-вот заскрипят.

Она хотела пойти на работу, и даже направилась к двери. Но тут как раз зазвонил всюю телефон. Она не стала мудрить, и нехотя подняла трубку.

– Доброе утро, Айгуль. – Как ты? – произнес знакомый голос на другом конце провода.

– А ты сама как, Куляш?

– Да все также.

– Как спала?

– Сегодня встала раньше, чем обычно.

– Почему?

– Приснился плохой сон, в четыре ночи проснулась в испуге. И не смогла снова уснуть.

– Это, наверное, от усталости.

– Да, я очень сильно устала.

– Тебе надо отдохнуть. Я же тебе предлагала сходить куда-нибудь, отдохнуть, а ты не согласилась.

– Ничего не хочу.

– Ты когда-то любила ходить в театр. В Ауэзовском театре дают новый спектакль. Давай вечером сходим на него.

– Меня сейчас ничто не интересует.

– После работы ты дома будешь, Айгуль?

– Мое обычное расписание на день осталось без изменений, поздно ложусь спать, рано встаю. Иду на работу, возвращаюсь домой. Никуда никогда не хожу. Вся моя оставшаяся жизнь проходит в четырех стенах.

– Ну, пока. Вечером к тебе приду.

– Приходи, Куляш, приходи. Жду тебя.

Каждый день одно и то же. Поздно ложится спать, рано встает. Во время сна ее мучают кошмары наподобие того, в котором чудовище пыталось отобрать у нее лежащего ря-

дом с ней ребенка. Она вскакивает, разбуженная собственным криком, собственный голос ее будит...

Айгуль пришла с работы немного позднее, чем прежде, а Куляш уже ждала ее у двери. Оживленно разговаривая, они вошли в дом. Говорили долго, эмоционально. Вспомнили молодые годы, светлые и радостные, и Куляш, решившая про себя растормошить подругу, через пару часов удалилась домой, довольная собой.

После того, как Куляш ушла, пришел и вечер, темный и неуютный. Вместе с сумраком и мысли Айгуль стали темные, неприятные. И вновь после светлого, разноцветного дня пришла черная ночь, мрачная, как могила. Тяжелые мысли проникли в ее голову, и мучили ее бедную, пока за полночь она не заснула усталая, разбитая...

2

Очень жаркий летний день. Более месяца с неба не упало ни капли. Хотя была всего лишь середина августа, листья на деревьях начали желтеть. Ни дуновенья хотя бы слабенького ветерка. Душный воздух не дает дышать. В одинокой ее спальне снились ей плохие сны, и остаток ночи так в бессоннице и проходил. Под самое утро удалось ей уснуть, действительно немного поспать. Она протянула руку до сотового телефона на тумбочке, посмотрела время. Часы показали одиннадцать дня, а календарь на стене обозначил 17 августа. Ей стало зябко, сердце ее заныло. Больше всего на свете она не любила месяц август, и именно этот день 17 число... Именно с этого злосчастного черного дня глаза ее не просыхали от слез.

Вокруг стояла вязкая тишина. Эта тишина давно уже давит ее, давит ей тело и душу. Одиночество, как червь, разъедающий душу, пожирает ее, уничтожает. «Одиночество красит одного только господ бога», – вспомнила она древнюю поговорку, и старики-степняки, похоже, не зря ее произносили. «В такой ситуации даже кошки у меня нет, которая путалась бы под ногами, – подумала она про себя. – Была бы у меня кошечка, она бы эту мертвую ти-

шину разрушила своим милым мяуканьем! Ой, Аллах-Создатель, дай мне возможность хотя бы услышать голос живого существа. Я ведь могу умереть от этой тяжелой тишины и от одиночества, которые воткнулись мне в бок, как два жестких кинжала. Она вспомнила, как соседка-старуха сокрушалась по поводу своего одиночества: «Если бы я вдруг умерла, тело мое съела бы кошечка несчастная. Нет у меня близких-знакомых, которые справлялись бы, жива ли я, здорова ли». Так вот, она вдруг поняла, что ее положение гораздо хуже, чем положение той несчастной старухи.

Мысли, мысли... Были бы хотя бы мысли достойные, что ли? Темнее могилы, тяжелы, как гроб, горькие, как слезы, вонзающиеся в сердце одинокой женщины, как иголки...

«О, Аллах-Создатель, пусть бы послышался пусть даже слабенький голосок... Я умираю от этой безжалостной тишины», – взмолилась в пустоту несчастная женщина.

«Если плакать взаправду, и из слепых глаз польются слезы», – не зря говорят в народе, однако. Аллах-Создатель, похоже, расслышал пожелания больной своей грешницы. Через некоторое время в мертвой тишине послышался тихий слабый голосок. «Что это за звук, откуда он раздался?» – вздрогнула она. Посмотрела вокруг. Подошла к двери и посмотрела в дверной глазок. Ничего не видно.

«Ты хотела меня? Так слушай теперь», – и слабый звук послышался снова, но уже более сильно. Женщина, не заметив ничего вокруг, подняла глаза вверх, к крыше дома. О, боже! Одна несчастная муха обосновалась сверху окна ее спальни, между рамами, и там летает. И это ее жужжание она слышала, и для израненной души даже эта муха стала лекарством. «Значит, Аллах-Создатель увидел мои слезы и сжалился надо мной», – подумала она. – В этой мертвой тишине даже эта муха, ее жужжание стали мне благодатью божьей, опорой жизненной, еле слышным слабым звуком. Хоть это и маленькая муха, но тоже живое

существо, и она ведь хозяйин жизни? И муха может быть спутником-другом. О, Аллах-Создатель...»

Эти горькие ее мысли, наматывавшиеся на ее бедные мозги, как сухие длинные сухожилия, были прерваны резким голосом сотового телефона, который в сравнении со слабым жужжанием был громче громкого и подобен грому.

– Айгуль, ты дома?

– А куда я могла уйти, конечно, дома.

– Откуда мне знать, я несколько раз нажимала кнопку домофона, так ты не отвечаешь.

– Я не слышала. Сейчас открою.

– Как ты? – воскликнула подруга, буквально упав в проем двери, а сама она был высокая, сухощавая, стройная, как гусыня, смуглая.

– Все хорошо, Куляш, все хорошо. Ты чего это с утра, запыхавшаяся такая?

– Какое утро, уже же полдень.

– Разве?

– Посмотри на часы, час дня.

– О, боже, для не умершего раба и божий полдень наступил, оказывается.

– Я только сошла с самолета, так сразу к тебе примчалась, домой не заезжала.

– Все ли спокойно? Почему ты так торопилась?

– Ой, боже мой, как же мне не торопиться? Суйинишбике за границей. Макпал в больнице лежит. Рядом с тобой никого нет. Как только шасси самолета коснулись земли, я стала названивать тебе, а ты не отвечаешь. Мне показалось, что с тобой что-то случилось, и я за тебя сильно испугалась. Прыгнула в такси, и таксисту сказала: «Мчись прямо по Чокана Валиханова, угол Кабанбай батыра.

– Я отключила свою сотку. А городской телефон не работает.

– Почему?

– Я заболела, и вовремя не смогла оплатить расходы. Похоже, отключили.

– Ты завтракала?

– Нет.

– Почему?

– Аппетита нет.

– Так нельзя. Прими душ. Приоденься. А я пока чай поставлю, и стол накрою.

– Не беспокойся. Я сама. А ты иди к себе домой. Тебя же ждет твой Байбота.

– Байбота на работе. Обедает он на рабочем месте. Мне нет причины торопиться. Я, пока не помогу тебе, никуда не уйду. Прогонять будешь, не уйду.

– У меня все в порядке.

– Это ты про вот это говоришь, что все в порядке? Лицо у тебя бледное-бледное. Скорую не вызываешь, в больницу не ложишься. Что же нам для тебя сделать?

– Ничего делать не надо. Я пока умирать не собираюсь. Если умру, так в этом доме.

– Кончай болтать. Иди, садись за стол. Пей чай. Возьми себя в руки. Если и дальше будешь себя так вести, тебе станет хуже. Твоя болезнь – печаль. И эту твою печаль твоя ученица, Алия, живущая в Шымкенте, как назвала?

Надежда, доверие и мечта,

Обрадуют, силы добавит родня,

А плач – это горькая горечь от беды,

В огонь тебя бросит, сожжет маета,

– разве не так говорят? Спрячь свои слезы. Не подчиняйся серой печали, – весьма энергично сказала Куляш своей подруге. Слова Куляш о серой печали напомнили Айгуль стихи Ерасыла:

Похудела моя Айгуль,

Ее душу съедает печаль.

Несчастную не обижай,

Спаси ее, мой бог Кудай!

С помощью Куляш, приготовившей густой черный чай с молоком, чуточку поев горячей пищи, Айгуль немного ожила, лицо ее слегка покраснело, сил прибавилось.

Куляш, чтобы поднять настроение Айгуль, рассказала несколько анекдотов, добавив к ним парочку рассказиков из жизни. Но Айгуль на них не отреагировала. Видя, что ничего не помогает, Куляш стала обсуждать с ней зарубежный телевизионный сериал, который в эти дни и недели шел на экранах. После этого, сказав: «Продолжение ты сама посмотри, как далее сложится судьба этой девушки-сироты, а потом мне расскажешь, я завтра снова приду, а ты ложись спать пораньше», – Куляш степенно удалилась.

Но, оказывается, человека, которого одолевают тяжелые, как грозовые тучи, мысли, ничего не интересует. Естественное желание жить ушло из нее в те самые страшные и печальные дни и ночи, и теперь Айгуль не могла не то, чтобы смотреть кино по телевизору, а и думать об этом не могла. Чтобы не расстраивать Куляш, она краем глаза взглянула на экран, но теперь она этот треклятый аппарат выключила, ушла в свою спальню, да и прилегла. И хотя уже пришел обычный час, когда она ложилась спать, сон к ней не шел, глаза ее не закрывались. В такой ситуации любой погрузится в бесконечную чашу размышлений.

«Как же я дожила до такого тяжелого состояния, – подумала Айгуль. – Когда, при каких обстоятельствах постигло меня это несчастье. Я, глупая, никогда и не задумывалась о том, что моя безмятежно счастливая жизнь когда-нибудь превратится в несчастливую. Еще вчера я была одной из самых счастливых людей на земле. Как прекрасно начиналась моя жизнь, и когда, в какой момент все стало изменяться? Я жила в объятиях радости и счастья, и со счастливых дней начиналось нынешнее мое несчастье...

Да, я помню – счастливое время, и черные несчастливые дни все в моей памяти...

По жизни любимый мой муж Ерасыл был молодым человеком из хорошей семьи, и оказался он во всем достойным. Я с ним познакомилась, когда объезжала туристским маршрутом страны Европы. В очередной стране мы сошли с корабля и направились к ждущему нас автобусу,

чтобы совершить экскурсию по городу. И вот в такой необычной атмосфере путешествий и приключений Ерасыл садился в автобусе на сидение позади меня и писал мне письма. Однажды в автобусе он не смог найти бумагу, и написал мне письмо на стодоллароваой купюре. В то время за эти сто долларов можно было купить три костюма.

Как он радовался, когда на свет появилась наша первая дочка Суйинбике! Даром что писатель, и душа у него такая же широкая, на весь мир! «Молодец, моя Айгуль, молодец!» – говорил он, одобрительно, посмеиваясь. Я сама, занимаясь наукой полжизни, поздно вышла замуж, но вот на десятом году нашей совместной жизни на свет появился и наш второй ребенок сын – Данияр. Когда Данчик закрепился у меня внутри, мое здоровье стало резко ухудшаться. Поскольку у меня были больные почки, врачи запретили мне рожать, большая была опасность. «Мне нужно чтобы ты сама была здорова. Не совершай глупого героизма», – сказал мне Ерасыл. Но я не изменила своего решения. «Пусть я умру, но этого, находящегося во мне, я выношу и предъявлю миру, этому белому свету», – решила я.

Мы с Ерасылом мечтали о том, чтобы у нас был сын. Когда УЗИ показало, что будущий ребенок мужского пола, радости нашей не было конца, и о том, чтобы что-то изменить, не было и мысли. Но роды оказались очень трудными. За несколько месяцев до рождения ребенка я сменила несколько перинатальных центров при алматинских родильных домах. В итоге, семимесячный недоношенный ребенок родился после кесарева сечения. В больнице я пролежала сорок дней. Нужно было выводить ребенка из этих самых «сороковин», и поэтому я поехала домой. Три дня провела дома, и снова легла в больницу. Сына мы называли Данияр, и до десяти лет бедный мальчик только и делал, что болел. Он лечился в Кыргызстане в солевых шахтах «Шонтуз», в Германии в клинике университета города Тюбинген. Эта клиника расположена недалеко от Штутгарта, в котором производятся легковые автомобили

«Мерседес». Данчик очень любил автомобили, и я специально водила его на завод, производящий «Мерседесы». Как он этому радовался, вы бы видели!

И в «Шонтуз», и в Германию я возила Данчика сама. Где бы мы ни были в больницах, сколько его ни лечили, полностью исцелить его не удалось. Болезнь под названием «астма» стала его вечным спутником. Возможно, из-за того, что до его рождения я употребляла различные лекарства, до трех лет тело его покрывалось язвочками, которые долго лечились. Они, язвочки, видимо, очень сильно чесались, он расчесывал себя до крови. Поэтому я держала сына за руки, когда он лежал в детской коляске. Ерасыл качал коляску и говорил при этом:

*Этот мальчик Данияр,
Он красив, силен и яр,
Он послушный добрый мальчик,
Вырастит до президента, –*
так отец напевал сыну.

Данияр, родившийся от нашей страстной любви с Ерасылом, рос особенным, необычным ребенком. Он удивлял окружающих людей тем, что, не достигнув и десяти лет, обладал незаурядным умом, глаза его сверкали мудростью. Он был терпелив к болезням, терзавшим его маленькое тело, и прекрасно разбирался в происходящем вокруг, следил за всеми изменениями в обществе, о многом догадывался сам.

Когда Ерасыл уходил утром на работу, трехлетний Данияр говорил: «Папа, дас-дас, пусть с тобой будет удача, скорее возвращайся». Ерасыл быстро стал популярен своими талантами, трудолюбием, уважительным отношением к авторитетам в среде интеллигентов не только в Алматы и Астане, но и в Бишкеке, Москве, Париже, где проводил свои творческие вечера. И всякий раз, где бы это ни было, он не оставлял Данияра дома, а брал с собой, даже во время визитов в государственные и правительственные учреждения...

«Человек – дитя одной матери, и эту мать зовут природа. И в природе бывают лето и зима, ночь и день, и также в

жизни человека бывают счастливые дни и печальные недели, они чередуются», – стала думать Айгуль. – Человек приходит в жизнь с плачем, и с плачем уходит из нее», – говаривала покойная ее мама Макпал. И хотя я, как и все, с плачем пришла в этот мир, сама жизнь не заставляла меня рыдать каждый день до последних дней. Я родилась в семье интеллигентов, и росла в обстановке достатка и тепла. Всю жизнь работала в одном месте, в университете имени Аль – Фараби. Школу окончила с золотой медалью. На физико-математическом факультете, где я училась, на весь университет было всего пять студентов, получавших Ленинскую стипендию. Одна из них была я. Университет я окончила с красным дипломом. Потом были Москва, а затем Киев. В Москве три года училась в аспирантуре, а в Киеве пробыла две недели, пока защищала кандидатскую диссертацию, и эти две недели пролетели в мановение ока. Потом возвратилась преподавателем в родной университет. Туда же, где училась. Поднялась из рядовых преподавателей до декана, до заведующего кафедрой. В одно время приглашали работать в министерство, в ректорат. Но я уже была замужем, думала о судьбе своего спутника по жизни, и никуда не пошла, отказалась от этих лестных предложений. В связи с семейным положением, дети пошли, позднее других стала доктором наук, профессором, да и звание академика получила вслед за другими, и к этому не сама стремилась, а по предложению других, которые не стали прерывать дорогу справедливости, они и поддержали. И сейчас авторитет у меня в университете весьма высок. Один из показателей этого в том, что, по достижении пенсионного возраста, меня единогласно избрали Почетным заведующим кафедрой. А на свое место я предложила свою ученицу Гульнар, и это мое предложение одобрили и начальство, и все подчиненные...»

Мысли Айгуль прервал телефонный звонок.

– Тате*, здравствуйте!

*Тате – уважительная форма обращения к близкому, старшему по возрасту человеку.

– Это ты, Тумарбек?

– Да.

– Где ты?

– Я – дома. В Астане.

– Голос твой отчетливый, как будто рядом находишься. Я подумала, что ты в Алматы приехал.

– Как вы, тате?

– Хорошо. Как всегда.

– Услышав, что вы заболели, мы тут переживаем.

– Болезнь эта привычная. Ничего опасного нет. Не беспокойтесь.

– Мы с Жумагуль хотели приехать в Алматы.

– За какими делами?

– Чтобы побыть рядом с вами. Хотели за вами немного поухаживать.

– Нет необходимости. Не беспокойтесь понапрасну. Руки-ноги у меня в порядке. Пока хватает сил самой за собой ухаживать.

– Хорошо, раз так. Если мы понадобится, сообщите нам. Мы тут же прилетим.

– Спасибо.

Айгуль положила телефонную трубку на рычаг, и снова погрузилась в свои мысли.

Ничем не отличаясь друг от друга, протекли серые однообразные дни. В один из таких дней к Айгуль приехала ее давняя подруга, с которой они вместе учились в университете.

– Айгуль!

– Улжан!

– С приездом!

– Рада тебя видеть!

– Когда ты приехала?

– Прилетела вечерним рейсом. Как только устроилась в гостиницу, тут же к тебе направилась.

– Очень верно поступила.

– Проходи, вон туда, на почетное место. Немного отдохни. Попей чаю. Потом поговорим обо всем.

Не встречавшиеся продолжительное время, Айгуль и Улжан беседовали очень долго.

– Мне пора возвращаться, – сказала через некоторое время Улжан.

– Никуда не пойдешь. Будешь здесь ночевать сегодня.

– Вынуждена подчиниться, товарищ начальник.

– Про какого начальника ты говоришь?

– Как тебя увидела, вспомнила. Ты же была членом Центрального комитета комсомола, делегатом всяких съездов, лидером молодежи поголовно всего университета.

– О, это же были самые счастливые, медовые годы молодости, – глубоко вздохнула Айгуль. «Куда, куда вы удалились, весны моей златые дни...»

– А что, если мы вспомним эти незабываемые, дорогие, необыкновенные дни? Принеси, пожалуйста, альбом с фотографиями. – Хорошо, пусть будет по-твоему.

Улжан и Айгуль уселись рядышком на диване и стали рассматривать многочисленные фотографии альбома.

– Вот это – фотографии со свадьбы Ерасыла и Айгуль. Вот подружка невесты – Куляш, вот дружка жениха – Султан, он был им. А вот это посмотри, я – с моим Байботой танцую. Как все красиво! И мы все – молодые-молодые! Благоухаем, как лето. «Каждая из вас красивее другой. В кого из вас влюбиться я даже не знаю, измучался весь», – шутил Байбота. А сейчас я в зеркало смотреть боюсь.

– Я тоже боюсь, – согласилась с ней Айгуль.

– О, наша безоглядная молодость, разве возвратятся наши молодые годы.

– Байбота влюбился в Куляш с первого взгляда, – сказала Айгуль. – А шутил он специально, думал, что Куляш его приревнует к кому-нибудь.

– Но Куляш ведь спокойная, выдержанная. Даже и не вздохнула, не ойкнула, – вспомнила Улжан.

– Она такая выдержанная, что на первое свидание с Байботой опоздала на два часа. Мы сидели у нас дома. Я нечаянно посмотрела на часы, а от времени свидания с Байботой прошел уже час. «Ты же опоздала, беги, со-

бирайся», – начала я ее тормозить. И даже после этого прошел еще час, пока она отправилась на свидание с Байботой, на первое их свидание.

– Куда бы она ни пошла, она везде опаздывала, наша Куляш.

– А этого человека ты узнаешь?

– Вот присматриваюсь. Но не припоминаю.

– Это мой папа.

– А, так это Акылжан агай... Молодой совсем. Поэтому я не могла его узнать.

– А кто рядом с ним, высокий такой?

– Английский посол.

– А это Ханшайым апай, мама твоя?

– Она самая.

– А вокруг нее, похоже, иностранцы разные.

– Да, за границей – в США, когда она ездила на международный конгресс геологов.

– Ого, а вот здесь она рядом с Канышем Сатпаевым и Келдышем.

– Моя мама – ученица Каныша, продолжательница его дела, ты об этом знаешь. Президент Академии Наук СССР Келдыш говорил в один из своих приездов в Казахстан: «Из среды казахских женщин ярко выделилась первый доктор геологических наук Ханшайым Толыбаева, которая открыла новое направление в геологической науке – литологию».

– Ханшаим Толыбаевна очень часто ездила за границу, и из каждой поездки, я хорошо помню, привозила нам блузки и юбки, и другие вещи, чего только не было, все, кроме птичьего молока. Она знала не только казахский и русский языки, но и отлично, свободно говорила на нескольких иностранных языках, которыми владела в совершенстве. У меня до сих пор сохранился сувенир, привезенный ею из Канады.

– Да, мою маму частенько приглашали на весьма престижные международные совещания. Ее доклады на английском языке, прочитанные на международных кон-

грессах, весьма удачно выходили в Московских научных издательствах отдельными книгами.

– Вот справа от нее сидит наш президент Назарбаев, а слева от нее кто? – спросила Улжан, внимательно рассматривая снимок, на котором группа людей стояла, выстроившись, как гвардейцы на параде, а перед ними сидели на стульях несколько видных деятелей. Улжан тыкала пальцем в того, который сидел посредине снимка, в кудряво-волосого видного мужчину средних лет.

– Это же Евгений Михайлович Тяжелников.

– Первый секретарь ЦК Всесоюзного комсомола.

– Да.

– Ух ты, а вот здесь, смотри, ты сама сидишь в президиуме рядом с Первым секретарем Брежневым. Когда был сделан этот снимок?

– Это было в ноябре 1971 года в Москве, на всесоюзном слёте студентов. Тогда был сделан этот снимок.

– Да, теперь я вспомнила, ты тогда выступала от имени всей молодежи Казахстана. Потом ты была Председателем всесоюзного слета, возглавляла этот великий съезд. Я теперь все вспомнила. Прежней памяти нет у меня. Кстати, у Ерасыла был высокого роста, большой такой младший брат. Как его звали?

– Хамит. А почему ты про него спросила?

– Помнишь ли ты, несколько лет тому назад во время одного банкета к нам подошел один генерал, ты стала с ним знакомить Ерасыла, и тогда Хамит сказал...

– Что сказал...

– Одно время ее имя гремело на весь Казахстан, а потом она вдруг потерялась, исчезла, и вот через некоторое время Айгуль Акылжанова снова появилась среди нас, но зато рядом с известным писателем, – сказал, шутя, генерал.

– Я не вещь, чтобы вдруг потеряться. – Вспылила ты. – Во-вторых, рядом с известным писателем я не появилась, а это он возник рядом со мной!

– Извините, извините, – смутился генерал.

– Тот факт, что среди пятнадцати союзных республик председательство было поручено представителю Казахстана, нас это очень сильно вдохновило, на этом слете молодежи присутствовал и я. Радость переполняла нас до самого края. Делегаты от других четырнадцати республик очень сильно нам завидовали. Я хорошо помню, как они на нас смотрели. Кстати, на том слете рядом с тобой сидел сам Брежнев и частенько с тобой разговаривал, интересно, о чем вы беседовали?

Тут в их разговор вмешался Хамит, который вставил свою реплику: «Много чего мог сказать Леонид Ильич, но самые его главные слова были такие: «После того как вы вернетесь в Алматы, немедленно разыщите Ерасыла Жаксыбекова. Во всем мире вы не найдете такого джигита, как он». Наша женгей выполнила поручение генсека, отыскала моего старшего брата. Так что вы не ошиблись, товарищ генерал. Как вы сказали, известная ученая появилась рядом с известным писателем. Так ведь, Айгуль». «Да, так», – тепло рассмеялась ты. «За эти ваши слова я вам многим должен», – сказал генерал Хамиту.

– Да, вспоминаю. Хамит смог хорошей и доброй шуткой смягчить ситуацию, и, тем самым, вызволить человека из затруднения, в которое тот невольно попал. Такое у него было замечательное качество.

– А где сейчас сам Хамит?

– Живет в Астане.

– Он же стоматолог. Когда-то в молодости я читала в одной газете статью про него: «Хамит – мастер вставлять зубы».

– Он когда-то был стоматологом. Сейчас он предприниматель.

– Кстати, я видела по телевизору творческие вечера Ерасыла в Алматы и Астане, в Бишкеке и Москве. А вот вечер в Париже не смогла увидеть. Есть ли у вас видео о той поездке во Францию?

– Есть.

– Тогда давай посмотрим.

Айгуль тяжело поднялась с места, и направилась в кабинет Ерасыла, чтобы достать там диск с записью парижской поездки.

«Айгуль очень тяжело двигается. Да и сама она похудела. Нельзя сказать, что она очень старая. Айгуль гложет тяжелая беда, которая с ней произошла, ей сейчас очень трудно. А вообще-то, она же мужественнее любой из нас!» – подумала про нее Улжан.

Просматривая запись парижской поездки, Улжан засыпала Айгуль вопросами, как будто осыпала дождем.

– А кто это высокий, стоящий рядом с Ерасылом?

– Ректор университета Сорбонны.

– А слева кто?

– Это директор издательства «Эдишин Велюр», который издал книгу Ерасыла «Запах полыни».

– А разве Данияр не ездил в Париж?

– Конечно, ездил! Данияр всегда был с нами, куда бы ни поехали. А не видно его на этих снимках потому, что это он их снимал, Данияр.

– А вот это известная на весь мир галерея «Лувр». А это Эйфелевая башня. А вот эти здания я почему-то не узнаю.

– Это Версаль, в сорока километрах в сторону от Парижа. Это чудо, состоящее из нескольких крупных сооружений, было построено в одиннадцатом веке по приказу французского короля Людовика. Здесь есть серебряный зал, золотой зал, приемная короля для зарубежных гостей, спальная комната короля. В этих огромных зданиях нет ни одной свободной стены или потолка. Все стены заполнены картинами. И не только картины.

– А что еще?

– Во-первых, – оригиналы этих прекрасных картин, как факт художественного искусства. Во-вторых, – эти картины рассказывают об истории Франции, живые летописи и родословные. К ним добавляются записанные на этих стенах крылатые выражения французских философов, поэтов и писателей, над которыми задумываются многие поколения людей. Французские правители, которые более десяти веков тому назад основали университет Сорбонны,

собирали в этом королевском дворце, здесь, со всего мира талантливых писателей и поэтов, художников, ученых, и поставили перед ними задачу: «Каждый из вас представитель и защитник своего государства. Мы берем на себя заботу о вашей жизни и пропитании. Не занимайте свои головы вопросами о ежедневном быте. Ваша задача – служить вашими талантами и способностями Франции. Так они подняли, значительно продвинули вперед литературу и искусство, науку и культуру, и благодаря этим четырем локомотивам улучшили экономику, производство, и эти четыре силы стали мощью, которая повела Францию в будущее. Мы многому должны учиться у цивилизованных государств.

– Да, если продолжать говорить, то о многом можно узнать, – сказала Улжан. – Ты ведь очень многое знаешь, Айгуль. Мне хочется тебя слушать и слушать. Но не буду тебя утомлять. Я должна уже идти.

– Куда это ты пойдешь посреди ночи? Сегодня здесь заночуй.

– Вынуждена подчиниться вашему приказу, начальник.

– Э, давно надо было так привести тебя к порядку.

– А когда это я не была в порядке?

– Было.

– Когда это, душа моя?

– В год окончания университета ты не осталась в Алматы, а вернулась в свои родные места.

– Так я же к отцу-матери вернулась в аул. Если бы я, как ты, родилась в Алматы, а мать была бы известным академиком, а отец работал в ЦК, конечно, я бы осталась в столице.

– Помощь отцу и матери можно было бы оказывать и работая в Алматы, разве не так, и для этого не надо было ехать в Торгай, в Аманкельды.

– Это верно. Я потом сильно жалела, что не послушалась тебя в тот год. Ой-бой, так уже три часа ночи! – воскликнула Улжан, глядя на настенные часы. – Пора, пора ложиться спать.

– Что ж, спать, так спать.

Две подружки, соскучившиеся друг по другу, уснули, лежа рядом на одной постели. Как только в комнате погас свет, Улжан тут же уснула.

Айгуль, которую все еще мучили неотвязные, тяжелые мысли, долго не могла сомкнуть глаз.

4

Эта история произошла, когда ровеснику Независимости Данияру исполнилось четыре года.

Старшая сестра Данияра Суйинишбике решила отметить в родном доме свой очередной день рождения. В те годы все праздники люди отмечали в собственных домах. Во время перерыва молодежь весело танцевала в большой комнате, называвшейся обычно «зал». Все молодые, все красивые. Да и сама молодость – явление красивое. И сердце пятилетнего Данияра выбрало из этих красавиц самую красивую девушку по имени Жамиля. Данияр не сводил с нее глаз, и вдруг осмелел, подошел к ней и сказал:

– Я хочу с тобой танцевать, – и совсем как взрослый, кивнул ей головой, приглашая.

– Хочешь танцевать, хорошо, идем, потанцуем, – ответила Жамиля, и тоже склонила к нему свою белую, длинную, как у лебедя, шею.

Она была высокая, статная, плечи у нее были прямые, густые черные брови и длинные острые ресницы украшали ее высокий открытый лоб и карие пронзительные огромные глаза, черные волосы, подобные степному травостояю на вершине весенней горы, ниспадали на тонкую спину, а на ней самой было красное короткое платье, открывающее белую шею, и сама Жамиля была олицетворением молодости и любви, само пламя. Возможно, великий Тенгри даровал ей эту красоту, это великолепие с тонкими чертами лица, чтобы уничтожить пламенем любви сердца многих парней. С Жамилей – с этой изящной и тонкой красотой Данияр танцевал, погруженный в

какие-то свои мысли. Он не отставал от девушки, которая была старше его на пятнадцать лет, а все делал в такт, кружась вместе с ней в вихре вальса, а ведь ему было, всего-то, пять лет.

Начиная с того дня Жамиля днем не выходила из его головы, а ночью приходила в снах. Иногда ему удавалось повидаться с ней, и тогда сердце его билось часто-часто. Детская его любовь трепетала и пела подобно птенцу, собирающемуся вылететь из гнезда...

Проходили дни, и Жамиля, чтобы продолжить образование, должна была поехать в Китай...

Ерасыл и Айгуль весь день на работе. Дома находились две девушки-студентки. Одна из них – племянница Назгуль, дочь родной сестры Ерасыла Сауле, а вторая – няня Данияра – Жанар. Вечером, когда Ерасыл пришел с работы, он увидел, что сын его Данияр сидит печальный, без настроения.

– Что с тобой, почему такой мрачный? – спросил Ерасыл, глядя сына по голове. – Кто тебя обидел?

– Вот эти Назгуль и Жанар, – сказал Данияр, и, кое-как, выдавил из глаза единственную, но горькую слезу...

– Что они сказали?

– Они говорят: Жамиля не поехала на учебу, а вышла замуж за китайского косоглазого юношу. И теперь она не возвратится. У меня из-за них сердце болит. Из-за их насмешек.

– Так сейчас же каникулы. Они свободны от учебы, вот и веселятся. Подшучивают над тобой от безделья. Ты, глядя на них, не расстраивайся. Жамиля не вышла замуж, она уехала учиться в Китай. Скоро приедет на каникулы. Она тебя очень любит, – стал успокаивать сына Ерасыл.

– Я тоже так думаю. Если бы Жамиля меня не любила, разве она пришла бы перед самым отъездом в Китай ко мне в больницу? Специально ведь пришла, отыскала. – И его белые зубы обнажились в улыбке, а лицо его покраснело, как утренняя заря.

После этого разговора прошла всего неделя, и однажды Данияр вбежал в дом с криком:

– Ура, ура! – кричал он, и лицо его сияло от радости. Потом он уперся обеими руками в пол, поднял ноги вверх и сделал один переворот. Он повторил этот трюк, подсмотренный им у артистов цирка, а потом пустился в пляс, кружась вокруг себя. Потом вздохнул, немного отдохнул, и снова закричал свое: «Ура!», – и обнял Ерасыла.

– Что случилось, скажи родной! – спросил Ерасыл, целуя его в лицо.

– Ура, Жамиля приехала, Жамиля! – прокричал Данияр.

– Так она, значит, не забыла тебя.

– Нет, не забыла. Я спросил у нее: «Ты меня не забыла?» «Нет, не забыла», – сказала Жамиля.

Слова Данияра продолжила Суйинишбике.

– Назгуль и Жанар не было дома, поэтому в университет я пошла вместе с Данияром. Данчик вместе со мной сидел на лекции и внимательно слушал. Когда мы вышли на перерыв, у двери нас ждала Жамиля. Мы втроем направились в кафе. Мы с Жамилей стали обедать. А Данчик ничего не ел, и даже не говорил ничего. Оба его глаза устремлены были на Жамилю. Сидит молча. Внезапно Данчик поднялся ногами на стул, на котором сидел. Он склонил голову, поправил волосы, и протянул правую руку вперед. Потом сказал:

– Жамиля, эту песню посвящаю тебе:

Я жил по старинной привычке,

И свой ритуал не менял,

Но стал для меня целый мир безразличным,

Когда я тебя потерял...

Люди в кафе одобрительно загудели, зашумели, а потом вдруг замолчали, слушая. И в этой тишине Данчик продолжил:

Я жил не святой, не провидец,

Кутил и тебе изменял,

Всех женщин я до смерти возненавидел,

Когда я тебя потерял.

Люди, внимательно слушавшие Данчика, поглядели на него с любопытством и любовью.

*Позови меня в ночи, приду,
А прогонишь прочь, с ума сойду,
Всех из памяти сотру друзей,
Лишь бы ты была всегда моей.*

Когда песня закончилась, раздалась бурные и продолжительные аплодисменты, всколыхнувшие зал.

– Сам маленький, как птенец, однако, удалец!

– А голос какой у него красивый!

– В будущем, возможно, будет великий певец!

– Ой, дорогой наш малыш, будь счастлив!

– Это не простой мальчик, у него хорошее будущее, – удивлялись посторонние люди. В кафе было полно народу.

После окончания песни Жамиля встала со своего места и сказала:

– Спасибо!! – и поцеловала Данияра в щеку.

После этого рассказа Ерасыл сказал Айгуль:

– Сегодня тщательно подготовьтесь. Завтра позовем Жамилю в гости. Скажи Суйинишбике, пусть позовет и Куттыбека.

– Нам мало было других забот, теперь будем ухаживать за молодежью? – возразила Айгуль.

– Другие мне не нужны, а вот за Жамилей поухаживай по стойке смирно! Самая главная, самая великая персона – это она.

– Как это?

– Кто для нас самый дорогой человек?

– Этой мой Данчик!

– Не только твое, но и мое самое дорогое счастье, вышешенное у самого Бога Неба Тенгри, мой Данаш – Данияр.

– Об этом нет споров.

– А если так, мы должны сына обрадовать, чтобы он был счастлив, и поэтому позови в гости Жамилю.

– Вообще-то, ты прав. Что ж, так и быть, позовем.

Данияр, услышав о том, что родители позвали Жамилю в гости, и она завтра придет, очень обрадовался. В комнате, где он жил, сам протер всю пыль, собрал на письменном столе все бумаги, привел все в порядок.

Особенное внимание он всегда уделял «автомобильной промышленности», и теперь у него накопилась целая коллекция копий модельных автомашин, которые были выстроены в один ряд.

В тот день для Данияра время тянулось бесконечно долго. Жамиля должна была прийти в шесть часов вечера. Глаза Данияра на циферблате часов, висящих на стене. Прошло десять минут после шести. А Жамиля все не идет. В пятнадцать минут седьмого от Жамили нет вестей. Прошло еще пять мучительных минут. Все еще никаких вестей. И только теперь синий телефон прозвонил трижды. Данияр глазами то на телефоне, то на входной двери. Прошло еще пять минут, и в двери раздался звонок. Это, наконец-то, пришла Жамиля.

За столом, посвященном их встрече, расположилась группа людей. Это были: Ерасыл, Айгуль, Куттыбек, Суйинишбике, Назгуль, Жанар. Жамилю и Данияра Ерасыл усадил во главе стола. Жамиля несколько раз попросила прощения за то, что опоздала.

– Причина моего опоздания, – сказала Жамиля, – я искала подарок для Данияра, и немного задержалась в магазине. Я знаю, что Данчик любит модельные автомобили. И много времени отнял у меня поиск автомобиля, которого нет в его коллекции. Это вот эта машина. Ее же у тебя нет, Данчик.

– Да, ее у меня нет. Это – точная копия «Мерса – 500». Спасибо, Жамиля!

Так сказал Данияр, и поставил на подоконник копию «Мерседеса -500». Он, как увидит новую модель автомашины, обо всем забывает, только ею и интересуется. Но на этот раз он изменил своим привычкам. Все его внимание было посвящено Жамиле. Сидящие за дастарханом взрослые были очень удивлены. Не удивлялся только Кутты-

бек. То был период, когда Куттыбек и Суйинишбике еще не поженились, а только собирались сыграть свадьбу, но уже во всем у них было полное взаимопонимание, и они даже планировали свое будущее. Поэтому он, Куттыбек, еще не знал, как полагается Данияра, еще не понимал его.

А сегодняшнее поведение Данияра соответствовало не поведению пятилетнего ребенка, а так обычно себя ведут молодые люди, юноши в двадцать – в двадцать пять лет. Он подкладывал на тарелку Жамили еду, наливал ей в бокал напитки, ухаживал за ней. Он похож был не на ребенка, все еще играющего в игры, а на серьезного, вдумчивого юношу. Во время перерыва, после ужина, он повел Жамилю в свою комнату, посадил перед собой, и начал рассказывать ей разные интересные истории.

– А ты знаешь, что составляет семь казахских сокровищ – что такое «жети казына?» – спросил Данияр у Жамили.

– Нет, оказывается, не знаю.

– Ты – казашка, ты должна это знать, – сказал Данияр.

– А ты знаешь? – спросила Жамиля.

– Знаю. Я тебе расскажу, а ты запомни. Хорошо?

– Хорошо.

– К семи сокровищам относится:

Сильный и храбрый мужчина.

Красивая женщина.

Быстрый конь.

Меткое ружье.

Гончая собака.

Ловчий сокол.

Острый нож.

– Ты поняла?

– Поняла.

– Если поняла, то запомни тщательно и не забывай.

– Хорошо, постараюсь не забыть, – сказала Жамиля, глядя Данияра по волосам.

– А ты знаешь семь колен – наших предков – «жети ата»?

– И этого я не знаю.

– Семь наших колен – это вот что:

Отец.

Сын.

Внук.

Правнук.

Праправнук (шопшек – казахское).

Прапраправнук (немене).

Прапрапраправнук (туажат).

Тот, кто знает своих семерых предков, тот способен защитить семь народов, а тот, кто знает только самого себя, тот эгоист, сам себя уничтожает.

Разговор Данияра и Жамили сумела прервать Назгуль. После бешбармака молодежь начала петь песни, танцевать. Когда они стали танцевать парами, Данияр вновь пригласил на танец Жамилю...

В тот день Данияр лег спать гораздо позднее, чем засыпал до этого, и уснул он в объятиях своих сладких фантазий. Летал он во сне на крыльях великой мечты...

С того дня, Данияр часто видел во сне Жамилю.

5

Маленькие дети, как ангелочки, любимы всеми. Младший ребенок Айгуль и Ерасыла – Данияр был всеми очень сильно любим, рос особенным, умным и талантливым. Говорить он начал не достигнув и двух лет, и с того времени стал просить то, что именно ему было нужно, и весьма умел настаивать на своей просьбе. Некоторые слова он пока произносил неправильно, и, тем не менее, всегда стремился объяснить свою мысль так, чтобы его взрослые поняли. Некоторые слова он перевирал, как все дети, но говорил на языке родителей, на казахском, вместо «ет» (мясо) произносил «ек», вместо «иду» говорил «ду-ду», и тому подобное. Когда у него спрашивали: «Как тебя зовут?» – имя свое Данияр он произносил «Дян-дян». Для родителей он был самым главным их богатством, самым большим счастьем, и все произнесенные их ребенком было для них равно закону. Так Данияр постепенно стал самым главным в семье Айгуль и Ерасыла, сутью и

смыслом их жизни, и хотя никто его не учил, он сам все выспрашивал у взрослых, что ему было нужно, в четыре года составлял буквы в слова, и начал самостоятельно читать и писать. Научился считать без ошибок до тысячи.

*Я – воробей, я – воробей,
Не мерзну средь холодных дней,
Сады, деревья все вокруг
Я защищаю от червей, –*

распевал он детские песенки. В пять лет он начал рисовать. В шесть лет сочинил свое первое стихотворение. В десять лет он был гораздо умней и образованней всех своих сверстников и друзей. Начиная с четвертого класса, выписал журнал «Автомир» и читал его от корки до корки. С детства он очень сильно, можно сказать страстно увлекался именно автомобилями, и у него имелись сотни миниатюрных копий автомобилей самых разных марок и типов, богатая у него была их коллекция. Наружное оформление автомобилей и дизайн кабин им тщательно изучался, он рисовал их, точно перенося на бумагу все особенности, расположение фар и других деталей, выделяя отличия марок автомобилей. Он знал, в какой стране сделана каждая машина, в каком году, с какой скоростью она двигалась, общую силу и мощность мотора, и многие другие технические характеристики, возможно не известные самым глубоким автомобильным специалистам, и этим значительным знаниям маленького мальчика всегда удивлялись взрослые люди.

– Расхваливаемый всеми зарубежный «Джип» имеет множество недостатков. Их все надо исправлять, доводить, – рассказывал Данияр отцу.

– Это какие же недостатки? – спросил Ерасыл.

– Прошлый раз, когда мы ездили в аул, мы же видели – по бездорожью он плохо ездит.

– Для этого надо дорогу улучшать, а машина здесь причем?

– Правильно говоришь, папа, и дорогу надо отремонтировать, но сначала надо машину улучшить. Это гораздо

дешевле, чем дорогу одевать в камень и бетон, выгоднее. Многие нынешние автомобили и по бездорожью развивают скорость выше пятидесяти километров в час, и еще они могут подниматься над дорогой на пятьдесят, сто метров выше, и так ехать.

– Маленький мой гений, но это же невозможно.

– Очень даже возможно. Я сделал несколько испытаний, давай пройдем в ванну.

Когда Ерасыл увидел, что в полной ванной над водой летает, гремя и фыркая, металлический игрушечный автомобиль, и не тонет, подчиняясь командам с пульта, он пришел в полное изумление.

– Да это же просто чудо, как ты это смог сделать? – спросил Ерасыл, не скрывая своего восторга.

– В прошлый раз, когда ты ездил вместе с Президентом в Катар, ты привез макет игрушечного самолета, который летал с помощью этого пульта, он немного поднимался над полом, так этот макет был поломан одним мальчиком, приехавшим из аула, а я использовал моторчик от него. Автомобиль на бездорожье может подняться в воздух, чтобы не утонуть в воде, над этим я долго размышлял, собрал некоторые дополнительные детали, и у меня получилось. Ты меня отправь на завод, изготавливающий автомобили, я за короткое время создам такие машины, и докажу, что это возможно.

– Ах, ты ж боже мой, – сказал Ерасыл, веря и не веря самому себе, и покачал головой.

Тогда Данияру было всего одиннадцать лет.

6

Однажды, когда Айгуль и Куляш, давно не видевшие друг друга, уже завершали свою беседу, к ним неожиданно пришел Данияр. Он вежливо поздоровался с Куляш и уже хотел пройти мимо, в свою комнату:

– Ни на кого не похожий Данияр растет необычным, интересным молодым человеком, – сказала Куляш. – Но в его глазах, карих, сверкающих очах есть особенная не-

большая печаль. Это признак большого ума и талантов, которые от него никогда не уйдут. Его уважение к старшим и человечность сама по себе, а по характеру, смелости и решительности, он весьма похож на отца. И с каждым годом, по мере того, как он растет, он становится и красивее, и мужественнее. Белое его лицо излучает добрейший, мягкий свет. Внешний его вид и внутреннее содержание находятся в полном согласии. Совсем молодой, а поступки его величавы, и даже гениальны. В характере нет недостатков. Ты, мать, которая вырастила такого золотого сына, должна быть очень счастливой, Айгуль.

От хорошего слова и душа богатеет. Какая мать не любит, чтобы ее ребенка хвалили. Слова Куляш для Айгуль были словно масло по сердцу, и благодарно и глубоко проникли в ее душу. К тому же, Куляш не относилась к тем, кто входил в чужой дом смеясь, а выходил, понунив голову, если ей что-то нравилось или не нравилось, она сразу говорила правду, как она есть, ничего не скрывая. Поэтому и было ценным ее мнение. Честная и добрая подруга Куляш, которую Айгуль знала еще со студенческих времен, и любила больше всех на свете, очень хорошо поддержала ее, и душа ее от этих слов возликовала.

– Ты такая стала красноречивая. Ты не юрист, ты просто поэт.

– В последнее время я значительно увлеклась устным народным творчеством. Возможно, из-за этого. Инерция поэтического слова. Ой, мне пора ехать домой!

– Ты сильно задержалась, где тебя носит? – спросил Байбота у жены, когда та приехала домой.

– После работы навестила Айгуль, заболтались своими разговорами, вот и не заметила, как время прошло.

– У гуляющей женщины найдется тридцать слов оправдания, не так ли говорят. Я и сам подумал, что моя Куляш как раз была у Айгуль, и там задерживается.

– Я поторопилась, поскольку знаю, что ты вечернюю еду без меня не ешь.

– На такси приехала?

- Данияр меня подвез на своей машине.
- О, эта жизнь, бегущая мимо, – вздохнул Байбота, – вчера еще мы сами привезли его из роддома, а теперь он вон какой большой джигит стал. Поймешь, что состарился, глядя на своих подросших младших братьев и сестер, так говорят в народе.
- Перестань ты говорить обо всем таком, нам лишь недавно исполнилось шестьдесят.
- И шестьдесят – это немалые года.
- Шесть – это настоящий полдень, – говорил раньше народ.
- Да, это верно.
- Байбота, я хочу тебе кое-что сказать.
- Если хочешь сказать, говори.
- Вот у Ерасыла и Айгуль растет мальчик Данияр, он – особенный?
- Он не просто особенный, мало так сказать, он же гений! Гений! – воскликнул Байбота.
- Люди не будут просто так говорить, Данияр и в самом деле рос особенным, очень умным и добрым молодым человеком. У него был особенный взгляд на жизнь, мысли его были солидны, сам он был спокойный и рассудительный. Я верю, что у него будет прекрасное будущее, – сказала мужу Куляш, вдохновленная недавней беседой со своей подружкой Айгуль.
- Я присоединяюсь к твоим словам. У Данияра есть все возможности стать значительной, крупной личностью. Для этого есть все основания.
- Это божественная сила, дарованная ему самим богом Тенгри. Многочисленные его таланты, трудолюбие, широкое мировоззрение и глубина восприятия, усвоенные им ум и знания. Да и происхождение его не простое. Это – след тулпара, наследник сокола. И среда, в которой он вырос, люди, с которыми он общается, весьма сильны и добропорядочны. Знакомые и друзья его отца – известные всему миру личности. Подруги матери, разделяющие ее тайны и печали, очень порядочные и честные женщины,

никогда не переступавшие моральную черту. Если мы скажем, что легко родиться человеком, но остаться человеком всю жизнь гораздо труднее, с момента рождения это не относится к человеку чести и добра. Священные чувства, вошедшие в ребенка с кровью отца и молоком матери, воспитывают честного человека так, что он становится личностью, поднимается высоко над многими. Данияру не исполнилось и двадцати лет, а он уже поднялся до высоты достойной личности, и в этом его секрет. А самая глубокая его тайна – он был освящен божественным светом Аллаха, благоволением пророка, – такой вывод сделал Байбота.

Эти слова были произнесены за вечерним бешбармарком, и об этом юноше, на которого возлагались такие надежды, и слова эти Куляшью тут же были донесены до Айгуль.

«Всему будет судьей время. Кто бы ты ни был, какой бы ты ни был человек. От языка и глаза спаси, бог мой, моего жеребенка», – прося у Аллаха только одного этого, смогла уснуть Айгуль.

В ту ночь во сне она увидела Данияра. Вместе с другими людьми он участвовал в конных состязаниях, причем был верхом на коне аргамаке белой масти. Этот конь шел впереди всех всю байгу, и до самой последней черты шел впереди всех. Люди восторженно кричали: «Молодец, Данияр! Так держать! Вперед!» – и слышался шквал аплодисментов. Тут конь, мчавшийся как белая звезда, споткнулся, и Данияр слетел с белого аргамака в никуда...

7

После ужина в комнату, где сидел Ерасыл и писал новую книгу, вошли, держась за руки, Айгуль и Данияр.

– Данияр хочет сказать тебе что-то очень важное. Он говорит, что надо всем нам посоветоваться, – сказала Айгуль.

– Да, так что за разговор? – спросил Ерасыл. Данияр при этом потупился, и почесал затылок.

– Не стесняйся, говори, – подтолкнула Данияра Айгуль.
– Я хочу жениться... Если вы не против, – сказал Данияр, перебирая ногами, как лошадь, перед которой бросили на землю пшено...

– На ком? – спросил Ерасыл.

– Я думаю, вы сами догадываетесь, на ком, – сказал Данияр, и глазами попросил мать помочь ему в этом трудном деле... Но вид при этом у него был смелый, решительный.

– На Анжелике, да? – спросила мать.

– Да.

– Она рано потеряла свою мать, и уже один раз оказалась несчастливой, – сказал Ерасыл, и хотя слова его были обращены к Данияру, смотрел он при этом на Айгуль, как бы ища у нее поддержки. – Если ты сделаешь опрометчивый поступок, она во второй раз окажется несчастной, и это бог не простит. Надо бы тебе еще подумать, ты должен проверить свои чувства, как ты на это смотришь?

– Три года – это немалый срок, – сказал Данияр. Последние три года мы вдвоем провели вместе, не расставались. На учебе, на практике за рубежом, мы вместе. Более года вместе работаем. Последние два года она все время перед вашими глазами.

– Если так, то я разрешаю. – Потом поправился: Если мать согласна, я разрешаю.

– Самое главное – счастье молодых, – сказала Айгуль, взволновавшаяся, как море во время шторма. – Я даю свое материнское благословление. Будь счастлив, верблюжонок мой!

– Спасибо! – обрадовано воскликнул Данияр, и белые его зубы засверкали, как жемчуга под лучами солнца.

После этого разговора Ерасыл и Айгуль погрузились в заботы по подготовке свадебного праздника.

На следующий день они собрали единокровных своих родственников, близких друзей и стали советоваться с ними как лучше подготовить свадебное торжество.

– Сначала мы должны нанести визит будущим сватам, – сказал Хамит.

– Это ты правильно мыслишь, – сказал Ерасыл.

– С ними надо договориться о том, какой день и час им будет удобен, – добавила Айгуль.

– А как мы это узнаем? – спросила Куляш.

– Пусть Анжелика поговорит со своим отцом. И в назначенный день мы придем к ним, – сказал Куттыбек.

– После этого «совещания» прошел месяц, и в Алматы приехал Тумарбек, чтобы сделать операцию на глаза, по улучшению зрения.

– С приездом! – приветствовал его Хамит, встречая в аэропорту.

– Спасибо!

– Какая погода в Астане?

– Такая же, как и в Алматы.

– Как прошло сватовство?

– В сватовстве участвовали мой старший брат Ерасыл и его супруга Айгуль, наш же сват Малик, сватья Раушан, Куттыбек и Суйинишбике, Абен и Айман, Куляш и Байбота, Салима и Сейилхан, Улжан и вместе с нею еще до тридцати человек, – сказал Хамит, садясь в машину. – Торжество было проведено в центре Алматы в ресторане «Птица счастья», мы там пели, танцевали, а с другой стороны тоже было более тридцати человек.

Группа сватов, которую возглавлял Ерасыл, подарила своим будущим родственникам букеты цветов. Когда все вошли внутрь и расположились каждый на своем месте за торжественно накрытыми столами, первое слова произнес коллега Андрея Оразбек:

– Эта очень красивая женщина – жена Андрея Елена, – начал знакомить людей Оразбек, показывая на высокую ростом, стройную, белокурую женщину. – Вашему свату сорок три года, а вашей сватье Елене двадцать два. Вы, наверное, слышали, первая жена Андрея умерла от болезни более десяти лет тому назад. Прошло два года, как Андрей женился на Елене. Рядом с ним, справа мать Елены Тамара Григорьевна. Это она воспитала Анжелику. Рядом с ней, плечо в плечо, сидит Оксана Сергеевна, младшая

сестра Елены. Во главе стола расположилась Раиса Анатольевна и Галина Семеновна. Рядом с ними сидят... После того, как Оразбек познакомил со всеми присутствующими со стороны невесты, очередь произнести свое слово пришла к Ерасылу. Он познакомил сватов со своими друзьями и родственниками, после этого стали выступать поочередно с обеих сторон, желая молодым счастья, добра и благополучия будущим родственникам.

Сватовство с начала до конца прошло по казахским обычаям. На столе было все, кроме птичьего молока, и потом появилась баранья голова, украшенная специями, ароматными травами и овощами. На столах вместе с коньяком, виски, водкой, красным и белым вином, стояли кумыс и шубат.

– А теперь несите бараний курдюк и печень, – сказал официантам Оразбек. Официанты стали предлагать сватам бараний курдюк и печень в огромных блюдах, как символическое угощение будущим родственникам, поскольку бараний курдюк и печень были главными элементами казахского сватовства. Сваты, попробовав бараний курдюк и печень, признали это угощение отменным. Одним за другим они стали бросать на блюдо с бараньим курдюком и печенью купюры в пять тысяч тенге, как это требовал обычай.

Сухощавый, узкоглазый, шустрый Оразбек, которому совсем недавно исполнилось тридцать лет, оказался не только умелым тамадой, но и парнем с выдумкой. Когда празднество уже завершалось, Ерасыл стал раздавать свату, сватье, другим сватам подарки, в основном, различные ценные вещи, как это положено у казахов. – На этом Хамит завершил свой рассказ.

Данияр за день до сватовства играл в футбол, и немного травмировал ногу. Несмотря на то, что ходить ему пришлось с тростью, он был все такой же подвижный, как всегда. Он сидел немного в стороне от основного стола, посмеиваясь, глядел на Анжелику, и так же легко и непринужденно улыбался отцу и матери. Радость, которая

переполняла его, ясно виделась на его светлом лице, щеки его разругнулись.

Этот день был в жизни Данияра одним из самых счастливых дней...

8

– Я приглашу на свадебный той моего Данияра известных артистов Алибека Днишева и Нургали Нусупжанова, Розу Рымбаеву и Макпал Жунусову, – сказал Ерасыл. – Они будут украшением торжества. – Айгуль, скажи, где будет правильным провести свадебный банкет?. В Доме Приемов в центре города или же в «Бахчисарае» на Атакенте – Выставке?

– Если не считаешь, что дорого, – сказала Айгуль, оба места прекрасны.

– Если дорого, так что ж. Ради Данияра я найду и деньги, и все остальное. На этом празднике, на свадьбе Данияра, вместе с друзьями и родственниками будут известные писатели, ученые, уважаемые народом руководители, и другие крупные деятели и личности.

Данияру понравились слова отца, сказанные им вдохновенно, эмоционально, но у него было свое мнение. Поэтому он донес до отца свое предложение осторожно, боясь ошибиться.

– Папа, я предлагаю не известных вам певцов и исполнителей, – сказал Данияр.

– Почему? Они что, не помещаются в твоём воображении?

– У меня нет претензий к их талантам. Я их весьма уважаю. Я люблю слушать их песни. Однако...

– Что, однако?..

– Не будем прерывать слова Данияра, – вмешалась в разговор Айгуль.

– Пусть будет так, – продолжил свою речь Данияр. – Вы сказали, что будут всеми уважаемые деятели искусства, что не является большой новостью. Я бы хотел, чтобы свадьба прошла по-новому, и певцы... чтобы были та-

кие, которые еще не выходили на сцену, звезды молодой творческой волны. Я нашел такую молодую талантливую группу. Они все молодые, ровесники независимости. Мы слушали их вместе с друзьями. Они в большинстве своем поют на казахском языке, причем поют почти забытые народные песни. Папа, мама, вы только послушайте их, я уверен, что они вам понравятся. На наших казахских праздниках есть один большой недостаток, мне не хочется его повторять.

– Это какой еще недостаток? – спросил Ерасыл.

– Свадьбы, которые бывают летом, хотелось бы праздновать не в душных помещениях во много этажей, а на свежем воздухе, под открытым небом. И люди, пришедшие на свадебный банкет-той, будут дышать свежим воздухом, свободно отдыхать. Потом не обязательно давать слово для выступления всякому пришедшему. Сейчас на свадебные тои приходят по сто, двести человек, и все говорят. От этого люди устают, им становится скучно. На нашей свадьбе пусть один аксакал-старейшина благословит нас, и надо дать высказаться четырем-пяти человекам, и будет это хорошо.

– Ау, а куда девать все пожелания счастья, которые должны быть высказаны на твоей свадьбе, в самый твой счастливый день? – запротестовал Ерасыл.

– Эти пожелания надо записывать на стенных газетах, в углу для пожеланий счастья в тетрадах и книгах, записать на видео, аудио записи, на магнитофоны.

– Эта твоя мысль мне нравится, – сказала Айгуль.

– Я предлагаю провести свадьбу на открытой площадке ресторана при Алматинском санатории, на открытом воздухе. Вокруг деревья и зеленая листва, а сам ресторан окружают высокие сосны и ели, вокруг ресторана, под стенами его стоят наши древние кереге – основы юрты, а наверху установлен большой шанырак – перекрестие, символ семьи и государства. Создается ощущение, что находишься внутри юрты.

– А если в день свадьбы пойдет дождь? – вставил свое слово Ерасыл.

– В жаркий августовский день, какой может быть дождь? – сказала Айгуль.

– Алматинской погоде трудно поверить, – продолжил Ерасыл, хмуря брови. У этой погоды плохой характер, она как незамужняя женщина, за короткий день десять раз меняется.

– Об этом мы тоже подумали, – сказал Данияр. – Гидрометцентр сообщает, что во второй половине августа в Алматы никаких дождей не будет. Но даже если дождь и пойдет, все равно у нас есть выход. Мы используем брезентовые палатки, которые заранее приготовим.

– Жеребеночек мой! Как же ты все здорово придумал, – воскликнула Айгуль, не сводя с него восхищенных глаз.

– А теперь я доложу вам краткий сценарий свадебного тоя, – продолжил свои слова Данияр. – При входе в ресторан, перед самым началом свадьбы, где двойные ворота, будут стоять два воина. Это древние сакские воины. В руках у них будут сабли, пики, одеты они в кольчуги. На головах – шлемы. Девушки, одетые, как Кыз-Жибек, красивые, стройные, как подснежники. А джигиты такие же высокие, мужественные, как Толеген. С ними вместе будет группа музыкантов, играющих на старинных казахских инструментах типа дауыспаз и шанкобыз. Это будут приглашенные на свадьбу друзья, которые должны развлекать родственников, петь вместе с ними песни, встречать и провожать. Одежду, которую они обязаны носить, я нашел в книгах и интернете. Рядом с холодным фонтаном должно состояться драматическое представление, в котором будут участвовать древние образы из устного народного творчества казахов Шыгайбай и Алдаркосе, Хан и Жиренше шешен-острослов, и его супруга Карашаш. Потом будет краткое состязание поэтов–импровизаторов в айтысе-поединке, что, надо думать, весьма понравится зрителям. Группа клоунов должна развеселить публику. А вот открытие – беташар (открытие лица невесты) должен

вести поэт Серик Калиев, я ему предлагаю поручить это. Но вот не нужно этого, когда выставляется огромное блюдо, на которое пришедшие должны бросать деньги, кто сколько может. Этой сцены можно избежать. Стоимость открытия-беташара вполне может оплатить наш папа... Таков краткий сценарий свадебного праздника.

– А если мы не согласимся? – хитро посмотрел на Данияра Ерасыл, ожидая реакции сына.

– Тогда сами предлагайте...

– У нас предложений нет. Отец решил посмотреть, что ты скажешь. Такое принципиально новое и очень хорошее решение свадебного торжества разве может вызвать возражения. Ты правильно думаешь. Не отступай, жеребеночек мой, – сказала Айгуль и поцеловала сына в щечку.

– Сценарий мне понравился, – подтвердил Ерасыл.

Данияр, получивший поддержку отца и матери, с того же дня начал готовиться к своей свадьбе...

– Мой Данияр с очень большой ответственностью, весьма серьезно отнесся к дню своей свадьбы, он подошел к нему с философской, одновременно с традиционной, исторической точки зрения, вот как он готовится, – с гордостью сказала Айгуль мужу.

– Я очень удивляюсь, насколько глубоко он мыслит, как он, по-особенному, все решает, этим нельзя не восхищаться, – сказал Ерасыл.

9

Земля была похожа на кипящий казан, над которым висели, словно пена, огромные белые облака, и Белоголовый беркут – Акбас поднялся над ней и оглядел все вокруг внимательным взором. Западный край неба, куда постепенно уходило вечернее солнце, был похож на раскаленную медь, и переливался красными красками. Прекрасный город у подножия Алатау – Алматы, благоухал и переливался всеми цветами, словно убранство невесты, собирающейся на свою свадьбу. Деревья, укутанные в густые зеленые листья, отогревались в лучах летнего

светила, и вместе с тем сладостно погрузили свои многочисленные корни в насыщенную влагой почву. Нынешнее лето было дождливым, и поэтому все деревья, не только тополя и тальник, но и растущие на горных склонах ели и сосны, березы, карагачи буйно зазеленели, даже те, что росли на скупых влагой каменистых пространствах. Даже на самой твердой земле выросла изумрудная шелковистая трава. Даже огромные горные скалы покрылись зеленым пушком мха. Облетевший всю Великую Казахскую Степь от Сарыарки до райских районов Жетысу, Белоголовый беркут – Акбас не только наблюдал великолепные картины природы, но и внимательно следил за каждым движением, которое совершали хозяева жизни, копошащиеся внизу. Он летал очень высоко над ними.

В Тургайской долине есть гора, которая называется Кызбел – поясок девушки. Пологие холмы очень напоминают талию девушки, почему гора и называется Кызбел, но как раз посередине этой горы стоят две вершины, одинаковые и красивые, как торчащие девичьи груди. Народ так и называет их Кыземшек – то есть, Девичьи груди, и поэтому беркут Акбас, родившийся именно среди этих гор, не простой беркут, а особенный, отличающийся от многих. Во-первых, он очень крупный. Рядом с ним другие беркуты и соколы, словно желторотые цыплята рядом со своей мамашей – квочкой. Матерый, мощный. Как лев, орел. Ноги его были очень толстые, мясистые, сухожилия и мышцы были натянуты, как струны. Когти на ногах были гораздо длиннее, чем у других орлов. Всего когтей было четыре. Из этих четырех когтей внутренний – жембасар (берущий добычу, средний – сыгым, внешний – шенчел (шенкеля), задний – тегеурен, так они назывались, и каждый коготь острее кинжала, безжалостнее острой волчьей пасти. Пространство, в котором он летает свободно, – огромная казахская степь, бесконечная равнина, между землей и небом. Он же миновал четырехлетний возраст юного орла – талтулека, и сейчас приближался к матерым семи годам, когда орлов зовут музбалак – беркут, ноги ко-

того в снегу и льду. И этот беркут одним движением мощных крыльев взлетел над Коктюбе, и оказался на одной из высоких вершин Талгарских гор, и бросил взгляд вокруг. Внизу, у подножия горы, виднелся аул, дома его едва проглядывали из тумана. Белоголовый беркут посмотрел на небо. В вечернем пепельном сумраке, в небе, как большая серебряная подкова, к западу восходил полумесяц. В блеклом небе сиротливо горели одинокие звезды, плача, словно дети, брошенные матерью. В грудь орлу бил сильный холодный ветер, подобный дыханию черной длинной змеи, пытавшейся в прошлом году убить его. Вдруг до его слуха донесся волчий вой. «Уу-у-у...»

Длинный, протяжный вой волка был прерван яростным лаем сторожевой собаки. «Ау-уу...» «Р-р-р-р...»

Через некоторое время исчезли и волчий вой, и собачий лай. В горах туман разошелся, и все стало видно отчетливо. Поутих и холодный ветер. Вокруг установилась тишина. В ауле у подножия горы тоже было тихо. В этой теплой тишине Белоголовый беркут даже вздремнул, но тут его снова разбудил волчий вой. «Уу-у-у...» Беркут повернул голову туда, откуда слышался вой. Его орлиный точный и зоркий глаз, не упускающий даже мелочь, обнаружил Сизогривого Волка – Кокбори, который сидел на задних лапах на вершине горы как раз напротив аула, и протяжно выл. Волк вытянулся всей шеей, держа прямо грудь. По сравнению с предыдущим воем, на этот раз волк завыл громче и протяжнее. «Уу –у– у... Уу-у-у...» Волк был огромный, как снежный барс, крупный самец. Соответственно голос у него был мощным. Он выл на уходящую на запад луну, глядя на этот тонкий полумесяц: «ау-ау», и этот протяжный громкий вой отозвался эхом в вечерних горах, и самого Белоголового беркута внезапно охватила дрожь...

Беркут взлетел над Талгарскими пиками и завис прямо над воющим Сизогривым волком, а потом облетел его. Полетав несколько минут над горами, он приблизился к земле, и отчетливо разглядел Сизогривого, сидящего,

воюющего. Сизогривая, седеющая шерсть на спине волка, остро торчащая, как иголки ежа, засверкала при свете звезд и луны. Белоголовый беркут пристально посмотрел на волка взглядом, от которого грудь человека, попади этот взгляд на него, наверное, задымилась бы. В этот момент их взгляды встретились. Но Сизогривый, увидев Белоголового беркута, даже не встрепенулся. Его наполненные кровью глаза сверкали огнем, и он продолжал выть, поднимая морду к бесконечным, тянущимся в небо горам. Белоголовый беркут, хотя и разглядел волка, не стал на него нападать, он облетел аул, над которым волк продолжал выть свои арии, поднялся в небо и приземлился на самой высокой ближайшей вершине. Как и Сизогривый волк, сегодня Белоголовый беркут был весьма обеспокоенным. Бесконечный вой Сизогривого волка, и звонкий и сильный клекот Белоголового беркута слились в один звук, и несколько раз отозвались эхом в горах. Эти звери, словно чувствуя некую надвигающуюся беду, встретили утренний рассвет вместе, каждый на своем месте.

Громкий волчий вой Сизогривого и сильный горький клекот орла – Белоголового беркута разбудили крепко уснувшего Сейлхана. Он вышел наружу, посмотрел, все ли спокойно в сараях, где стоял скот, все животные были целы. Собака, виляя хвостом, увязалась за ним, и, услышав волчий вой, залаяла в ответ, но как-то нерешительно. Прежде она лаяла гораздо громче и злее. Эта собака могла одна взять любого волка, но сегодня, похоже, протяжный волчий вой Сизогривого и сильный клекот Белоголового беркута взяли верх над собачьим лаем.

Сейлхан вернулся домой, снова лег спать, но тут проснулась Сауле.

– Ты же весь замерз, что это с тобой? – спросила его жена, расположившаяся на второй половине кровати.

– Выходил наружу, посмотрел, как там скотина.

– Никто не напал на них, надеюсь.

– Все в порядке. И все же, рядом где-то воет волк. Услышав этот вой, обеспокоился белый аргамак, наострил

уши, и передними ногами бьет о землю. А жеребенок с белым пятном на лбу дрожит всем телом от страха.

– Они чувствуют какую-то беду, ты бы выстрелил из ружья, отогнал бы волка.

– В этом нет необходимости, – сказал Сейлхан.

– Почему?

– От воющего волка нет опасности ни для людей, ни для скота.

– Воет он или плачет, это все равно волк, и повадки у него волчьи. Если этот волк съест белого аргамака, что я скажу своему брату Ерасылу.

– Не то, чтобы съест, даже не порвет ему ничего этот волк.

– А ты что, договор заключил с этим зверем?

– Я слышал от старших, если волк воет, то он не тронет ни людей, ни животных.

– И ты в это веришь?

– Если бы он хотел сожрать, он бы давно это сделал.

– И все же, надо быть тебе осторожным.

– Если захочет сожрать, пусть сожрет. Пусть, даже если съест не только лошадь, но и корову в сарае и всех овец, пускай жрет. Волк не зря воет. Он чувствует какую-то беду, которая нас ждет впереди. Если эта беда уйдет вместе с этим волком, я за то, что тот кого-то там сожрет, обижаться не буду. Лишь бы были здоровы мои обе дочери, Назгуль и Жазгуль. Если беда от людей перейдет к скотине, пусть так и будет. Давным-давно мне отец Мынсары рассказал одну историю, и сейчас я ее вспомнил. Эта случилось, когда я учился в пятом классе. Тогда наш аул находился в Ушкюныре... Сауле, ты слышишь меня? Ой, да ты же уже спишь.

Сауле, которая уснула под убаюкивающий сладкий голос мужа, под утро увидела сон. Родной ее брат Ерасыл недавно отметил семьдесят лет, и Сейлхан и Сауле подарили ему на юбилей белого аргамака. Ерасыл лишь один раз оседлал коня, поскакал на нем до первого перевала, возвратился и сказал:

– Пусть на этом белом аргмаке ездит мой сын Данияр.

И сейчас во сне ей приснилось, что этот аргмак стоял без седла и упряжи перед их домом, и ржал. Уздечка его, отделанная серебром, с золотыми блестками почему-то оказалась разрезанной напополам. Другая упряжь оказалась запутанной в передних ногах аргмака. Там, где обычно легко ходила камча, на крупе, виднелась красная кровь. Вообще, все его белое тело было в полосках крови, изрисованное, будто плетьюми его били до крови, и кровь эта была до самых копыт.

Сауле, проснувшись, рассказала свой сон Сейлхану, на что тот сказал:

– Ночью лаяла собака, выли волки, вот твой сон и расстроился. Это все из-за этого. Плохие сны казахи не расшифровывают. Они говорят: «Прочь, зараза, уходи прочь от нас...»

– Сон – это лисьи какашки, говорят в народе. Но вот мое сердце чувствует что-то плохое. Не заболел ли мой старший брат?

– Ты про Ерасыла говоришь?

– А про кого же?

– Я вчера только разговаривал с ним. Все в порядке, он здоров. Голос его по телефону был бодрым.

Сейлхан и Сауле, разговаривая, вышли наружу. Осмотрели загоны для скота, там все спокойно. И лошади, и коровы, все на месте. Не было видно и Сизогривого волка, сидевшего на вершине горы. Похоже, что волк удалился в привычные для него места.

– Говорил же я, – сказал Сейлхан, – воющий волк не тронет ни человека, ни скотину.

– Было бы хорошо, если бы этот волк сожрал всю скотину, – сказала Сауле.

– Ты почему так говоришь?

– Волк просто так выть не будет, он чувствует какое-то несчастье... И это несчастье ушло бы вместе со скотиной.

– Ой, какая ты впечатлительная!

– Как же мне не быть впечатлительной, как же мне не переживать! – сказала Сауле, глядя печально на Сейлхана, – если воет волк, значит, будет какое-то несчастье, этому множество примеров. В сорок первом году, когда зимой выли волки, началась вторая мировая война, говорят старики. В Ашхабаде, Спитаке, в этих городах, которые землетрясение сравняло с землей, в Афганистане, где война еще не завершилась, в Чернобыле перед самой бедой по ночам выли волки, разве не так?

– Это правда. И все же не надо призывать беду раньше времени, не надо погружаться в черную печаль. Все во власти Аллаха. Если впереди и будет какая-то беда, как ты от нее спасешься? Увидим вместе со всеми, посчитаем за испытание. А потом, волк – он предостерегает от опасности, не только оберегающий, но и предсказывающий хорошие события. Если этого мало – волк – у казахов, да и не только у казахов, у всего тюркского народа – мать-спасительница.

– Что ты говоришь, расскажешь тоже такое, что вообще никуда не годится.

– Я тебе не рассказывал легенду о матери-волчице? – спросил Сейлхан, мягко улыбаясь. – Хочешь, расскажу тебе историю, которая не только подтверждает мои слова, но и многое объясняет.

– Если хочешь рассказать, рассказывай, – сказала Сауле, подходя к мужу поближе и нежно глядя.

– Эта история случилась очень давно, когда между Землей и Небом впервые зародилась жизнь, в очень далекие времена. Можно написать целую книгу на основании этой истории, поскольку под многовековой пылью осталось многое, но то, что дошло до наших дней, зафиксировано в древних легендах. Это обязанность твоего старшего брата Ерасыла. Поскольку я не такой писатель, как он, я могу сообщить тебе лишь содержание этой легенды.

На одно племя, мирно жившее в нашей огромной степи, черной ночью напали враги и почти всех людей убили. На следующее утро выяснилось, что от всего племени уцелел

лишь один мальчик, у которого были отрублены руки и ноги, у этого подростка только-только пробивались усики, а теперь он был обезображенный и беспомощный. Враги, подумали, что и этот последний, окровавленный мальчик погибнет, и ушли восвояси, радуясь награбленной богатой добыче.

Но разве есть границы у щедрости Создателя! Как говорится, не умершему грешнику помогла мертвая рыба. Единственным зверем, который рыскал по этой великой степи, оказалась голодная волчица, которая не стала есть беспомощного мальчика, а пожалела его, зализала ему раны, остановила кровь, которая шла из ран. Она взяла мальчика на спину, и отнесла его в соленое озеро. Вода озера оказалась полезной, и ребенок выздоровел. Добро, которое он не видел от людей, мальчик получил от волчицы. Со временем, когда раны его окончательно зажили, он совокупился с волчицей, то есть, она стала его женой, Волчица забеременела от юноши, но тут между племенами вновь началась война. Волчица, думая не о себе, а о потомстве, находящемся у нее во чреве, удалилась в далекие пещеры и спряталась там. Там, в голодных и холодных пещерах, у нее родилось десять сыновей. И этого потомства от обезображенного юноши и волчицы происходят тюркские народы. Поэтому мы, казахи, называем себя потомками Сизогривого волка, и с древнейших времен наши предки считали волка за священное животное, делаем его изображения, и в глубинах истории имеется у нас такая легенда, такая тайна.

Потаенный смысл этой великой легенды в том, что в основе ее лежит глубокое материнское чувство, ее теплота и величие в этом. Женщина – основа жизни. Красота жизни, ее изящество, вкус жизни, песня жизни – все это женщина. Жизнь без женщины – ночь без луны... Ключ к тайнам бытия – спрятан в женщине. Женщина – божество, равное богу! Женщина – это такая святая, такая божественная, поэтому я никогда не выступаю против тебя, делаю все, что ты скажешь.

– Ой, говорун ты мой, – рассмеялась Сауле. – Издалека начал, а последние слова взял и привел ко мне.

– С одной стороны я подлизываюсь к тебе.

– Зачем?

– Чтобы ты не протестовала против моей поездки в Астану.

– А что там?

– Я же тебе уже говорил раньше, что меня направляют на семинар, который длится один месяц.

– Занимаясь делами Данияра, я совсем про все забыла. Сначала проведем свадьбу Данияра, потом будем думать об остальном.

Так за разговорами, за утренним завтраком Сейлхан и Сауле дождались, когда надо было скотину выгонять на выпас, и над Алатау поднялось солнце очередного дня. Ежедневные заботы, мелкие дела и прочая суета привели к тому, что и этот день незаметно подошел к концу.

«Ой, Аллах великий, не дает ухватиться за полу, не дает понять, насколько он бременен этот мир, и жизнь проходит стремительно. Куда ты заведешь, и где ты остановишься?» – подумал про себя Сейлхан. Когда он обдумывал эту сакраментальную мысль, и с нею вошел в дом, Сауле уже накрывала вечерний дастархан.

Но не зря подали о себе знать два священных хозяина природы – священные Белоголовый беркут и священный Сизогривый волк, на которых было спущено с небес благоволение Аллаха. Впереди их ждали, широко раскинув руки, черный день и такая же израненная черная ночь...

10

Поставив последнюю точку в романе «Печальная любовь», он вздохнул с облегчением «Ух!...», и вышел на балкон, оглядел окрестности. Его глазам попались пестрые вершины Алатау. На вершине одной горы повисло облако, которое было очень похоже на описанную им Снежную Мать из романа «Одиночество в большом городе».

«Во время жестокой войны у нее погиб единственный сын – Снежная Мать все еще бродит среди снежных гор», – подумал он. И в этот момент перед его глазами возник собственно персонаж его произведения – Смуглая красавица Снежная мать. А на слух пришла песня, сочиненная ею:

*Она рыдает, умер у нее ребенок,
Горе ее безмерно,
Кровавыми слезами плачет мать,
Я – Снежная несчастная женщина,
Вместо ребенка, камень должна обнимать.*

*Война – это большое несчастье,
Не поймет ее человек – вот печаль.
Если бы не было на земле войны,
Не было на земле несчастливых людей.*

*Вы, люди, стреляли друг в друга,
Я на войне потеряла сына,
Вот тоскую, брожу по всей земле,
Мне теперь не нужен рай.*

*Людоед – война, пожар и смерть,
Сердце мое мучает печаль.
Мое сердце съедает эта песня,
Эта рана не заживет никогда.*

*Мать плачет по своему ребенку,
Когда же остановится эта проклятая война?
Если снова разорвутся бомбы,
Нет горестнее горя.*

*Белоголовый беркут летает в вышине,
Он тоже прокликает войну.
Если бы не было войны на земле,
Не было бы несчастливых людей.*

*Я реву, как верблюдица аруана,
Пытаюсь разбудить человечество.
Пока не исчезнет война на земле,
Буду я плакать, плакать не устану.*

Когда он писал эти строки, он вместе со своей героиней – смуглой красавицей – Снежной Женщиной впадал в скорбь, печалился, и сердце его страдало и болело вместе с ней. В ту ночь в горах пошел снег, густой, снежинки были с ладонь, а в городе прошел дождь, ливень лил, как из ведра. Оплакивала своего ребенка, ставшая духом Мать – Снежная женщина, и вместе с нею разделял ее горе Небо – Отец, таково, видимо, было веление Аллаха – Создателя, и глаза людей были наполнены слезами, как озера. Слезы, которые проливали смуглая красавица Мать-Снег и, плакавший вместе с ней, Небо – Отец, переполнили Мать – Землю, и она с большим трудом приняла эти потоки соленой воды.

Мысли его, отвлеченные писательскими фантазиями, были прерваны резким телефонным звонком.

– Ерасыл ага, здравствуйте!

Ерасыл узнал ее голос, это звонила Айгерим.

– Как ты, жеребеночек мой! Когда приехала в Алматы?

– Я не в Алматы, я в Москве!

– А, вот как! Голос твой будто совсем рядом со мной, ясно слышится. Я и подумал, что ты приехала в Алматы.

– Я хочу сообщить вам радостную весть.

– Да, – встрепенулся Ерасыл.

– Вы решением Союза писателей России награждены Золотой медалью имени Гумилева. Вы стали третьим лауреатом этой медали после Юрия Бондарева и Евгения Евтушенко.

– Спасибо тебе за добрую весть, Айгерим. Пусть у тебя всегда будет хорошее настроение.

Только Ерасыл положил трубку телефона на рычаг, как пришла из салона красоты Айгуль.

– С кем это ты разговаривал? – спросила она, – голос твой был слышен даже в коридоре.

– Из Москвы позвонила Айгерим.

– Что она говорит?

– Счастливую весть сообщила Айгерим.

– Какую?

– Союз писателей России наградил меня медалью имени Гумилева.

– Поздравляю! – и Айгуль поцеловала мужа.

– Мои коллеги снова будут возмущаться, – опечалился Ерасыл.

– Если возмущаются, то, что говорят?

– Известно что! Заграница дала Ерасылу Жаксыбекову и премию Букера, орден и медаль. Дважды избрали его академиком. Как будто этого мало, теперь еще и эта медаль! Что за безобразие?

– Пускай говорят, возмущаются. Ты это все не выпросил и не купил. Они лишь завидуют тебе, а сами не хотят трудиться, как ты, – стала успокаивать мужа Айгуль.

«О, бедные мои казахи, – подумал Ерасыл. – Российские поэты давно еще говорили, зависть родилась в них вместе с пулей Дантеса», – как писал Евтушенко, и эта зависть, эта красная сука родилась вместе с казахами, и продолжает жить вместе с ними. И эта зависть – это сорняк, и кого только не кусала эта сука, скажите мне, казахи, мало ли вы терпели от этого несчастья? И когда теперь мы исправимся? Мало того, что мы не можем свое происхождение поставить чуть ниже национальности, так мы до сих пор делимся на местечковых и родственников по родам и жузам. Какими великими были вчерашние Ауэзов, Муканов, Мусрепов, Мустафин... Сами они и их слова, и дела их были крупными! Эти четыре великана были мощными примерами героизма и патриотизма, четыремя вершинами. К их словам прислушивалась и власть, и народ уважали их и понимали. Они были четыремя столпами, которые подпирали весь казахский народ с четырех сторон, и они думали о нуждах народа. После того, как эти четыре

гиганта ушли из жизни, и у казахов не стало единства и благополучия. Сейчас каждый из людей сам себе хозяин, сам себе бий – судья и местный правитель, измельчали, мутят народ. О, этот мир, несбыточная мечта, обманный и бранный, сверкающий, непрочный. Мы не смогли быть такими же, как вы, великаны, простите нас. И при этом, есть люди, которые верят в нас. Почему бы, вместо того, чтобы разжигать огонь зависти, не подумать о них? Хотя мы не сможем стать такими, как великаны, но мы сами могли бы избавиться от мелочности, и стремиться быть такими, как были наши великие предшественники. Я скучаю по вас, Великаны! И когда вспоминаешь о них, о великанах, тоска берет за душу. Они так далеко удалились от нас, что по ним будут скучать не только мы, но и будущие поколения, наши потомки, и будущие историки вспомнят о них. Я скучаю по вам, Старшие Братья! Я тоскую по вам, Великаны-Братья!»

Вот такие тревожные мысли посетили Ерасыла при известии об очередной награде, и вместо радости и улыбок счастья, он полночи промучился от бессонницы и тревожных мыслей...

11

Несколько дней до свадьбы были особенно суетливыми. Были осуществлены последние приготовления, предусмотрены даже мелочи. В последний день подготовки к свадьбе Ерасыл и Айгуль поздно легли спать. А Данияр лег в постель еще позднее, после четырех ночи. В семь часов утра Ерасыл проснулся, и обнаружил, что Данияра в спальне уже нет.

- Где Данияр? – спросил он у Айгуль.
- Только что вышел из дома, – ответила жена.
- Куда пошел.
- Пошел покупать цветы Анжелике.
- Эти цветы я должен был купить.

– Я ему сказала, что цветы купит отец, а ты поспи пока, ведь задание я дала сама, но Данияр сказал, что своей невесте он цветы купит сам.

– Сегодня же насыщенный график, он же очень устанет, жеребеночек мой! В последние дни и сон у него был плохой, Он, наверное, совершенно разбитый, усталый.

– В последнее время он и на работе встал во главе всего проекта. В отпуск вышел только вчера. «Ты же устал», – говорю ему, а он мне: «Впереди целый месяц отдыха, за границей, на море поедем и там отдохнем», – сказал мой дорогой.

– Пусть бог даст им силы для этого.

После этого разговора группа молодых людей отправилась, чтобы забрать Анжелику из ее родного дома. В самом центре Алматы, на пятом этаже большого дома находилась ее квартира. Когда они поднимались, на каждом этаже они натыкались на аркан, который по казахскому обычаю надо было преодолевать, выкупать или брать, исполнив песню или танец, так что до нужной квартиры они еле добрались. Когда они вошли в квартиру Анжелики, старшие по возрасту родственницы ее, тетки, потребовали:

– Напиши имя Анжелики деньгами!..

Данияр совершенно новыми пяти тысячными купюрами выложил слово «Ангел».

– Ты неправильно написал, – сказали женщины.

– Анжела для меня ангел, – сказал Данияр.

– А ты теперь найди, в какой комнате сидит твоя невеста? – сказали сумасшедшие тетки Анжелики.

Данияр осмотрел многочисленные двери, скрывающие его невесту, и сказал через несколько секунд:

– Моя Анжелика вот за этой дверью, – показал Данияр на дверь справа.

– А если она в другой комнате? Если ошибешься, отправишься домой без невесты. Подумай еще, не спеши, – сказали, посмеиваясь, ненормальные бабы.

– Я до сего дня не ошибался. Мой ангел вот за этой дверью!

Данияр сказал это и вошел в комнату, на которую показал рукой. Перед Данияром появилась стройная, высокая, в белом платье, сверкающая, как майский летний цветок, его невеста. Он, Данияр, без ошибки отгадавший все загадки, прошедший через препоны, которые учинили ему завистливые старшие тетки Анжелики, взял свою возлюбленную под руки, и повел ее к дворцу бракосочетаний, где их встретила другая группа людей во главе с Ерасылом и Айгуль, Андреем и Еленой.

Очень сильно взволнованные перед свадебной церемонией, Данияр и Анжелика поставили в свидетельство о гражданских состояниях и актах свои подписи, и сделали они это филигранно, как настоящие талантливые художники, поскольку целый месяц тренировались, как ставить эти подписи. Видеокамеры и фотоаппараты зафиксировали все торжество, которое только что происходило, и все продолжали щелкать и трещать...

Свадебная кавалькада автомобилей, во главе с «Майбахом», подъехала к дому Ерасыла и там остановилась. Был уже полдень.

Войдя в дом вместе с молодыми, старшие по возрасту родственники стали открывать бутылки с шампанским, тут и там раздавались выстрелы пробок, были высказаны теплые пожелания молодым.

Ты джигит, в тебе недостатков нет,

Кроме Анжелики никого в твоих мыслях нет,

Мы желаем, через девять месяцев встретиться снова,

Встретимся теперь на празднике рождения младенца,

– такими стихами отозвался, открывая бутылки с шампанским и разливая его в бокалы, замечательный поэт Серали из Астаны, приехавший специально на этот свадебный праздник.

Молодожены и их юные друзья и товарищи отправились поехать по городу, посетить разные памятные места, а

старшие приступили к самым последним приготовлениям к свадьбе...

Никто не может предсказать будущее. Нет сейчас Нострадумаса или Майкы бия, да что говорить, их невольной последовательницы слепой Ванги и то уже нет. Не говоря о завтрашнем дне, того, что будет через час, никто не может предсказать. Жизнь – штука очень сложная. «Суровая судьба в сосуд полный меда незаметно может бросить яд», – говорил один из персонажей из романа Ерасыла «Печальная любовь». Между счастьем и горем расстояние небольшое, кто об этом думал? Счастливые мгновения во дворце бракосочетаний в тот же день превратились в горе и печаль...

Вершины Алатауских гор, напоминающие покрытые снегом горбы верблюдов, в свою очередь были укутаны, как белыми платками, густыми облаками. Город у подножия этих гор, летняя красавица Алматы будто ожидала своего жениха на белом коне, чтобы упасть в его горячие объятия.

На юго-западной стороне города находился санаторий «Алматы», между горами Алатау и самим городом Алматы, он был подобен вольно растущей и немного ветреной молодой девушке, настолько красивы были сады вокруг зданий, и эта красота весьма радовала глаза. Напротив многоэтажного здания, окруженного зелеными угольями, площадь которых была весьма внушительной, что объехать их можно было только на коне, под открытым небом, среди раскинувшихся и высоких пирамидальных тополей, среди красивых декоративных деревьев стоял ресторан, архитектура которого могла соперничать с самой окружающей его природой. Очертания его были похожи на строение огромной юрты, а потолок почетного места – торя – был украшен великолепным шаныраком, а стены были весьма похожи на кереге – решетки которых, если бы это, в самом деле, была бы юрта, образовывали бы стены. С

этим вполне согласовывалось убранство больших столов, покрытых белыми скатертями, на которых под солнцем сверкали бесчисленные блюда с угощениями, а у входа в залы стояли два молодых человека в средневековой военной одежде сарбазов, что вполне гармонировали с национальными орнаментами и другими атрибутами ресторана. И природа вокруг приветствовала праздник, и все вокруг было красиво и нежно. Настроение у более чем двухсот человек, прибывших на свадьбу Данияра и Анжелики, было приподнятое, веселое. Мелодия Садыка Мухамеджанова «Родина счастья» сменилась великолепным кюем Курмангазы «Сарыжайляу», которые исполнял специально приглашенный на праздник оркестр.

– Как вы нашли этот райский уголок? – спросил, любовно оглядывая всю красоту вокруг, Жазылбек.

– Это обнаружил не я.

– А кто тогда? Похоже, что Айгуль, наша женгей?

– Это нашел Данияр.

– Мы в сегодняшнем номере нашей газеты поместили поздравления Данияру и Анжелике с их свадьбой. Дали цветную фотографию, где молодые, смеясь, глядят друг на друга. Вы видели сегодняшнюю газету?

– Нет, еще не успел посмотреть.

– Я привез с собой двести экземпляров. Мы разложили их на столе у входа в ресторан.

– Спасибо, дорогой! Газета, которую ты издаешь «Голос казаха» – одна из любимых народом газет. Она не пользуется поддержкой власти, на нее не выделяется тендер, тем не менее, тиражи ее растут. Все правильно. Однако, нечаянно не увлекайся поэзией так, чтобы это повредило газете...

Их разговор был прерван возгласами: «Молодые приехали, молодожены прибыли!..»

Ерасыл повернул голову в ту сторону, откуда слышались голоса, и увидел автомобильную процессию во главе с «Майбахом», который остановился перед самой зеленой полянкой.

– Уа, люди, давайте достойно встретим молодых, – воскликнул первым молодой парень, лицо которого напоминало не очень обгорелый колобок, но зато волосы на его голове были кудрявые, а брови густые.

– Уа, дорогие родственники, приготовимся исполнить песню «жар-жар»! – воскликнул второй ведущий, высокий ростом, худощавый, с узким лицом.

Присутствующие разделились на две группы, ставшие напротив друг друга, и начали петь «жар-жар», активно хлопая в ладоши:

Вот молодые двое их,
К нам идут «жар-жар».

– А ну-ка, еще раз повторим, – сказал кудрявый юноша.

Вот молодые двое их,
К нам идут «жар-жар».

– Хорошо, очень хорошо. А теперь немного подождем, пока молодые к нам подойдут, – сказал юноша с весьма тонкой талией.

Толпа, собравшаяся на праздничный той, стояла, молча, ожидая молодых.

Ведущие изредка посматривали на остановившиеся недалеко от них автомобили. И взгляды всех гостей тоже были обращены в ту сторону. Айгуль, решившая узнать, почему молодые не выходят к людям, решительно подошла к «Майбаху», но, почему-то, там и осталась. Прошло некоторое время. Молодые все не показывались. Было слышно, как жужжат мухи, такая установилась тревожная тишина, протянувшаяся на несколько минут. Молодых все еще не видно. Терпение лопнуло даже у двух юношей-ведущих, и они один за другим, словно соревнуясь, направились к «Майбаху». Через некоторое время они вернулись, но лица их были бледны, словно они только что потушили огромный пожар.

– Простите, свадебный той будет не сегодня, позднее, позднее... – сказал подавленно долговязый ведущий, голос которого совсем недавно звенел, как монеты, ударяющиеся об золотой поднос.

– Время свадьбы будет сообщено дополнительно, – сказал осторожно второй, кудрявый, ведущий. Его голос, прозвучавший как замогильный глас, заставил вздрогнуть сердца пришедших на свадьбу людей...

Не понимая, даже не догадываясь о том, что произошло, собравшиеся на свадебный праздничный той, люди стали медленно расходиться, растворяясь за черным занавесом внезапно наступившей черной ночи. Не успели они добраться до своих домов, как природа показала свой неумный характер. Огромный небесный купол, совсем недавно голубевший, как глобусное полушарие, потемнел, почернел, как черный казан после костра. И тут уши Жазылбека уловили жестокий и непонятный свист и шипение некоей большой змеи, живущей в ее родной змеиной орде, недоступной людям: «у-у-с-с-с». Этот страшный звук среди шума и гама перешел в выкрик дракона: «Ух-шшш». Этот звук был поход на горький скрежет мотора вертолета, облетающего горы и скалы на низкой высоте, от чего уши людей заложило, и они перестали что-либо слышать. У Жазылбека затряслись щеки, это его лицевые нервы не выдержали напряжения и задрожали, но он, все же, успел посмотреть вдаль перед собой. Вокруг стоял тяжелый бурый туман, сквозь который невозможно было что-то разглядеть. Земля под ногами мелко задрожала. «Неужели землетрясение?..» – подумал Жазылбек. В это время заревел ветер, который подхватил все, что мог унести, и ветер этот, завывая, переходил в ураган. Через некоторое время этот ураган разрушил тор и кереге, предназначенные для молодых, и разбросал вокруг деревянные обломки. Черный ветер сорвал с основания черный шанырак, и он покатился, как обыкновенное колесо, пока не ударился об тополь и не разбился вдребезги...

12

Так не состоялся свадебный той Данияра и Анжелики, даже не начавшись, и у многих людей он породил множество вопросов. Свадебный дастархан, расстеленный в ре-

сторане на зеленой поляне под открытым небом остался нетронутым, и люди, так и не попробовавшие свадебного угощения, стали перезваниваться друг с другом, пытаясь узнать, что же случилось.

– Салима, почему свадьба не состоялась, ты не знаешь?

– Не знаю, Калима. Не знаю. Ты не у меня спрашивай, у Айгуль или у Ерасыла, им звони.

– Звонила.

– Что они говорят?

– Не отвечают.

– Хамиту, Суйинишбеке, Куттыбеку звонила?

– Я и им звонила, на сотовый. К ним ко всем звонок идет. Но никто не дает ответа.

– Ой, Алла-ай, Алла-ай... Что могло случиться? Неужели с кем-то из них, с Данияром или Анжеликой, что-то случилось?

– Они здоровы, – сказала Калима.

– Это кто тебе сказал?

– Я знаю.

– Откуда ты знаешь?

– Ту, Салима-ай, ты тоже... я видела, как они тогда еще выходили из машины... Потом почему-то оба они снова сели в машину.

– Вот тогда Айгуль пошла к этим машинам и оттуда уже не вернулась. У нее сердце ведь слабое, Я боюсь, что с ней что-то... За нее переживаю.

– Если ты что-то узнаешь, тут же мне позвони, ладно?

– Хорошо, Салима.

– Если и ты что-то узнаешь, тут же мне позвони, Калима.

– Пока, Салима, пока.

Мысли Калимы, положившей трубку на место, тут же понеслись далеко. «Салима переживает за Айгуль, о ней только и думает. У Ерасыла здоровье тоже не очень. Ему уже больше семидесяти. В прошлом столетии пережил авиакатастрофу, из семидесяти человек был единствен-

ный выживший. В автомобильной аварии у него был поломаны кости в тазовой части. Он много раз встречался со смертью, и едва оставался жив. Разве все это легко для пожилого человека? Каждый день выпивает по горсти лекарств, и ходит еле-еле. Часто поднимается давление. Бегал повсюду в связи с организацией свадьбы, как бы он сердце не надорвал? Лишь бы Ерасыл был здоров?..»

Подобные мысли и различные предположения беспокоили все это время сердца более чем двухсот человек, приглашенных на несостоявшийся свадебный той.

Среди них были специально приехавшие на свадьбу из Астаны племянник Ерасыла по имени Ануарбек и его жена Маржан. Оставшиеся в большом недоумении у ресторана «Алматы» среди других мужчин и женщин, эта пара через некоторое время направилась домой к Ерасылу. Дверь им открыла Сауле.

– Есть ли вести от Данияра?

– Нет.

– А где Ерасыл кокем и Айгуль тате?

– Мы не знаем.

Их разговор был прерван резким телефонным звонком.

– Это ты, Тумарбек?

– Да, я, Тумарбек.

– Где ты?

– Я в ресторане «Алматы»

– Там есть еще кто-нибудь?

– Никого нет, все уже ушли.

– А ты что там делаешь?

– Жду от кого-нибудь вестей...

– Почему домой не идешь?

– Ерасыл кокем приехал?

– Нет, не приехал.

– От Данияра есть известия?

– Вестей нет, садись на такси, приезжай домой.

Сауле положила трубку телефона на место, и тут появился Жазылбек. Он тоже стал спрашивать, где Данияр,

где Ерасыл? Где Айгуль женгей? – он повторил все те вопросы, которые беспокоили всех остальных людей.

– Они же были все вместе, Айгуль, Ерасыл, Хамит и Куттыбек, Раушан, Малик, Улжан, Кулаш, Суйинишбике, две мои дочери Назым и Жазгуль, и ни от кого из них нет вестей, – сказала Сауле.

– Хоть бы все были здоровы! Хоть бы все были здоровы! О, Аллах Создатель, не допусти плохого известия!

Единственное желание у более чем двухсот человек, свидетелей свадебного тоя Данияра и Анжелики, была одна эта тревожная мысль и единственное желание, чтобы не случилось самое страшное.

Сбудется ли это священное желание людей, или же кто-то кого-то потеряет и окунется в черное горе?.. Пока что все было неясно. Без веления господина и веточка курая не сломается. И все, что может произойти, ведомо только одному Аллаху...

13

«Почему свадьба Анжелики и Данияра не состоялась, а собравшиеся люди разошлись? Что такое неожиданно случилось?» – эти вопросы мучили Жазылбека, который пытался связаться с несколькими близкими людьми, но они ничего не знали, и не могли ни у кого либо что-то узнать, о чем ему и сообщили. Жазылбек долго ждал, что хоть кто-то ему сообщит, что произошло. С каждым сигналом телефона он вздрагивал, с каждым дверным звонком бежал к двери с надеждой. В этом мире нет ничего хуже безвестности, нет ничего противнее ожидания. Обычно время летело незаметно, но тут оно тащилось медленно, как арба в гору. Чтобы немного успокоить растревоженное сердце, немного отвлечься, он включил телевизор.

На экране известный академик и корреспондент национального телевидения вели свою злободневную беседу.

– Можно у вас узнать, почему вы ушли из медицинского университета, в котором проработали так много лет? – спросила корреспондентка, у которой на лбу была неболь-

шая, словно глаз птички, черная родинка, а сама она была остроплечая, но с большой широкой грудью, симпатичная такая и тоненькая, красивенькая девушка.

– Причина моего ухода, – сказал академик, слегка тронув рукой свои пластмассовые очки, густые волосы его были седые, как облако, а сам он был подтянутый, худощавый, без единой лишней унции жира, – я не смог стерпеть несправедливость и беззаконие, творящееся в университете.

– А что это за беззаконие и несправедливость?

– Я не буду рассказывать обо всем, скажу только о главном. Не знаю, как в других, но в нашем университете студенты не учатся, а покупают дипломы.

– Все, что ли?

– Почти все.

– Можете об этом рассказать поподробнее...

– В настоящее время во всех учебных заведениях, в том числе, в нашем медицинском университете, платное обучение. И чтобы платить за учебу многие будущие медики днем и ночью работают. И поэтому они не присутствуют на лекциях.

– А как они получают зачеты, как они сдают экзамены? – удивленно спросила журналистка, причем, вовсе не скрывая своего удивления.

– Дают деньги преподавателям.

– И они их берут, наставники?

– И как еще берут!

– Все берут, поголовно?

– Я не знаю ни одного, кто отказался бы от взятки.

– И вы тоже брали взятки у будущих врачей?

– Спаси господи! – воскликнул седоголовый академик. – Я не могу взять преступные деньги, из-за которых может погибнуть человек, а потом явиться с этим перед Создателем в судный день.

– А вы не станете бельмом на глазу у большинства, отделившись от них?

– Еще как буду, таких как я, «белых ворон», очень даже мало. Если начать их считать, не наберешь и пяти пальцев на одной руке...

– А есть ли возможность, чтобы устранить эти непорядки? – спросила журналистка, понимая, что этим она может вмешаться в дальнейшую жизнь и судьбу целого института? В этот момент она отбросила длинными пальцами небольшую прядь волос, упавших на ее прекрасные сверкающие глаза...

– Есть! И вот какие пути к этому! – голос академика, который до этого еле выговаривал слова, внезапно окреп, как у горного сокола, а глаза девушки, спровоцировавшей известного ученого на столь откровенный разговор, еще больше заблестели.

– Необходимые нашему государству высшие учебные заведения, и в первую очередь, медицинские институты, сделать государственными.

– Но разве им подчинятся законы рынка?

– Так что же, из-за «рынка» люди должны умирать из-за врачей, не имеющих знаний?.. – задал встречный вопрос академик.

– Почему вы так говорите?

– Я могу назвать только один факт, от которого волосы встают дыбом. Рассказать?

– Рассказывайте!

– Вот у подножия Алатау стоит клиника, которая называется «Приват – центр». В свое время это была клиника, находившаяся в ведении государства. В более поздние годы, богачей по имени Курыкбаев, хотя сам он насытился, но глаза его остались голодными, приватизировал ее, и все на этом кончилось. Не только все кончилось, но и все специалисты, квалифицированные врачи и медсестры, работавшие там, ушли в разные стороны.

– Почему?

– Ставший частным предприятием, «Приват-центр» сократил все единицы до самой последней, вдвое уменьшил зарплату работников. На свободные места были приняты

те, кто купил свои дипломы, не понимающие в медицине ничего.

– Это же просто ужасно!

– Ужас-то весь в том, что это «специалисты», которые дважды у вас не будут снимать кардиограмму, неизвестно, сколько людей уже отправили на тот свет, и продолжают это делать. Об этом один Аллах знает.

– А какие еще проблемы имеются в нашей медицине?

– О, проблем хватает! Больше чем надо.

– Расскажите о самых главных проблемах!

– Если расскажу... – взволнованный академик еще раз тронул рукой свои тяжелые очки. – Вот этот тендер все у нас губит.

– А как?

– Вы же сами знаете, в Казахстане изготавливаются лишь тринадцать процентов необходимых нам лекарств и медицинского оборудования. Чего у нас нет, мы получаем за счет тендеров. А по законам тендера, надо брать самое дешевое. А брать самые дешевые лекарства – мина замедленного действия. Рано или поздно, эта мина обязательно взорвется. Жизни многих людей прерываются раньше времени именно из-за этого, поскольку купленные за дешево лекарства не имеют качества, или даже вообще вне сроков годности. К ним добавьте врачей, которые купили свои дипломы, но в медицине ничего не смыслят. Не случайно многие наши граждане очень часто судятся с врачами. Люди также страдают из-за того, что покупают лекарства без рецептов. В цивилизованных государствах без рецептов никакое лекарство не продается. Это дело не находится на должном уровне лишь в странах Африки и СНГ.

– Вы академик, профессор, у вас есть эти высокие звания, вы известная в народе личность. Почему вы с этими проблемами не обратитесь в верха, к нашим властям?..

14

У него была болезнь легких – астма. В последние годы он от нее, кажется, избавился. Если бы она иногда не проявлялась, то и опасаться не надо было ничего. В любом случае, памятуя, что береженого бог бережет, он носил с собой в кармане ингалятор, прозванный в народе «пшикалкой». А сегодня в спешке он оставил его дома. Поэтому он заглянул в одну из аптек по дороге, и купил ингалятор. Когда эскорт из десятка машин во главе с «Майбахом» достиг санатория «Алатау» и остановился перед парадным входом, он почувствовал себя плохо.

– Данчик, что-то, ты изменился в лице, ты не заболел? – спросила его невеста, сидящая рядом с ним на переднем сиденье «Майбаха».

– Немного, – ответил Данияр.

– Может быть, вызвать скорую?

– Не нужно. Сейчас перестанет. Мы подождем людей.

– У тебя лицо стало белое-белое, Данчик.

– Немного трудно дышать. Давай выйдем наружу, подышим воздухом, Анжела.

Они вышли из машины, и думали, что от свежего воздуха ему полегчает, и приступ астмы прекратится, но этого не произошло. Данияр вытащил купленный только что ингалятор и, поднеся его ко рту, нажал несколько раз. Но это не помогло. Он несколько раз нажал кнопку ингалятора, но из него никакого лекарства не вышло, как обычно выходило. Только что купленный ингалятор оказался просроченным. Джигиты, видя, что происходит неладное, схватили Данияра, близкого к обмороку, посадили в стоявший неподалеку «джип», и спешно поехали в ближайшую к санаторию больницу.

Айгуль одной из первых подъехавшая к «Майбаху», стоявшему на поляне среди автомашин, открыла дверцу свадебной машины, но не обнаружила в ней ни Данияра, ни Анжелики.

– А где молодые? – спросила испуганно Айгуль у девушек и юношей, стоявших неподалеку.

– Их увезли в больницу, – ответили они.
– Кто заболел?
– Данияр.
– В какую больницу они поехали, кто был рядом с ними?
– волнуясь, спросила Айгуль, и сердце ее почувало неладное.

– Они сказали, что поедут в самую ближайшую.
– А какая из них самая близкая?
– Мы точно не знаем.
– Кто может довезти меня до больницы?
– Я отвезу, – воскликнул молодой человек, стоявший ближе всех к ней.

– Так поехали!
«Джип» стремительно сорвался с места, и помчался прочь от злосчастной поляны.
– Тате (тетушка), куда мы едем? – спросил ее джигит за рулем.

– Пока поедем прямо. Спросим у людей, что встретятся нам по дороге, где самая ближняя больница.

Двое первых встречных не смогли дать внятный ответ. Третий человек объяснил, как надо ехать:

– По этой улице поедете прямо, а через два квартала повернете направо. Потом три квартала налево. Потом проедете два светофора, остановитесь на третьем. Там и будет самая близкая к нам больница, справа у дороги. Двухэтажное серое здание.

– Это больница или лечебница?
– Поликлиника.
– Как она называется?
– Черт ее знает?

Когда Айгуль, едва сдерживая дыхание, добралась до больницы, Данияр, голый, лежал на каменном полу. Оказывается, он упал без сил, едва добравшись до первого этажа больницы, и теперь лежал здесь, грудь его вся была в крови. Белое платье невесты было все в крови, Анжелика плакала, обнимая Данияра за шею.

– Ты, что ли, врач? – спросила Айгуль у молодой женщины в белом халате.

– Да, я.

– Он же более астмой, ты же должна поставить укол?

– Я поставила.

– Если поставила, почему он лежит, не встает мой Данчик?

– Откуда мне знать?

– Какой ты поставила укол?

– Адреналин.

– О, боже, нельзя адреналин, нужен эуфелин!

– Не учите меня, я сама знаю, что надо делать.

Пока эта женщина с непроницаемым лицом припиралась с ней, подоспели, запыхавшиеся, и Ерасыл с Раушан.

– Анжела, ты Данияра не обнимай так сильно, пусть дышит свободно. Подальше вы все, в сторону, ну-ка в сторону, – захопотала Раушан.

– Данияра надо немедленно доставить в городскую больницу! – сказала Айгуль.

– Я этого не разрешаю, – сказала грубая докторша.

– Нам некогда спрашивать у тебя разрешения. Мы должны вот на этой «скорой», стоящей у двери, доставить его в город. А ну-ка, Кутгыбек, Жанболат, поднимите его, – закричала Айгуль в отчаянье...

15

Стремительно промчалась «скорая» до городской больницы, и там Данияра уже ждали четверо самых лучших врачей. Малик по дороге по сотовому телефону позвонил главному врачу и изложил свою просьбу:

– Судьба сына моего свата буквально на лезвии бритвы. Скорая везет его в больницу, которую вы возглавляете. Хотелось бы, чтобы его лечили лучшие врачи, находящиеся в вашем подчинении. Помогите, прошу вас.

– Ваш сват – это же Ерасыл Жаксыбеков,

– Да.

– Хорошо, постараемся.

После этого разговора главный врач примчался к больнице, даже не поздоровался с родственниками Данияра, стоящими снаружи, и стремительно вбежал вовнутрь. Айгуль, сердце которой взволновалось сильнее прежнего, начала молиться Аллаху: «Спаси жизнь моего Данияра!»

Среди тех, кто желал спасения Данияру, находилась женщина семидесяти лет, Алтын ана – Золотая священная мать. Для нее Данияр был самым дорогим на свете человеком. И сейчас она особенно переживала за Данияра. В эти минуты перед ее глазами прошли четыре последних года, словно нанизанные на нитку.

До этого она знала этого подростка, приятного внешне молодого человека со стороны. Вот однажды, когда она отдыхала, прогуливаясь по улице, к ней подошел Данияр:

– Бабушка, как у вас дела? – спросил он, светло улыбаясь.

– Хорошо.

– Вы же живете вот в этом доме, не так ли?

– Да, вон в том подъезде, на самом верхнем этаже.

– Лифт работает?

– Сейчас работает. А на днях целую неделю не работал, я даже на улицу не могла выйти. И на базар не могла сходить, сил не хватило. Садись, рядом со мной, присаживайся, сынок, – и великая мать подвинулась на скамье, давая место.

– А почему это вы ходите на базар, разве некому туда сходить? – спросил Данияр, присаживаясь рядом с ней.

– Нет никого рядом. Раньше я сама по всем делам бегала. Все мои родственники умерли, я совсем одна осталась, одинокая я старуха... Вот я немного отдохнула, пока не стало темно, доберусь–ка я до дома. – И престарелая женщина с трудом поднялась с места... – Глаза насытились, да вот сердце не наполнилось, как хотелось, как говорится, я и набрала продуктов на целую неделю. А теперь поднимать эти сумки не могу, стала совсем немощная, как дистрофик. Ох, спина, и спина у меня болит сегодня.

– А почему вы ходите не в магазин, а на базар? Магазин же ближе, чем базар.

– На базаре все гораздо дешевле.

– Бабушка, дайте сумку мне, я отнесу.

Данияр произнес это, и тут же взял большую китайскую сумку в левую руку, а правой поддерживал пожилую женщину под локоть, так они и направились к крайнему подъезду девяностошести-квартирного большого дома.

– Бабушка, дайте ваши ключи. Я сам открою дверь.

– Ключа у меня нет, сынок, я его потеряла.

– Давайте я вам изготовлю ключ.

– Не нужно.

– Почему?

– Я даже воров не боюсь. В моем доме нет ничего, что могло бы их заинтересовать. Садись, сынок, я чай поставлю, – сказала пожилая женщина после того, как они вошли в квартиру...

– Спасибо, бабушка! В следующий раз попью.

– Вот это – мое однокомнатное убежище. Маленькое, как гнездышко у чибиса. Как у тебя будет время, заходи. Я очень вкусно готовлю еду. Кроме этого ничего не умею. Я тебя самсу приготовлю.

– Спасибо, бабушка! Я живу в первом подъезде этого же дома. Как поднимитесь на третий этаж, надо повернуть направо.

– Я знаю. Наблюдаю за тобой со стороны.

– Вот мои координаты, – сказал Данияр, протягивая бабушке визитку. – Если нужна будет помощь, звоните по телефону. Да я и сам буду заглядывать к вам.

– Спасибо, сынок! Пусть у тебя будет счастливое будущее!

После этого разговора Данияр стал дважды в неделю регулярно заходить в эту квартиру в доме по улице Чокана Валиханова. Приходил он туда каждый раз не с пустыми руками. Иногда приносил горячую еду из общепита, иногда покупал фрукты-овощи.

– Сынок, а разве нельзя прийти без ничего, – просила его как-то старуха.

– Вам же затруднительно ходить по магазинам. Все, что вам нужно, я принесу, – ответил ей на это Данияр.

– Ты слишком много делаешь для меня, сынок. Но ведь я сама пока еще способна ходить и приносить, что надо.

«После этого разговора Данияр стал заходить раз в неделю, и спрашивать как у меня дела». – Рассказывала позднее пожилая женщина. – Всякий его визит наполнял дом продуктами, фруктами и овощами. В 2011 году, когда он пришел в очередной раз, я сильно болела.

– Бабушка, что же вы лежите? – спросил Данияр.

– Я болею, вот и лежу, – ответила я.

– Может быть, вызвать «скорую»?

– У меня нет сил, чтобы добраться до телефона.

После этих моих слов Данияр поднял меня на руки и донес до своей машины, отвез в больницу по улице Жандосова. Я пролежала в ней десять дней. Вылечилась. Данияр приходил каждый день, приносил нужные лекарства, фрукты-ягоды. После того, как я вышла из больницы, он всячески помогал мне, способствовал тому, что я снова встала на ноги.

Всякий становится послушным тому, кто его уважает. Мне захотелось сделать этому мальчику подарок. Но маленькой моей пенсии едва хватает на квартплату, да на кусок хлеба и чашку черного чая. Как же мне быть? Так я подумала, эдак поразмышляла, и нашла все же выход из этого тупика. У меня в сундуке, на самом дне завалился серебряный браслет. Немного почернел от времени, но если оттереть, то выглядел он неплохо. Я вытащила из сундука этот браслетик, и подарила его Данияру. Он долго отнекивался, но, все же, принял мой подарок.

Всякий раз, как Данияр приходил ко мне, я готовила ему вкусное что-нибудь, то булочки, то баурсаки. Чаю ему вскипячу обязательно. А что еще могут сделать для него мои старческие руки? Он вместе со мной чаю попьет, расспросит обо всем, и сам расскажет что-нибудь новенькое.

Когда Данияр со словами: «Бабушка, как вы?» – входит в мой дом, мне кажется, что ко мне приехал весь мой Атырау со всеми моими родичами.

Сейчас люди стали злыми друг к другу, времена очень сильно испортились. Некоторые бессовестные негодяи, несмотря на свое личное богатство, родную мать готовы в дом для престарелых отправить, а Данияр стал заботиться обо мне, чужой для него старой женщине, это ли не проявление человеческого?! Таких людей на свете мало, и это плохо! Я тебе благодарна, Данияр, пусть в обоих мирах будет славно твое имя!

Я всем сердцем своим желаю тебе благополучного выхода из больницы. О, Создатель наш, прошу тебя, умоляю, сохрани жизнь моему Данияру. Если тебе нужна душа, возьми мою грешную душу!

– Главный врач задерживается, почему он нам ничего не говорит, – очень сильно обеспокоилась Айгуль, обращаясь к Малику.

– Если человек в пути задерживается, ничего не остается, кроме ожидания, – так раньше говорили старики. Потерпи, Айгуль Акылжановна. Может, он нас чем-то обрадует. Подождем немного, – сказал Малик.

В этот момент Раушан:

– Далее этого ждать я больше не могу. Мы сами должны пойти к главному врачу. Только ты сможешь с ним разговаривать. Пойдем, Малик, пойдем... – и Раушан потянула мужа за собой... Но тут главный врач вышел им навстречу.

– Как дела у Данияра? – спросила Раушан.

– Вы сделали ошибку, когда отвезли его в «приват-центр». Там... – и главный врач замолчал, кусая губы.

– Мы сами своими глазами видели то, что там было. Что с Данияром? Ради бога, скажите правду! – взмолилась Раушан, едва не плача.

– Вы к нам поздно приехали... Позд...но... Если бы чуть раньше... Простите меня... – сказал главный врач, и лицо его потемнело.

Глядя на потемневшее от горя лицо главного врача, Раушан догадалась, что произошло самое страшное, не смогла себя сдержатъ, и тут же дала волю слезам, которые бурным потоком хлынули из ее красивых глаз. Так она, обливаясь слезами, ревя во все горло, вышла наружу, и сильно обняла Айгуль. Малик, следовавший за Раушан, оба вышли к толпе людей, среди которых был и Ерасыл.

– Что случилось, дорогой, – спросил Ерасыл дрожащим голосом.

– Крепись, мой родной, крепись, – сказал Малик.

– Что, что ты говоришь? Мой Данчик и вправду... вправду... – Ерасыл задохнулся, но заплакать не сумел. Голова его закружилась, и Малик подхватил его, падающего, на руки.

– О, Безжалостный Создатель... Что тебе нужно было от Данияра? Вместо него лучше бы ты меня взял, – запричитала Почтенная Мать.

Сауле, другие женщины, заплакали, запричитали в голос, а мужская сторона, молча, едва сдерживая себя, стояли беспомощные перед двором больницы.

Айгуль и Ерасыл потеряли сознание...

16

После безвременной кончины Данияра люди, вчера только собравшиеся на праздник, заполнили дом и весь многоэтажный подъезд, горю их не было конца. Узнав о несчастье, издалека, из разных районов и областей прибыли родственники. Одним из первых из Астаны приехал первый казахский космонавт Тохтар Аубакиров. Он высказал свои соболезнования Ерасылу и Айгуль. Немного успокоившись, приступили к организации похорон, чтобы проводить Данияра в последний путь.

– Зылиха Жунусовна, дайте моему Данияру хорошей земли, чтобы он там лежал в вечной обители, – сказал Ерасыл женщине, сидевшей от него справа, заместителю городского акима. – И пусть это будет такой участок, чтобы в нем могли поместиться три человека. Когда придет

повеление Аллаха, мать и отец его лягут рядом с ним. Будем лежать справа и слева от нашего сына.

– Вы же сами знаете, «Кенсай один» давно уже закрыт. Недавно мы закрыли и «Кенсай два». Теперь вот открыли «Кенсай три»... Ерасыл агай, вы – известный за пределами нашей страны человек, заслуженный, ваши труды известны всему народу. Мы найдем одно место для вашего Данияра на «Кенсае два». А вот найти место для троих сразу, очень сложно.

– Мы с Абеном сегодня утром обошли весь «Кенсай два», там есть такое место для троих, – вмешался в их разговор Хамит.

– А распространяется ли на это место власть нашего городского акимата? – спросила Зылиха Жунусовна.

– Неужели есть земля, на которую не распространяется власть нашего городского Акима? – удивился Тохтар.

– Это правда, – сказал Абен. – Шустрые богатеи давно уже скупили лучшие земли в загробном мире. В свое время эта земля стоила копейки, а теперь они продают ее в десять раз дороже.

– На такие участки наша власть не распространяется, – сказала Зылиха.

– Ой, Алла-ай, какой это ужас! – сказал Ануарбек.

– А где же сам аким Алматы? – спросил Тохтар, обернувшись к Зылихе, сидевшей от него слева.

– Мы сообщали Ансару Сарсеновичу. Сейчас его в городе нет. «Завтра я к ним сам зайду, а сегодня ты сама сделай все, что полагается, окажи всяческую помощь», – сказал он мне, давая задание.

– Самая большая помощь – выделение земли, решите этот вопрос. Все остальное мы сделаем сами.

– Зылиха, Тохтар, идемте, поедем на Кенсай, и там, на месте решим этот вопрос, – сказал Ерасыл. – Хамит, садись в первую машину и возглавь нас.

Группу, которую возглавил Хамит, встретил на «Кенсае два» начальник землепользования по имени Максут. Хамит, выходя из дома, сказал Ерасылу: «Я повезу вас к

тому месту, которое мы выбрали с Абеном. Надо добиться этого участка. Будут предлагать другие варианты, не соглашайся».

– Вот, земля, которую мы выбрали, вот эта! – сказал Хамит, когда они вышли на небольшую полянку на вершине Коктюбе.

– Здесь хватит места для троих человек. Эта земля нам подходит, – сказал Ерасыл, оглядев окрестности внимательным взглядом. – Вокруг просторно и светло. И дорога сюда легка и проста. Зимой можно добираться, не скользя по льду.

– А ты что скажешь? – обратилась Зылиха к Максуту, стоящему рядом.

– Рядом с этим есть еще два участка, можете их посмотреть, – сказал тот, и глаза его странно забегали. – Это тоже хорошая земля.

– Веди нас к тем участкам, – сказала Зылиха.

– Нам нравится эта земля, – подчеркнул Ерасыл.

– Может ли наша власть иметь силу на этом месте? – спросила Зылиха Максута. – Завтра тот, кто уже купил эту землю, не предъявит нам претензии?

– Нам не нужна другая земля. Дайте нам этот участок, – уперся Ерасыл, вспомнив недавние слова Хамита.

– Да что же это такое? – возмутился Тохтар, – Если городская власть не может решить этот вопрос, я прямо сейчас выйду на Президента. Землю, которую не дают Ерасылу, кому можно отдать?

– Ты не можешь принять твердого решения, колеблешься, – сказала Зылиха Максуту более твердым голосом, и нахмурила брови. – Дадим именно этот участок. Всю ответственность я возьму на себя.

– Вы Сами решили, Сами все знаете, как скажете, так и будет, тут же нашел выход Максут.

– В таком случае, пошли, – сказал Ерасыл.

Когда они вернулись к своему дому, то увидели, что количество людей, пришедших выразить свои соболезнования, не уменьшилось, а, значительно увеличилось.

Как только Ерасыл вышел из машины, к нему подошли руководители Союза Писателей Нуржан Оймауыт и Салим Жандосов, каждый из них тепло прижал его к своей груди, говоря: «Крепись, друг, крепись!»

И толпа из многочисленных людей, заполнивших подъезды многоэтажного дома, нахмурилась, опечалилась, почернела, словно море, и добавила мрачные краски к тяжелым кучевым облакам трудного дня...

17

Ерасыл, обычно просыпавшийся не позднее десяти часов, сегодня поднялся затемно, перед рассветом. Вчера, правда, он лег спать поздно, но сейчас спать как обычно долго не смог. В спальне были часы, висевшие напротив постели, и длинный язык-стрелка их показывал шесть часов утра. Он оделся, вышел на балкон, и увидел, как одна группа людей, вполне трезвых и здоровых, набросилась на водителей, стоявших на улице легковых автомобилей, и без всяких предисловий прогнала их прочь, подальше. Группу полицейских офицеров в форме возглавлял некий моложавый подполковник, на его погонах были видны две большие звезды. Люди в штатском, лица работников акимата, знакомые и незнакомые, мелькали там и сям, ими руководила заместитель акима Зылиха Жунусовна, они обращались только к ней. Еще одна группа, похоже, что это были обыкновенные рабочие, тщательно и спешно подметали улицу, полили ее водой так, что все вокруг засверкало от чистоты.

– Я поеду встречать Ансара Сарсеновича. Когда он придет, вы все должны стоять вот за этими воротами, – сказала подчиненным Зылиха, уезжая. Один низкорослый молодой парень, с вытаращенными глазами, услужливо бросился к ее машине, открыл дверцу, помог сесть на сидение.

– Ансар Сарсенович придет к девяти часам. До этого приберите дорогу и вход к подъездам, да и сам подъезд почистите, – сказала Зылиха, и взгляд ее посурвел, об-

ращаясь к другому молодому человеку, высокому, голена-
стому, курчавоволосому.

– Ни о чем не беспокойтесь, Зылиха Жунусовна! Все
сделаем отлично, – сказал кучерявый юноша, и голова его
заходила вниз – вверх, как у жеребенка, которому надое-
дает овод...

Ерасыл узнал его. «Так этот курчавоволосый юноша –
помощник Зылихи Жунусовны по имени Жапалак Жан-
пеисов. В прошлый раз он видел его в акимате. Он в при-
емной Зылихи Жунусовны выстроил в ряд пришедших к
ней на прием молодых и старых людей, сам сидел во гла-
ве стола, так нахмурил брови, что казалось с них сейчас
пойдет снег, и точными и звучными словами вгонял всех
в страх и трепет. А сегодня он стал чуть «выше ковыля,
ниже жусана», или, как говорят русские, тише воды, ниже
травы. Эти то, эти... Не эти, так другие, пойдут еще даль-
ше. У тех, кто при власти, они подошвы оближут, куда
надо залезут без мыла, и таких подхалимов, как у нас, в
цивилизованных странах давно уже днем с огнем не сы-
щешь.

Соревновавшийся с помощником в услужливости па-
рень с вытаращенными глазами, все еще держал дверцу
машины Зылихи Жунусовны приоткрытой, пока она да-
вала распоряжения, и лишь теперь закрыл ее. «О, вели-
кий обманщик, заставивший одного человека прислужи-
вать другому, о, этот бранный ненадежный мир. Вот так в
спешке, в суете, смятении, пройдет вся жизнь, не успеешь
только глаза открыть-закрыть, как все окажется позади...
Эта наше поколение не может избавиться от рабского по-
виновения, от раболепства, накрепко проникшего в кровь.
Мой Данаш и его друзья уже не болеют этой болезнью.
Если этот проснувшийся от столетнего сна черный китай-
ский дракон не пролотит нас, или же если не наступит
призываемый кликушами и провидцами «конец света»,
то через двадцать-тридцать лет товарищи и сверстники
Данияра высоко поднимут славу казахов, до самого неба.
Они смогут воздать должное по справедливости тем, кто

безвинно погиб в ураганы и громовые дожди, под безжалостными ветрами и бурями репрессий, никого не забудут, разыщут потерянных. Те великие дела, что мы не смогли доделать, они довершат, поколение моего Данчика, его друзья и сверстники. И теперь они, любящие свою родину, как можно любить только кровь красных тюльпанов родной степи, всей душой и сердцем, любящие свой народ, мыслящие по-государственному, уже становятся государственными деятелями, таково их поколение. Я в это очень серьезно верю. О, всесильный Создатель Аллах, доведи мой казахский народ до этих счастливых дней. О, изменчивый бренный мир, о, неосуществленная мечта, если бы мой Данчик был жив, разве он не возглавил бы это крылатое поколение соколов? «Ученый, пока выучится, не найдет покоя, пока жизнь не проживет, не найдет он себе счастья и наслаждения», – у моего Данаша было много мечтаний, и будущее его было прекрасным. Враг всего человечества – неожиданная смерть, подлая, низкая, подрубила его в самый счастливый момент, моего жеребенка...»

Горькие мысли Ерасыла, возникавшие и возникавшие, прервала неожиданная поминальная песня, раздавшаяся снаружи: «Ой, дорогой мой, Данияр, жеребеночек мой, спинной хребетик мой, верблюжонок мой», – это плакала, причитая, как верблюдица, женщина. Это была Жумагуль, которая по причине болезни не смогла приехать на свадьбу.

Она сначала обняла Айгуль:

Данияр мой, верблюженочек!

Мой цветущий жеребеночек!

На шее моей нервный сгусточек,

Обогнавший тысячу бегун,

Мой любимый и ненаглядный,

Очень рано ты ушел от нас,

Чем видеть эту горькую печаль,

Лучше б у меня все жилы порвались.

– Ну, хватит. Не плачь больше. Айгуль и так устала. – Пытался остановить ее Малик. Но Жумагуль не стала

слушать его. Слезы ее залили все платье и подол, и она продолжала свою поминальную песню – жоктау.

*Дорогой мой Данияр!
Много начинал ты дел,
Многое ты не успел,
Никогда не думал о плохом,
Велика была твоя любовь к народу,
Горяча она была, угли огня.
Ты был наделен многими талантами,
Ты был молодой гений,
Ты думал только о думах народа,
Ты был равен правителю-царю,
Ты независимого вольного народа
Был ты будущим.*

– Она теперь не остановится. Уважаемый мулла, начинайте читать молитву, – сказал Сейлхан.

Лицо у муллы было широкое, просветленное, немного красноватое, живот у него был обширный, и Шаштай мулла откинулся, несколько раз погладил-прижал свою бородку толстыми пальцами, расчесал волосики, и вдруг запел, как узбекский сарнай.

– О, великий Аллах Создатель, эта сура из священного Корана во имя пророка нашего Мухаммеда, Послам, пророкам, Сахабам-воинам, святым и святителям, сеидам, шейхам, всем, ушедшим в мир иной мусульманам, – посвящается.

И лишь теперь мулла остановился.

– Как звали сына нашего, ушедшего в вечность? – спросил он.

– Данияр, – сказал Хамит.

– Да, духу Данияра посвящаю. Пусть дарует великий Аллах Создатель мир и покой оставшимся после него отцу и матери, родственникам, всем мусульманам длинную, счастливую жизнь. И Данияру, рано ушедшему от нас, да дарует ему пребывание в раю. Для всех нас дарует-

ся прощение Аллаха и великая милость, а пророка лично благословление.

Представитель дипломатического корпуса, известный Куттыбек Маликулы был весьма образованным джигитом. Не достигнув и тридцати лет, он стал известен на всю страну, преодолев множество препятствий, знающий и образованный. Суры из Корана он знал, как свои пять пальцев, и поэтому критически оценивал то, что говорил Шаштай мулла.

– Была прочитана сура, называемая Фатиха, – подумал вслух Куттыбек. Он про себя же повторял вслед за муллой казахский текст.

Открывающая книгу.

*Во имя Господа, Чье сердце милосердно,
Чьей милости хотим, о ней прося усердно!*

*Хвала Ему, Властителю миров,
Над бытием простершему покров,
Тому, Чье к тварям сердце милосердно,
Чьей милости хотим, о ней прося усердно!*

Владыке дня Последнего Суда

Хвала вовек и преданность всегда!

Служа Тебе, к Тебе взывая в страхе:

«Нам помощи!» – простерты мы во прахе.

Веди нас, Боже, праведным путем.

Дорогой тех, кто одарен Тобою,

Не тех, Твой гнев над чьею встал судьбою,

Не тех, кто бродит в сумраке густом.*

*(*Перевод Т. Шумовского).*

Пусть Аллах Создатель всем нам дарует богатство и счастье. Аминь.

Когда началось чтение суры из Корана, Жумагуль, которая пела поминальную песню, и другие женщины, громко плакавшие, замолчали все, как одна, и больше не произносили ни звука. Нельзя поминальной песне соперничать со священными словами святой книги, Корана, посланной Аллахом Создателям людям. Когда были прочитаны последние строки суры, Жумагуль обняла Сауле, сидевшую

рядом с ней, которая была одета в черные траурные одежды, в черный платок. И тогда Сауле продолжила поминальную песню Жумагуль своими словами:

*Данияр мой, жеребёночек – ай,
Во время свадебного тоя,
Всего в двадцать один год,
Рядом со своей любимой невестой,
Когда птица счастья была рядом,
Когда душа пела о радости,
Сверху ударил беспощадно бог,
И сердце твое остановилось,
И нет горя, сильнее этого.
Ты был тулпаром – крылатым конем,
Ты был соколом с сильными когтями,
После того, как ты ушел из жизни,
С неба упало много звезд.
Черные и белые глаза мои,
У сердца не стало опоры,
Разве бывает таким коротким
Расстояние между счастьем и печалью,
Человек этого не сумеет понять?
Разве кто-то может тебя заменить?
Ты был очень добрым, любил людям помогать,
Ты был на шею у отца и матери
Священным тумаром-оберегом,
Глаза мои полны слез,
Сижусь, вот раненная прямо в сердце (в бок).*

Голос Сауле был очень громким. И слова поминальной песни, произносимые ею, были тяжелы и горьки, соленые, как слезы, тяжелы как табыт*... Она подперла себя руками с боков, и редела-пела, без остановки. Заметив это, Улжан поднялась с места, подошла к Жумагуль и попросила ее обнять Сауле и остановить этот невыносимый плач. Но Сауле и после этого не остановилась. Тогда Шаштай мулла своим тонким голосом вновь начал читать молитву, новую суру из Корана.

* табыт – носилки, на которых кладут покойника.

Когда завершилась и эта молитва, реветь начала Назгуль:

*Был на тебя пролит божий свет,
 Многими талантами наделен,
 Был ты ученым, широким, как море,
 Был ты добротой славен всем.
 Как же в твоём маленьком, как кулачок, сердце,
 Все это помещалось.
 Свободу получил твой народ,
 Мы от тебя много ждали,
 За тобой следовало много людей,
 Они думали, что ты будешь их вождем.
 С твоим уходом прервались мечты,
 Вот я кровью и слезами вся изошла,
 Обжигает меня адский огонь,
 Рано нас постигла эта печаль,
 И не простое горе, страшное горе.
 Была твоя дорога широко открыта,
 Был ты любим всем народом,
 Счастье наше на этом прервалось,
 Что же это за несчастье такое?..*

Казалось, что в синем куполе огромного голубого неба собрались темные грозовые тучи, и уже заморосил, полил черный дождь, такое было впечатление от этих тягостных поминальных песен, от воя которых волосы на головах становились дыбом. Айгуль, которая и, без того, плохо себя чувствовала, при каждом новом жоктау вздрагивала, словно сердце кололи стальной иглой, которое болело невыносимо. Горестные песни, исполняемые женщинами, больно ранили и сердце Ерасыла. Остальные люди все ходили понурые, угрюмые, всем было плохо. Ануарбек увидев это, почувствовавший себя сиротой, обратился к женщинам:

– Сауле, Назгуль, Жумагуль, хватит вам выть. Перестаньте повышать голос, отдохните немного. Айгуль очень устала, не тревожьте ее.

– Назгуль прекратила петь поминальную песню, и тяжело вздохнула: «Ух...». Все четыре комнаты большой квартиры были полны людей, печальных, грустных, молчащих. И эту мертвую тишину, давящую на уши и сердца людей, разбудил звук автомобильной сирены, раздавшийся снаружи.

– Ансар Сарсенович едет, – сообщил Байбота.

Не успел он этого произнести, как в дом вошел в сопровождении группы людей сам Ансар Сарсенович. Он поклонился людям, находившимся в передней комнате, и вошел в кабинет Ерасыла. Но и в кабинете было полно людей, пришедших выразить свои соболезнования. Ансар Сарсенович подошел к Ерасылу, обнял его, поднявшегося с места, крепко прижал к себе, а потом присел на стул, стоящий рядом с письменным столом.

– Пусть после этой беды наступит благополучие. Крепитесь, будьте мужественны, – сказал глава города. – Увидев Айгуль, которая бледная-бледная, опустив плечи, молча сидела в уголке, словно заболевший человек, он сказал:

– Айгуль Акынжановна, поберегите себя и свое здоровье.

На это Айгуль подумала про себя: «Вы говорите мне о здоровье, как будто оно мне сейчас нужно».

И тут вновь установилась тишина. Глава города, прерывая молчание, обратился к Ерасылу:

– Какая нужна от нас помощь?

– Спасибо, уже ничего не надо, – ответил Ерасыл.

Ансар Сарсенович сказал: «Хорошо. Все в порядке», и тем же путем, которым вошел в эту квартиру, вышел из нее.

– Рядом с акимом все время находится беленькая женщина, его заместитель Зылиха Жунусовна. Ее мы знаем. А кто вот эти двое, которые стоят рядом с ним, как каменные памятники? – спросил Ануарбек.

– Они – заместители акима.

– А кто, сидящий рядом с ними, чуть в стороне, молодой человек с усиками?

– Это аким Медеуского района Балгабек Акежанов.

Люди, приехавшие издалека, группа за группой приходили и уходили, кто-то находился в квартире, другие выходили наружу. Ерасыл кого-то узнавал, кого-то видел впервые. Среди яви и полуяви, между правдой и кривдой, сидел бедный Ерасыл, оглушенный словно рыба, которую ударила льдина. Айгуль плакала про себя, молча, узнавала и не узнавала соседей, которых обычно видела каждый день. От плача глаза у женщин покраснели, лица распухли. Анжелика и Суйинишбике то ревели в голос, то падали в обморок без памяти. В четырех комнатах было полно людей, а на улице, двор которого был равен по площади футбольному полю, тоже стояли люди, черные от горя. Ранняя смерть молодого человека, подававшего большие надежды, омрачила сердца всех. Еще утром, почти в одно время с Акимом города, приходил главный муфтий Саттар ходжа. Подобно лодке, которая при виде корабля, уплывает на задний план, мулла Шаштай уступил ему первенство, отошел в сторону и стал невидимым.

– Те, кто приступил в обмыванию тела, уже закончили свою работу, – сказал Саттар ходжа. – Теперь вы можете прощаться с Данияром. Пусть зайдут немного людей. Мать с отцом, и самые близкие. – И священник кивнул головой стоявшим рядом Хамиту и Абену.

Когда Айгуль увидела бездыханное тело сына, лежащего на полу без движения, она упала на него, обнимая. Она задохнулась и не смогла плакать. Ерасыл встал на колени и поцеловал сына в лицо. У Данияра оттопырилась губа, и все тридцать два белых зуба были видны отчетливо. Открытый светлый лоб, густые черные брови, черные волосы, оттопыренные уши, все лицо у него было такое же, как вчера, в тот злосчастный свадебный день. Одно только изменение, светлое его лицо словно потемнело, стало немного коричневым... «Жеребеночек мой, ты лежишь так, словно пришел после тяжелой работы и лег спать. Если бы вчера во время свадьбы не ты, а я умер бы, мы бы так не мучились. Ты же был мне дороже самой моей

души, драгоценный мой, как я могу простаться с тобой, ту печаль, которую может стерпеть только черная земля, как я могу перетерпеть?..» – так он плакал про себя, про себя рыдал во весь голос Ерасыл.

Тело Данияра, завернутое в ковер, подняли Ануарбек, Хамит, Абен, Муса, вчетвером они вынесли его наружу. После того, как тело покойного было установлено во дворе на стульях, началась церемония отпевания. Потом были сказаны слова прощания его близкими и родственниками, безучастные слезы которых лились непрерывно, а речь их была с дрожанием в горле...

Автомобильная процессия, направлявшаяся в кладбищенскую страну, добралась до Кенсая два, и там остановилась.

Перед тем, как предать тело Данияра Матери-Земле, Айгуль вцепилась в его ноги и не хотела их отпускать. Когда тело любимого, драгоценного сына, которого мать любила больше жизни, стали опускать в могилу, Айгуль потеряла сознание. Плач, горькое рыдание Анжелики и Суйинишбике, стоявших рядом, обнявшись, всколыхнули сердца присутствующих вокруг. Врачи, находившиеся здесь же, бросились к Айгуль, Анжелике и Суйинишбике, оказывая им первую помощь, пытаются уколами привести их в чувство. Увидев, что врачебная помощь не дает нужного результата, Ерасыл посадил их всех в машины и отправил в больницу.

В тот час, когда Данияр был предан земле, небо нахмурилось, все вокруг потемнело...

18

Прошло два дня, после того, как тело Данияра было предано Матери-Земле, и домой к Ерасылу прибыл известный всему тюркскому миру, Генеральный директор секретариата азиатской конференции, посол по чрезвычайным поручениям Чинар Алдемир. Рядом с ним был смугловатый мужчина среднего роста и среднего возраста. «Этот

индус – мой помощник», – познакомил с ним Чинар Алдемир.

– С вашим сыном Данияром я не был знаком, – начал свою речь Чинар. – Господин Жаксыбеков, я знаю вас со стороны. Я читал ваши интервью с зарубежными изданиями. Мне известно, что в Турции выходила ваша книга. Вот это все, что мне известно о вас. Я даже не казах, не ваш земляк, а просто турок. И вот я, посторонний человек, когда услышал о вашем трагическом случае, не выдержал, приехал к вам. Я понимаю, насколько глубока ваша скорбь, я об этом догадываюсь. Ваш сын умер семнадцатого августа, а этот день по всей Турции невезучий трагический день, черный день, можно сказать. В 1999 году семнадцатого августа в Турции было сильное землетрясение, и мы лишились многих хороших граждан, такое нас постигло горе. У вас, у казахов есть гениальные слова, «если разделить горе, оно уменьшится». Мы все должны подчиниться воле Аллаха, мы вынуждены это сделать. Если все время плакать, очень сильно можно ослабнуть. Будьте крепкими!

– Этот турецкий парень, которому Аллах создатель дал приличный рост и ясный ум, был, похоже, не простым человеком. «Мужчина должен быть с носом, а лошадь с губами не будет иметь недостатков», – говорили наши аульные старики. На широком его лице расположился весьма большой нос, – сказал Ануарбек.

– Вы верно заметили, – подтвердил Куттыбек. – Этот Чинар Алдемир не только среди дипломатов, но вообще среди турков известная личность. Он друг премьера-министра Турции Реджепа Эрдогана. Знает несколько языков. Это такая личность, что никогда не посрамит ни себя, ни свою страну. Доказательством этого может быть такой эпизод. Зная о том, что Чинар весьма известный в международной политике деятель, его пригласил на встречу наш Президент Нурсултан Абишевич Назарбаев. Чинар в назначенный день прилетел из Анкары в Астану. Номер в гостинице был заказан заранее, и когда приезжий соби-

рался в нем расположиться, один из дипломатов, встречавших его, сказал:

– Господин Чинар, прошу прощения. Обождите немного. Номер, предназначенный для вашего проживания, убирается.

– Не я должен ждать номер, а номер меня, разве не так? Это неуважение не только ко мне, но и неуважение моей страны, – сказал резко Чинар.

– Ах, черт, очень неловко вышло, – сказал Ануарбек.

– Правильно он сделал, – сказал Муса.

– Хороши мы, если в нашей семи-звёздочной гостинице такие порядки, – добавил Тумарбек.

– Подвели толстобокие женщины горничные, убирающие в номерах, – с сожалением сказал Байбота.

– В дорогих гостиницах большие зарплаты, видно, с жиру бесятся, – вмешался в разговор, молчавший до этого Сейлхан.

– Работающие в номерах женщины бездельничают, но чем тогда занимаются администраторы, поставленные следить за их работой. Разве нет такого понятия, как ответственность! – Это сказал свое слово Малик.

– Похоже, глаза их заплыли жиром, – сказал насмешливо Куттыбек. – Они все бюрократы, все до единого чинуши.

– Мы говорили: «Демократия, демократия», и, выходит, дали дорогу бюрократии.

– Не говорю, что нам нужен Сталин, достаточно было бы и Андропова, – сказал Абен.

– Ты же полковник финполиции, почему не призовешь их к порядку?

Эти резкие слова сказал Сейлхан, на что тут же возразил Абен.

– Мы боремся с коррупцией. А установление порядка относится к обязанностям власти.

– Прекратите эти пустые разговоры, а переходите к обсуждению, как мы будем проводить сорок дней Данчика, – сказал Хамит. – В каком ресторане, на сколько мест делать заказ.

– Я думаю, что правильно будет в ресторане «Достык»,
– сказал Сейлхан.

– Там очень тесно, – сказал Хамит. – По моему, на пересечении улиц Калдаякова и Толе би есть ресторан «Арайлым». Зал на втором этаже весьма большой. Если придет больше людей, чем мы планируем, поставим дополнительные стулья.

– Хамит верно говорит. Ты, Абен, вместе с Хамитом вдвоем завтра отправляйтесь туда и сделайте все заказы. Заплатите аванс, возьмите квитанцию. Этим ресторанам доверять нельзя. Завтра они отдадут зал тому, кто больше заплатит. В осторожности нет ничего плохого, – утвердительно сказал Ерасыл.

Эти слова Ерасыла поддержали все родственники, пришедшие на семейный совет.

На этом разговоры того дня были завершены.

19

Айгуль две недели пролежала в реанимационном отделении больницы, относящейся к управлению делами Президента Казахстана, а потом ее перевели в одноместную палату в терапевтическое отделение. Там Айгуль сделали два укола, поставили две системы, и в тот же день она ушла домой.

– Почему ты поторопилась? Полежала бы еще, собралась с силами! – говорили ей сочувствующие люди, на что она сказала:

– Остальное лечение получу дома, – такова она была, Айгуль.

Через два дня после возвращения Айгуль из больницы приехал из Астаны Торегали Ташенов. Он высказал свои соболезнования Ерасылу и Айгуль. С давних времен находящийся на самом верхних ступенях власти, Торегельды Нуржанулы был известной личностью не только в Казахстане, но и за границей. Сам же руководитель, сам же прекрасный оратор, он был любим народом. Особенно любили его интеллигенты, в том числе журналисты и

писатели. В свое время он был руководителем молодежи республики, потом был помощником Главы Государства, который всегда брал его с собой в зарубежные поездки и много раз испытал в трудных делах. За двадцать один год независимости он прошел множество ступеней вверх. Был Государственным секретарем, руководителем аппарата администрации Президента, Акимом области, был даже одно время Премьер-министром. «Я – продукт Президента!», – любил он говорить, в самом деле, подчеркивая свою близость к главе государства. Сам же он был весьма солидным политиком, что давно уже признал весь народ. Его образованность и немалые знания были видны из переписки с известным поэтом Алмасом Айтугановым, и из частых телевизионных передач, интервью и бесед. Несомненные достоинства крупного руководителя да справедливые дела его привлекали к нему симпатии многих. Красноречие и ораторские возможности были у него немалые, что проявлялось в его выступлениях перед людьми. Однажды в Астане, в присутствии многочисленных зарубежных представителей, с высокой трибуны он произнес: «Глава государства Нурсултан Абишевич из небольшого областного центра сделал столицу могучего государства, всего за десять лет наша страна стала известной всему миру, а столица новой страны внесена на карты всего мира, и если бы не гениальное предвидение нашего Президента, который перевел многочисленный город с юга на север, к Караоткелю, мы сейчас тосковали бы не по потерянному Едилю, а плакали бы по Есилю. Можно не перечислять другие подвиги нашего Президента, Главу нашей страны благодарит от всей души, от всего сердца весь народ!» – так великолепно говорил Торегали Ташенов.

И этот Торегали Нуржанулы оставил все свои дела, и чтобы выразить свои соболезнования Ерасылу и Айгуль специально прилетел из Астаны в Алматы. И в этот свой приезд он сидел за дастарханом в их доме около трех часов. И в течение трех часов всего лишь прикоснулся губа-

ми к поминальному хлебцу и выпил чашку чая. И рот его был наполнен не едой, а словами. Но чаще всего он делал паузы в своих разговорах, в основном, слушал других.

– Об этом несчастье догадываются не просто отдельные люди, но уже услышал весь народ, – начал свои слова Торегали Ташенов. – Такую особенно большую тяжесть Аллах Создатель возлагает на своих особенных, испытанных личностей. Когда ненаглядная надежда Чингиза торе Валиханова совсем еще молодой Чокан ушел из жизни, то Чингиз торе слег в постель, сильно заболел. Когда любимый сын Абдрахман отправился в вечный путь, великий Абай горестно произнес: «Внутри я умер, цел снаружи. Есть ли такой яд, какой я еще не пил?» Сказка об Еростике – это отдельный разговор, но когда любимого сына Жошы на охоте растоптал дикий кулан, то великий Чингизхан, перед величием которого меркнет луна и не решается открыто взглянуть на него само солнце, произнес: «Кто принесет мне черную весть о гибели моего сына, в горло того человека я залью расплавленный свинец!», – и в страшном гневе отвернулся от людей. И лишь известный композитор Абыл куйши наиграл на домбре весть о том, как погиб Жошы:

– Доброта твоя безмерна, а мысли твои глубже, чем морское дно, властитель хан! О смерти твоего любимого сына сообщил не я, а вот эта домбра. Хан не говорит дважды. Если хочешь кого-то наказать, накажи вот эту домбру!

Вот так расплавленный свинец не попал в глотку куйши, а залил горло домбры.

Когда умерли их любимые сыновья, разве не испили страшный яд такие деятели как Абиш Кекильбаев, Асанали Ашимов, Омирзак Айтпайулы, Иран-Гайып, Чингиз торе и хаким-мудрец Абай, завоеватель всего мира Чингиз каган?

И это горе, это несчастье постигло и вас, уважаемый Ереке! И все же спокойней, спокойней! Ваши труды достигли Парижа, вы личность, известная весьма далеко! Вы нужны не только нам, но и всей стране! За вашей спиной

стоит лес людей, весь наш народ. Рядом с вами находимся мы. «Если поделиться горем, оно уменьшится. Если радостью поделиться, она увеличится», – разве не так говорят наши степные гениальные аксакалы. Вы должны опереться на любовь нашего народа к вам, обратите внимание на сочувствие многих. Пусть бог придаст вам сил.

Так весьма образно и солидно сказал Торегали Ташенов, потом сделал паузы, прислушиваясь к тому, что говорят люди за столом.

– Ранняя смерть Данияра всех казахов весьма опечалила, – сказал семидесятилетний известный прозаик, драматург Думан Иманжанов.

– Данияр был ангелом, он отправился в лучший из миров, – произнес пятидесятилетний известный прозаик и поэт Жазылбек Куанышев.

– Я перенес не один, а целых три тяжелых удара, – сказал Ерасыл, начиная ответное слово. Первое – Данияр был очень молод, совсем юным ушел от нас. О, Боже, двадцать один год – это очень мало, короче рукоятки камчи! Хотя бы до тридцати дожил бы мой жеребенок! Второе – не в начале свадебного праздника, не позади его, а перед самым его началом, когда оставались считанные минуты... Ой, Алла-ай, кто слышал о таком страшном происшествии, кто это видел! Третье – мой Данаш был святым, невинным. Когда он родился, над Казахстаном возникло «Северное сияние». Об этом сиянии в северных областях писали все наши газеты. И еще скажу вам вот о чем: когда мой Данияр ушел из жизни, именно в тот час, в те самые минуты в небе народилась новая звезда, которую назвали «Дельфин – 2». Информация об этом открытии японских ученых, о том, что эта звезда особенная, имеется в Интернете и во всех газетах.

У дочери моего свата Малика и сваты Раушан, младшей сестры Куттыбека, сидящего рядом с вами, у Дины, невестки первого казахского космонавта Токтара, которая купила браслет, чтобы надеть на праздничный свадебный той, в тот день, когда остановилось сердце моего Данаша,

потемнели камни на браслетах и кольцах. Когда сердце Данияра перестало биться, именно в ту минуту часы в его комнате остановились. Таких загадочных явлений много, и тайна их неизвестна и глубока, мой Данаш ушел из жизни.

– Сейчас период, когда наука очень сильно развилась, – продолжил свое слово Торегали Ташенов. – Ученые – весьма прозорливые люди, и они специальными очень точными приборами сумели сфотографировать душу человека. Вес души человека всего двадцать грамм, а поверхность ее синяя. Данияр ведь был ангелом, и мы уверены в словах, когда говорим, что место его в раю, в самом центре. Как утверждают некоторые религии, сами ангелы иногда не попадают в рай. После окончания земного срока души людей некоторое время летают в небе. Потом, когда приходит указ от Создателя и хозяина всего сущего, они направляются в рай. В какую из этих версий мы можем поверить, в любом случае, братишка наш Данияр, его душа находится сейчас с нами. И поэтому, чтобы душа его была довольна, а дух был крепким, не обязательно все время плакать. Говоря словами мудреца Абая, по жизни Данияр прошел, «Не уронив знамени своего», и сейчас он находится вместе со всеми единокровными казахами. Говоря словами Султанмахмута Торайгырова, не прожившего и тридцати лет:

*«Чтобы темные казахи стали лучше,
Я, карабаясь, поднимусь в небо,
Стану солнцем, кем же мне еще стать?»
Сердце отравлено печалью горя.
Слезы из глаз льются рекой,
На сердце нанесена большая рана,
Душа горько плачет, завывает,
О смерть, как же ты сильна,
Не дала раскрыться молодому счастью,
Неожиданно все случилось,
Что ты от этого выиграла? –*

Мы вот так переживаем, плачем, но вот гений, который рождается раз в тысячу лет Абай, когда умер его сын Абдрахман, сказал его жене Магыш:

*Надо прекратить плакать,
Надо иметь чувство меры,
Если не прекратишь, будет тяжело,
Отравится все твое тело.
Красные цветы твои высохнут,
Белое сердце твое почернеет,
Множество душ целыми аулами
Испытывает только царь-бог,
Не только тебя вынудило плакать горе,
У многих отняты спутники по жизни,
Если ты жалеешь всех нас,
Надо бы тебе остановиться в плаче,
Нельзя никогда забывать
Бога – Создателя всего на земле...*

И на эти гениальные слова мы должны обратить внимание.

И вправду, жизнь очень коротка. Он при жизни заступался за сирот и одиноких, имел очень большие знания, умом и прозорливостью в каких-то двадцать лет стал известен многим, и жизнь его, Данияра, оказалась короче короткого, что очень всем нам до обидного обидно. Но многие живут длинную жизнь, проводят ее бесполезно, а у него, у Данияра, который прожил мало, но содержательно, и поэтому у него особенное место в нашей памяти, путь его иной. Жизнь он очень любил, и рассыпал вокруг себя, как Луна и Солнце, лучи света и добра, и, став ангелом, он попал прямо в рай, и поэтому жизнь его вечна! «У хорошего человека даже то хорошо, что он падает», – говорили наши степные гениальные старцы. Нет такой жизни, которая не проходила, нет такого железа, которое бы не ломалось. Он был сыном своего отца, но также он был сыном человека, и об этом великий Абай оставил такие слова: Он был, как метеор, как комета, оставляющая след, и поэтому не долго жил, кто с ним был знаком, кто

видел его, они очень огорчились, когда его не стало, и не было такого, кто не опечалился», – и такие стихотворные строчки вспоминаются, когда думаешь о Данияре. Хоть он был молод, но богат был умом, и тот факт, что он был на этом свете, для наших сердец утешение.

Не спеша, не торопясь, тщательно отмеривая слова, чтобы не обидеть Айгуль и Ерасыла, а чтобы сгладить, уменьшить их горе, посочувствовать им, более трех часов находился у них в доме Торегали Ташенов, и хотя в доме было полно людей, попрощался со всеми вежливо, проявил свою человечность. После того, как он ушел, за столом образовалась длительная тишина, которую прервал человек, густые волосы которого едва тронула седина, широкогрудый, с прямыми плечами, лоб его пересекали две прямые, как железная дорога, морщины.

– Народ не зря хвалит Торегали Ташенова, и интеллигенция не просто так отмечает его. Вы заметили, весь его внушительный вид говорит о том, что это человек особенный. С того момента, как он вошел в дом, и до того, как вышел из него, в его походке и повадках, приветствиях, которыми он отмечал людей, во всех его словах не было ни одного недостатка.

– Калихан, да ты сам астанинец, поэтому ты и хвалишь его. Каждый хвалит своего акима, – сказал Ерасыл.

– С детских лет мы росли вместе, к тому же ты мой родственник, друг к тому же, поэтому и говоришь такие едкие и шутливые слова. А на самом деле, ты сам один из тех, кто очень много и сильно хвалит Торегали Ташенова? Разве не так? – сказал Калихан.

– О чем говорит сам факт того, что Торегали Ташенов пришел сюда, что является заметным явлением, не похожим на другие, – сказал, вмешиваясь в их разговор, Жандос.

– Это какая же особенность? – тут же вскочил Абен, всегда пытающийся до самой сути понять происходящее.

– Торегали Ташенов в эту поездку нанял специальный самолет, к тому же выплатил расходы из собственного

кармана. Дело в том, что у него нет времени летать рейсовым самолетом. Потом перед тем, как появиться здесь, он поехал на могилу Данияра и прочитал там молитву.

– Это ты откуда знаешь?

– Когда мы стояли снаружи и ждали Торегали Нуржановича, его помощник Султан Муратов подошел к нам. Он сказал, что шеф оставил все дела в стороне, и специально приехал к Ерасылу Жаксыбековичу выразить соболезнования. Здесь других дел у них нет. Шеф сказал, что, выйдя из этого дома, они тут же улетят назад в Астану. Эти слова слышал вместе со мной ожидавший Торегали Нуржановича Куттыбек, – и Жандос показал движением шеи на долговязого, подтянутого молодого человека.

– Правда, правда, – подтвердил Куттыбек.

– Мы верим словам судьбы, назначенного самим Президентом, без всяких условий, – сказал Калихан.

– Слова о том, что судья не может говорить неправду, пустая фраза. Не знаю, как другие, но у Жандоса бывает так, что он иногда, для красоты сюжета, может вставить и выдумку, – сказал Ерасыл.

– Хитро убежать хорошо для лисицы, хитро говорить, хорошо для смеха. – И Сейлхан рассказал один из многочисленных анекдотов про Брежнева.

Люди, которые до этого лишь слегка задевали друг друга словами, теперь хохотали до упаду.

«Сон – плох, еда – без вкуса, смех – без юмора», – подумал Ерасыл. – Прах на могиле Данияра еще не высох, а эти люди смеются безоглядно. Их нельзя ни в чем винить. Разве можно говорить им, что они не так опечалены, как я? Поскольку их напрямую ничего не коснулось, то и боль других им понять трудно. Они смеются, а вот я не могу смеяться. Внутри у меня все сгорело, душа ранена. «Нутро все умерло, снаружи цел» – это я несчастный, бедный, невезучий. Моим счастьем был Данчик, вместе с моим сыном безвозвратно ушло мое счастье.

Потеряв сына, так рано ушедшего из жизни, Ерасыл бродит среди живых людей, укрывшись ночью, глотая

кровь, спит вместе со своим горем, с ним и просыпается. Враг человечества – подлюка смерть, проглотив молодого, гениального человека, как ни в чем не бывало, гуляет среди живых, развлекается, намечая очередную жертву.

«Очень жаль – жаль-жаль», – таково сожаление, жизнь может завершиться неожиданно, не успеешь глаза открыть и закрыть, не успеешь моргнуть, как хитрец по имени жизнь, уже снова смеется, подмигивает тебе, жизнь продолжается...

Это и есть бранный мир.

20

Он сидел и писал письмо Данияру, когда сотовый телефон зазвонил, и трещал, не переставая.

– Папа, это я – Куттыбек!

– Я узнал тебя по голосу. Как ты, сынок?

– Завтра вы будете дома?

– Да, я дома. А почему ты спрашиваешь?

– Со мной связался министр информации и туризма Кыргызстана Накен Салимулы Рсаев.

– Да. И что он говорит?

– Он хочет встретиться с вами.

– Повод хороший?

– Он хочет выразить вам соболезнования в связи со смертью Данияра.

– Хорошо. Пусть приходит.

На следующий день большая группа кыргызских друзей, которых привел Куттыбек, пришла к ним домой. Обнялись, поплакали, рыдали в голос, как дети, выразили Ерасылу соболезнования. После того как была прочитана сура из Корана, свое слово произнес Рсаев.

– На пастбищах наш скот пасется вместе, на постелях головы наши соприкасаются, между нами никогда не было больших противоречий, кыргызский и казахский народы всегда были вместе, разделяли поровну и радости и горе. Вы, Ерасыл ага, известная в обоих братских народах личность, великая личность. Мы вместе с вами скорбим

по поводу безвременной кончины Данияра, и специально приехали поддержать вас, выразить свое сочувствие.

– Спасибо!

– Справа от меня сидит известный всем кыргызским интеллигентам, замечательный писатель Бекболат Алматыев. Слева от меня мой заместитель Курманбек Шаршенев, а вот с краю сидят представители и руководители Алматинского и Астанинского кыргызских культурных центров Кайырбек Салиев и Руслан Касеинов.

– Я впервые вижу вас воочию, раньше не встречались, но со стороны знаю вас хорошо. Вы были не только министром, но и писателем, драматургом, это нам известно. Я читал ваш роман «Жанжаза» («Искушение души»). Мой друг Бекболат, как и вы, одинаковая для кыргызов и казахов личность. В последние годы мы стали меньше встречаться друг с другом. Во времена советской власти были часты дни культуры в наших странах. Вот в один такой праздник мы и познакомились.

– Мы знаем, что у этого казана особенно тяжелый вес. Скорбь ваша велика. Мы тоже скорбим вместе с вами. Но нет управы над делами Аллаха. Будьте крепкими, Ерасыл ага. Вы нужны не только казахам, но и кыргызам, – вступил в разговор Бекболат Алматыев.

– Ровно через месяц, – продолжил свои слова Рсаев, – в связи с восьмидесятипятилетием Чингиза Айтматова мы собираемся провести «Иссыкульский форум», посвятив его юбилею выдающегося писателя. Мы знаем, что вы долгие годы были в больших друзьях с Шыке (Чингисом), что с ним крепко дружили. В настоящее время идет активная подготовка к этому международному мероприятию. Мы позднее сообщим точную дату. Приезжайте. Мы вышлем вам специальное приглашение.

– Спасибо! Что будет впереди, знает один только аллах. Если позволит здоровье, я постараюсь принять участие в празднике Чингиса ага.

Через двадцать дней пришло письмо-приглашение из Бишкека. В нем было написано так:

«Народному писателю Казахстана, лауреату Государственной премии Республики Казахстан, академику Е. Жаксыбекову.

Уважаемый Ерасыл Жаксыбекович!

Министерство культуры, информации и туризма Кыргызской Республики свидетельствует Вам глубокое уважение и имеет честь сообщить следующее.

Для объединения гуманитарных сил общества и государства в решении задач по духовному развитию, в целях стабильности и сотрудничества, развития культуры мира XXI века проводится Международный форум «Чингиз Айтматов и его Иссык-Кульский форум: продвижение диалога культур и содействие сближению цивилизаций в XXI веке».

Проводимый форум приурочен к 85 – летию со дня рождения кыргызского писателя Чингиза Айтматова.

Организаторами форума являются Министерство культуры, информации и туризма Кыргызской Республики и Международное общественное объединение «Международный Иссык-Кульский форум им. Чингиза Айтматова».

Будем признательны за Ваше личное участие в данном Форуме, который состоится 14-17 ноября 2013 года в г. Бишкеке и г. Чолпон -Ата.

Министерство пользуется случаем, чтобы возобновить свои уверения в весьма высоком уважении.

С уважением министр Н. Рсаев».

После того, как пришло это письмо, и Айгуль, и Куттыбек посоветовали Ерасылу съездить в Бишкек.

На это большое собрание в Бишкеке, на юбилей выдающегося художника слова прибыли известные всему миру писатели, ученые, деятели искусства из России, Центральной Азии, из далеких США, Индии, Италии, Франции, даже из Сирии и Египта, в которых продолжаются кровопролитные конфликты. Праздник в Бишкеке начался с возложения цветов у памятника писателю, и открытием памятного комплекса в «Ата бейт», посвященного

ему. Президент Кыргызстана Алмазбек Атамбаев оказал-ся весьма добрым и добропорядочным человеком. В его речи у «Ата бейта» было сказано: «Я – четвертый президент в истории Кыргызстана. И после меня будут президенты. А вот Чингиз Айтматов – один!»

«Не это ли признак человечности и уважения», – подумал Ерасыл.

– Как ты съездил в Бишкек? – спросили у Ерасыла друзья по возвращении.

– В общем, очень хорошо, – ответил Ерасыл. – После смерти Данчика это моя первая дальняя поездка. Встретился со своими давними друзьями из других стран, приобрел новых.

– Выступил на форуме?

– Конечно, выступил. Но самому не очень понравилось мое же выступление.

– Это почему?

– Нелегко соперничать с крупнейшими мыслителями, известными на весь мир, конечно. Эту мою речь, переведенную на несколько иностранных языков, и кыргызские братья, и другие деятели за рубежом хорошо восприняли, многие приходили с рукопожатиями. Судя по этому, похоже, я неплохо выступил. При всем при этом, той глубины, содержательности и остроумия, которые были при живом Данияре, в моей речи не было. В любом случае, можно сказать, что пусть я не сделал шага вперед, но и назад не отступил. О моем интервью, данном кыргызскому и другим зарубежным средствам массовой информации, я такого именно мнения. Когда был Данчик, тогда у меня, оказывается, было и вдохновение, и счастье.

Вспомнив счастливые дни, которые он провел вместе с Айтматовым, принадлежащем всему человечеству, в Алматы, Москве, Бишкеке, Астане, Ерасыл вздохнул и задумался, вновь погрузился в лес воспоминаний.

В двадцать пять лет он написал повесть «Закованный скакун», которая обратила на него внимание всего мира. В течение двух лет потаенный смысл этого произведения,

поднимающего национальный дух, непокорность автора и его задиристый, хулиганистый характер не заметили ни цензура, ни строгий догляд Центрального комитета. А вот все понимающие опытные художники оценили сразу. Спокойный, не обращающий на всякие мелочи внимания Габит Мусрепов сказал: «В казахскую литературу пришел многообещающий молодой талант»; горячий на эмоции Сабит Муқанов: «На небе родной литературы появилось новое имя, новая яркая звезда Ергали Жаксыбеков». «Писатель Ерасыл Жаксыбеков – необычное явление на небосклоне набирающей все большую высоту казахской литературы», – так писал о нем Сергей Михалков. На творческом вечере казахских писателей, проходившем в Москве, ученый, представитель грузинской общественности Мурман Джгубурия сказал: «Ерасыл, ты прав. Национальный патриотизм, любовь к родной земле выше всего. Твой «Тулпар» – драгоценный камень, бриллиант, поэма. В нем воплотилась то, что соединяет народы, соединяет разные вероисповедания. Это вещь классическая. «Тулпара», наверно, учат в казахской школе. Но эту поэму должны учить в любой школе, ибо это вещь большого значения и звучания!»

А Чингиз Айтматов сам отыскал молодого писателя Ерасыла Жаксыбекова. Тем, кто говорил: «Чингиз, как ты всем своим авторитетом уважаемый человек, пошел и стал искать молодого писателя?» – великий художник слова ответил примером того, как относился Чехов к Короленко: «Перед таким молодым талантом нечего маячить, надо считать за счастье следовать за ним».

Мысли Ерасыла были прерваны прибывшим из Парижа Алмасом и приехавшим из Москвы коллегой Турсынханом...

21

В очередную пятницу собралось около сорока человек, которые посетили «Второй Кенсай», прочитали суры из

корана, посвященные Данияру, потом пришли в дом Ерасыла. За дастарханом говорили о Данияре.

– Через десять дней после кончины Данчика я кое-как собрался с мыслями и начал писать ему письма. Эти письма получились в стихах, и в них я рассказал о тех, кто к нам приходил, кто соболезновал нам, – начал Ерасыл свой разговор. – Потом я стал рассказывать ему о событиях, происходящих в нашей стране, и так отчитывался перед ним. Первое мое письмо, отправленное в тот иной мир, было такое:

*Десять дней прошло, как улетело счастье,
Мы печаль глотаем, мать и отец твои плачут кровью,
Данияр мой, тебя забрала безжалостная смерть,
Враг всего человечества – смерть.*

*Мне кажется, что на меня смотрит весь мир,
Когда ты был, как я был счастлив.
Как мгновение, пролетели те счастливые дни,
А теперь твой отец – несчастный человек.*

*Данияр мой – душа моя, рай мой!
Крылья мои, которыми я летал к вершинам.
Когда ты был, жизнь сверкала и пела,
Ты был моим счастьем и мечтой.
Когда думаю о тебе – сердце мое мерзнет,
Перед глазами проходит вся твоя жизнь,
Я все время смотрю на твой портрет,
Как же мне тебя достать руками.*

*Я видел в этой жизни и ад, и печаль,
В открытый огонь, в подлость людскую попадал.
И все это – не тяжелее этих дней,
Без тебя – я живой дух, живой труп.*

Когда они возвращались из «Кенсая», их у двери, у входа встречали два человека. После того, как была прочитана молитва из Корана, один из них журналист, который брал у Ерасыла интервью, Жолбарыс Аймагамбетов по-

знакомил с ним одного человека, возраст которого был около шестидесяти лет, а сам он был подтянутый, волоокий, и представил его как «профессор из Чикагского университета Султан Сулейменов».

– Хотя мы находимся далеко от вас, но мы стараемся быть в курсе событий, происходящих в родном Казахстане, Ерасыл Жаксыбекович. Мы услышали о том, что ваш сын погиб за несколько минут до свадебного праздника, и хотим выразить Вам свое сочувствие. Хотя вижу вас в первый раз, но мне известно ваше имя. Пусть последующая после гибели вашего сына жизнь будет спокойной! – так сказал Султан Сулейменов.

– Спасибо за сочувствие! – ответил Ерасыл.

– Это очень тяжелое горе, – сказал, продолжая свою речь, Султан Сулейменов. – Не позволяйте ему захватить вас целиком, берегите себя. Время – лекарь, залечит и эту рану.

– Да, люди так говорят. В связи с этими вашими словами могу прочитать свое новое стихотворение.

– Прочитайте, Ерасыл Жаксыбекович, прочитайте, – подхватил его слова прибывший из-за океана гость-казах.

*Говорят, нет такой раны,
Чтобы не залечило время.
Но это к нам не относится,
Посмотри на нас...*

*Вместе с нами уйдет в могилу
Эта незаживающая рана,
В жизнь она придет потом,
Вместе с новыми поколениями.
Пусть не плачет новое поколение,
Пусть не окажется несчастливым,
Пусть стоит оно и покачивается
Как вечные не гаснущие цветы.*

*Пусть не вянут те цветы,
Я напою их своими слезами.
Пусть будет вечна независимость,
Я буду рад этому и в могиле.*

*Как солнце, что погасло за горизонтом,
И я найду в один из дней,
И буду лежать под землей,
Благословляя будущие поколения.*

*Все время думаю о Данияре,
Пусть и за мной придет смерть,
Лежа рядом с ним я приму это,
Пусть даже мои кости высохнут.*

– В этой вашей песне чувствуется страдание всей вашей души, – сказал Жолбарыс Айтмагамбетов. – Нет такой жизни, чтобы не завершилась, нет такого железа, которое не сломается. Вы нужны не только нам, но и всему народу, ага! И впереди еще есть жизнь!

*Я отказался от жизни,
Данияра поминая, весь изошел,
Что же я такого сделал,
Чтобы мне так плакать и рыдать?*

– Вот так я плачу, – сказал Ерасыл. Прости меня, Аллах, прости меня, не думай, что я призываю тебя к ответу. Ты дал, ты забрал моего сына. «Что я сделал, что я такого совершил?» – это вопрос не к тебе, Аллах, а к самому себе вопрос: «Где я ошибся? За что меня наказывает Создатель, хозяин Всего?» – так я думаю, бедный.

Да что там я, понесу эту тяжелую ношу, буду жить, как живой труп. Когда рассветы мои кончатся, когда еда, которую я мог вкушать, завершится, вот тогда я избавлюсь от своей тяжкой, как гроб, доли, – помру, наконец. И для сочувствующих мне людей это нелегкое испытание. Что говорить, тяжелее всего матери моего Данияра Айгуль, ей очень тяжело. Она перед сном плачет: «Данчик говорил мне: «Спокойной ночи, мама!». Встав утром с постели, снова плачет: «Сын мой, жеребеночек мой, говорил мне: «Доброе утро, мама!» Каждую пятницу жарит шелпеки и плачет: «Эти шелпеки не я, а мой сын должен был бы испечь». Когда сварит еду, которую любил Данчик, когда услышит звук мотора «Лек-

суса», говорит: «Я вспоминаю железного коня моего Данчика», и из глаз ее льются слезы. Плачет и днем, и ночью.

– Прекрати, не плачь так много. Будешь много плакать, глаза перестанут видеть, – говорю я ей.

– Зачем мне глаза, которыми я не могу видеть Данчика, – говорит она.

– А если твои руки и ноги парализует, что ты тогда будешь делать?

– Зачем мне ноги, которыми я не могу дойти до Данчика, Зачем мне руки, которыми я не могу обнять Данчика, – говорит Айгуль.

– Если будешь плакать, умрешь раньше смертного часа, прекрати же реветь, – говорю я ей.

– Разве жизнь без Данияра – это жизнь? Чем вот так тащиться с печалью на плечах, лучше умереть.

– Не умирай! Если тебя не будет, каковы будут мои дни? И как ты можешь уйти, оставив Суйинишбике, Куттыбека, Алтынай, уйдешь раньше твоего назначенного времени, какой цели добьешься? Если мы оба распрощаемся с этой жизнью, кто расскажет о делах и деяниях Данияра, кто будет напоминать об его имени, как мы? Воздадим благодарение Аллаху. Наш сын не умер нечаянно от руки какого-то преступника, не выпрыгнул с балкона, как некоторые самоубийцы. Не потерялся без вести, как некоторые. Он не был ни наркоманом, ни алкоголиком, не хулиганом. Он своим умом, культурой, большим великодушием, знаниями, авторитетом своим рассыпал лучи благочестия, как Луна и Солнце, вокруг себя. Как говорил Абай: «Он ушел, не замарав сердца...»

Таковыми словами я успокаиваю, рассказываю ей различные рассказы, ей, матери Данияра, своей любимой жене. Только после этого Айгуль прекращает плакать. Но через некоторое время все вспоминает, и снова плачет по сыну. Некоторые могут сказать: «Не только она перенесла такое горе, есть у нее другие дети, что ж она так сильно горюет, почему столько плачет? И если есть такие, мы не можем на них обижаться. Каждый меряет по своей мерке. Поскольку

они не перенесли такого, откуда им знать, что это, и как им всем понять тяжесть несчастья? А я вот мою Айгуль понимаю. И не только потому, что она половина моей души, и это есть, а потому, что я переношу такое же, как она, горе, потому что и я безгранично любил Данчика. Поэтому из моего печального пера выходят такие строки:

*Я любил тебя безгранично,
Я баловал тебя бесконечно,
Данияр мой, почему ты в вечность
Удалился очень рано? –*

Когда мысли мои более-менее приходят в порядок, я иногда думаю про себя: «Мой дорогой Данаш-Данияр, который с полу взгляда, с полуслова понимал меня, а ведь душа человека гораздо сложнее всего мира, вдруг взял и ушел от нас, опечалив. И душа моя плачет по нему, как у верблюдицы, у которой умер ее верблюжонок. Насколько же жестока судьба ко мне?»

– Моя шестилетняя внучка Алтынай вчера так нам говорит, – вмешался в разговор Малик, «Я во сне видела Данияра. На нем была белая одежда. Он сказал: «Алтынай, ты передай всем моим родственникам, отцу и матери, пусть они по мне не плачут так сильно. Тут мои дела обстоят хорошо. Я видел дедушку Алмухана и бабушку Макпал, которые воспитывали меня, других дальних и древних родственников, с которыми ранее не встречался. Они меня окружили и защищают». Алтынай рассказала сон и добавила: «Я соскучилась по Данияру», – немножко поплакала.

– Я тоже видела во сне Данияра, – сказала Мадина. – «Ты же самая лучшая подруга Анжелики, скажи ей, я кушать хочу, я голодный», – такой стоит грустный Данияр. Я рассказала свой сон Анжелике и она говорит: «Похоже, Данчик хочет, чтобы я помолилась за него», и сварила шепбеки и попросила муллу почитать суры из Корана. Потом она пошла в мечеть, а после нее в церковь. Потом сходила в детский дом и рассказала детям про Данияра. И там маленькие дети сказали Анжелике: «Приходите еще, расскажите нам еще про Данияра».

– Это какого возраста дети?

– Самые большие десяти – двенадцати лет, – ответила Мадина.

– Данчик мне часто снится, – продолжил слова Мадины Ерасыл. – Об этих моих снах я хочу прочитать вам стихотворение.

– Читайте, – сказал ученый, прибывший из-за океана.

*Как ты потерялся
Настал уж тринадцатый день.
Подлая смерть вырвала
Золотой тундук моей орды.*

*С тех пор, как потеряли тебя,
Тринадцатый день сегодня.
Солнце мое потерялось,
Нынче лишь черная ночь.*

*Я соскучился по тебе,
Вижу тебя во сне!
Облик твой увидев, сын мой,
Пришел в себя, немного ожил я.*

*Я лежал на постели,
Сердце мое сильно болело,
Ты смотрел грустно на меня,
Мне же стало несколько легче.*

*Я тебя видел, Данияр!
Немного уменьшилась тоска по тебе,
Мое сердце ведь в тебе,
И тоска ведет к тебе.*

*Во сне я видел тебя, мой Данияр!
Мне стало так хорошо,
Но потом ты удалился от меня,
Почему я не пошел за тобой?*

*Сердце мое разmozжено,
Оно все тянется к Данияру.
Обнять бы тебя и поцеловать,
Чтоб исчезла желтая печаль.*

*«Данияра видел я!», – я сказал,
Матери твоей – Айгуль.
И тут же горько зарыдал,
Держа печаль в сердце.*

*Она подумала, что одна,
И заплакала тоже, заревела.
Сердце ее разmozжено,
Смерти попросила у Аллаха.*

*Так мы вдвоем, две печали
Сидели и плакали, как ручей,
Даже утром не поели,
Умывались слезами своими.*

*Потеряли мы тебя, Данияр,
На шею наши упало ярмо тоски.
Очнись, моя Айгуль,
Встанем мы против судьбы.*

*Поскольку Аллах на нас это возложил,
Что мы можем против судьбы?
Есть ли еще в мире такие же,
Как мы, несчастные горемыки. –
И Ерасыл тяжело вздохнул.*

– Ерасыл Жаксыбекович, вы можете мне дать один экземпляр этого вашего стихотворения и ваши письма к нему?

– Зачем они вам?

– После того, как я вернусь в Америку, я соберу всех казахов, какие там есть, и мы прочитаем молитвы из Корана, посвятив их вашему сыну.

– А когда вы уезжаете?

– Через неделю.

– В таком случае, я попрошу набрать эти мои записки на компьютере, и через день-другой доставлю их вам.

– Хорошо. Мы должны покинуть вас. Вы отдыхайте, Ерасыл Жаксыбекович!

Люди, пришедшие в этот очередной четверг, после ухода Султана Сулейменова оставались еще некоторое время. Разговор продолжил Андрей Орлов, а за ним говорили другие сваты.

– Боль утраты по Данчику не выразить словами. В этом несовершенном мире он был лучом света, его необычайная скромность, порядочность, тактичность покорили и завоевали нашу семью. Трудно высказать словами, да и перечесть, сколько сделал он за свою короткую жизнь добрых поступков, – сказал Андрей.

– Тысячи раз права Людмила Щипахина, которая писала: «Трудно поверить, что нет с нами этого «звездного мальчика», талантливого, красивого, мудрого в свои немногие года молодого человека. Очень доброго, сердечного и нежного. Стало на земле на крупицу меньше света. Погас маленький, но очень яркий огонек... В его генах красиво проявлялась харизма родного народа, великого казахского народа... Потеря такого сына земли – горе и печаль навсегда. Будем помнить! Будем чувствовать его доброе присутствие среди нас! Никогда не забудем и склоняем головы, – сказала Оксана.

Он очень хорошо умел объединять людей. Он всегда приходил на помощь всем и всюду. Он сотни раз выручал лично меня. Приезжал ночью, утром, в любое время. Стоило только сказать: «Данчик, у меня проблема», Он ничего не спрашивал, не просил объяснений. Всегда задавал только один вопрос: «Ты где?» – продолжила Мадина рассказ Оксаны.

– Мадина, ты почему говоришь по-русски? Разве ты не знаешь казахского? – спросил ее Малик.

– Простите, говорю потому, что здесь есть уважаемые сваты, – немного занервничала Мадина.

Но вот ближе к вечеру, когда пришедшие на четверговый чай родственники разошлись, Айгуль и Ерасыл снова остались одни.

– Ты же устала, ложись, отдохни, – сказал Ерасыл Айгуль.

– Лягу, в самом деле, лягу. А ты что будешь делать?

– Я буду писать письмо Данчику.

– Ты же тоже устал. Не засиживайся за столом.

Айгуль сказала это, и пошла в свою спальню. Ерасыл пошел в свой кабинет, и начал писать письмо Данияру:

Я стал превращаться в зомби,

Я стал похож на бродягу,

В глотку еда не лезет,

Нет аппетита даже утром.

Айгуль моя тоже похудела,

Ее душу съедает печаль,

Судьба нас мучает сильно,

Спаси нас Бог от других бед, –

и он на бумаге отчитался перед Данияром в прожитом дне. В стихотворном письме, состоящем из двадцати четверостиший, Ерасыл писал кровью сердца, обливаясь слезами, обращаясь к сыну на тот свет:

Только черная земля сможет понять,

А как я могу перенести это горе?

Если бы не тебя, а меня взяла смерть,

Я бы был человеком без мечты.

– Так он завершил свое послание. После окончания письма к сыну, которого он любил больше всей своей жизни, сердце его внезапно закололо. В глазах у него потемнело, голова закружилась, и он кое-как доплелся до своей кровати в спальне.

– Ты же стал совсем белый-белый, что случилось? – спросила Айгуль.

– Я, кажется, заболел, – сказал Ерасыл.

– Глаза у тебя совсем красные-красные, ты что, плакал?

– Да... Немного...

– Я вызову скорую.

– Пока не вызывай. Это от усталости. Отдохну, должно перестать. Дай-ка мне воды, – сказал Ерасыл, ложась на постель. Потом принеси лекарство от давления.

– А где твои таблетки?

– В моем кабинете. Если сядешь в кресло, то слева в ящичке стола.

– Ты же от давления не одно, а несколько лекарств принимаешь, которое из них принести?

– Думаю, что капазит, который быстро действует. Нет-нет, лучше конкор. Он вместе с понижением давления регулирует частоту ударов сердца.

Когда Айгуль ушла в соседнюю комнату, Ерасыл положил под язык нитроглицерин. Раньше это помогало, но на этот раз не подействовало. Потом он выпил конкор. Айгуль измерила давление.

– Сколько? – спросил Ерасыл.

– Верхнее сто восемьдесят, нижнее сто пятьдесят.

– А частота пульса какая?

– Сейчас измерю.

Айгуль взяла руку Ерасыла в свою, нащупала нужную вену и стала считать пульс.

– Сто тридцать. Необходимо вызвать «скорую».

– Вызывай.

«Скорая помощь» не заставила себя ждать. Здоровенный врач-казак велел маленькой, как козочка, русской медицинской сестрице сделать кардиограмму, и начал читать медицинскую лечебную карточку Ерасыла. Потом начал описывать кардиограмму, которую подготовила медсестра. После этого он поставил не один, не два, а семь уколов Ерасылу. Врачи сидели у них более двух часов, но поскольку от уколов, поставленных в ягодицу, в вену, в живот не было улучшения, врач, несмотря на то, что была глубокая ночь, позвонил заведующему второго терапевтического отделения Президентской больницы.

– Извини, Сергей, – начал он и произнес несколько непонятных Ерасылу медицинских терминов:

– Ерасыл Жаксыбекович! Мы должны срочно добраться до больницы.

– Нельзя же посреди ночи, может быть, я завтра, поутру. Сейчас там и врачей-то нет, наверное, – сказал Ерасыл.

– Есть дежурный врач.

– Это же второе отделение, в котором я всякий раз лежу. Я же знаю. На все огромное здание, на несколько отделений всего один врач. Пока он оказывает помощь одному больному, другому некому помочь, некому даже осмотреть.

– Будет правильным, если вы последуете с нами.

– Я пока не собираюсь умирать. Если и умру, то жизнь моя не дороже жизни Данияра. Я ночью никуда не поеду, – решительно сказал Ерасыл.

– В таком случае, распишитесь вот в этом документе.

– Что это?

– О том, что вы не согласны с решением «скорой помощи».

После того, как Ерасыл расписался в предложенной ему бумаге, здоровенный врач-казах и его маленькая русская медсестра удалились.

– Сколько раз приезжала «скорая помощь», но еще ни разу, как сегодня, никто не ставил семь уколов подряд. Три, в лучшем случае, четыре раза втыкали в меня иглу. Сегодня не слишком ли много? – спросил Ерасыл у Айгуль.

– Я – то откуда знаю, – ответила она.

– Да, и эти врачи, наверное, что-то, да знают, врачи, все-таки.

– Ты теперь постарайся уснуть, – сказала Айгуль, подтыкая под Ерасылом одеяло.

Как ни пытался Ерасыл уснуть, но так и глаз сомкнуть он не смог. Врач дал ему выпить несколько таблеток, медсестра поставила уколы, ему стало немного лучше, но через два часа его снова охватило беспокойство. Ай-

гуль, которая лежала рядом, уже успела уснуть. «Надо вызвать скорую помощь», – произнесла она про себя во сне. С этой мыслью она попыталась встать спросонья, но у нее не хватило сил, и она снова упала на кровать. Ерасыл попытался разбудить Айгуль, но потом подумал, что она только что ведь легла, пусть уж поспит, а я немного потерплю. Ерасыл хотел потерпеть, но болезнь не дала такой возможности. Сердце его разболелось еще сильнее. Что было делать, пришлось разбудить Айгуль.

«Скорая помощь» на этот раз прибыла еще быстрее. Это была все та же бригада.

– Мы сегодня дежурируем в три бригады. Две других на вызовах, – сообщила медсестра.

Медсестра снова сделала кардиограмму, уточнила частоту сердечных сокращений, а врач, разобравшись во всем, начал посильное ему лечение.

– Ерасыл Жаксыбекович, вставайте, поехали, – сказал врач.

– Что если я утром сам к вам приду? – сказал Ерасыл.

– Это невозможно. Я вас в таком виде не могу оставить.

– Почему?

– Скажу вам прямо, если мы сейчас не доберемся до больницы, вас стукнет инсульт, даже можете умереть. В больнице же вам сделают все необходимое лечение, мы вас там поставим на ноги.

– Если так будет угодно богу! – скажи. – Без бога и веточка курая не ломается.

– Да, если позволит бог.

– В больницу вместе с Ерасылом приехала и Айгуль.

Дежурный врач поместил Ерасыла в одну из палат на одного человека, потом приказал медсестре поставить укол и систему.

Айгуль, которая вынуждена была вернуться домой, остаток ночи не спала. Как только рассвело, она тут же пришла в палату, где лежал Ерасыл. Но в палате для одного человека постель была пуста. Сердце Айгуль неприятно сжалось.

– Ерасыл Жаксыбекович только что переведен в палату реанимации, – сказала дежурная медсестра.

Айгуль отправилась в палату реанимации. Но ее туда не пустили. Она долго ждала там, но потом, усталая, подавленная, снова вернулась домой. Когда она перешла порог своего дома, зазвонил телефон. Она подняла трубку.

– Доброе утро, Айгуль.

– Это ты, Куляш?

– Да, я это, я. Как ты спала?

– Какой там сон? Пропал у меня сон совсем.

– Заболела, что ли?

– Хуже.

– Что случилось?

– Ерасыл сильно заболел.

– Вчера только он же был нормальный, и вчера был четверговый чай.

– После того, как вы ушли, он почувствовал себя плохо. Потом мы вызвали «скорую помощь».

– А потом что...

– Потом его положили в больницу. Я утром пошла к нему, а его уже перевели в реанимацию...

После разговора с Куляш, Айгуль снова пошла в больницу. Не успела она дойти до реанимационного отделения, как родственники и друзья Ерасыла, благодаря Куляш, один за другим стали прибывать туда. Но дежурный врач никого из них в реанимацию не пустил.

«О, великий создатель, сохрани Ерасылу жизнь. Избави нас от новой напасти, пусть он благополучно доберется домой, а иначе и я не смогу жить», – взмолилась Айгуль Богу. А самой ей казалось, что сама она только что вышла из огня, и все у нее снаружи внутри выгорело

Душа ее сосредоточилась на кончике ее ногтей, и Айгуль только и делала, что молилась Создателю, прося за Ерасыла...

А что завтра будет, знал только один Аллах...

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

ТИШИНА ПЕРЕД БУРЕЙ

1

Тогда Данияру было пять лет.

Хотя Айгуль поздно легла спать, но проснулась она рано. Возвратившаяся после дальней дороги домой, усталая, она крепко заснула, и поэтому выпалась хорошенько. Одеваясь, она заметила, что рядом с ней нет Данияра. «Куда это он с утра пораньше, еще же не рассвело?» – подумала она. Выходя на улицу, она столкнулась с Данияром.

– Где это ты ходишь? – спросила она.

– Я был на реке Байгабыл.

– Купался, что ли?

– Нет.

– И что ты там делал?

– Я сидел на берегу реки и встречал рассвет.

– В прошлом году, когда мы были в санатории «Алматы», ты же тоже встречал рассвет, смотрел, как восходит солнце.

– Мама, можно я тебе что-то скажу?

– Говори, жеребеночек мой!

– Между рассветами в городе и селе есть большая разница.

– Это какая разница?

– В городе солнце не разглядишь так отчетливо, как в степи. В городе, когда поднимается солнце, его закрывают облака, затягивает туманом или смогом. В ауле утро особенное, и это очень красиво. Здесь солнце, проснувшееся после сна, и его красноватые лучи освещают безоблачное небо и дают замечательную картину. Солнце, не завешанное облаками, очень яркое, сверкающее. На тихую, без волн и морщинок воду реки падают лучи солнца, и вместе с утренним прохладным ветерком создают легкое колебание. Утренняя степь – это спокойная, чистая, нетронутая красота! Завтра снова пойду смотреть рассвет на реке. Ты тоже приходи смотреть эту красоту.

– Я буду занята домашними делами.

– Тогда мы пойдем вместе с папой.

– Это будет правильно, жеребеночек мой.

Данияр не один раз бывал здесь, в родных местах его отца, и любит эту землю всем сердцем, – подумала Айгуль. – Я помню его первую поездку сюда. Когда самолет приземлился в аэропорту Аркалыка, он воскликнул: «Ура – это мой Торгай!» И салон весь полный людей, обернулся к нему. А ведь тогда ему было всего три года. Любовь сына к родной земле отца бывает особенной. Она хорошо помнила слова Данияра, которые он произнес в четыре года. Ерасыл находился со всей семьей на летнем отдыхе на Иссыккуле. Они возвращались пешком к себе домой после посещения друзей, живущих в доме отдыха неподалеку. Было очень жарко. Солнце палило. Когда они были на полпути, Данияр сказал матери: «Я устал. Возьми меня на руки!»

– Пусть тебя отец возьмет на руки, – сказала мать.

– Нет, ты возьми меня на руки, – заявил Данияр.

– А почему я должна тебя нести на руках?

– Мой папа хромает. Он очень быстро устает.

– Я тоже очень устала, ты пройдишь пешком. Ножками.

– Если не возьмешь на руки, в Торгай уеду.

– Не уезжай, дорогой, не уезжай. Иди ко мне, иди, – сказала мать, и взяла его на руки, и донесла до дома отдыха. Да, тогда ему было всего четыре года.

В тот год они снова приехали в родные места. Тогда отец и мать Ерасыла жили в центральной усадьбе совхоза «Сорок лет Казахстану», в селе Байгабыл. У директора совхоза, который пришел поздороваться с Ерасылом, он спросил:

– Сколько в совхозе овец?

– Восемьдесят тысяч, – сказал руководитель предприятия, – хотя это не так уж и много, у нас есть еще лошади и крупный рогатый скот. К тому же мы сажаем пшеницу на двадцати тысячах гектаров.

– А правда, что в этих горах Кызбел, я слышал, живет беркут по имени Акбас – Белоголовый?

– Это правда. Как-то я ездил в соседний Жангельдинский район, и видел, как беркут Акбас кружил над косяком пасущихся лошадей.

– Ух ты, это ж надо!

– Он гораздо больше всех других беркутов, которых мы обычно наблюдаем.

Данияр, который краем уха слушал разговоры старших, сидел рядом и что-то рисовал. Когда директор совхоза собрался уходить, мальчик протянул ему два листочка бумаги со словами: «Агай, это вам!» Когда взглянули на эти странички, оказалось, что это рисунки. На первом был портрет директора. Человек с прямыми плечами, с широкой грудью, лысоватый, слегка улыбался. На нем была голубая рубашка с короткими рукавами. Бахытжан с улыбкой и любовью взглянул на ребенка, нарисовавшего его портрет. На втором листочке были изображены лошади, пасущиеся на берегу озера в камышах. На озере плавали два лебедя. В небе парил большой белоголовый беркут.

– Когда ты нарисовал эти рисунки?

– Пока вы разговаривали? – ответил Данияр.

– Сколько тебе лет?

– Мне пять лет.

– Запрет на мои слова. (Чтобы не сглазить – прим. О.К.Ж.) Смотрите, этот ребенок может стать великим художником, – сказал Бахытжан Ерасылу, провожавшему его.

– Это покажет время. Кем бы он ни стал, пусть будет здоров, – сказал Ерасыл.

На следующий день Данияр и Ерасыл встали рано, и пошли на берег реки Байгабыл.

Только что проснувшееся солнце окрасило восточную сторону степи яркими лучами, и стало подниматься над горизонтом. Молодые всходы камышовой поросли по берегу реки и юные тальники слегка качались, подталкиваемые легким течением, а вода дрожала под лучами солнца. На противоположном берегу взлетели два лебедя и тонкими голосами подали знак, и полетели в сторону Кумкешу. Вокруг стояла тишина, от которой звенело в ушах. Красавица степь, словно молодая женщина после родов, вздохнула свободно полной грудью, и снова погрузилась в неизгладимые волны летнего счастья, простираясь далеко, даже за горизонт... Свободно плавают по заводям, не боясь человека, небольшой стайкой коричневатые утки. Из воды внезапно выпрыгнул пестрый окуnek и тут же ушел на глубину,

пытаясь ускользнуть от большой, размером с человеческий локоть грозной щуки...

Прошло время, за которое могло свариться мясо в казанке, одним словом, где-то ближе к полдню к берегу реки подошла очень красивая девушка, шею которой обвевал легкий красный платочек, а голубенькое ее платье развевалось от ветра. Она поздоровалась с отцом и сыном, слегка склонив голову, отошла от них на некоторое расстояние. Выбрав место, она сняла с плеч коромысло с двумя ведрами, и сняла с ног синие кожаные сапожки. Искося посмотрела на двух мужчин, и подняла подол своего платья чуть выше колен, входя в воду... Две ее беленькие голени сверкнули на солнце. Данияр, который до этого даже не смотрел в ее сторону, тут взгляделся в нее пристально и воскликнул:

– Папа, смотри, какая красивая девушка!

– Эта девушка, похоже, кого-то ждет. Ты заметил, она все время поворачивает голову и смотрит в сторону аула, – сказал Ерасыл.

– А кого она может ждать?

– Кого, как ты думаешь, конечно, любимого джигита.

– Данияр с большим трудом оторвал глаза от юной красавицы, перевел их на уток, плавающих невдалеке, и грустно вздохнул...

И тут на берегу появился, ведя в поводу белого аргмака, подтянутый, мускулистый, с грудой черных волнистых волос, рассыпавшихся на плечах, молодой джигит. На ногах у него были синие джинсы, на теле красная рубашка с короткими рукавами. Девушка в голубом платье шустро вскочила на ноги. Джигит в красной рубашке приложил левую руку к сердцу и поклонился ей. Потом он обнял девушку правой рукой и привлек к себе. Девушка в голубом платье прильнула к нему всем телом... Мысли Данияра, который наблюдал за ними краем глаза, были прерваны грохотом копыт табуна лошадей, которые промчались по берегу, спеша на водопой в стороне от них.

Отец с сыном возвращались домой, и увидели, что во дворе, перед дверьми, уже кипит большой рыжий самовар. На треножнике очага, разожженного здесь же, закипало

мясо в казане. Бабушка Макпал, которая собирала пену в казане, спросила, обращаясь к сыну и внуку:

– Жеребята мои, вы пришли, наконец, куда это вы ходили с утра пораньше?

– Это все твой непоседа, балованный внучок, сказал, что надо утро встретить на берегу реки. Каждый раз одно и то же, возьмет и тащит меня куда-нибудь. Мало того, что он непоседа, он еще и избалованный, хулиган. А что, если я его сейчас в угол поставлю?

И Ерасыл подмигнул матери.

– Не смей трогать моего внука! Он хоть и непоседа, зато умный непоседа. Подойди ко мне, дорогой, ближе подойди!

Мальчик запутался в подоле бабушки, и та с любовью понюхала его голову и поцеловала в лобик. «Теперь попробуй, тронь меня!» – как бы сказал мальчик, смело глядя в глаза отцу, надежно защищенный бабушкой.

И тут из сарайчика вышел, прыгая на месте, беленький ягненок. Данияр подбежал и схватил ягненка руками. Он обнял его за шею и погладил по спине.

– Белый ягненок, давай мы с тобой будем друзьями? – сказал Данияр. Ягненок, как бы соглашаясь, кивнул головой.

– Я тебя увезу в Алматы, поедешь со мной?

Белый ягненок сказал: «Ме, ме».

Данияр долго разговаривал с белым ягненком, рассказал ему о разных вещах. Потом он отпустил его, а затем побежал за ягненком, который кружил вокруг сарая.

– Эй, белый ягненок, ты куда бежишь? Остановись. Я тебя не трону. Если не хочешь ехать со мной в Алматы, не надо. Остановись, мы поиграем с тобой в прятки, – упрощивал его Данияр.

Но ягненок не обращал на него внимания. Он поднял голову высоко и побежал куда-то.

– Если не останавливаешься, пусть. Я на тебя обиделся, – сказал Данияр и надул губы.

– Кто тебя обидел? – спросила Айгуль, выходя из дома.

– Вон тот белый ягненок, – сказал Данияр. – Он не хочет со мной играть.

– Если не играет, так пусть. Ты теперь поиграй вот с этим теленком с белым пятном на лбу.

– Я с ним не буду играть.

– Почему?

– Он не такой ласковый, как белый ягненок.

– Умойся, и иди кушать. Потом будешь играть с белым ягненком, – сказала Айгуль, целуя сына в личико.

В ту ночь бабушка Макпал взяла Данияра и уложила его спать рядом с собой.

– Бабушка, расскажи сказку, – попросил Данияр.

– Расскажу, жеребеночек мой, расскажу, – сказала бабушка Макпал ласково.

– О чем сегодня расскажешь, бабушка?

– О джигите, который поднял гору.

– А разве человек может поднять гору?

– Еще как поднимет! Если надо для всей страны, джигит может совершить такой подвиг.

– А как это было?

– А было это вот так, – и бабушка Макпал начала рассказывать очередную сказку внуку.

«В очень давние времена, когда шерсть на козах еще не свалялась, в местности Жидели байсын, в роду Жагалбайлы целое лето не было дождей. Трава и всходы, которые весной хорошо поднялись, теперь пожелтели, а колосья пшеницы начали высыхать. А если не будет урожая пшеницы, то народ начнет голодать и может погибнуть. Что же теперь делать? – и люди собрались, чтобы посоветоваться.

– Из этого тупика есть лишь один выход. На границе с соседним народом стоят большие горы, их надо принести и поставить у нас. Там, где есть горы, бывают дожди. Пойдут дожди, исчезнет засуха, будет урожай, – сказал один прозорливый и мудрый старец.

– Поднять гору невозможно, – возразил один человек.

– Для того, кто любит свою страну и свой народ, не существует никаких препятствий. Если есть мужчина, который любит свою страну, он не побоится трудностей, и пожертвует своей головой, – сказал прозорливый старец.

– А какие могут быть трудности?

– Если джигит умный, смелый, и если на то будет воля аллаха, он сможет поднять гору на плечи и понести ее. А вот трудности на пути – дорога к нашим полям неровная, много встречается оврагов и канав, обрывов и ущелий. Если джигит в этих местах не споткнется, все будет хорошо. Есть ли среди вас такой, кто любит свою страну?

– Есть! – воскликнул, как горный сокол, один джигит лет двадцати пяти.

– Как тебя зовут?

– Толагай.

– Будь здоров, сын мой! – сказал мудрый старец, глядя с любовью на смелого джигита, из глаз которого сверкали искорки горных самоцветов. – А теперь, люди, раскройте свои ладони, я дам благословение нашему юному герою.

– Уа, молодой герой, рожденный для подвига во имя родной земли! Пусть тебе в пути сопутствует удача, а спутник твой будет, как мудрый кыдыр*! Возьми гору на свои плечи и благополучно принеси ее на свою родную землю.

О, Великий Создатель, мощному, как тигр, смелому, как лев, Толагаю, только ты сможешь помочь в пути.

Взяв благословение у великого старца, смелый, как лев, Толагай, шел днем и ночью без остановки и пришел на границу с соседней страной. Солнце обжигало его лицо, целовало его в лоб, подошвы его ног задевали острые камни. «О, Великий Создатель, помоги мне!», – говорил он. Он немного отдохнул, а потом сказал: «Ауп!» – и поднял огромную гору на свои плечи, и пошел с ней. Шел он целую ночь и благополучно дошел до своей страны. Вот уже оставалось совсем близко, но тут он нечаянно споткнулся, упал, и огромная гора накрыла его. Многочисленный народ опечалился, и стал оплакивать героя Толагая. А через неделю пошел долгожданный дождь. Начиная с того дня появился в этом народе золотой урожай пшеницы и народ избавился от голода, от печали забот, наступила сытость и счастье, и так люди и зажили. И в честь героя, который так любил свою землю, свой народ, что отдал ради них свою жизнь, гора эта называется Толагай.

* Сказочный мудрец

- Данияр жан, да ты, я вижу, уже спишь?
- Нет, бабушка, не сплю.
- А почему тогда замолчал?
- Я думаю про Толагая. Я хочу быть, как Толагай.
- Люби свою страну. Если будешь любить свою страну, свой народ, ты станешь величественнее и сильнее Толагая.
- Расскажи еще сказку, бабушка.
- Если просишь рассказать, расскажу, дорогой, расскажу.
- ... Был один бедняк, которого совсем замучила бедность.

Хотя у него хватало здоровья, и ума он был большого, жизненная несправедливость довела его до того, что ему не везло, и частенько случалось так, что ему нечего было кушать, и он голодал. И вот в тот день этот джигит был совсем голодный. Он похлопал себя по карманам, и нашел в них несколько монеток, на которые решил поесть. Но тут он увидел, что на улице стоит один нищий человек, который просит милостыню, но никто ему не подает. Люди сновали по улицам города туда-сюда, они были одеты в красивые и богатые одежды, были среди них женщины, на которых были золотые украшения, а одежды некоторых мужчин были таковы, что стоили немалые деньги. Но никто из этих людей даже и не думал положить в протянутую ладонь нищего хотя бы монетку, а все проходили мимо.

Так вот бедняк, у которого у самого были голые голени ног, не смог пройти мимо нищего, умирающего от голода. Он достал из кармана последние монетки, на которые хотел покушать сегодня, и отдал их нищему, у которого от голода дрожали ноги и заплывали черным глаза, и он готов был упасть бездыханным на землю...

В этот же день произошло великое чудо, которого никто не ждал. Джигит бедняк уснул голодным сном, и во сне ему приснился силуэт самого Бога, который благословил его. Вокруг вдруг стало очень светло, как будто с неба упал в эту местность метеорит, и остановился напротив бедняка. Бог протянул вперед руку, коснувшись плеча нищего, и дотянулся до бедняка. В этот же момент в небе Солнце и Луна поменялись местами, и перед глазами бедного джигита промчался, как комета, красноватый луч. И тут же силуэт Бога исчез, как будто его и не было.

С этого дня дела у бедняка, отдавшего нищему последнее, стали улучшаться, и по воле бога он под ногами нашел кусок золота, величиной с лошадиную голову, и в один день стал богатым человеком.

– А как звали того человека, который отдал нищему последние деньги?

– Кайыржан. Кайыржан – значит, милосердный. Его отец с матерью так и называли «Милосердным – Кайыржаном», чтобы он с добром относился к людям. Легко родиться человеком, но остаться человеком гораздо труднее. Одно из условий того, что ты человек – Надо любить родину, как Толагай, второе условие – милосердие к другим людям. Потом, не быть лжецом, всегда говорить правду, быть честным... И вот так одно вытекает из другого. Запомни, Данияр, нет высшего счастья, чем счастье совершить подвиг, но выше подвига – милосердие, и нет добрых качеств выше милосердия.

– Еще одну сказку... – попросил Данияр, но бабушка Макпал его просьбу прервала.

– Я тебе не сказку расскажу, а историю, которая правду была в жизни. Об одном очень выдающемся юноше.

– Да, хорошо! – встрепенулся Данияр.

– В нашем ауле жила одинокая женщина по имени Шарипа. Она была очень умная, но, к сожалению, умерла. Пусть земля будет для нее пухом.

– Она долго болела?

– Нет, не болела?

– Ее сбила машина?

– Нет.

– Тогда как?

– Она умерла своей смертью, несчастная.

– Как же это?

– Ее муж погиб в дорожном происшествии. Единственное ее счастье – единственный сын. Он родился больным при рождении. Как называется эта болезнь сердца, то ли парах, то ли прох?

– Порок сердца.

– Да, да, именно это. Ее двадцатилетний сын вечером шел с работы, упал и ему стало плохо с сердцем. После того как

он подлечился и вышел из больницы, лечащий врач сказал матери: «Ваш сын в таком состоянии недолго протянет. Ему надо немедленно поменять сердце! Иначе...» – так он ей и сказал напрямую. ..

Чтобы выйти из такой ситуации, надо не только найти подходящее сердце, но его и купить еще надо. А это немалые деньги. Откуда у одинокой женщины такие деньги. И продать ей нечего. После этого разговора бедная женщина долго переживала. Наконец, она пришла к весьма неожиданному выводу.

– Что это за решение?

– Она отдала сыну свое сердце.

– Как это может быть?

– Врачи проделали операцию, и вложили в сына сердце матери. Молодой человек, избавившийся от болезни, сейчас здоров, и живет, как ни в чем не бывало.

– А эта мать, получается, умерла?

– Без сердца человек не может жить, дитя мое.

– А как ее звали?

– Гульсана.

– Бабушка.

– Что, жеребеночек мой?

– Расскажи еще одну сказку.

– Ты, наверное, устал, верблюжонок мой.

– Нет, не устал. Я хочу вас слушать и слушать...

– А папа с мамой рассказывают тебе сказки?

– Мама рассказывает, а папа не рассказывает.

– А почему папа не рассказывает?

– Ой, он всегда на работе или в командировке.

– А в выходные дни, разве он не свободен? В праздничные дни?

– В такие дни он сидит в своем кабинете и читает дневные газеты, или книги читает, а ночью пишет.

– И это как, он с тобой не занимается?

– Занимается. Мы с ним в шахматы играем. Я иногда выигрываю у папы. Ты будешь математиком, говорит он мне.

В голосе Данияра прозвучали хвalebные нотки, Макпал это почувствовала и обняла его:

– Жеребеночек мой, – притянула к своей груди и поцеловала.

– А вот у папы есть один друг...

– Ты про Алмаса Айтуганова?

– Да, этот человек очень сильно играет в шахматы. Однажды я и ему поставил мат. Он сказал: «Что делает этот мальчик?» Потом сказал моему папе, что этот ребенок очень талантливый, и похвалил меня.

– Верблюжонок, ягненок мой. Давай теперь спать. Хорошо?

– Хорошо. Спасибо вам, бабушка!

Уснув под теплым боком бабушки Макпал, в своем сне Данияр увидел Толагая и Кайыржана. Кайыржан оказался смуглым, подтянутым, без единой капельки жира, сухопарым джигитом, таким, как Сейилхан, который был женат на двоюродной старшей сестре Данияра и был его жезде. Кайыржан схватил Данияра за руку, и потащил куда-то в сторону.

– Куда мы идем? – спросил Данияр.

– В школу, – сказал Кайыржан.

Толагай оказался огромным, как рассказывала бабушка, человеком. Он догнал их, направлявшихся в школу, на белом коне, схватил мальчика, и посадил перед собой.

– Ага, куда мы едем? – спросил Данияр.

– В горы, – сказал Толагай.

Они проехали ледяной каток Медеу, направились к самым высоким вершинам Алатау. Неожиданно белый конь споткнулся. Данияр слетел с шеи коня. И тогда Белоголовый беркут, о котором рассказывал ему отец, стал летать вокруг падающего Данияра...

В этот момент Данияр проснулся. Бабушки Макпал, которая спала рядом с ним, не было. Уже ушла. Похоже, встала очень рано и ушла по делам. Утреннее солнце, ярко осветившее комнату, обдало Данияра своими теплыми лучами.

На следующий день Данияр с отцом и матерью прибыл в районный центр. В доме культуры проходила встреча читателей с писателем Ерасылом Жаксыбековым. В большом и просторном зале Данияр сидел рядом с отцом и матерью, точнее, между ними, и через некоторое время он стал уста-

вать от многочисленных речей. Иногда он посматривал на отца, который стоял перед всеми, рассказывая о своем творчестве. Он оглянулся по сторонам, и то снимет тубейку на голове, то снова ее наденет. Ему хотелось, чтобы это собрание поскорее завершилось. Вдруг девушка в голубом платье, которую они видели на берегу озера Байгабыл во время встречи с джигитом в красной рубашке, взяла слово, встав с места.

– Можно мне задать вопрос Данияру, – сказала она.

– Вопрос задать можно, – разрешил ведущий вечера местный поэт.

– Мы попросим разрешения у самого Данияра, – сказала девушка в голубом платье. – Данияр, можно тебя спросить об одном деле?

– Можно, – сказал мальчик, который только что, по-детски, нетерпеливо ожидал окончания встречи. Тут он сразу стал серьезным.

– Мой вопрос вот такой, – сказала девушка в голубом платье, – Данияржан, скажи нам, когда ты вырастешь, кем ты станешь? Будешь ли ты, как твой отец, писателем, или же станешь, как твоя мать, ученым.

Данияр встал со своего места и вышел на сцену. Он потянулся шеей, но до микрофона не достал. Кто-то выскочил из зала и подставил ему стул. Взобравшись на стул, он обвел глазами зал. Девушка, задавшая вопрос, стояла в первом ряду. Глаза Данияра упали на стройную фигуру девушки, на ее лебединую шею. Густые черные волосы спадали с ее покатых белых плеч до самого пояса. Лицо ее было белое-белое. Над огромными черными глазами длинные предлинные ресницы. Длинное голубое платье до самых щиколоток дает ее фигуре невыразимую прелесть. Тонкая талия перехвачена красным пояском.

Вспомнив, как это делают взрослые, Данияр постучал пальцем по микрофону. Потом перевел глаза на девушку в голубом платье:

– Я не стану, как мой папа, писателем, и как мама не буду ученым, – сказал он. Потом немного подумал и сказал: – Я буду, как Тохтар Аубакиров, космонавтом! – Говорил он уверенно, совсем, как взрослые люди. Потом посмотрел на

людей в зале, поклонился им и сошел со сцены, сел на свое место.

Всю ту ночь Данияр видел в своих снах девушку в голубом платье.

2

Данияр уже собирался лечь спать, и вдруг зазвонил сотовый телефон.

– Данчик, ты футбол смотрел?

– Еще как смотрел!

– Поздравляю! Ты болеешь за «Манчестер», который разгромил «Челси» с большим счетом.

– А какой красивый гол забил в первом тайме Рональдо! Рональдо – гениальный нападающий, очень здорово играл во втором тайме.

– Спокойной ночи, Данчик!

– Спокойной ночи, Анжела!

Данияр погасил свет и лег в постель, но перед его глазами возникло лицо Анжелики. Он стал вспоминать, как и где познакомился с ней.

Он родился золотой урожайной осенью. Возможно, поэтому характер у него был такой же, спокойный и добрый, и любое дело, сделанное им, было основательным и добротным. Родившийся в одном из домов у подножия любимых солнцем заснеженных гор Алатау, и детство его было такое же сладкое, как горный мед. Ой-хой, а какая природа была на окраине города! Удивительная и неповторимая, только языком поцокать от наслаждения. Это был удивительный мир! В годы его детства, а он и сейчас так думает, тогда в Алматы и ее окрестностях была особая чудесная аура. Чистота и свежесть утренних вершин объединяла играющих в свои игры детей в некое дружное братство, крепкое, как сталь. И дети одной местности росли, как дети одного человека. Они соперничали с другими околотками, соревнуясь детским игрушечным оружием, и тем самым поднимали авторитет своего района. Гордость за свой район была равна их собственной гордости и чести, и только придавала новую энергию их счастливому детству.

В такой атмосфере он рос вместе со своим другом Володей, который однажды пригласил его на прогулку в горы. До этого они много раз отдыхали в горах Алатау. И все же, в этот раз получились такие выходные, какие он не забудет никогда. Данияр познакомился с Анжеликой. Она была высокой и стройной девушкой, ее поведение и походка, ее ладные слова и красивая речь произвели на него такое сильное впечатление, что он влюбился в нее с первого взгляда. У нее была длинная лебединая шея, тонкая, как у муравья, талия, добрые глаза, точеные, как скалка, голени, словно отлитые из золота светлые волосы, белые плечи, и вся она производила неизгладимое впечатление на многих ценителей красоты.

– Давай познакомимся, как тебя зовут? – спросил Данияр, подходя к ней поближе, и сердца его защемило от одного взгляда на красавицу.

– Анжелика.

– И имя у тебя красивое, как ты сама.

– Спасибо за комплимент.

– Это не комплимент, а правда, – сказал Данияр, и осторожно взял в свою руку теплую ладошку девушки. В этот момент лицо Анжелики покраснело. И эта внезапно вспыхнувшее от смущения лицо Анжелики придало ей еще большую красоту и неповторимость.

Вечером группа ребят во главе с Володей пошла в ресторан. После того, как поели-попили, Володя со словами: «Я приглашал, я и должен заплатить», – хотел расплатиться с официантом, но тут Данияр сказал: «А какая разница?» – вытащил горсть денег и отдал их ресторатору.

После хороших посиделок в ресторане Данияр проводил Анжелику до самого ее дома.

– Ну, как? – спросил на следующий день Володя у Анжелики по телефону.

– Что как?

– Как тебе новый знакомый Данияр, я просто интересуюсь.

– Этот парень мне не понравился, – сказала Анжелика.

– Почему?

– Ездит он на «Лексусе». Одевается богато. Денег полные карманы. Очень гордый. Думаю, что он сильно избалованный.

– Его отец известный писатель, мать известная ученая. Оба они в нем души не чают, опекают его и оберегают, вот он и вырос баловнем. Однако, он не такой, как ты думаешь, без причины не возникает, трудностей не боится, очень умный, добрый, вежливый к старшим, хороший парень. В Данияра влюбляются многие девушки. Он не простой парень – а мечта красавиц! Смотри, не потеряй его из виду. Это твой звездный момент! Не прозевай свое звездное счастье!

– Ты уж преувеличиваешь.

– Я не преувеличиваю, это правда.

– Будем здоровы, посмотрим.

После этого их первого знакомства Данияр и Анжелика стали встречаться каждый день. Каждая новая их встреча приоткрывала перед Анжеликой новые грани характера Данияра. Володя, оказывается, говорил правду, Данияр оказался парнем с восемью талантами и одним секретом, как говорят казахи, то есть очень талантливым человеком. И с каждым днем он раскрывался только с лучшей стороны.

Она, эта гордая и красивая девушка, сама не заметила, как в один из дней оказалась в его объятиях.

Думая про Анжелику, Данияр окончательно проснулся. И как он ни пытался, глаз он уже сомкнуть не смог, встал с постели и взял в руки гитару. Потом начал тихонько петь:

*Вот уже полночь, люди спят, я не сплю,
Я готов расплакаться, растаять в любви,
«Нет на свете любви», пусть некоторые говорят,
Перед глазами ты встаешь, я тебя люблю.*

*Белые облака пусть плачу вместе со мной,
Пусть с неба обрушиваются молнии.
Драгоценная моя, куда бы я ни пошел, ты передо мной,
Как мираж, смеешься и смотришь на меня.*

*В глазах моих может появиться печаль,
Я задохнусь, погружусь в скорбь,*

*Если будет возможность сказать последнее слово,
Милая, имя твое я произнесу, –
так он завершил свою песню.*

Это был романс на слова поэта Касымхана Бегманова, музыка композитора Ильи Жаканова, а сама песня называлась «Ты была моей мечтой».

Сердце у него было, как у ребенка, а характер широкий, как степь, Данияр всю ночь думал о любимой своей Анжелике.

3

Кататься на лыжах Данияр научился быстро, и в выходные дни с друзьями ездил в Табанган. С утра до глубокого вечера он катался на лыжах, и, изрядно устав, придя в номер, сразу упал на кровать, но спать не стал, а взял в руки большую, толстенную, коричневую книгу, с плотной обложкой, которую захватил с собой. Это была книга Ерасыла, сборник рассказов «История земли». На внутренней стороне обложки, точнее, на третьей странице был портрет отца, который он рассмотрел внимательно. «Боже мой, после прочтения эпопеи «Путь Абая», он, оказывается, не читал книг. Стыд-то какой! Три месяца не читать книг, и разве можно оправдаться тем, что не хватает времени? «Когда человек перестает читать книги, у него голова пустеет», – разве можно забыть эти слова Жан Жака Руссо? Правда, в прошлом месяце я перечитал любимого отцом Касыма Аманжолова, нравящуюся маме Анну Ахматову, и своего, близкого к моему сердцу Сергея Есенина, но нового не читал ничего. Сегодня шашлык жарить очередь за Маликой и Димой. А мы с Анжеликой сегодня отдыхаем. Воспользуюсь этим и начну читать эту книгу», – решил он.

И с этими мыслями Данияр открыл книгу и начал читать первый рассказ «Запах полыни».

«На этот раз схватка произошла совсем в неожиданном месте. Была последняя ночь августа, плавно переходящая в первое утро сентября. Широкая степь, и высокомерный мир находился в объятиях мягкого теплого сна. Осторожный месяц еле светит, и его лучей не хватает, чтобы сделать видимым окрестность. Вражеское войско, которое

всю ночь находилось в походе по великой степи, чтобы неожиданно напасть, прошло по восточной стороне оврага, утыканного торчащим, как стрелы, кураем, и, укрываясь за сопками, похожими на горбы верблюдов, осторожно, как охочующиеся тигры, миновало последнее плато, и неожиданно напало на мирный аул и изрубило его...

Несчастливые воины воинственного столетия стали жертвами сладкого предутреннего сна, не успев вскочить на коней, не сумев подпоясаться своим оружием. Огромному количеству врагов пытались противостоять несколько успевших проснуться батыров, но какими бы храбрыми ни были их сердца, как они, подобные львам, не бросались на врагов, они не смогли противостоять значительно превосходящим числом нападающим. Рожденные для защиты священной родной земли, великие герои пали там же, куда когда-то, при рождении, упала первая капля их крови.

Хотя они пролили много чужой крови, враги понимали, что не смогут победить весь народ, в котором почти каждый был батыром, не смогут всех сделать рабами и подчинить себе, и поэтому они прекратили начавшееся нашествие, и на следующий день ушли в свои земли по следам, по которым пришли. На месте кровавого сражения, в котором одни люди убивали других, осталась печальная земля, и остался разоренный аул...

На этот раз враг, наряду с большими табунами лошадей, взял, как добычу, юношей и девушек. И среди многочисленных пленников оказался юноша с глубокими черными глазами, красивый, высокий ростом, светлолицый, в которого тут же влюбилась единственная ханская дочь. И всю дорогу, и после того, как они прибыли домой, этот юноша не оказывал сопротивления, как другие, не проявил героизма и смелости, а проявил себя безвольным пленником, чего вражеские воины не постеснялись.

«Видимо корни у него гнилые, может быть от других, а от этого опасности никакой», – сказал своему хану предводитель войска.

«В таком случае освободите его руки и ноги от кандалов, пусть ходит свободно, но следите за ним неустанно и днем и ночью», – приказал хан.

Став свободным, юноша стал почетным гостем ханши. А став почетным гостем, он стал вести с ней дружеские продолжительные беседы, а беседы перешли в доверительные разговоры, а они, в свою очередь, превратились в признание в любви. Девушка была очень красивой, умной, характер у нее был хороший, поэтому она тоже очень понравилась джигиту.

– Я тебя люблю.

– Я тоже, – сказала девушка, и ее маленькое, с кулачок, сердечко, забилося часто-часто, и почти растаяло...

Сердце же юноши обрадовалось несказанно, едва не разорвалось. В тот момент он забыл о своей родной земле, по которой всегда тосковал.

– Я говорю истинную правду. А вот для тебя у меня есть условие, – сказала девушка игриво, и ее тонкие брови вздрогнули. В ту же секунду ее высокие брови нахмурились, и на ее белом лице, как утренняя заря, заиграл румянец.

– Какое условие? – спросил джигит встревожено, и сердце его вздрогнуло, а внутри словно вспыхнул пожар.

– Ты должен забыть родную землю, и тогда я навеки стану твоей.

– Пусть будет по-твоему, – сказал юноша эмоционально, поддавшись чувству.

Эти слова он сказал, не подумав, и даже не знал, каким тяжелым несчастьем оно станет для него и других, а долго думать ему не позволило желание поскорее обладать девушкой.

На следующий день военачальник привел джигита к хану.

– Мир вашему дому, о, великий хан! – сказал юноша.

– И тебе тоже мир и благополучие! – ответил ему хан.

Она посмотрели друг на друга оценивающе, словно старый лев и молодой тигр, несколько мгновений сидели молча.

– Уа, сын мой! – сказал хан, неожиданно резким голосом прервав молчание. – Военачальник доложил мне о требовании моей дочери. «Молодость желает молодости, а у шелка один узел». Сердце с сердцем в согласии, желание с желанием совпадают, я не могу противостоять этому. У меня

врагов много, а друзей мало в этой жизни. А сейчас могла мне ближе трона. Если бог позволит и соединит вас, ты будешь не только моим зятем, но и наследником престола ханства. Только одно пожелание есть у меня, исполнишь его и довольно. Ты подумай и соглашайся, а если не хочешь, то ты свободен, пока помнишь, вернись на родину.

– Вы скажите.

– Если я скажу, то пожелание у меня и у моей дочери одно. Ты должен напрочь забыть родную землю. Ты должен стать воином нашей земли, ты должен стать соколом, нападающим на врагов! Если принимаешь мое предложение, то мы сейчас тут же дадим клятву на лезвии этого меча.

– Клянусь! – сказал джигит, и глаза его сверкнули.

– Клянусь! – сказал старик-хан, и на его глаза навернулись слезы.

После этого они поцеловали холодное лезвие меча и обменялись оружием.

На следующий день началась свадьба двоих молодых...

Через шесть месяцев старый хан умер. Наследник взойшел на престол. Весело и дружно зажили молодой хан и юная ханша, все у них было прекрасно, и этого прекрасно было много. Женившись на любимой, взяв в руки власть над всем миром, джигит быстро забыл о родной земле. Хан был безмерно счастлив, и вскоре еще одна радость пришла в его дом. На свет родился его ребенок. Празднуя рождение внука, хан приказал поставить юрты своего аула на берегу реки, и устроил грандиозный праздник с конными скачками.

Привыкший всем своим существом к чужой земле молодой джигит, хотя и легко забыл родную землю, его родственники о нем не забыли. В день рождения ребенка от них приехал посол, и передал просьбу хана. «Пусть он не отказывается от своей земли, как одичавший кулан, пусть помнит о своей родине. Пусть как можно быстрее вернется к своим. Если он поймет свою ошибку, вернется в свой родной аул, «то за заблудившимся нет вины, после того, как он нашел своих», и я тоже его прощу, и народ его простит», – такое направил к нему письмо хан. «Нет, – ответил

юноша хан, уже привыкший к чужой земле, – благодарение прошлому, но я теперь никуда не вернусь».

Через некоторое время посол приехал во второй раз. Теперь он привез просьбу родной матери юноши-хана. «Пусть он не терзает сомнениями родную землю, – писала милая мать, – пусть побоится ее святости. Это молоко моей матери, и мое материнское молоко тоже священо. В жизни можно исправить любую ошибку, можно все понять, допустимо все простить. Неисправимо, невозможно изменить только одну ошибку. Это – удаленность от родной земли. И сейчас еще не поздно. Подумай. Я ведь жалею тебя, несчастный мой сын. Жалею. Ты подумай, подумай!..»

Но пригревшемуся в чужой земле, прошлое показалось, как прошедший дождь, и, следуя за обманным своим легким счастьем, он не отреагировал на слова послания матери.

Когда она услышала о том, что сын не хочет возвращаться, у несчастной матери черные, как уголь, ее волосы поседели на глазах у всего народа. Днем и ночью она вздыхала по нему, так сильно похудела, что остался только ее скелет, кожа да кости, и вот через три дня бедная мать пришла к своему хану, который был и опытный, много повидавший на свете:

– Слово, – хочу сказать Вам слово, – сказала бедная мать, в лице которой не осталось ни одной кровинки, и руки и ноги у нее дрожали.

– Если у тебя есть слово, говори, – сказал хан.

– Я скажу, пусть это будет мое последняя просьба, надо еще раз послать вестника к несчастному моему заблудившему сыну.

– От имени народа, от имени хана, к нему ездил посол, от имени матери к нему снова ездил наш посланник, со всеми необходимыми подарками. А теперь зачем ему ехать?

– Для мужчины счет ведь до трех... Так ведь? Надо еще раз попробовать, в последний раз направить посла, хан властитель! На этот раз он, может быть, вернется... »

– «На этот раз, может быть, вернется...» Хорошо, будь по-твоему. «У заблудившегося впереди перевал, позади – тропа». Твой несчастный сын вот сейчас понимает это?

– Нет, хан властитель, не говори так!

– А если твой упрямый сын и на этот раз не вернется, что будешь делать?

– Без надежды только сатана живет, хан властитель! Мое материнское сердце чувствует, на этот раз он возвратится. А если не вернется, то делать нечего, его несчастье ему самому, я сама поеду к нему и убью своими руками.

– Ты не успокоилась, мать, – сказала хан, вздыхая, – да, ладно, пусть будет по-твоему.

Мать сама снарядила и отправила посла.

– Что сказать твоему сыну, – спросил посол.

– Ничего ему не говори, – сказала мать, – только передай ему «подарок от матери родной», вот этот небольшой сундучок вручи ему в руки.

– А что там внутри?

– Здесь лежит святое лекарство, которое излечивает заблудившихся, это большая драгоценность.

Посол взял «подарок матери» и поехал. Молодой хан, который уже всем сердцем и телом прикипел к чужой стране и чужим людям, после того как посол уехал, взял в руки небольшой сундучок, и с удивлением, молча уткнулся в его содержимое. А потом вдруг совсем как маленький ребенок заплакал, затрясся в рыданиях. После этого он быстро собрался, и сел на коня. Ему не стали нужны ни золотой трон в чужой земле, ни неисчислимое богатство, ни слава, ни честь, ни любимая красавица жена, ни тепло, которое он почувствовал от этой красавицы, ничего это его не остановило. Не то, чтобы остановиться, он с отвращением посмотрел на все, что с ним было. Что было интересным, дорогим, лучшим, сейчас оказалось подлым, не нужным, противным, более того, он понял, что это все было вражеское. Он понял, и все его тело возбудилось, сердце забилося часто-часто и все время вздрагивало, стремясь поскорее добраться до родной земли. Несмотря на то, что уже близился закат, и он как сел на коня день тому назад, так целый еще один день и проскакал, день и ночь, и день и ночь, и, наконец, утром еще одного дня достиг местности, где завершалась чужая земля, и начиналась родная, но тут он попал в кольцо стаи голодных волков, которые напали

и сожрали лошадь под ним. Сам он был изрядно поранен, искусан волками, и в таком виде кое-как добрался, наконец, до родной земли. Как бы ему не было тяжело, истекая кровью, он не выпустил из рук небольшой сундучок, который передала ему мать, и в районе полдня увидел крыши родного аула. Но далее идти у него не хватило ни сил, ни мужества. Он как шел, так и упал лицом вниз, и деревянный сундучок выпал из его рук. Джигит собрал все силы, какие у него оставались, и напрягся в последний раз. Последних его сил хватило лишь на то, чтобы подобрать сундучок и, прижав его к груди, упасть с ним на землю.

Лежа лицом в траву, ошущая запах родной земли, который словами передать невозможно, он долго лежал без звука, не произнеся ни слова. Тело его было изодрано волками, из ран, которые были нанесены волчьими зубами, лилась кровь, но он не чувствовал боли, а шептал про себя: «Добраться до родной земли, умереть честной смертью — это не горе, а огромное счастье. Священная земля, святой народ пусть простит мою ошибку, которую я пусть и поздно, но понял, и тогда мне не о чем мечтать. Когда солнце покатилося к закату и небосклон озарился красным, словно раскаленная медь, огнем, джигит обнял свою родную землю и в таком состоянии погрузился в вечный сон...

На следующий день хан, выехавший на охоту с группой своих подчиненных людей, обнаружил лежащего мертвым джигита. Когда они взяли из рук джигита деревянный сундучок и открыли его, то нашли в нем горсть степной полыни, вырванную прямо с корнями и землей из родной почвы...

Данияр настолько сильно увлекся чтением книги, что его оторвала от этого занятия лишь пришедшая навестить его Анжелика:

- Что ты читаешь?
- Книгу нашего папы.
- Новый роман, что ли?
- Нет, рассказ.
- О чем?
- О святости родной земли.
- Как называется этот рассказ?

- По-казахски «Жусан ииси».
- Жусан – это полынь.
- Да, русское название рассказа «Запах полыни».
- Хорошее название для рассказа.
- Не только название хорошее, но и содержание.
- Ты можешь пересказать мне содержание?
- Пересказать не могу.
- Почему?
- Пересказывать содержание хорошего произведения – невозможная вещь. Ты лучше прочитай перевод рассказа на русский язык.
- А есть русский перевод?
- Нет.
- А если нет перевода, как я его прочитаю?
- Через некоторое время прочитаешь. Перевод делается.
- А кто переводит?
- Юрий Бондарев
- О, так ведь он классик.
- Мой отец тоже классик. Я тоже классик, по лыжам. Так что вы знайте об этом, Анжелика Андреевна.
- О, ты хвастун!
- А почему ты не отдыхаешь?
- Да я заболталась с Маликой.
- О чем вы говорили?
- Наши друзья, которые были у тебя до знакомства со мной, обижаются на тебя. «Хорошо бы ему подумать о них», – говорит Малика. Ну, я пошла. Тебе надо отдыхать. А то астма твоя разгуляется.
- А куда ты пойдешь?
- Пойду, помогу Малике и Диме. Саксаул оказался сырой, и никак не разгорается. Надо их поторопить. Я проголодалась.
- Я тоже хочу есть.
- «Малика правильно говорит, – подумал Данияр. – У меня с друзьями были очень хорошие отношения, но вот теперь появилась прохладца. И виноват в этом я. «Жирность только овцы переносят», – не зря говорили наши предки. Отец с матерью делают ради меня все, и друзья мои говорят: «У Данияра голова больше, он наш лидер», – и на эти их по-

хвалы я поддался, зазнался, стал эгоистом. Я должен исправить эту ошибку, надо мне у друзей попросить прощения. Задумайся, Данияр, тут есть над чем подумать. Большую часть времени ты посвящаешь работе и Анжелике и ее знакомым, а родным отцу и матери времени почти не остается. Мама не хочет меня беспокоить, ходит на базар сама. У меня с каждым днем растут потребности, и чтобы удовлетворить их, отец продает свои особенно ценные книги и начал заниматься прямой добычей денег. А не лучше ли ему заниматься только творчеством, не беспокоясь ни о чем, и народу была бы большая польза. Отец с матерью сделали для меня все необходимое. Нашли все, что мне нужно. Я до такой степени избаловался, что за пять лет сменил три машины. Они мне отдают последние копейки. Но они уже пожилые люди, и я должен подумать о них тоже, разве это не мой долг? Теперь я слышу слова недовольства от друзей. У меня есть и другие весьма значительные недостатки. С сегодняшнего дня буду смотреть на себя глазами со стороны, критически все переосмысливать. Я должен бороться со своими недостатками сам. Да. Должен! Много чего должен! Думай, Данияр, думай!..»

Когда Данияр целыми днями катался на лыжах, а потом отдыхал на свежем воздухе, у него всегда было особенное, приподнятое настроение. Он рассказывал разные веселые истории, анекдоты, заразительно смеялся вместе с друзьями, а иной раз даже пел. Данный природой великолепный голос гулко раздавался у подножия гор, рассыпался на различные вариации, в общем, вовсю разлетался, к удовольствию многих. Иногда он исполнял казахские народные песни, продолжал их кыргызской песней: «Когда ты соскучишься по мне, придешь, когда ты затоскуешь, придешь...». Распевал он и задорные русские частушки. Но сейчас он не хотел петь. Последние три года они вместе непрерывно, но сегодня она его не узнает. Она никогда не видела его таким грустным, таким задумчивым. Чего в жизни не бывает. Другам в особо трудных ситуациях он сам обычно говорит, призывая к спокойствию: «Успокойтесь, что-нибудь придумаем». А потом сам же вытаскивал их из трудных обстоятельств.

– Что с тобой сегодня? О чем ты так сильно переживаешь? Из-за недавних слов Малики? – спросила Анжелика, когда они возвратились домой.

– Не одна она, – сказал Данияр.

– Что еще?

– У меня много недостатков.

– Что это за недостатки?

– Сейчас я очень устал. Скажу тебе позднее.

– Хорошо, ложись, отдыхай.

Анжелика сказала это и ушла к себе домой. Данияр, оставшись один в своей комнате, сел за компьютер и задумался. Потом он стал писать письмо друзьям, с которыми крепко дружил до знакомства с Анжеликой. «Дорогой Володя», – начал он письмо, подчеркнул его длинной черточкой, а далее стал писать без перерыва.

«Сразу хочу попросить прощения за то, что это все я не сказал в лицо, а написал на бумаге. Просто мне стыдно после всего смотреть тебе в глаза. Да и писать легче, чем говорить. Хочу еще добавить, что это все я говорю от души и без задних мыслей.

Прости меня за все, что было. За ту боль, которую я причинил тебе и всем остальным. Я уже просил дать мне последний шанс, но я не смог им воспользоваться. Я подумал обо всем, что мне сказала Лора.

Вы были правы, сказав, что я никогда не думал о последствиях, и делал так, как мне было удобно. Давно, когда я остался один, мне было не так больно, как сейчас. Сейчас я потерял лучших друзей и подругу. Теперь проанализировав все, что я делал, я пришел к выводу, что я всегда делал больно всем. Каждый день я обещал и не делал этого. Каждый день у меня был косяк. «Человек заслуживает доверия годами, а потерять его может за секунды».

Теперь хочу сказать, что Вы увидите нового Данчика, у которого не будет косяков, и он будет отвечать за свои слова. Я не могу, конечно, рассчитывать на то, что ты мне поверишь после всех моих обманов, и на то, что у Вас изменится мнение обо мне.

Прости меня, если сможешь. Я знаю, что будет не просто, после всего, что я сделал. Дай последний шанс и прости меня... Обещаю измениться и не косячить.

Благодарю за то, что уделили мне время. Возможно, я сделал неправильно, написав это на бумаге. Простите, пожалуйста!

С уважением, Даник.

Письмо, набранное на компьютере, он отправил по электронной почте всем своим друзьям. Размножил его на принтеры, надписал Сереже, Лоре, Юре, Павлу, Жене, Эмилю, Андрею, и только после этого лег спать. Ему показалось, что он сбросил большой и тяжелый груз со своих плеч, и поэтому он быстро уснул.

На следующий день Айгуль, убираясь в комнате у Данияра, увидела лежащие перед компьютером письма, и не спеша прочитала. «Ошибки надо уметь признавать – это тоже героизм. Правильно сделал, мой Данаш, – подумала Айгуль. – Ты учился в казахской школе, однако, письмо на русском языке написал без ошибок, жеребеночек мой».

4

В тот год, когда Данияр ушел из жизни, зима была суровая. В начале октября выпал снег, который как лег, так и остался лежать. Дни стояли холодные, лед на реках замерз, и простой народ лишился покоя. Чтобы уберечь то небольшое количество скота, которое осталось у людей, они прилагали все усилия, не зная покоя, и для них завывающий буран – связывал их по рукам и ногам, а воющие за границей аула ненасытные волки – страшные враги. В один из таких дней Сейлхан, чтобы проводить в последний путь родную старшую сестру, отправился в Аманкельды. Он благополучно добрался до районного центра, в село Байгабыл, а оттуда доехал до Аркалыка. Но разве могут закончиться загадки природы? Вчера утром день был солнечным, ясным, и только Сейлхан отъехал, немного удалился от Аркалыка, как погода испортилась.

Они были вдвоем. Спутником Сейлхана оказался Турсынжан, его родной племянник, который сейчас сидел за рулем старой «Мазды», и не отрывал глаз от дороги. Тур-

сынжан родился в Торгае. Утром они выехали, и тут же начался буран, сначала мелкий снежок, а потом снег стал гуще, буран усилился. А через полчаса впереди не стало видно ничего, сплошная снежная пелена. Позади было сто километров, но впереди еще шестьсот... «Что же делать? А чтобы там ни было, решимся на риск! Вперед! Только вперед!», – решили двое.

Величаявая, раскинувшаяся от горизонта до горизонта бесконечная степь, плотно укрылась белым одеялом из снега и замерла без звука. Вокруг полная тишина. Иногда слышится тонкий, как далекий и неизбывный плач ребенка, какой-то слабенький звук. Не только впереди, где безумствует пурга, затуманивая окрестности, но и перед глазами, под колесами автомобиля почти ничего не видно.

В заснеженном пространстве едут двое болванов, желая здоровья и мощи своей старенькой «мазде», и автомобиль медленно, но верно, движется вперед.

Еще не успев закрепиться в этих местах, поднимая вверх тучи снежной пыли, беспрестанно бьющий холодный ветер с каждым часом усиливает свои порывы, и беспощадно свистит. Слабенький, похожий на детский плач, голосок забивается этими завываниями холодного ветра, которые не прекращаются. Вырванные ветром из снежных сугробов длинные, безжалостные, змееподобные стрелы бурана со всей силой ударяют во все живое и неживое, переплетаются друг с другом, свистят и шипят, как белые кобры, и, свившись в один беспощадный клубок, летят вдоль дороги, клубятся, разбрасывают вокруг белые клочки снега. Потом внезапно вновь сплетаются, вновь начинают свою безумную устрашающую пляску. В густом буране медленно движется автомобиль двух несчастных, из-за того, что ничего вокруг не видно не могущих определить какой час дня наступил.

Прошло еще немного времени, за которое женщины успели бы подоить кобылу. Между небом и землей одна снежная мгла, только вихри снега летают вокруг. Бешеный ветер бьет с удвоенной силой...

Когда прошло время, за которое могло бы в казане свариться мясо, двое неудачников вышли из машины, и по-

смотрели вокруг, в безнадежно заснеженную степь. Буран бьет с силой, ревет во всю, бьет в лицо, так что глаза открыть невозможно. Не только на один-два шага, впереди не видно на расстоянии вытянутой руки.

– Мы заблудились, – сказал Турсынжан.

– Почему ты так думаешь, – спросил Сейилхан.

– Мы едем не по асфальту, а обыкновенной степной дорогой. Вот только что, когда шли на приличной скорости, на одной колдобине нас так подбросило, что мы чуть было макушки себе не проткнули.

– Поддай-ка мне лопату из багажника.

– Зачем она тебе?

– Сейчас узнаешь.

Сейилхан лопатой потыкал в снег вокруг машины, потом дорогу рядом с автомобилем, потом вообще вокруг. Потом сказал укрывшемуся за машиной Турсынжану:

– Мы не заблудились, направление верное.

– Что говоришь? Что? – закричал тот. Голос Турсынжана, когда он обыкновенно говорил, был тонким, как у суслика, а когда он закричал, то слышался очень резким.

– Не кричи, – сказал Сейилхан, – я не глухой.

– Если не кричать, этот ветер не дает услышать. – заревел Турсынжан. На этот раз его голос был трубным, как рев быка.

– Если не слышишь, то ты не слышишь, а я слышу, даже если ты не кричишь.

– Чтобы было дополнением к твоим многочисленным недостаткам, тебе бог дал и большие уши.

– Хорошо, что я не с такими маленькими ушами.

– И чего это мы соревнуемся в глупости с тобой посреди степи?

– Ладно, скажи, что мы теперь должны делать?

– А что мы можем сделать? Возьмем направление на Астану, и поедем с божьей помощью. Доберемся до Атбасара, а там дальше будет легко. Если буран не прекратится, тогда заночуем там, а если прекратится, доедем до Тумарбека и у него дома остановимся. Хватит ли у нас горючего?

– Бензина хватит до Астаны. Я еще в канистру налил.

– Спасибо Создателю за то, что у тебя до этого хватило ума.

– Давай не спасибкай, а садись-ка в машину, – сказал пятак Турсынжан, и обнял падающего от усталости Сейилхана.

– Ты что, пьяный совсем, или же соскучился по мне?

– Ой, какой сильный ветер! Чуть меня с ног не сбил.

– Ладно, не рычи. Поехали.

Старенькая «Мазда» со скоростью примерно сорок километров в час поехала дальше. Снежный буран не прекращается. Буйный ветер бьет с удвоенной силой.

Два человека, сидящие рядом в машине, с иронией поглядывают друг на друга.

А бешеный буран все усиливает свой рев, замечает все вокруг. Словно взбесившиеся волки воют буранные ветры, а белый снег гонит перед собой автомашину. Прошло довольно-таки много времени. Буран не прекращается, небо и не собирается открыться... Внезапно старенькая «Мазда» едва не воткнулась своим металлическими лбом в некое чернеющее препятствие, вдруг оказавшееся впереди... Двое путников на две стороны выскочили из автомашины.

– Ты что не видишь, ослеп, что ли? – заревел кто-то из заснеженного бурана, и тут показался огромный, как медведь, человек.

– Извините, мы вас не заметили, – еле произнес Турсунжан.

– Ерунда, со мной ничего не случилось. А вот у тебя левая фара кажется погнулась. – На этот раз голос огромного мужчины звучал помягче. – Так что, джигиты, счастливого пути!

– Пусть дорога будет открытой! – сказал Сейилхан.

– Вы в Астану едете?

– Маршрут у нас с вами один.

– А почему вы остановились?

– Я не собирался останавливаться. Хорошо шел, да вот это препятствие, я встал и ни с места.

– Почему это?

– Вот, посмотрите, вот здесь на этой длинной дороге лежит снег. А мой «уазик» не может объехать два метра сугробов. Не могу преодолеть, вот и стою, надоело уже.

– Эй, Турсунжан, подойди сюда, – сказал Сейилхан, – Ты видишь вот это? Сама дорога чистая-чистая, все с дороги смывает ветром. А вот здесь лежит большой сугроб снега. Как это может быть?

– Скорее всего, здесь останавливался один из дальнбойщиков, и немного тут отдохнул. Вот тогда, вокруг его машины и намело много снега.

– Джигиты, у вас лопата есть? – прервал их разговор огромный, как медведь, водитель «уазика».

– Есть, – сказал Турсунжан.

– Тогда чего мы стоим. Давай лопату. Втроем мы быстро разгребем эту кучу.

Лежащий поверх асфальтовой дороги сугроб снега был быстро убран тремя мужчинами.

– Джигиты, у вас есть чем согреться? – сказал огромный мужик в лисьем тумаке.

– У меня есть бутылка водки, – сказал Сейилхан.

– Так давай, неси, побыстрее согреемся.

Сейилхан поспешно открыл бутылку водки «Медведь» и разлил ее поровну на троих.

– Чтобы мы добрались благополучно до Астаны.

– Что бы этот буран, который злится, словно старая дева, которая не вышла замуж, поскорее прекратился.

– Чтобы дорога была открытой!

– Чтобы моего вот этого племянника с заячьей губой полюбили старые женщины!

– Эй, дядюшка, что еще за старые женщины? Ты что, не можешь сказать, чтоб девушки меня полюбили! – раз и обиделся Турсунжан.

– На такого как ты, похожего на рыжего жеребца, и на твою раздвоенную губу разве девушки посмотрят?

Водка, попавшая в голодные желудки, сразу попала в кровь, и дядя с племянником еще долго вели бы подобную беседу, но огромный человек в лисьем тумаке вмешался в их разговор:

– Эй, джигиты! К чему пустые слова! Дорога закончится, если по ней двигаться. Поехали теперь!

Впереди «уазик», позади «Мазда», с целью добраться до Атбасара двинулись вперед. А бешеный, неутомимый буран продолжает завывать, и, по-прежнему, ревет ветер. Бьющий со страшной силой ветер не прекращается.

«Мазда» и без того медленно двигавшаяся по дороге, вдруг остановилась.

– Что случилось? – спросил Сейилхан.

– Сейчас узнаем, – произнес Турсунжан, выходя из машины. Сейилхан тоже вышел наружу. Он стал держать двумя руками капот. Под очередным резким порывом ветра Турсунжан согнулся вдвое, покопался в моторе, и долго что-то там налаживал. Потом сел за руль и пытался завести машину. Бездушная железная масса не отозвалась.

– Мы пропали, – сказал безнадежно Турсунжан.

– Не умершему в подарок мертвая рыба. Кто-нибудь встретится. Не надо паниковать раньше времени, – сказал Сейилхан.

– В такой страшный буран кто-нибудь, кроме нас дураков разве поедет?

– Была не была, – ветер – лодка, мы поплывем, а переживания – глубокая вода, в которой только можно утонуть.

– Надо было остановиться и дать сигнал мужику в лисьей шапке, он, поди, уже далеко отъехал, и теперь на него нечего надеяться.

– Об этом можешь даже не сожалеть.

– Почему?

– Этот бешеный буран, этот страшный ветер не дадут нам никаких шансов.

Так и остались на степной дороге двое не вовремя выехавших балбесов.

Они укуются снегом, а ледяные снежные змеи – будут бить их в лицо, и снежные вихри станут целовать их, этих несчастных двоих...

Бешеный ветер бьет с удвоенной силой.

Небо и не собирается открыться, а буран даже и не думает прекращаться...

Что ждет их впереди, белая ли дорога, ведущая к счастью, или черная, уводящая в вечность? Кто знает? Возможно... Все может быть.

Что будет впереди, знает один только Аллах.

5

Когда человек один, единственный его спутник в этом бренном мире – его мысли. Сидишь, четырехглазый, потому что в очках, тело твое полно болячек, один во всем доме, как же тут не задуматься. Длинный день, а ты спрятался в четырех стенах, и Айгуль, вся печальная и больная, вновь погрузилась в огромный, необъятный лес размышлений.

«Бог если возьмется за кого, так того и замучает испытаниями, правильно говорят в народе, – думала Айгуль. – Вчера только я потеряла Данияра, который был мне дороже жизни. От этого страшного удара судьбы я едва не лишилась разума, а спутник всей моей жизни драгоценный Ерасыл лежит в реанимационном отделении, и чем я так не угодила создателю, что он бьет и бьет меня, беззащитную, и где я так провинилась перед ним, где же я ошиблась, несчастная? Какое мое дело, какая моя инициатива так сильно не понравилась божественному Создателю? Я ведь не ангел, а грешный человек. Возможно, у меня были ошибки, много ошибок? Но ведь никогда я не чинила зла другому человеку. Никогда не перешагивала через пеструю ниточку бесчестия. Правда, я пыталась сражаться со злом. Стремилась к хорошему, и стала равной со всеми своими подругами. И я, и Ерасыл каждый день трудились, не покладая рук, честные, добропорядочные люди. За что нас наказал Аллах создатель?»

Ради денег некоторые люди-звери продают отца и мать, насилюют трех – четырехлетних своих детишек, и им за это ничего не бывает, ходят себе среди нормальных людей, и почему сойыл-дубина судьбы ударила по нам, за что нас сделал несчастными Аллах создатель?

Он отнял у меня Данияра, я укрылась в черные ткани ночи, и лучше бы я умерла, чем вот так вот лежать, гореть заживо в великом адском огне, переживать за Ерасыла, который борется за жизнь в реанимации. Я не боюсь умереть.

Чего уж бояться, и что есть на земле такого, с чем я не могла бы расстаться? Разве не ушло все мое счастье, все мои желания вместе с Данияром? Смерть мне сейчас в тысячу раз дороже самой жизни. Но не о смерти я сейчас думаю, а переживаю, как дела обстоят у Ерасыла? Если я умру, то и Ерасыл недолго пробудет на этом свете. Но тогда вот этот дом, все четыре его стены, распадутся на все четыре стороны, и наш семейный шаньрак обрушится, всем на горе? Разве может быть горе, несчастье страшнее этого? Если бы за Данияром остался бы, хотя бы один, плачущий, маленький ребенок! Тогда я говорила бы, что на белом свете остались глаза Данияра, несказанные им слова остались, след от копыта крылатого коня-тулпара, перышко от крыла сокола, кусочек золота, мечты моей реализация, внучок ненаглядный, ради которого я бы тогда жила? Как солнце, ушедшее за горизонт, в один из дней и я погасну, и попрощаюсь, махнув рукой, с этим бранным миром, и пойду и лягу рядом с Данияром моим...»

Наконец, устав от тяжелых мыслей, Айгуль кое-как поднялась с места, еле-еле доплелась до кухни. С того дня, как Данияр ушел от них, у нее не было желания есть. И на то Божья воля – сколько дней может не есть, но голода она не чувствует. К концу длинного дня выпивает чашку чая. А сегодня время обеда, оказывается, уже миновало. Она хотела чего-нибудь попить. Кроме чая с молоком ей ничего не хотелось. Сначала она пошла в комнату Данияра. Потом посетила спальню, потом побывала в гостиной, после этого заглянула в кабинет Ерасыла. Так она и бродила, шевелясь еле-еле, словно оглушенная льдиной рыба. Во всех комнатах висели на самом видном месте увеличенные портреты Данияра. В какую комнату не войди, везде ее встречал Данияр своей лучезарной улыбкой и мудрыми глазами. Вот Айгуль и ходила по комнатам и разговаривала со своим сыночком. «Сыночек мой золотой. Доник, Данюша, мое солнышко, душа моя, солнце мое, свет очей моих! Бисмилла рахман рахим. Данирок, спи спокойно! Пусть земля под тобой будет пухом. Пусть душа твоя попадет в рай! Будь в самом лучшем месте на том свете, ангел мой! Благоволение Аллаха, благословение пророка! Молю Аллаха!», – так

ходила она, причитая, путая слова, мешая русский и казахский языки.

Как-то подошла она к письменному столу Ерасыла, села в кресло, и поцеловала, стоящую на столе безжизненную фотографию Данияра. Потом прижала эту дорогую фотографию к груди, и снова стала безутошно плакать. «Жеребеночек мой, ягненочек мой, верблюжоночек мой, Данияр-ай, душа моя! Как я по тебе соскучилась! Тебя нет, а я вот, осталась, хожу, топчу землю еще. Кушаю еду, сплю, на работу хожу. Какая я безнадежная душа, мать без совести и чести, потеряла сына, который был дороже жизни, и жива еще, вместо того, чтобы лежать рядом с ним в могиле. Это, что ли, жизнь? Это не жизнь, это же ад. Что такое ад, вы у меня спросите, даже не побывав на том свете, я вам все расскажу...»

И вот тут черный телефон разразился длинным беспокойным, как больной человек, звонком. Но даже не вздрогнула Айгуль. Карманный сотовый телефон тоже зазвонил. Она и к нему не стала прислушиваться. Через некоторое время затрещал дверной звонок, и не перестает звенеть. Айгуль, малоподвижная, как статуя, доплелась до двери и открыла. Перед ней оказалась Куляш.

– Ты чего так испугалась? – спросила она с ходу, даже не поздоровавшись.

– Чего, чего бы это я испугалась?

– Как же не бояться, городской телефон твой молчит, на сотовый телефон не отвечаешь. Я испугалась, что что-то произошло, прилетела, как птица, несколько раз набирала код квартиры. А ты и на него не отвечаешь. Стояла так в растерянности, пока не подошел сосед и не открыл, и я смогла добраться до твоей двери.

– Прости, Куляш, я не слышала.

– Так ты же плакала, глаза у тебя красные-красные. Не плачь все время. Высуши слезы, вот платок.

– Кроме плача, что у меня осталось, у несчастной? Не только я, но даже Бог своей божественной силой ничего не сможет изменить. Этот бог не может оживить умершего человека. Снова в жизнь не вернется мой Данияр. Разве

не так? Так ведь! Значит, мои слезы не сможет высушить и бог!

– Как дела у Ерасыла? Расскажи о нем.

– У него все так же, изменений нет.

– В палату его перевели?

– Нет, все еще лежит в реанимации.

– А что говорит врач?

– Что он может сказать? «Подождем. Не будем терять надежду». Все те же прежние слова.

Не зная, как помочь Айгуль, Куляш отвела ее в столовую. Со всякими уговорами заставила ее съесть несколько ложек супа, выпить две чашки чая. Когда еще не лежал Ерасыл в реанимации, смотрели они вместе индийский сериал «Келин», одну серию которого посмотрели и сегодня. «Я потом еще приду», – сказала Куляш и удалилась к себе домой.

После того, как Куляш ушла, Айгуль выключила телевизор. У нее не было никаких желаний. Через некоторое время, чтобы провести несколько минут, начала листать ежедневные газеты. Но сколько бы она не обзревала газеты, ничего, что заслуживало бы внимания, она в них не нашла. И правительственные, и оппозиционные газеты каждый по-своему оценивали происходящие события, но, в основном, повторяли друг друга. Тогда она снова включила телевизор, и уткнулась в голубой экран. Но в телевизоре не оказалось ничего такого, что могло задержать ее внимание. Все те же концерты, все те же, как грибы после дождя, родившиеся многочисленные «молодые звезды», к ним уже привыкло ухо, все те же певцы, от которых уже устали глаза, беседы известных личностей с неизвестными журналистами. Бесконечные конкурсы «Состязания звезд», повторяющие друг дружку всевозможные ток-шоу... Был бы хотя бы нормальный добротный кинофильм в программе... На первых каналах все те же казахские фильмы, идущие с давних времен, на последующих иностранные, понятные им и неизвестные нам сериалы... О, боже, сколько в Казахстане имеется телеканалов, а смотреть нечего. «Почему бы не закрыть те каналы, у которых нет качества, а вместо них

не основать четыре-пять новых телеканалов?» – подумала Айгуль.

Газетные материалы, новости радио и телевидения не подняли ей настроения, и тогда Айгуль решила заглянуть в компьютер, и обозреть там научный мир. Не задерживаясь на различных сатанинских новостях, она обратилась к бьющемуся сердцу мира. Но и это не стало заплатой на ее израненном сердце. В мире не оказалось ни одной страны, которой не постигло какое-то несчастье. И не одно, а несколько стран пострадали от цунами и наводнений, другие государства одно за другим сотрясают землетрясения, идут между странами войны. Там, где никогда не было снега, падает снег, а холодные районы Земли становятся теплыми местами, в теплых местах становится холодно. Проснувшиеся от долго сна высочайшие горы стали стрелять в небо черным пеплом, из-за чего тысячи самолетов изменили свои курсы или остались на земле, не взлетая, в аэропортах. Куда-то пропал без вести самолет, который летел из Малайзии. Между Украиной и Россией из-за Крыма и Севастополя началась пока еще без выстрелов война. Если не удастся разрешить многочисленные конфликты, но могут быть нажаты кнопки бесчисленных ракет, и что тогда?.. О, Создатель Всего, Хозяин наших жизней, даже думать об этом страшно... Бесконечные природные катаклизмы сотрясают планету, никогда не заканчивались войны между народами и странами, причем воюют все более страшным вооружением, и они довольно измучили людей. Пламя этих бесконечных бедствий брызжет в разные стороны в мировом масштабе, и очень тяжело это отзывается на всем человечестве. Смутное и тягостное время, опрокинутый вверх тормашками мир, и прочие бедствия гонят человечество неизвестно куда, в какую-то пропасть. И все это, видимо, послано как очередное испытание для тех, кто никогда не насытится войнами и кровью, для всего ненасытного человечества, так, видно, решил Создатель Хозяин...

Отрицательная энергия, которую Айгуль получила от средств массовой информации, очень сильно огорчила ее. До этого она не очень хорошо себя чувствовала, а тут вообще поднялось давление.

«Впереди всего того, что посылает тебе божественная сила, после всех этих сложностей наступит тишина и покой, пойми это, человечество! И что скажет эта сила, так и будет!» – подумала Айгуль.

6

Двое сотоварищей – Сейлхан и Турсынжан, – оказались среди снегов и буранов, и в один из снежных дней до Ерасыла добралась Сауле и сказала:

– Коке, помогите нам, пожалуйста!

– Что случилось, дорогая моя? – спросил Ерасыл.

– Сейилхан остался в объятиях снегов.

– Кто тебе об этом сказал?

– Вчера поутру они вдвоем с Турсынжаном выехали из Аркалыка, а до Астаны не добрались. А в степях Сарыарки бушуют бураны.

– Вероятно, из-за буранов они остановились где-то в Атбасаре.

– Если бы были в Атбасаре, то сообщили об этом.

– На какой машине они выехали из Аркалыка?

– На «Мазде» Турсынжана. Но эта машина даже летом в божьи погожие дни еле-как двигалась, гремя железками на всю округу! Они, скорее всего, поломались и стоят где-то на обочине дороги. Чует мое сердце, что-то с ними случилось, беда какая-то!

– Перестань, дорогая! Не надо раньше времени поддаваться безучастному горю.

После работы пришла домой Айгуль, и, вникнув в суть дела, сказала:

– Сейчас Ерасыл позвонит в разные места, прояснит ситуацию, а мы с тобой пойдем, чаю попьем, – и увела Сауле в столовую.

Ерасыл позвонил во все учреждения между Аркалыком и Астаной, какие знал, и попросил местных начальников в те районы, где не имеется телефонной связи, направить гонцов на розыски пропавших. Занимался он этим более двух часов. Потом позвонил в центр по прогнозу погоды, и там сообщили, что буран в ближайшие дни не прекратится.

Теперь оставалось только надеяться на Хозяина Создателя, других надежд не осталось...

7

Ерасыл вчера лег спать в думах о Данияре. Хотя лег он поздно, но уснуть никак не удавалось. «Моего Данаша – счастье мое – проглотила безжалостная ненасытная змея беды. Будь же ты проклята, чтоб настали твои последние дни, подлая змея. Ты никогда не приносила народу счастья, всякий раз твое появление обозначало наши несчастья. Твое появление приносило с собой то джут, то другую какую-то беду. Мало ты поиздевалась над людьми и страной, теперь взялась за меня. Теперь же ты отняла счастье мое – ненаглядного моего сына, по нему мы скорбим, сердце болит, тело замерзло, как льдина, укрылись мы в черные тряпки, глотаем черную кровь, прижилось ночью горе среди нас...» Так он лежал и бормотал про себя, разговаривая сам с собой, и уснул лишь под утро, отключился, потерял сознание на несколько минут, не похожих на сон, и проснулся с мыслями о Данияре. «О, великие старики Великой Степи, уж они знали, что говорить: «Человек не осознает, что находится в объятьях счастья, понимает это тогда, когда счастье, как птица, улетит прочь». И это правда. Мы всю жизнь возимся с бесконечными земными делами, торопимся все их переделать. Бросаемся исполнить то, чего делать не надо, и за всем этим даже не замечаем, что эта брэнная жизнь уходит, как вода сквозь пальцы, как вода в песок. И в этих ежедневных заботах даже не осознаем, что птица счастья, наконец-то, села нам на голову, и находится с нами, не можем дать ему, нашему счастью, оценки, и когда оно уходит, сожалеем о том, что не заметили его, прозевали, кусаем в досаде свои пальцы. Чего уж говорить про других, я и сам, когда беда постигла и меня, вспоминаю слова великих гениев древней степи. Я был счастлив до 17 августа 2013 года, пока не потерял единственного, дорогого, ненаглядного своего сына Данияра. Мое самое большое, самое главное счастье – это ведь был Данияр. Когда был жив Данияр, весь мир смотрел на меня и мне подчинялся, и какой же я был счастливый! Он был

моими крылами, поднимающими меня к самым вершинам, был моим счастьем и надеждой. После того, как улетела моя птица счастья, мой Данияр, мой дастан, и тогда, в тот несчастный, в тот проклятый день 17 августа я сразу стал самым несчастным, самым бедным на свете человеком...».

«В чем я провинился перед Аллахом, где допустил большую ошибку? Я ведь не ангел, а грешный человек. Есть у меня и ошибки, и не просто виноват я, а, может быть, очень виноват, так Аллах должен проявить и ко мне свое всепрощение и благодать, и простить меня. Но даже, если я в чем-то виноват, я ведь не животное, не зверь какой бессмысленный. Разве не ходят на свободе те, кто продал за деньги мать родную, кто надругался над малыми детьми своими? Чем именно я провинился перед богом и людьми, чтобы так меня наказывать? Где я ошибся, в чем моя страшная вина?». «Так в последние годы я получил и известность, и славу, и орден и медали, и материальная сторона моя резко улучшилась. И не очень хорошо, когда все дела у человека чрезмерно хороши, когда нет никаких проблем». «Нам могут навредить чужие язык и зависть», – говорила в прошлом бедная моя покойная мама. А те люди, кто хоть раз видел Данияра, те восхищались им, влюблялись в него, с завистью смотрели на него. Кто-то, значит, сглазил его, откуда я это могу знать. Все в руках одного Аллаха», и вот такие мысли мучают мою несчастную душу.

«Но никто не живет вечно. И при этом, все должно быть в своем порядке, вот ведь как», – как сказал Алмас Айтуганов в своей телеграмме, присланной им из Парижа, когда он узнал о безвременной кончине моего Данияра. Я знаю, что смерть – это враг не одного, не десяти, не ста, не тысячи, не миллиона, даже не миллиарда людей, а всего человечества беспощадный враг. И этот враг человечества кого только не свалил с ног, кто только из-за него не проливал слез? И таких несчастных, наверное, много и в межзвездных мирах, и здесь на земле, где копошатся тысячи таких, как мы. Но ведь и у гибели, падения, у плача и рыдания, и у печали и злосчастия есть свой порядок, свой черед. Совсем неожиданно, негаданно, не одно, а три тяжелейших удара судьбы пришлось перенести мне, так кто меня пой-

мет? Кто распознает мою загадочную душу? И из этих трех ударов судьбы самый тяжелый – этот беспощадный враг человечества, прожорливая, ненасытная смерть с вечно голодными глазами, рано, очень рано унесла моего Данияра. Второй удар – перед самым свадебным праздником, не раньше, и не позже, а прямо перед началом он закрыл глаза. Третий удар – Данияр мой был образованным, знающим молодым человеком, очень добрым, о чем знали все, очень умным. О его знаниях многие наставники говорили: «Мы видели многих талантливых людей, но такого яркого, все-сторонне образованного, талантливого молодого человека видим впервые. Всего лишь в 21 год он был удивительно развитым в умственном смысле, очень молодой, готовый ученый!» – так они восхищались им, удивлялись ему. Тот факт, что он заступился, помог в трудную минуту никому не нужной семидесятилетней старухе, с восхищением заставил говорить о нем многих.

Он был ровесником независимости, дитем нового народившегося столетия, особенный и святой Данияр. Когда он родился, в Казахстане родилась «Северная звезда». Когда он ушел из жизни, сияя в небе, возникла новая звезда «Дельфин-2». И в тот же момент на золотом кольце Дины погасли, прекратили сиять яркие драгоценные камни, они стали черными-черными. Таких удивительных историй было очень много в жизни моего Данаша. Если бы он не имел священных особенностей, разве возникли бы такие стихи?

Его мысли были глубоки, как океан,

Он ходил, сиянием лучей осиян.

Аллах создал его отличным, особенным,

Был он личностью крупной, великий был он талант! –
так я плачу по моему сыну, так поминаю его.

Потерять такого сына неожиданно, прямо посреди свадебного праздника – это очень большое несчастье. Такой беды не то, чтобы другим, врагам не пожелаешь. Мой Данияр «был обладателем смелого и умного сердца», таким он был молодым воином. В восемнадцать лет ему были близки и понятны «Путь Абая», он прочел всего Абая, знал

наизусть стихи Магжана, Шакарима, Есенина, и к двадцати годам был вполне сформировавшимся деятелем, мой Данияр. Равного с ним не было, и потерять такого сына, «сердце разорвется на тысячи заплаток», «знамя твое осталось не уроненным, хорошей ты умер смертью», – как сказал великий Абай, так моя душа изранена. И это не простая рана, а кровь из нее все еще хлещет, и никогда она не заживет, и уйдет вместе со мной в могилу, очень это тяжелая рана...»

Такие были тяжелые, как гроб, мысли, и нагруженный ими вошел в столовую Ерасыл. Айгуль ушла рано утром на работу, оставила недопитой чашку чая. И теперь, вернувшись, сидела перед этой самой чашкой, и плакала, и слезы ее капали в коричневую жижу недопитого чая...

– Чего ты плачешь? – спросил Ерасыл.

– Сижу, думаю о Данияре, – сказала Айгуль.

– Думай, но не плачь.

– По утрам он обычно мне говорил: «Доброе утро, мама!» – мой жеребеночек. Я вот вспомнила это, и сердце мое заболело.

– Ты и перед сном плачешь: «Данчик говорил мне: «Спокойной ночи!» Каждую пятницу плачешь, что вот эти шлепки не ты должна была испечь, а твоя невестка». А когда мы приезжаем на «Кенсай», снова плачешь: «На этом месте не Данчик должен лежать, а я должна бы...» «А поминательную молитву не я должна была бы исполнять, а он по мне». А когда приходят друзья нашего Данчика, то слезы льются из тебя ручьем. «Жеребеночек мой, ты должен был вместе с ними развлекаться?!» – плачешь ты. Когда на улице видишь едущий «Лексус», то говоришь: «Это же автомобиль, железный конь моего Данчика», – и снова плачешь безутешно, и нутро твое все горит и горит, и ты ревешь целыми днями. Прекрати, не плачь все время. Будешь много плакать, глаза перестанут видеть», – сказал ей Ерасыл.

– Зачем мне глаза, если я не могу видеть Данчика, – сказала Айгуль.

– А если паралич свяжет твои руки и ноги, если ты останешься неподвижной?

– Ради моего Данчика, не нужны мне ноги, пусть они не бегают, не нужны мне руки, которые его не обнимают.

– Если все время будешь плакать, умрешь раньше своего срока, так прекрати же плакать.

– Зачем мне жизнь без моего Данияра, чем вот так каждый день плакать, лучше уже умереть.

– Не умирай, если тебя не будет, что будет со мной? А как же Суйинишбике, Алтынай, как же наши близкие родственники и друзья, и какой смысл в том, что ты умрешь раньше времени, что толку? Если мы оба простимся с этой жизнью, кто расскажет о Данияре, кто будет вспоминать его имя, как мы? Воздадим благодарности Аллаху. Успокаивая супругу, сам Ерасыл насилу успокоился. Два печальных супруга, утешая друг друга, кое-как позавтракали. Потом Ерасыл пошел в свой кабинет и сел за письменный стол. Но ему в тот день не писалось. Потом взгляд его упал на фотографию Данияра, стоящую на столе, и он задумался. Одни могут сказать: «Не одна она потеряла своего ребенка, есть много таких, так что же она, Айгуль, так безутешно убивается, так сильно показывает свою скорбь!». Нельзя обижаться на них за то, что они так думают. Каждый все измеряет по своему, на свой аршин. Раз их не постигло подобное несчастье, что с них взять, и как их можно судить? Они не могут понять тяжести чужого горя. А я свою Айгуль понимаю. Не только потому, что она моя половина, а вот печаль, которая грызет ее душу, она и такая же моя, и я, как Айгуль, безмерно люблю своего Данчика. Поэтому с печального моего пера выходят такие стихи:

Я любил тебя безмерно,

Баловал тебя бессчетно,

Данияр мой, в эту вечность

Почему ушел так рано?..

и эти черные строки потому и родились. Мысли мои путаются, и я иногда думаю: «Душа человека сложнее всей вселенной, и это понимал мой ненаглядный сын, Данашым мой, и всякий раз, как вспоминаю его, так мне и больнее от этого, и некуда деваться, в мозгах моих это не помещается. Всю душу мою измучил, и реву я, как верблюдица, у которой отняли ее верблюжонка, и насколько же жестока судьба, доведшая меня до этого?»

Пока еще жив русский мыслитель, академик Феликс Кузнецов, который в своих воспоминаниях пишет о том, что «если кто-то ушел в вечность чистым, незапятнанным, раньше нас всех, так это Данияр, и есть такой народ, который понимает и это, и считает, что такие, незапятнанные, «счастливее нас». Кто знает, возможно, и эти слова могут быть истинными? Приехавший разделить нашу печаль кыргызский поэт Нурлан Калыбеков, мой коллега, сказал так: «Ангелом был Данияр, прошел по этой жизни, не загрязнившись, чистый-чистый ангел. Он сейчас находится в царствии небесном». Настоящий поэт – он получше, чем другие грешные, знает жизнь, может быть, на один шаг ближе к Аллаху, чем другие. Кто знает, не вложил ли в его уста эти слова сам Аллах.

Мне это не ведомо. И все эти секреты, которые неизвестны нам, грешным, знает только один Аллах.

Даже малый ребенок знает горькую правду – человек живет сто, самое большое – сто пятьдесят лет. Но даже если бы он жил двести лет, все равно его жизнь весьма коротка.

Но еще короче оказалась жизнь Данияра, который закрыл глаза и прожил всего двадцать один год!

Да, жизнь – очень короткая штука. И хотя он прожил мало, но ум и знания, культура его были высоки, как самые высокие горы, и проницательность ума его достигала самых глубоких глубин океана, а добрые дела, сделанные им людям, вызвали ответную любовь народа, и он в каких-то двадцать лет уже был значительной личностью, а его любовь к жизни была равна Луне и Солнцу, безмолвно рассыпающим свои лучи, и ушедший в ангельском возрасте, Данияр будет жить вечно!

После того, как я потерял Данияра, погасло пламя моего сердца, оно не будет биться и не будет развеиваться полотно его знамени так хорошо, как раньше, когда он был жив...

Как подумаю о Данияре, гордость моя разделяется надвое. Глаза мои полны слез, сердце наполняется печалью. Хочется хотя бы раз взглянуть на него, на живого моего сына, и тело мое холодеет от этой мысли, и начинает болеть сердце. И тогда душа моя начинает страдать, как будто заживо попала в ад. И считанные дни мои проходят в этом

страшном страдании. И из этого ада может спасти меня только естественный конец.

Но вот что делать, как относиться к делам Аллаха? Аллах так повелел, я вынужден подчиниться. Разве у меня есть другой какой-то выход, кроме подчинения его воле, кроме как проживания в этом похожем на преисподнюю мире? И теперь мало ли, много ли, я доживу жизнь, оплакивая своего Данияра. И вчера, и сегодня было много новогодних поздравлений. Спасибо им всем! Однако, когда сердца наши охвачены черной печалью, и когда сердце обливается черной кровью, оно не реагирует на поздравления. Без Данияра для нас нет ни праздников, ни счастья!..

Ерасыл, который говорил Айгуль, чтобы она не плакала, сам расплакался, и глаза его наполнились слезами. Именно в эту минуту Айгуль, которая в комнате Данияра обняла его фотографию, заплакала в голос и плечи ее затряслись от рыданий.

Все в стране праздновали Новый год, а у них жестокая судьба отняла этот праздник, отняла их любимого сына, и вот они оба – печальная возлюбленная пара – в двух комнатах не могли скрыть слез от самих себя и очень долго плакали...

В это же день небо, которое всю неделю было ясным, затянулось тучами, почернело. Густыми большими хлопьями повалил снег. Густой тяжелый снегопад завершился завываниями ветра... Город Алматы, который праздновал новогодний праздник, был охвачен неистовым ураганным ветром и бураном.

8

Было 12 января, день рождения Ерасыла. В прошлом году как раз в этот день Ерасыл был счастлив безоглядным счастьем. Не забывая своей обычной привычки, Данияр поздравил его с днем рождения ровно в 12 часов ночи, а Айгуль рано утром, проснувшись, и, встав с постели. Телефон, начавший звонить рано утром, еще до завтрака, так и продолжал звонить весь день, не умолкал от поздравлений. Из Астаны звонили Тумарбек, Ануарбек, с ними вместе Маржан, из Костаная и Аркалыка земляки, из Мо-

сквы, Ташкента, Бишкека, Душанбе, Ашхабада – коллеги, из Парижа Альберт Фишлер один за другим звонили ему, поздравляя с днем рождения. Два домашних городских телефона и сотовые телефоны гремели один за другим, и приходилось отвечать на них, выслушивать весь длинный день пожелания, и он, Ерасыл, так устал от всего этого, что у него хватило сил поужинать.

Айгуль и Суйинишбике сварили бешбармак, приготовили салаты, наполнили дастархан, как положено. Как обычно в шесть часов вечера должны были прийти друзья, родственники, коллеги по работе. Ерасыл утонул в цветах, а дом его наполнился весельем. Как это было принято всегда, за дастарханом главенствовал Хамит, который сказал:

– Вы сами прекрасно знаете, Ерасыл старший из нас, и сегодня ему исполнилось семьдесят три. Через два года ему исполнится семьдесят пять. Семидесятилетие его мы отпраздновали в оперном театре вместе с известными на весь мир крупными личностями, прибывшими из десяти стран. Иностранные газеты писали об этом событии, а наши телевизионные каналы буквально захлебывались, пересказывая друг друга, и семидесятилетний юбилей стал превращаться в некую торжественную легенду. Если все будет хорошо, то семидесятипятилетний юбилей нашего коке пройдет еще лучше. Мы – народ, который уважает своих сватов, как бога. Поэтому первое слово даем свату нашему Малику. Ну, Маке, скажи нам какое-нибудь доброе пожелание в связи с этим прекрасным вечером.

– Давайте выпьем за здоровье Ерасыла и Айгуль, которые вырастили такого прекрасного сына, как Данияр! – сказал Малик.

– Очень краткий, но весьма содержательный тост, – сказал Хамит. – Мужа и жену если бог не разлучит, то люди и вовсе не разлучат. «Мы говорим Ленин, подразумеваем – партия. Мы говорим партия – подразумеваем Ленин», так кажется. Если мы говорим Малик, подразумеваем Раушан, если говорим Раушан – подразумеваем Малик». Следующее слово Раушан. Уа, люди, слушаем всеми ушами Раушан. А теперь слово за вами, Раушан ханум.

– Хоть ханум скажи, хоть душа моя-жаным скажи, все Раушан подходит, – добавил Байбота.

– Я хочу посвятить свою песню двум молодым людям, которые сидят рядышком, как два маленьких кругленьких беленьких ягненочка, как два белых лебедя, Данияру и Анжелике, – сказала Раушан. Потом она обратила свой взор на картину на стене, на которой были изображены великолепные горы Алатау, и звонким неподражаемым голосом запела:

*Двадцать один год всего,
Знаний голова полна,
Анжелика любит Данияра,
У нее брови изогнуты, как луна.
Станет невесткой завтра она,
Айгуль и Ерасыл – мать с отцом,
Встречайте счастье свое,
Время не теряя напрасно,
Соединим два алмаза,
Данияра и Анжелу,
Будьте вечно счастливы!*

– Bravo, bravo! Аплодисменты! – Поздравим ее, о, люди, поздравим! – воскликнул Хамит. Сидящие за столом дружно и громко ударили в ладоши. Белое лицо Анжелики запылало-заалело от смущения. Данияр посмотрел на Анжелику и мягко усмехнулся.

– Данияр и Анжелика собираются пожениться, а когда же свадьба? – спросила Калима у Айгуль.

– Когда бог выберет день, – ответила Айгуль.

Это застолье, начавшееся с шуточных сладостных пожеланий, продолжилось, и завершилось далеко за полночь красивыми песнями.

– В прошлом году 12 января, – какой я был счастливый! – подумал про себя Ерасыл. А в этом году... Нынешний январь сижу весь в горе, горе глотаю, черной ночью укрылся. Эти люди интересные. Те, кто меня поздравлял в прошлом году, и в этом году поздравляют, звонят по телефону. Но в этом году Айгуль не накрыла праздничный стол. Мы нико-

го не ждем, как ждали в прошлом году, не будем праздновать мой день рождения. Тем, кто звонил утром, мы сказали, чтобы они вечером не беспокоились.

Ерасыл пошел в комнату Данияра, поцеловал портрет сына, и долго успокаивал плачущую Айгуль. Потом сел за письменный стол и начал писать письмо Данияру.

*Двенадцатого января
Собирались в дом друзья,
Накрывала стол Айгуль,
Лилась водка в три ручья.*

*Как мы праздновали редко
Этот день рожденья мой,
Обнимал тебя я крепко,
Приносил цветы сын домой.*

*В прошлом году ты мне, сынок,
Подарил вот дипломат,
Радовался я как мог,
Аж до неба был ведь рад.*

*Ты торжественно в тот день
Отцу счастья пожелал,
Пожелания твои
Наполнили сердце мое.*

*Я так рад был в тот день,
Обнимал тебя – алмаза.
А теперь сижу и плачу,
Я потерял тебя, счастье мое.*

*17 августа 2013 года
Черный день несчастливый,
Очень рано тебя потеряли,
Раскрыло объятия горе.*

*С тех пор мы невезучие
Все праздничные дни в календаре*

*Безрадостно проводим,
Слезы наполнили озеро,
Донесли свою печаль до людей.*

*12 января 1940 года
Твой несчастный отец появился на свет,
12 января 2014 года
Праздник я обмываю слезами.*

*Не празднуется день рождения,
Впервые в жизни у нас такое,
Кроме тебя не о ком нам думать,
В черном горе и черной печали.*

*И вот сижусь я теперь
Надев на себя шекпен печали,
Соскучился я по тебе, сын,
Надев на себя шекпен печали,
Надев на себя шекпен печали...*

Ерасыл уже завершал письмо Данияру, когда из Астаны позвонил поэт Серали Туйгунбаев, поздравляя с днем рождения. Ерасыл прочел ему стихотворение, чернила которого еще не высохли.

– Замечательно! – сказал воодушевленно Серали, – Вы, Ерасыл ага, не только мастер прозы, но и прекрасный поэт. Эти стихи доказывают это. Особенно выражение: «Надев на себя шекпен печали», – это очень образно. До вас такого поэтического выражения не было, поэты еще таких слов не находили.

– Спасибо тебе за добрые слова, ответил ему Ерасыл, – но я не поэт, я – прозаик. А эти стихи вышли из страдающего сердца.

– Нет, вы не только прозаик, но и прекрасный поэт! Вы – поэт! – продолжал настаивать Серали.

– Хорошо, будь по-твоему, – решил Ерасыл. – Поэтами становятся не потому, что хотят стать поэтами. Поэзия – дар Аллаха, которым он наделяет грешного человека, и в

этом его благоволение к человеку. Очень сильная любовь или большое горе делают человека поэтом.

Ерасыл положил телефон на рычаг, посмотрел на фотографию сына, которая стояла перед ним и произнес: «Прости меня, сын, я тебя не смог сохранить. Когда свадебный кортеж остановился перед рестораном, почему я не выбежал к тебе навстречу. Если бы я тебя встретил, я бы тебя доставил к доктору, до которого было рукой подать. Он сделал бы тебе всего один укол, и ты тут же выздоровел бы, как обычно, и помчался бы дальше по жизни!.. А теперь вот сижу, вспоминаю тебя, вою, как воеет на ночное небо Сизогривый Волк Кокбори...» Великое сожаление поселилось в его сердце, и Ерасыл еще раз омыл слезами эту рану. Чтобы не показывать Айгуль, что и он тоже плакал, он ушел в свою спальню и лег спать.

Думая о Данияре, он уснул, и очнулся от того, что Хамит кричал дурным голосом: «Айгуль, а где мой коке?» Ерасыл с трудом поднялся с постели. Хотя сегодня он ничего не делал, он почувствовал, что очень сильно устал. «Все из-за того, что я плакал. Когда я плачу, я вот так сильно устаю. Надо выпить чашку чая, собраться с силами и сесть за работу». С такими мыслями он направился в столовую. Сауле положила в казан мясо, Куляш мыла посуду, видно было, что женщины активно работают, но тут, увидев его, они все бросили, прервались, и поздравили Ерасыла с днем рождения. Когда Ерасыл вошел в гостиную, то там Малик, Байбота, Муса, Абен, Сейлхан встали со своих мест и сказали ему, чуть ли не хором: «Поздравляем с днем рождения!»

Во главе с Ерасылом все вошли в его кабинет. Пока не оживленно говорили о том, да о сем, женщины успели накрыть дастархан.

Первое слово взял Сейлхан, который выступил не только от имени родственников, но и от всего казахского общества, которое Ерасыл всю жизнь защищал, сказал об особой человечности именинника, и, самое главное – рассказал о том, как Ерасыл помог им, попавшим в снежную бурю, благодаря чему они остались живы. Он пожелал здоровья и долгих лет жизни.

За столом говорили, в основном, о Данияре. Раушан подарила картину известного кыргызского художника Талая Усенова «Иссык кол», («Озеро Иссык») и сказала при этом:

– Не будем все время плакать. Данияр жив! Он в этой прекрасной картине в юрте спит, отдыхает. Он отдохнет немного, наберется сил, а потом выйдет, сядет на своего белого аргамака, и помчится по всему миру, и однажды прибудет и к нам!

После Раушан слово взял Абен, который прочитал стихи Абая: «Человек не умирает в день своей смерти, а умирает в тот день, когда его забудут».

– Данияр, для меня ты все еще живой! Вот ходят по земле мертвые душой людишки, ничего не делают, а ты своими делами до сих пор кажешься мне живым. – Так сказал Муса.

– Пока бьются сердца Айгуль и Ерасыла, наш Данияр жив! – сказал Байбота.

– Хотя он и был молодой, но он прожил прекрасную жизнь, и позади него осталась целая череда добрых поступков, и он вместе с другими все еще живой, – сказал Куттыбек.

– Познакомившись с его мамой Айгуль Акынжановой и папой Ерасылом Жаксыбековичем, я поняла, что только в такой прекрасной семье, полной тепла и доброты, мог появиться на свет и воспитаться такой благородный, душевно чистый, добрый, красивый внешне и душой, интеллигентный человек, – сказала сватья Тамара Рюмина.

– На этот раз, как будто Данияр был с ними, водка не наливалась, не выпивалась. И песни не пелись.

Со дня смерти Данияра впервые так прошел день рождения Ерасыла, и Данияр был вместе с ними, с отцом и матерью, с близкими родственниками.

Данияр был живее многих живых, так они говорили между собой!

9

«Данияра моего нет. Зачем мне было праздновать день рождения», и, тем не менее, соболезновавшие ему друзья и родичи, помогли отметить и семьдесят четвертый день

рождения. «Я не знаю таких предсказателей, которые могли бы точно сказать, что произойдет в будущем. Есть мошенники, легко обчищающие карманы доверчивых людей, которым я никогда не верил. А таких, как Нострадамус да Монке бий, сейчас нет. Что будет в грядущем, знает только один Аллах. Мало ли, много ли, но вся оставшаяся жизнь моя посвящается Данияру. На трех языках: на казахском, русском и английском вышла первая книга, посвященная Данияру, за короткий период стала известной не только в нашей стране, но и за ее пределами. Теперь я готовлю в издательстве вторую книгу про Данияра. Если все будет хорошо, к годовщине его памяти книга увидит свет, которую я раздам людям. Потом напишу пьесу про Данияра. Планирую снять документальный фильм про Данияра. Надо написать сценарий документального фильма. Но вот где найти деньги, чтобы поставить этот фильм? У нас нет ничего, что можно было бы продать. Может быть, продать эту четырехкомнатную квартиру, совсем осиротевшую без Данияра, переехать в двухкомнатную. Но тогда окажутся напрасными слова Айгуль о том, что «комнату Данчика сохранию, как есть»? Можно было бы продать «Лексус» Данчика. Но этот джип мы отдали Анжелике. Я говорю кино, а чтобы провести годовщину Данчика, чтобы выпустить следующую книгу, опять же деньги нужны. В этом поможет и начальство, и другие примут участие. А если я сниму фильм, к кому я могу обратиться за помощью, когда мне самому уже за семьдесят? Тем не менее, надо бы узнать, сколько же нужно денег, если спонсоры спросят: «Сколько нужно?» – у меня будет, что сказать».

С этой мыслью Ерасыл позвонил большому специалисту по документальным фильмам Саржану Ержанову.

– Саржан, здравствуй!

– Я вас по голосу узнал, как вы, Ер ага?

– Все хорошо.

– Я слышал о том, что Вас узбекские братья хотят представить в своей государственной премии. Поздравляю вас!

– Все мы люди, грешные. Раньше такому известию я бы обрадовался, а теперь мне все равно, я даже не шелохнусь.

– Почему?

– Когда был Данияр, то в этом бренном мире сверкание и блеск побрякушек что-то значили, и это было хорошо. А сейчас мне ничего не надо. Я сказал узбекским собратьям, не мне, отдайте кому-нибудь другому.

– Не говорите так. У драгоценного камня веса не имеется. Если узбеки, все-таки, дадут вам ее, не отказывайтесь.

– Не то, чтобы эту, даже если Нобелевскую премию дадут, преподнося ее на золотом блюде, она мне не нужна. Меня ничего не радует. Дороже всего этого мне у меня есть одна вещь, я хотел спросить тебя об этом.

– Что это?

– Во сколько обойдется документальный фильм на тридцать минут?

– Пять миллионов тенге.

– Это очень много. Я, несчастный, думаю о том, чтобы создать документальный фильм о моем Данияре. С того дня, когда он записан читающим стихи, потом во время поездок за границу, подросток совсем, все это есть на роликах. Если мы переведем все это на качественную ленту, чтобы не пропало, и не исчез бы светлый образ моего Данияра. Если я найду деньги, ты снимешь?

– Сниму.

– Тогда так договоримся. Я напишу сценарий. Ты поправишь его недостатки. Возможно, вдвоем будем соавторами сценария. Если у нас в руках будет готовый сценарий, то и разговаривать о фильме с другими будет легче. Ты согласен с этим?

– Согласен.

– Спасибо!

«Если снять документальный фильм, то к нему материалов предостаточно, – стал думать Ерасыл. – Еще в первом классе Данаш читал выразительно стихи:

*Я – воробей, я – воробей,
Не мерзну средь холодных дней,
Сады, деревья все вокруг
Я защищаю от червей, –*

Уши его при этом были оттопырены. Сюда можно добавить, как он участвовал в моих творческих вечерах в Бишкеке, Москве, Париже, а в день, когда должна была состо-

яться свадьба, тоже имеются кадры в роликах. Мы все их используем. Попросим сказать слово одного из моих друзей Алмаса Айтуганова. Используем также его рисунки, фотографии... Мысли Ерасыла были прерваны пришедшей с улицы Айгуль.

– Ты слышал новость?

– Какая новость?

– Случилась девальвация.

– Кто это сказал?

– Только что сообщили в новостях.

– И насколько упало тенге?

– Прежнее соотношение тенге и доллара было сто сорок семь – сто пятьдесят тенге за доллар, а теперь стало сто восемьдесят, сто восемьдесят два. Такой совершился прыжок.

– Те, кто копил зеленые бумажки, большинство которых лежат на иностранных счетах, олигархи еще богаче станут, а простые люди, средств которых не хватает, чтобы прокормить семьи, станут еще беднее, – нахмурил брови Ерасыл.

– Сытый голодному не товарищ, сытый ребенок не будет играть с голодным ребенком, сытый ребенок не будет думать о том, что он когда-нибудь станет голодным. Оппозиция должна начать, интеллигенция должна их поддержать, надо заставить государство поддержать слабые социальные слои, чтобы им была оказана всяческая помощь! – сказала Айгуль.

– Эти твои мысли никогда не сбудутся.

– Почему?

– У нас слабая оппозиция. Они никогда не объединяются. Все хотят возглавлять и управлять. Оппозиция – вот в Кыргызии оппозиция. Захотят отправят правительство в отставку, если сильно разозлятся, могут правителя своего сместить с трона.

– А как же интеллигенция? Разве она не может объединить разрозненную оппозицию? Она же должна встать против, выступить, защищая интересы народа, донести чаяния людей до правительства! Ты был одним из тех, кто должен был рассказать о том, что народу нужно, чего у него не хва-

тает. В последнее время и твоя значимость уменьшилась, Ерасыл.

– Сама знаешь, Айгуль, интеллигенция и говорит, и выступает, и даже пишет о проблемах. Но никто к ним не прислушивается, никто не думает даже внимательно послушать, о чем они там говорят. Я писал о том, что «горькая правда важнее сладкой лжи», и о том, что «кроме человека, все у нас дорого».

– Да, это правда, – сказала Айгуль.

*Есть джигиты, равные пророку,
Но нет ослов, равных естеству,
Если ослы, чтоб предаться пороку,
Нету счета нашему скотству, –*

эти твои слова понравились не только мне, но и всему народу. А сейчас ты должен говорить еще острее!

– Если не будут приняты меры по поддержке слабых социальных слоев, я скажу свои правдивые слова. Если к моему горю после утраты сына, если к моему личному несчастью прибавится и всенародное горе, тогда я вынужден буду выступить.

*Ведь если я гореть не буду,
Ведь если ты гореть не будешь,
Ведь если мы гореть не будем,
То кто ж тогда рассеет тьму! –*

разве не так сказал Омар Хайям. Вот перед моими глазами стоит он, великий турецкий поэт.

«Мы и после смерти вернемся, став духами», – говорил Шандор Петефи. Венгерский великий поэт – это другая статья, а вот ты – совсем другой. Как бы не получилось, как в той басне, когда лев прыгнул до луны, не достал и покалечился. Будь осторожен, не схвати пламя голыми руками. И разве мой Ерасыл – единственный интеллигент среди казахов, чтобы единолично защищать интересы народа? Разве может быть работа важнее, чем писательский труд? Нет оружия убойнее, чем перо. То, что ты сидишь спокойно, пишешь свои книги, разве этого не недостаточно. Талант дается богом. Не к каждому человеку прилипает такой дар. Ведь это специальный подарок Аллаха создателя его греш-

ному человеку, данный в утешение его. И поэтому этот дар не следует разбрасывать, как попало, рассыпать, где придется. Если в литературе не будет таких редких талантов, как ты сам, кто ее сохранит, что от нее останется?»— сказала Айгуль.

— Чтобы литература росла, развивалась, достигла цивилизованного уровня, надо сохранить собственный народ, — сказал Ерасыл, нахмуривая брови. — Если не будет народа, кому нужен твой талант? Или ты думаешь, что твои сочинения будет читать та женщина, которая вынуждена на базаре таскать мешки с товаром или же мужчина, который катит тележку по рынку? Разве можно обвинять человека, у которого заработанного им за день едва хватает на пропитание в том, что он не читает книги? Молитву читает только сытый, оразу-пост держит тот, кому есть, что покушать...

Разговор Ерасыла и Айгуль прервал своим верещанием дверной звонок. Это пришли друзья Данияра Жанболат и Рустем, чтобы поприветствовать родителей, оставшихся одних. Оба этих друга познакомились благодаря Анжелике, и последние два года они были неразлучными друзьями Данияра.

— Это вам, — сказал Жанболат Айгуль, передавая ей увесистый пакет.

— Что это?

— Данияр говорил, что его мама любит индийский чай и бразильский кофе. Вот это чай и кофе.

— Спасибо!

— Мы зашли к вам, чтобы справиться, как ваше здоровье, не нужно ли чего, — сказал Рустем.

— Все хорошо! — сказал Ерасыл.

— Берегите ваше здоровье! — попытался вмешаться в разговор Жанболат.

— Какое может быть здоровье без Данияра, — сказала Айгуль, накрывая стол.

— Мы прочитали книгу про Данияра, — сказал Рустем.

— Читали, и даже немного поплакали, — добавил Жанболат.

Разговор за столом был весь посвящен Данияру.

– Расскажите о детских годах Данияра, – попросил Рустем.

– Когда Данияр был совсем маленьким, еще в школу не ходил, очень любил птиц, – начал свой рассказ Ерасыл. – Чтобы голуби, которые летали повсюду, не остались голодными, он приносил им корм и рассыпал его, тогда ему было всего четыре года. Доброту даже птицы понимают. Когда мы возвращались домой после летнего отдыха, дома не бывали по десять-пятнадцать дней, во дворе эти самые голуби, когда мы появлялись, окружали Данияра, летали вокруг него, радовались его приходу. Других они боялись, улетали от людей, близко к ним подошедших, а вот от него не убегали, не улетали, садились к нему на плечи, на вытянутые руки, вовсе его не остерегались. После окончания второго класса Данаш купил попугая. Дал ему имя – Кеша. Других Кеша не признавал, а при виде Данияра размахивал крыльями, произносил какие-то слова, непонятные нам. Данияр вытаскивал его из клетки и сажал на руку. Если Данияр предлагал ему взлететь, Кеша взлетал, но потом садился ему на плечо.

– Да что уж говорить, мой сынок понимал даже язык птиц, – сказала, вмешиваясь в разговор, Айгуль. – Однажды как-то Кеша заболел. Мы не поняли, что он болеет. А Данчик заметил. Мы вдвоем отнесли его в птичьему доктору, лечили его. Когда Кеша болел, сынок мой был не в настроении, и очень радовался, когда попугай выздоровел.

– Когда Кеша умер, Данчик очень сильно переживал, – вставил Ерасыл.

– В один из дней мы все отправились в кино, потом пошли в кафе и немного задержались, – продолжила разговор Айгуль. – Когда мы пришли домой, Кеша, оказывается, уже умер. Мы кое-как успокоили нашего сына, который безутешно плакал, обняв Кешу. На следующий день по просьбе Данияра поехали на Коктебе. Осмотрев все вокруг, Данияр выбрал местечко в стороне от дороги, и там, где не могли ходить люди, выкопал глубокую ямку, где и похоронил Кешу...

Жанболат и Рустем собирались уходить, но тут пришли Анжелика и Малика. Они тоже говорили только про Данияра.

– Он очень хорошо умел объединять людей. Он всегда приходил на помощь ко всем и всюду. Он сотни раз выручал лично меня. Приезжала ночью, утром, в любое время. Стоило только сказать: «Данчик, у меня проблема». Он ничего не спрашивал, не просил объяснений. Всегда задавал только один вопрос: «Ты где?», – сказала Малика.

– Жеребеночек мой, он и ночью не отключал свой сотовый телефон, – сказала Айгуль. – Я ему говорила, чтобы отключил, но он отвечал, что может позвонить кто-то из друзей, понадобится моя помощь. И ночью, и рано утром неожиданно мог выйти из дома. Я спрашивала: «Куда ты?» А он отвечал: «Мама, не переживай. Этот вопрос надо срочно решить. Я быстро вернусь». Я прочитала его дневник, по этим записям видно, что у него не было ни одной свободной минуты. В дневнике записаны все дни рождения друзей и родственников. Надо поздравить родственника, надо подарить ему хороший подарок, завтра футбол, в пятницу надо ехать на молитву, Жанболату надо машину отремонтировать, и всегда «надо!», надо!», надо!» Каждое воскресенье зимой катался на лыжах, летом играл в футбол, но и то, если не возникало срочной работы, если не надо было кому-то помочь. Свободного времени у не было совсем, у ненаглядного!

– После сорока дней Данчика из Семья и из Туркестана приехали два джигита, – стал рассказывать Ерасыл. – Это были друзья Данчика, которые учились с ним в колледже. Оба они поцеловали портрет Данчика, обняли друг друга, и давай плакать. «Данчик был нашим лучшим другом, был нашим предводителем, таких друзей у нас нее будет. Его место никто не восполнит», – сказали они.

– Данияр был очень милосердным. Всегда хотел помочь другим. Чужое горе он воспринимал, как свое, – сказал его друг, прибывший из Туркестана.

– Однажды я ехал из Бишкека, и, не доезжая до Каскелена, моя машина сломалась. Три часа ночи. Если бы я оставил машину и ушел, кто-нибудь ее мог бы угнать. Да к тому же идти – сил нет, очень устал. Позвонил примерно десяти знакомым, попросил у них помощи. Некоторые даже не подняли трубки телефона. Некоторые обиделись,

что разбудил их среди ночи. Оставалось только позвонить Данияру. Но и без меня у него хватает всяких, кому нужна его помощь. Мне его было жаль, я не стал звонить. Но никто не вызвался мне помочь, и я позвонил все же ему. Он примчался сразу, посредине ночи, – сказал юноша, приехавший из Семеня.

Они долго вспоминали про Данияра, так что наступил вечер.

– Это наши координаты. Какой бы сложной не оказалась задача, мы готовы помочь, – и Жанболат и Рустем оставили свои визитки. Вместе с ними ушли Анжелика и Малика.

После того, как они ушли, Айгуль пошла в свою спальню и прилегла прямо в одежде.

Ерасыл пошел в свой кабинет и начал писать письмо Данияру.

*Весь мир как будто смотрит на меня,
Когда ты был, я счастлив был безмерно!
Мгновенье те мелькнули, как три дня,
Отец несчастный, я один, как скверно.*

*Мой Данияр, душа моя, мой рай!
Ты был крылом, вознесим на вершины.
Когда ты был, плескалась жизнь за край,
Был моим счастьем ты, мечтой. Что ныне?..*

*Как вспомню о тебе, душа болит,
Вся жизнь твоя проходит пред глазами.
И жизнь твоя промчалась, как болид,
Как до тебя дойти, и как достать руками?*

*Я в этой жизни видел много бед,
Входил в огонь, и корчился под ложью...
Но большей тяжести не может быть, и нет,
Я без тебя, как дух живой, объятый дрожью...*

Такое он написал очередное письмо:

*Я эту жизнь уж не воспринимаю,
По тебе плачу, вспоминаю, поминаю.*

Чтоб так страдать, за что меня, Аллах,

За что наказываешь, я не понимаю.

– и этими словами Ерасыл завершил письмо, пошел в свою спальню и зажег свет. Айгуль, хотя и прошла значительная часть ночи, оказывается, не спала.

После того, как друзья Данияра ушли, настроение у Айгуль сильно ухудшилось, и она проплакала непрерывно несколько минут, не смогла себя сдержать.

– Вставай, разденься и снова ложись спать, – сказал ей Ерасыл.

– У меня в горле высохло. Пойду, чаю попью, – и Айгуль с трудом поднялась с места и направилась в кухню. Ерасыл поплелся за ней.

– Не плачь все время. Бог говорит, что испытывает своих грешников страданиями. И если они выдержат страдания, он вознаграждает их новым счастьем, а тех, кто не выдерживает испытания, тот пожалеет о том, что их не прошел. Прекрати плакать, подпадешь под гневную руку бога!

– Разве есть большее несчастье, чем это? Если мы это стерпим, какое счастье нам может подарить бог? Разве может быть счастье без Данияра? Ты раболепствуешь перед богом, а вот есть ли этот бог на самом деле?

– Есть. Если бы не было бога, кто породил бы эти 18 тысяч мудрецов, эту святую черную землю, священное синее небо?

– Бога нет, – сказала Айгуль.

– Бог есть, – сказал Ерасыл. – Аллах и сам есть, и слово его правда, – так ведь говорил гениальный Абай.

– Бога нет! А если есть, то он несправедлив!

– Почему ты так говоришь?

– Если бог есть, если он справедлив, то не позволил бы моего Данаша убить так рано, почему он делает нас такими несчастными? Мы же слабые люди, у нас много ошибок, даже, может быть, мы в чем-то и виноваты. Животные, которые насилуют четырех, пятилетних детей, звери, которые за деньги убивают своих матерей, ходят свободные, да еще и издеваются над нами. А мы, которые никогда никого не обидели, честные и добрые, почему мы так мучаемся по воле бога? Если мы в чем-то виноваты, пусть бы он нака-

зал именно нас! Почему он, Бог, забрал нашего Данияра, невинного, никогда никого не обижавшего, даже не дав ему порадоваться на собственной свадьбе? Разве это справедливость божья?

– Ты помнишь, что говорила наша покойная мать?

– Какие ее слова?

– За один год до кончины она сказала: «Эй, Ерасыл, ты улетел высоко в небо. Опустись на землю. То получаешь зарубежную премию, то орден берешь. Каждый год у тебя праздник. Друг твой – Алмас, жена твоя – Айгуль. Сын твой – Данияр. Каждый из них драгоценней другого! Все четыре необходимых твоих достоинства у тебя есть. Это даже не хорошо. Нам не подходят чужие зависть, язык и сглаз.

– Да, она так говорила.

– Как она сказала, так и получилось.

– Нас кто-то сглазил. Аллах Создатель посчитал, что мы слишком счастливы, и мы в один момент стали несчастными.

Дальше говорить у Айгуль не хватило сил, она выпила чашку чая, тем промочила горло и легла спать. Ерасыл, у которого окончательно пропал сон, вернулся в свой кабинет. Он решил написать новых несколько страниц романа про Данияра, но рука не смогла хоть что-то занести на бумагу.

«Великая тоска грызет душу моей Айгуль, – подумал Ерасыл. – Ей особенно тяжело, потому что не верит в бога. Разуверилась в божье Единственное, что ее спасает – работа. Пять дней в неделю с утра, с полудня читает лекции зарубежным студентам до шести часов вечера. Вечером сильно устает, и с этим приходит домой. А думает она, и говорит она только про Данияра. Разве может душа ее выдержать, если тоска по сыну будет мучить ее днем и ночью? Если моя Айгуль уйдет из жизни, то я, оставшись, долго один не смогу. Никуда не ходит, ничто ее не радует. Каким образом, как мне сохранить мою Айгуль? О, великий Создатель, Хозяин жизни, помоги нам. Сбереги мою Айгуль. Не увеличивай наши страдания, нас несчастных!..»!

С такими тяжелыми мыслями лег спать посередине ночи Ерасыл.

И как бы он поздно не лег, ресницы его не сомкнулись.

Ерасыл ясными глазами встретил новый рассвет, и прошедшая ночь нанесла ему еще одну тяжелую рану...

10

Макен и Какимбек полгода готовились к свадьбе своего младшего сына Аскара. Аскар однажды сказал: «Папа, мама, вот ваша будущая невестка», – и познакомил их с Зерен. Через некоторое время Какимбек и Макен поехали из Алматы в Талдыкорган, свататься к родителям Зерен, покушали как положено курдюк и печень, стали сватами, и в таком приподнятом настроении, возвращаясь, заехали к Ерасылу и Айгуль.

– Вы знаете моего младшего Аскара, он собирается жениться, – сказал Какимбек.

– Пусть будет благоденствие! – сказал Ерасыл.

– Пусть будет много радости! – сказала Айгуль.

– А когда свадьба? – спросил Ерасыл. На это Какимбек сказал, что они хотели бы провести свадьбу весной, во время праздника Науруза. Точную дату, Ереке, вы назовите сами.

– Почему именно я должен ее сказать.

– Дело вот в чем – вы наш родной старший брат. И будете главным гостем на этом празднике. Вы же часто бываете за границей. Поэтому назначьте такой день, чтобы он не совпадал с вашей очередной командировкой за границу.

– Если так, посмотри в календаре, во время науруза какой день попадает на субботу, а в какой день будет воскресенье?

– Двадцать четвертое марта, оказывается, воскресенье.

– Тогда двадцать третье марта – день свадьбы.

– Хорошо, в таком случае, мы остановимся на двадцать первом марта. Мы сообщим вам дополнительно. Спасибо, Ерага, спасибо.

Прошло еще дней десять, и Какимбек и Макен снова пришли в дом Ерасыла. Они принесли приглашительный билет.

– Здесь написано, что свадьба будет в ресторане «Эсперанса». Где находится этот ресторан.

– Внизу написано, что на перекрестке улиц Сейфуллина и Маметова, – сказала Айгуль.

– Не надо вам искать, где этот ресторан, Ерага, – сказал Какимбек, мы сами вас привезем и отвезем.

Свадебное торжество, назначенное на пять часов вечера, началось на один час позже. Ресторан, специально украшенный для свадебного торжества, весь блистал в огнях, белели стены, золотился начищенный паркет пола, сверкали хрустальные люстры, давая полное освещение. Ведущий свадьбы, тамада-асаба, в белых брюках, в белой рубашке, в голубоватом пиджаке, на шее у него был красный шарф, светлый лицом, кудрявый, примерно тридцати лет мужчина разделил гостей на две группы, поставил их по двум сторонам ресторана и все начали распевать «Жар-жар». Через некоторое время от входной двери до середины зала была постелена длинная белая дорожка. И тогда по этой дорожке пошли молодые, держась за руки, красивые и гордые. В этот торжественный момент у Ерасыла в сердце все перевернулось. «Мой Данаш не смог, как эти молодые, пройти по этой белой дорожке. Не доходя нескольких шагов до его счастья, судьба безжалостно подрезала его белые крылья. Почему в тот черный вечер не прервалась моя жалкая жизнь. Данияра я потерял – счастье свое потерянное я с чем могу сравнить?..» – такие горькие и тяжелые, как гроб, мысли посетили его, на глаза навернулись слезы, буквально, раздавили Ерасыла. Перед ним стояли несколько молодых людей, высокие ростом. Справа от него была Айгуль. Перед его глазами призрачно мелькнули идущие по белой дорожке Данияр и Анжелика, и Ерасыл не смог сдерживать слезы, и, молча, зарыдал про себя.

– Спрячь слезы. Если много будешь плакать, глаза станут красными. Неудобно будет перед хозяевами праздника, – прошептала ему Айгуль.

– Мне не до них, не до людей сейчас, – сказал Ерасыл.

– Смотри, никому не показывай, что ты плакал.

– Ты же тоже плачешь. Ты тоже не показывай своих слез.

Пока муж с женой успокаивали друг друга, раздался вальс Сыдыка Мухамеджанова «Родина счастья», а потом зазвучала мелодия «Тойбастара» («Начало праздника»). Словно белые лебеди поплыли по сверкающему паркету девушки в белых платьях, и начали свой танец. Первое слово, как это и положено, было предоставлено Ерасылу и Айгуль. Они произнесли слова поздравлений, которые вложил им в уста Аллах, пожелали молодым счастья, но за дастарханом не смогли долго усидеть. Ерасыл сказал хозяевам праздника, что у него поднялось давление, кое-как дождался следовавшей за ними пары поздравляющих, вытерпел, пока артисты спели еще одну песню, и они с Айгуль отправились домой раньше всех.

– Зря мы пошли на эту свадьбу, – сказал Ерасыл.

– А как не пойдешь, они же с давних времен наши друзья, хорошие люди, – сказала Айгуль.

– Когда я в трауре, весь в черной печали, какое мне дело до чьих-то свадеб?

– Да, хватит. Хватит. Сходили. Что сожалеть о том, что уже было.

– Нам с тобой нельзя ходить на торжества, особенно на свадьбы.

– Да, ладно уж. Выпей свое лекарство и отдыхай.

Айгуль сказала это, ушла в свою спальню и легла спать.

Ерасыл направился в кабинет и сел за письменный стол.

В очередном письме Данияру он написал:

– *Вот двое молодых идут счастливые,*

Я слушаю, что скажет тамада,

Дорожкой белою ступают милые,

Сын, вспомнив о тебе, я зарыдал тогда, –

такими словами он завершил его. Потом пошел к Айгуль, и упал рядом с ней, как тополь, у которого вывернулись корни...

11

«И у доброй вести есть свой час», – это вполне справедливые слова. Поскольку сюжетная линия пьесы «Круги ада» касалась декабрьских событий 1986 года, и эта пьеса вышла на сцену через несколько десятилетий после собы-

тий, да и то не в Казахстане, а за рубежом. Это произведение Ерасыла началось с драмы, а завершилось трагедией. Была она написана через несколько недель после декабрьских событий. «Мы – старшее поколение, мы не смогли возглавить молодежь и повести ее за собой. С криками молодежи, имеющая героизм, вышла на площадь, требуя свободы и равенства, а мы – старшее поколение, закабаленные колониальным прошлым, раздавленные им, не смогли преодолеть собственную трусость, рабскую психологию, не обрели свободы. А эта новая волна – они рождены иначе, у них особенные дар и таланты, они внутренне чище, они думают не о себе, а о народе – о своих несчастных казахах – это сильная волна. Во время декабрьских событий они проявили бесстрашный героизм, величайшую смелость, и как в поговорке «и среди лошадей имеется скакун, а среди скакунов – казанат – крылатый конь», – говорили в древнейшие времена степные мудрецы. Это вполне справедливо относится к новому поколению. «Не надо мешать молодому поколению и идти впереди него, достаточно плестись за ним», – писал в свое время Владимир Короленко. Мы не смогли возглавить молодежь, которая пожертвовала своими головами и жизнями ради свободы, а теперь хотя бы должны воспеть их подвиги в художественных произведениях». Руководствуясь такими мыслями, Ерасыл начинал писать пьесу «Круги ада».

«Саке, если ты после этого не напишешь больше ни строки, ты все равно останешься в истории, как автор этой пьесы», – сказал читавший эту пьесу в рукописи Алмас. И у любого произведения, как у человека, есть своя судьба. Судьба у пьесы «Круги ада» была тяжелая, путь ее к зрителю был тернистый. В Алматы ее взяли в свой репертуар два театра, и собирались поскорей поставить ее на сцене. Но внезапно оба театра прекратили репетиции, и пьеса на сцену не вышла. Причину этого автору никто не сообщил.

– И чего ты беспокоишься? – сказала Айгуль Ерасылу. – Ты сочинил такое произведение, которое, безусловно, рано или поздно все равно выйдет на сцену. Не для дешевой славы, а руководствуясь памятью перед жертвами декабрьских событий, чтобы выполнить свой гражданский и писатель-

ский долг ты написал эту пьесу. Твоя авторская позиция относительно взаимоотношений власти и народа понятна. Ты на стороне народа. Такая вещь может нравиться людям, но властям никогда не понравится.

– Это правда, – сказал Ерасыл. – В пьесе есть человек в маске, я в своем авторском комментарии режиссеру напишу: «Этому персонажу надо надеть маску. Одна сторона этой маски белая, другая – черная». Похоже, что некоторые «доброжелатели» думают, что прототип этого человека Президент, или же специально так растолковывают, чтобы навредить мне.

– Кто эти люди?

– Труссы и завистники.

После этого разговора прошло значительное время, и стало понятно, что предположения Ерасыла оправдались.

«Круги ада» были остановлены перед самой сценой этими трусливыми перестраховщиками, боящимися собственной тени, и лживыми завистниками. Но правда также и в том, что «У дырявой юрты есть свой бог-заступник, и если у собаки есть хозяин, то у волка тоже есть свой бог-Тенгри». Как сказала Айгуль, пришел день, когда пьеса «Круги ада» возникла на сцене. Министр культуры и информации Кыргызстана Рсаев был в своей стране известным драматургом и крупным знатоком театра. Кыргызская молодежь понимала цену свободе, и из уважения к стабильности и тишине взяла пьесу Ерасыла о декабрьских событиях на вооружение. Главный герой пьесы – Кайрат Рыскулбеков, и его образ должен был послужить современной молодежи, и эту цель творческая группа полностью выполнила. Два крупнейших культурных центра Кыргызстана объединились для этой цели, один из них театр драмы имени Молдабаева, и поставили на сцене «Круги ада», которую высоко оценили зрители Бишкека.

На премьеру пьесы «Круги ада» поехали около тридцати поэтов и писателей из Казахстана, группу эту возглавил поэт Жазылбек Куанышбаев. На границе двух стран их встретили с хлебом-солью и с многими букетами цветов представители интеллигенции Кыргызии. Перед возвращением домой Ерасыл и казахстанская делегация пошли к па-

мятнику Чингизу Айтматову в Бишкеке. Они возложили цветы к подножию памятника, на котором в высоченный рост был изображен выдающийся художник слова. На этом завершилась поездка в Бишкек.

«Дружба отдельных личностей способствует укреплению дружбы между народами», – подумал Ерасыл, когда они, минуя кыргызско-казахскую границу, направились в Алматы. Уходят из жизни великаны, которые когда-то объединяли своей дружбой два народа – кыргызов и казахов. Дружба, творческие связи не должны прерываться. Если в Бишкеке искусство объединяет не только кыргызов и казахов, но и вообще всех тюрков, и способствует и призывает к дружбе между тюркскими народами, разве это не прекрасно?!»

Два дня шла на сцене Бишкекского академического театра оперы и балета имени Малдыбаева пьеса «Кругим ада», и в зале иголке некуда было упасть, мест не было. Кыргызская интеллигенция во главе с известным писателем, Народным героем Кыргызстана Бекболатом Алматовым, студенческая и рабочая молодежь, представители различных общественных объединений заполнили зал.

Братья в белых калпаках, живущие по ту сторону Ала-тауских гор, после спектакля вывели автора пьесы Ерасыла Жаксыбекова на сцену, посадили на почетное место, и воздали ему почести, которые обычно принято воздавать в кыргызском и казахском народах. Второй человек в Кыргызстане, председатель Жогорку Кенеса Кыргызской республики Асилбек Жанибеков вручил Ерасылу приветственный адрес. Ерасыл на сцене театра в течении двух дней купался в лучах славы, в аплодисментах зрителей, в почете... Братский кыргызский народ воздал Ерасылу всяческий почет и уважение.

После того, как Данияр ушел из жизни, это была первая творческая радость Ерасыла...

Но и в этой радости Ерасыл не смог быть таким счастливым, каким бывал ранее. Более того, стоя на сцене, он подумал о том, что «такие радостные мгновения не смог увидеть Данияр», и еле сдержал в себе комок в горле, и с большим трудом смог спрятать слезы, душившие его...

12

Ерасыл сидел дома, писал роман про Данияра, когда позвонил Хамит.

– Коке, ты слышал новости по «Хабару»?

– Нет, не успел, не слышал.

– Хорошие новости передал «Хабар».

– Да, – восторженно воскликнул Ерасыл.

– Объединенная палата Парламента приняла закон на основании статьи Алмаса Айтуганова о Данияре, в которой была поднята проблема.

– Это об улучшении рынка лекарств, что ли?

– Да, вы попали в самую точку, сейчас слушайте на русском языке.

– Хорошо, послушаю.

То, что говорил Хамит, оказалось правдой. Парламент Казахстана издал долгожданный закон, толчком для этого послужила статья Алмаса Айтуганова, поднимающая злободневные проблемы. «Мой Данчик даже спящий вечным сном в могиле помогает своему народу», – подумала Айгуль и вытерла слезы, непроизвольно набежавшие на глаза.

Этот закон, нужный людям, как воздух, и приход его в жизнь напрямую связан с Данияром. В год смерти Данияра, в декабре 2013 года в газете «Казахстанская правда» была опубликована статья Алмаса Айтуганова «Вспоминая Данияра».

Эту статью перепечатала не одна, а несколько газет, она была переведена на казахский язык, и вышла под названием, которое можно перевести как «Данияра убил импортный ингалятор». Был даже звонок из Акорды – из столичной резиденции.

«Я помню Данияра мальчиком еще не пошедшим в школу, и гладил его по головке. Мы дружили семьями, и перед моими глазами прошло, как он вырос, стал славным юношей. Нам было очень приятно видеть, как смотрела на любимого сына Айгуль, как радовался Ерасыл успехам сына», – так начиналась статья Алмаса Айтуганова, и в ней поднимались острые, насущные проблемы.

Всемирно известный поэт, который побывал почти во всех странах мира, в своих воспоминаниях о Данияре пока-

зывал отрицательные стороны казахстанской медицины, и привлекал внимание государства и государственных органов к проблемам в области здравоохранения. Если проблема не будет решена сейчас же, то позднее не одна только жизнь Данияра, а многие жизни могут оказаться в опасности, предупреждал поэт.

С того дня понеслись бесчисленные звонки в Парламент, к Алмасу Айтуганову, Ерасылу. И эта статья, вызвавшая значительный резонанс в обществе, дошла и до Президента.

До этого многие газеты писали про Данияра, а после опубликования воспоминаний Алмаса Айтуганова, количество таких статей значительно увеличилось. В одной такой статье поэт Жумагали Жунусов писал следующее: «Возможно, когда Данияр родился, в него были вложены сердце и душа ангела. Этому свидетельствами является то, что до последней минуты жизни он был добр и чист, как ангел, и все его жизнь прошла без единой крупинцы грязи. И поэтому его бог забрал к себе, перед самой свадьбой, чтобы он не загрязнился людскими страстями и грехами, чистый-чистый, чтобы поручить ему функции новой нарождающейся на небе звезды. Не дав провести свадебный той, когда до него оставалось несколько минут, Аллах распорядился так, и в этом и есть секрет неожиданного ухода Данияра из жизни», – так и написал поэт.

Во второй статье известный журналист Айжан Аканова написала так: «В двадцать один год, пролетел внезапно, как метеор, Данияр, и теперь ничто не может утешить Ерасыла Жаксыбекова, пролившего целое море слез, и который сделал своим обыкновением писать письма незабвенному сыну, горечь и печаль этих писем ничто не может смягчить. Плача он отметил семь дней своему сыну, с болью в сердце, прогибающей ребра, провел сорок дней, землю покрыл белый снег, проснулась весна, он поверил, что жизнь продолжается, но со дня кончины любимого сына прошло восемь месяцев, но и он, и его жена не хотят признавать подлую смерть, вырвавшую из их рук величайшую ценность. Любая смерть сильно огорчает людей, но самая тяжелая форма – когда смерть не щадит совсем молодого человека. Да к тому же, какого Человека! У Данияра, который только что

переходил из юношеского периода в молодежный, и готов был стать полноценным гражданином, были все шансы стать известным казахским деятелем. Отец его Ерасыл Жаксыбеков вполне успел вкушать счастья стать казахским писателем, мать Айгуль Акылжанова – профессор, заведующая кафедрой Казахского национального университета им. Аль-Фараби, бабушка по матери Акылжан Ахметов окончил Высшую дипломатическую школу при Министерстве иностранных дел СССР, работал на разных высоких постах в государственных учреждениях республики, а бабушка Ханшайым Толыбаева среди женщин Востока первый доктор геолога – минералогических наук, член-корреспондент Академии Наук. Мальчик воспитывался в отличной семье, получил высшее юридическое образование, мог бы, несмотря на некоторые трудности, прожить прекрасную жизнь! И он не зря выбрал юридический факультет. Данияр выбрал эту специальность, чтобы бороться с проявлениями беззакония, противостоять различным видам воровства, коррупции, взяточничества. Дело в том, что он сам был правдолюбом, ненавидел вранье, стремился сделать доброе людям, всегда был готов к этому, был воспитан, как настоящий гражданин», – так было написано в той статье.

Телевизионные каналы проявили великодушие, и передали о Данияре несколько передач. С голубого экрана миллионы телезрителей увидели комнату Данияра, прибранную так, как было при его жизни. В это же время вышла книга воспоминаний о Данияре, составленная Айгуль и Ерасылом. «Я читал эту книгу со слезами на глазах, с особенным волнением», – сказал известный академик.

«Вы – Ерасыл ага в глубокой скорби по Данияру, говорите ему: «Данияр, ты не один, у тебя есть друзья, которых я видел, знаю их, и каждый из твоих друзей особенная личность, вы – поколение иначе сотворенных молодых личностей. У вашего поколения нет такого, как у нас – старших, перенесших колониальное господство, трусости, рабского поклонения, вы свободны, вы совсем другие. Я думаю, если Казахстан не проглотит такой огромный дракон, как Китай, или же не произойдет конца света, то вторая поло-

вина двадцать первого века станет для нас, для казахского народа столетием бурного процветания – начнется самое счастливое время. А все дело в том, что грядет, уже пришло в жизнь поколение, относящееся к власти совсем по другому, замечательные таланты, абсолютно нравственно чистые, думающие не о себе, а о народе и стране, новая сильная волна – ровесники независимости. Они являются прямой иллюстрацией слов наших древних мудрецов – «и среди лошадей имеется скакун, а среди скакунов – чистокровный казанат – крылатый конь», – говорили в древнейшие времена степные мудрецы.

Ерасыл ага, эти ваши слова, высказанные в минуты великой скорби, говорят о том, что вы любите не только Вашего сына, но горячо любите свой народ, и сами являетесь высочайшей горной вершиной», – так написал один из областных руководителей-акимов.

На трех языках – на казахском, русском и английском вышла книга о Данияре, и взволновала многих зарубежных интеллигентов. Известный современный французский критик, который сейчас у многих на устах, Альберт Фишер, известный писатель Жак Иммер направили свои письма к Ерасылу, о чем ему сказала дочь Суйинишбике, показывая ему казахский вариант перевода этих писем. «Вашего сына Данияра, господин Ерасыл, мы впервые увидели на вашем творческом вечере в Париже, потом встречались с ним на вашем семидесятилетнем юбилее, где познакомились поближе, и мы заметили ясный, как огонь, и пытливый ум его, оригинальные мысли, высказанные им, свидетельствовали о самобытном мышлении. Когда такой звездный ребенок ушел с поверхности земли, на земле стало одной каплей света меньше. Вы создали Данияру неувыдаемый, вечный памятник в виде книги о нем.

Из Ташкента пришел факс:

«Дорогие Ерасыл Жаксыбекович, Айгуль Акылжановна!

Получив книгу воспоминаний о Данияре, прочли эту великую скорбную песнь, эту пронизывающую душу боль двух великих сердец, и вновь скорбели вместе с вами... Прочтя книгу, еще раз убедились в том, что без Данияра мир обеднел еще на одну светлую личность!.. Когда ухо-

дят сыновья, рушатся опоры надежды и мир становится хрупким, ненадежным, как будто проваливается земля под ногами. Создав такую книгу-воспоминаний, которая потребовала от Вас невероятных душевных сил и мужества, продлила вторую жизнь Данияра, ибо теперь он принадлежит истории: с обложки смотрит на нас красивый юноша с задумчиво-умными глазами, напоминая о суетности жизни, что только доброта и добрые поступки остаются в памяти людей.

Дорогой Ереке, дорогая Айгуль Акылжановна! Вы воистину мужественны и талантливы. «Исповедь матери» написана скорбной и талантливой матерью! Литературный критик Жунусов прав, действительно, Айгуль Акылжановна, быть может, напишет свою книгу о Данияре, о его детстве, ибо такая правдивая книга мудрой матери сегодня нужна, как никогда, когда жизнь становится суррогатной, как много лжи и черствости вокруг нас! И пожалуйста, берегите себя, ибо Вы нужны Нам, вы нужны Данияру, его светлой памяти!

Любящие вас Мубарак, Дильфуза, Насыр Фазылов, Мехманкул Исламкулов».

Письма, статьи, воспоминания о Данияре продолжали поступать. Было много писем, написанных в стихах. Во всех них были сказаны слова сочувствия и соболезнований. Но в израненных сердцах никак не затягивались печальные и трагические шрамы...

Главный театр Бишкека поставил на своей сцене пьесу Ерасыла, англичане уже перевели книгу на свой язык и теперь приглашали Ерасыла на презентацию. Было много внимания и теплоты уделено и Айгуль. Но все это, никакая новая радость проходящей жизни не могли излечить несчастные сердца отца и матери, потерявших любимого и ненаглядного сына, не могло иссушить их неутешные слезы.

13

Президент принял Ерасыла в заранее назначенное время в Алматинской резиденции.

– Нурсултан Абишевич, у Вас всегда мало времени, и всегда много работы, мы все об этом знаем. Несмотря на это, вы нашли время, чтобы принять меня, за что вам мои благодарности, – сказал Ерасыл, садясь в большое, отделанное красно-коричневой кожей кресло.

– Времени у меня, в самом деле, маловато, – сказал Президент Ерасылу, тепло на него глядя. – Однако, с кем мне говорить, как не с народом, тем более, с писателем. Говорите свободно обо всем, не стесняйтесь.

– Я восхищаюсь тем, как вы на равных разговариваете с главами крупнейших государств и даже ведете их за собой трудными путями истории. И в такие звездные моменты мне на память приходят слова Андрея Белого: «Умные люди бывают влиятельными». Я вам очень признателен за то, что вы разговариваете на равных с президентом США Бараком Обамой.

– Все ради нашей страны и народа.

– Благодаря неустанному труду нашего народа и под Вашим мудрым руководством наша страна достигла замечательных успехов, – продолжил свои слова Ерасыл. – Перед нами всеми сейчас стоит задача, обозначенная Вами, о вхождении нашей страны в число тридцати самых развитых стран мира. В этом плане перед интеллигенцией страны, возглавляемыми писателями, стоит большая задача, возложенная Вами. И здесь мне хотелось бы изложить вам мысли, которые давно уже не дают мне покоя, вы разрешите?

– Конечно, разрешу! Изложите не спеша, все по порядку, как положено, – пришел ему на выручку Президент.

– Первое, я хотел бы получить ответ на один очень важный вопрос.

– Да, – встрепенулся Президент.

– На западе находится многочисленный, огромный, как медведь, русский народ, а на востоке еще более многочисленный китайский народ. И вы ведете нашу страну мудро, как хан Абылай, не давая нам удариться ни о стену русского леса, и тем более, не позволяя разбиться о каменные стены гор. Меня очень сильно беспокоит проблема пограничных рек. Как говорил Наполеон: «Китай – это спящий див, опаснейший джин. Если он проснется, мир

окажется в опасности. Великий Китай, проснувшийся от сна, в один из неожиданных дней может остановить пограничные реки, берущие начало на его земле, или повернуть их в другую сторону. И тогда не одна, а несколько наших областей останутся без воды, и разве тогда наши дни не погрузятся во тьму?

– Опасения твои к месту, Ерасыл. И все же, не думай только о плохом. Наши степные мудрецы когда-то говорили: «Если перед умным поставить задачу, он найдет, как ее решить, если перед глупым поставить ту же задачу, он сломает себе голову». А мы с вами должны не только думать, но и решать эти задачи. Мы не можем на равных бороться с такими огромными государствами, как США, Россия, Китай, это понятно, как ясный день. Такому маленькому народу, как казахи, нужен большой ум. Мы должны опираться не на силу оружия, а на силу ума и знаний, на силу слова. Руководители больших стран могут вести хитрую лисью политику, мы же должны противопоставить им умение гончего пса-тазы. Я из чистых дружеских отношений притягиваю их к себе, но никогда не лебезил перед ними, и, тем более, не унижался. И у великанов бывают слабые места.

Китай не лишен своих недостатков. Как ты говоришь, если Китай в один из дней нарушит договоренности по пограничным рекам, у нас есть возможности, мы знаем, чем ему ответить...

– Прошу прощения, у меня есть еще один вопрос.

– Говори.

– Россия, руководствуясь разными причинами, провела референдум. Отобрала у Украины Крым и Севастополь. Если мы обопремся на историю, это земля крымских татар. Инициативы России по отношению к Украине весьма показательны. Если вдруг в Северных областях русские братья заявят о том, что хотят провести референдум, хотят присоединиться к России, что мы можем сделать? Похоже, что наше государство слишком поздно приняло решение о переселении в эти области наших соотечественников, возвращающихся из-за границы.

– Не поздно. Я обратил внимание на эту весьма деликатную проблему гораздо ранее, еще до принятия решения правительства. Если ты помнишь, несколько лет тому назад мы специальным указом присоединили Семипалатинскую область к Восточно-Казахстанской области. Это решение предупредило рождение проблемы, которая могла внезапно возникнуть. Был поставлен барьер перед досужими разговорами таких болтливых деятелей, как Солженицын, Горбачев, Пугачев. Сегодняшнее решение нашего правительства, это закономерное продолжение нашей тогдашней политики. Ассамблея народа Казахстана продолжает работу по международному согласию и пониманию. В этом плане и сообщество писателей должно стремиться к тому, чтобы не возникало межэтнических конфликтов. Сильнее писательского пера оружия не существует. И это оружие должно служить во благо дружбы наших народов, ради сохранения наших территорий. Есть ли такая крепость, которую не может взять народ? Корень единства – жизнь. Власть начнет, народ поддержит, и если мы будем вместе, как пальцы в кулаке, не будет проблем, которые мы не сможем решить, нет такого перевала, который мы не сможем преодолеть.

– Вы рассеяли сомнения, которые, как тучи, клубились у меня на сердце. Спасибо Вам, Нуреке! А теперь разрешите перейти к делам, решение которых может принести обоюдную пользу, можно о них сообщить?

– Конечно, можно!

– При Президенте создана Национальная комиссия по культуре. Вы сами знаете, культура – это одно из великих слов, весьма широкое понятие. Это образование, наука, искусство, литература, о которых Вы сами постоянно говорите – и именно они сохраняют межнациональное согласие, дружбу и единство. Там, где главенствует культура, есть единство, а где есть единство – есть и жизнь. «Национальная комиссия по культуре при Президенте» – это совещательный орган, подобное имеется и в России, и во многих странах Европы. Поскольку эта комиссия работает как общественное объединение, то государство не тратит на него ни копейки. Комиссия состоит из членов, каждый из

которых является крупным специалистом в своей области, и правильно, что председателем этой комиссии являетесь Вы сами. Назначенный Вами первый заместитель Председателя комиссии обязан значительно облегчить Вашу работу. Это – одно. Второе – самая большая проблема – область медицины. Государство выделяет на сохранение здоровья людей огромные средства. Однако, результат небольшой. Если включить телевизор, или же взять газету, то и слышишь, и читаешь о том, как простые люди врачей то и дело отдают под суд... Почему?

– Да, почему? Сначала скажи мне об этом, – сказал Президент.

– Скажу, – пояснил Ерасыл, – Широкую возможность смерти людей в Казахстане дают два обстоятельства. Первое из них – покупающиеся за счет тендеров некачественные лекарства из-за рубежа. Общий объем таких лекарств в Казахстане составляет восемьдесят семь процентов. Лекарства, которые мы сами производим, всего тринадцать процентов. И то большинство этих лекарств поступает в виде сырья из Индии, которые мы здесь превращаем в таблетки. Второе обстоятельство – в последние годы выпускники наших медицинских институтов, вместо того, чтобы бороться со смертью, сами своими руками убивают здоровых пациентов.

– Как это?

– Причина в том, что в медицинских институтах обучающиеся студенты не посещают занятий, и не участвуют в специальных практических занятиях, не имеют никакого практического опыта. И поэтому до них не доходит даже запах медицины.

– В таком случае, как они получают дипломы?

– Они дают преподавателям взятки. Они не посещают занятия потому, что обучение платное. Чтобы найти деньги на обучение, они работают.

– А тебе кто об этом рассказал? – спросил Президент и посмотрел на него пристально.

– Буквально за месяц до этого по телевизору видел выступление одного профессора из медицинского института. И этот профессор говорит, что, не выдержав такого беспо-

рядка и невежества, уволился с работы. Мой двадцатигод-
нолетний сын Данияр погиб от руки такой невежественной
врачихи, от ее рук.

– Это как?

– Мой Данияр не курил, водки не пил, занимался спор-
том, был юношей, который вел здоровый образ жизни. Крепкий молодой парень, от одного удара которого железо
могло сломаться. Правда, болел он астмой. Но в послед-
ние годы и от этой болезни он, вроде бы, избавился. В день
свадьбы сын забыл ингалятор дома. По дороге в ресторан,
где должно было быть свадебное торжество, он купил в ап-
теке ингалятор. И перед самой свадьбой, похоже, дыхание
его затруднилось, он сунул ингалятор в рот и нажал кноп-
ку. Оказалось, что этот ингалятор с просроченным сроком.
Тут ему нечем стало дышать, самочувствие ухудшилось, и
товарищи отвезли сына в ближайшую по дороге частную
больницу. А дежурный врач в этой больнице вместо эуфи-
лина поставил ему укол адреналина, и, тем самым, вообще
перекрыл все дыхательные пути. И от этого мой сын там
и умер.

– Это ужасно, – сказал Президент, нахмутив брови. Вы
отдали под суд того доктора?

– Не смогли отдать.

– Почему?

– Первые два месяца у нас не было сил, что-либо пред-
принять. Через два месяца невестка предприняла кое-что,
но из этого ничего не вышло. Дело в том, что руководство
клиники и работники медэкспертизы успели сговориться,
и изменили причины смерти моего сына.

Ерасыл, сообщая эти сведения, очень часто посматривал
на свои ручные часы. Президент заметил это и спросил:

– Ты почему все время смотришь на часы, торопишься
куда?

– Я и в самом деле спешу, – сказал Ерасыл.

– Куда торопишься?

– Никуда не... Я, кажется, злоупотребил вашим време-
нем...

– Мы же не каждый день встречаемся. Не беспокойся, и
говори свободно, – сказал Президент.

– Еще один важный момент, касающийся общественных объединений, – продолжил разговор Ерасыл. – У нас очень много различных общественных фондов. И сейчас их более двадцати трех тысяч! От многих этих общественных организаций обществу нет никакой пользы. Они же участвуют в тендерах и получают от государства большие деньги. Потом эти деньги они расходуют, как попало, большинство присваивают себе. От этих негосударственных организаций вреда больше, чем пользы.

– Тут есть над чем подумать, – сказал Президент.

– Еще одна острая проблема, – сказал Ерасыл, – у нас очень много телевизионных каналов, особенно много различных газет. Очень много. В одном только Шымкенте выходит в свет более трехсот газет. Большинство этих изданий – так называемые «желтые газеты», никому не нужные частные газеты. Страницы этих всевозможных газет переполнены сплетнями и слухами, рекламами, порнографией, сексуального характера рассказы, фотографии обнаженных женщин. Владельцы этих изданий преследуют одну цель – дешевыми словами отвлечь внимание, и взять у недалеких казахов их деньги, незаметно опустошить их карманы. В нашей стране так много телеканалов, а качество их передач не выдерживает критики. Начиная с «Хабара» и до «Астаны» каждый повторяет другого. Иногда пройдешься по всем каналам и ничего не найдешь. Какого канала не коснешься, увидишь все те же старые, записанные давно концерты. Сделанные поспешными руками «молодые звезды». У многих из них нет приличных голосов. Бездуховные, небрежно сделанные песни, выигрывающие за счет громкой, оглушающей музыки, певцы и певицы, не сходят с экранов. Большинство передач программы, скопированные из Российских телеканалов типа «Давай поженимся». Одна из самых устойчивых и верных программ – беседы или интервью какого-нибудь неизвестного журналиста с крупной известной личностью. Правда, на телеканале «Казахстан» есть несколько интересных и нужных программ. Если бы этот телеканал сократил количество предложенных телесериалов, и увеличил количество полезных передач, объединив «Мадениет» и «Билим», то и зрителям была

бы польза, да и государственные средства пошли бы в верном направлении.

– В ваших словах есть глубокий смысл. Мы изучим ваши предложения и используем в наших мероприятиях, – подвел итоги беседы Президент.

Их встреча длилась один час и десять минут, и Ерасыл был благодарен Президенту за то, что тот внимательно выслушал его, и вышел после этого приема буквально окрыленный.

14

В тот же вечер в Алматы в известном центре культуры и искусств состоялся вечер памяти Данияра, и народу на нем был полный зал.

– Уважаемые собравшиеся, мы рады вам, пришедшим на вечер памяти Данияра, – сказал в своем вступительном слове Жазылбек. – Великий мудрец Абай говорил: «Человек не умирает в день смерти, а умирает в тот день, когда его забудут». Данияр дорог нам всем, и поэтому он не забыт. Хотя он прожил немного лет, он был известен многим данными ему природой талантами, и добротой и милосердием своим оставил значительный след в нашей памяти. Я хочу дать слово человеку, который специально пришел на вечер памяти Данияра, известному государственному и общественному деятелю, ветерану войны и труда Сункару Салимовичу Жандосову, если вы не против, конечно.

– Мы не против.

– Правильно, – сказали белоголовые старейшины, сидящие в первом ряду.

– Бабушка Данияра Ханшайым Толыбаева была известна всему просвещенному миру, и мы моей супругой Нарынкул вдвоем дружили с ней много лет, общались. Дочь Ханшайым Айгуль и ее сын Данияр родились, появились на свет у нас на глазах. Мы очень хорошо знаем жизнь Айгуль, и знакомы и с жизнью самого Данияра. И поскольку это так, многие годы Айгуль и Данияр были перед нашими глазами, то и рождение такого талантливого сына, как Данияр от такой женщины как Айгуль – явление закономерное. К тому же надо добавить, что отец Данияра Ерасыл

человек не простой, хорошего происхождения мужчина. И поскольку Данияр родился от высокородных людей, и Данияр вырос в семье высоких интеллигентов, и от родителей многое усвоил, то и сам Данияр был цельным куском золота, золотым самородком.

После того, как Сункар Салимович завершил свою речь, смуглый старик среднего роста, опирающийся на красивую, золотом отделанную трость, и при этом нахмурил брови:

– Сколько лет нашему Жандосову?

– В этом году исполнилось девяносто пять, – на вопрос ответил сидящий рядом с ним светлый лицом, аккуратный старичок, поглаживая мягкими пальцами свою светленькую бородку. – Старше меня на десять лет этот соколик.

– А кажется, что не старше тебя, а, наоборот, на десять лет моложе, чем ты, – сказал ему сосед. – Посмотри, какой он стройный, подтянутый, высокий, стоит ровно. Широкая грудь. Если не сказать, что волосы поредели, они у него не такие седые, как у нас с тобой, а даже черные с проседью.

– Э, он, как мы с тобой, не ходит вниз. Он всегда был над нашими головами, страной управлял. Был правой рукой Кунаева, его верными глазами. Поднялся до членов бюро Центрального Комитета. Если прожить хорошую жизнь, то и сто лет это немного.

Этот их разговор был прерван следующей репликой Жазылбека:

– Передаем микрофон Алмасу Айтуганову, специально приехавшему на вечер памяти Данияра из самого далекого Парижа.

– В Париже есть «Клуб интеллигентов», в котором собираются известные ученые, деятели литературы и искусства, – начал свое выступление Алмас. Наш коллега и друг Альберт Фишлер однажды пришел в клуб и сообщил черную вест о том, что Данияр умер, и тогда переводчик Эльза Кристина, которая перевела повесть Ерасыла «Стрекоженный тулпар», воскликнула: «Я знаю Данияра, такой оригинальный юноша не может умереть! Если он умер, то, значит, погас еще один яркий огонек, освещавший этот темный мир», и заплакала. Другие французские деятели,

реагируя на эту черную весть, очень сильно скорбели. И на это была причина. Данияр был особенным, отличающимся от всех детей.

– Мой друг Ерасыл написал на памятном камне, над могилой спящего вечным сном Данияра, оставившего неизгладимый след в наших сердцах: «Ты заступался за слабых, думал о своем народе, всего лишь в двадцать один год был значительной личностью». Эти четыре строки полностью раскрывают образ Данияра, хотя и ушел от нас молодым, но был весьма мудрым юношей. Но нет ничего вечного. Когда в нас иссякнут жизненные соки, мы все отправимся в мир иной. Нет такого железа, которое не ржавеет, нет такой жизни, которая не завершается. И все же, как говорил Сенека: «Жизнь похожа на известную басню, не измеряется длиной, а измеряется содержанием». Хоть и коротка была, да горяча, содержательная жизнь Данияра – длинная жизнь. «После смерти мы возвратимся, став духами», – писал Шандор Петефи, и Данияр возвращается к нам, став духом.

На сцену вышел, осторожно ступая, оглядываясь по сторонам, среднего роста, с длинными распущенными волосами, густобровый, светлоликий юноша. Он сказал: «Это отрывок из поэмы, посвященной Данияру» и начал читать:

*Где ненаписанные стихи,
Где мелодия?
Мы должны петь об этом во все края,
В эту жизнь
Пришедшие гениями,
Не помещаются в детских головах,
В детских лбах.*

*Он любил свою Родину –
Великую страну.
Он дарил
Своей судьбе предложения.
И эти великие знания и таланты
Не смогло перенести его сердце.*

*Каждый шаг его был удивительным,
Отца и матери
Белый ангел
Честный.
И не сегодня,
И не завтра,
Ради народа
Этот Данияр –
Вечный Человек.*

Когда этот эмоциональный, белолицый джигит, дочитал свои стихи и отправился на свое место, полный театр людей зааплодировал ему, как один, беспощадно бия в ладоши. Оглушенный аплодисментами множества людей это был поэт Серали, специально приглашенный на этот вечер из Астаны.

После того, как были прочитаны все стихи, ведущий Жазылбек сказал:

– Вы видите, как со сцены смотрит на вас с большой фотографии внимательным, добрым взглядом юный Данияр. Этот неповторимый прекрасный образ создан великолепным мастерством своим именитый художник, лауреат Государственной премии Асылбек Жаканаев. Приглашаем вас, Асеке, поднимитесь с места, покажитесь людям.

Асылбек, сидевший в первом ряду, поднялся с места, посмотрел на людей и, приложив обе руки к сердцу, поклонился залу.

– О Данияре сочинена не одна, а композиторами написано несколько песен, – продолжил Жазылбек. – Одной из них слова написал Алтай Алимжанов, а музыку Кемел Сайсекеев, называется она «Ты думал только о народе». Ее исполняет Народная артистка Казахстана, лауреат Государственной премии Нурсауле Аскарова. За роялем заслуженная артистка Казахстана Наталия Орлова.

На сцену вышла вся в белом платье, высокая, с тонкой талией, волоокая, с белой лебединой шеей, пышногрудая девушка.

*Независимости ровесник,
Столетия главный советник,*

*Данияра гениального парня
Воспой сердце поэта.*

*Он родился крылатым тулпаром,
Показал свою славную кровь.
Стал личностью в двадцать лет,
Думал только о народе. —*

Два первых куплета песни были исполнены ею хорошо, на глаза ее навернулись слезы, она сделала паузу, потом, следуя мелодии рояля, продолжила:

*Перед самым началом свадьбы
Сердце его остановила беда,
Очень он был юным,
Мать и отец оплакали.*

*Ты был надеждой народа,
Был ты для страны ясным днем,
Если бы ты прожил еще двадцать,
Стал бы ты великаном.*

*Я соскучилась по тебе,
Когда ты ушел из жизни,
Помрачнела Мать-Земля,
Заволокло темным ясное солнце —*
спела певица, и стала петь припев, но каким-то другим, с еще более печальной тональностью, чем до этого.

*Ты был джигитом плечистым, сильным,
С юных лет любимым народом,
Подкосила неожиданно смерть,
Как же нам погасить нашу печаль.*

*С этой жизнью попрощался,
Когда тебе лишь минуло двадцать.
Дух твой, имя твое вознеслись,
Сияют на небе.*

И эти последние слова были пропеты с особенной силой, с особенной красотой и мощью.

Люди захлопали во все ладони, и певица, расцветшая, как совиное перо, поплыла по сцене на глазах у всех. Движения ее были такие ладные, такие красивые! Казалось, что она не идет, а плывет между небом и землей, парит в воздухе.

– А сейчас вы услышите кюй – мелодию, – сообщил Жазылбек. – Этот кюй тоже про Данияра, и его название «Пролетевший метеор». Автор его известный композитор, заслуженный деятель Казахстана Калихан Байбаков.

Мелодия кюя была похожа на песнь одинокой звезды в небе, потом в нем появились печальные мелодии, и последние ноты были словно отражения бури, разыгравшейся на море, и завершилось вновь мелодией печали и тоски.

– Этот кюй похож на слова Абая «Словно хвостатая звезда, пролетающая над землей, родилась в небе, но долго не простояла, кто видел и знал, тот сожалеет о ней, даже понять не сумели», и с этими словами мелодия вполне сочетается, – сказал Куттыбек.

Когда началось исполнение реквиема Моцарта, прибывший из Бишкека поэт-шайыр Нуржан Калауов стал читать стихи, которые назывались «Светлому образу Данияра».

*В его воле – когда прийти, когда уйти из жизни,
Он сам знает, в каком мире ему жить,
И с кем, с какими душами быть, дружить.*

*Если он пожелает, будет рядом с Создателем,
Или же будет сверкать в своей группе,
В раю он пребывает вечно.*

*Уа, для него равны этот мир, и другой мир,
И для нет ничего ценного, значащего,
Когда ему захочется, он вернется на землю.*

*Он в своем роду, в своем народе,
Выберет себе отца и мать, родную землю,
Жизнь для него лишь одно путешествие.*

Сколько бы он ни был, он капля от солнечного луча,

*Сколько бы он ни был, он – это мигающие звезды,
Сколько бы ни было на Земле людей.*

*Его еще одна такая жизнь,
Возможно, будет очень даже длинной...
Земля его – обширная и без границ,
Нет определенной для него земли.*

Так начинаются эти стихи, и народ слушал поэта, затаив дыхание. Звездные стихи:

*Он – это неуловимое время,
Он – любовь неизъяснимая,
Он – недостижимый мираж.*

*Те, кто был с ним в одной жизни,
Должны подчиниться этой судьбе.
Он доволен, подобен Богу, а вот вы?..*

И этими словами завершается это стихотворение, от которых люди долго не могли прийти в себя, до такой степени они были пронзительными, захватили сердца.

– А теперь мы даем слово выдающемуся поэту Нартаю Мухитову, прибывшему с родной земли Ерасыла, – сказал Жазылбек.

– Поэту легче сказать стихами, чем просто говорить, – начал свое выступление Нартай. – Прозой говорить можно бесконечно. Как говорил Абай: «Стихи – цари среди слов – слов истина», – и девяносто ртов, наполненных словами, свел в одно маленькое, как баранья косточка-тобык, слово, словно камча, состоящая из шестнадцати кожаных шнурков, свилась в одну плеть, как шелк, сплелась. Здесь про Данияра было прочитано много стихов. В небе не бывает слишком много птиц, так и в жизни не бывает много стихов. Даже если все казахи будут воспевать такого гения, как Данияр, много не будет. Если мы завершим вечер памяти стихами, разве это будет плохо?».

– Нет, плохо не будет, – сказал сидящий в первом ряду белоголовый академик Сергазы Кылыбашев.

– Читайте, дорогой, читайте, – сказал из средних рядов писатель Сансынбай Актанов.

– Нам слов не дали, читай от нашего имени, Нарага, – сказал сидящий в самом последнем ряду молодой джигит – юный поэт Жаксылык Жунусов.

Получив одобрение большинства, воодушевленный Нартай бросил взгляд в зал, полный людей, и начал читать стихотворение, которое называлось «Дай место серебряному солнцу»:

*Я вижу солнца блики на лице твоём,
В день завтрашний гляжу, он не простой,
Всем сердцем сын любил, всех и во всем,
Боялся, сердце выдержит ли твоё?*

*Энергией лишь можно победить печаль,
Мы больше не должны терять сынов.
Пусть тучи рассеются над Жаксыбековым и его семьей,
Прочь, прочь уйди, дай место серебряному солнцу.*

Вечер, посвященный памяти Данияра, Ерасыл завершил словами благодарностей в адрес организаторов, общественных организаций и друзей сына.

– Кто-нибудь снял этот вечер на видео? – спросил Сунгат Салимович у Алмаса.

– Телеканал «Казахстан» снял. Я дал им интервью, об этом вечере.

– Очень хорошо, – сказал Сунгат Салимович. – Спасибо подумавшим об этом руководителям телеканала и журналистам. Люди, которые увидят этот вечер с телеэкранов, обо многом будут думать, это понятно.

– Это прекрасный вечер, который оживит дух Данияра, – сказал Сансызбай Актаев.

– И не только это, – добавил Сергазы Кылышбаев.

– Что еще?

– Это вечер, который погрузит стариков в глубокие философские размышления, а молодых призовет к ответственности, к высокой культуре.

Это были мысли не одного академика, а всех людей, участвовавших в этом вечере.

15

В то утро почему-то потемнело, и стало мрачно, словно ночью. На белые вершины Алатау надвинулась черная, как воронье крыло, туча, и так там и стояла. В ту ночь он спал или не спал, всего час, как сомкнул глаза, так тут же проснулся и больше заснуть не смог. Потом полежал на постели, переваливаясь с боку на бок, и поскольку сон не шел, встал намного раньше, чем обычно поднимался. Походил из одной комнаты в другую, туда и обратно, словно рыба, которую ударила льдина, длительное время он находился между сном и утренней явью, между реальностью и небытием. В общем, плохо ему было. Потом начал говорить с портретом сына, висящим на стене.

«Дороже жизни ты мне был, мой Данияр, Данаш мой, и после того, как ты ушел из жизни, стремительно пролетел целый год. А мы ходим в трауре, кровью исходим: твоя бедная мать и я, твой несчастный отец, и дни наши проходят в горьком плаче и тоске. Иголкой вонзается в сердце боль по тебе, и печаль наша тяжела, как гроб, и не похоже, чтобы печаль наша и скорбь стали меньше, не похоже, чтобы мы стали проливать меньше слез. Плача горько, мы отметили твои сорок дней, так же в рыданиях проведем и твою годовщину. Со вчерашнего дня издалека и из ближних городов и стран приезжают к нам наши друзья, выразить соболезнование и вместе с нами провести год со дня твоей смерти. Дорогой мой Данаш, а мне в голову все время приходят слова песни Стаса Михайлова «Уходите»:

Холодные глаза и в них застывший свет,

И горький крик разрежет тишину,

Уходите, ой, что-то Вы часто уходите.

Назад не вернетесь, тревожа лишь память мою, —

И слова эти тоже возвращаются и возвращаются ко мне. Стас поет это горьким печальным голосом, и не дает покоя не только тишине вокруг, но и мое сердце разрезает на части. А холодные глаза, угасший свет — с такими понятиями я не согласен. Твое печальное лицо может обогреть только другое некое тепло, и в этом есть неразгаданная трогательная загадка, мощная и глубокая мысль. Внутренняя загадка и внешняя красота твоего облика притягивают к тебе, как

магнитом, взгляды и мысли других, и я вижу в этом особенный изящный свет.

*И грустно от того, что свет ваших глаз
Все с фотографий смотрят на меня,
Ваш маятник застыл, но верю и молюсь,
Простит и примет небо, вас любя.*

В этой песне, называющейся «Уходите», эти слова характеризуют мое состояние, когда я сижу и смотрю на твое фото, на твой портрет, мой Данияр!

Вся жизнь дорогого Данияра прошла в очередной раз перед Ерасылом, словно нанизанные на крепкую нить кольца, и, не прерывая своих скорбных мыслей, он вышел на балкон и оглядел окрестности глазами, полными слез. И неизвестно откуда взялась эта черная ворона, но она громко закаркала, описала в воздухе перед его глазами некую окружность, и улетела в сторону. В то же мгновение загремел гром, и сверкнула молния. Только после этого стая неугомонных ворон закаркала и удалилась восвояси. Когда исчезла в воздухе последняя ворона, дождь полил, как из ведра, и одежда на Ерасыле сразу стала вся мокрая, а ему пришли в голову следующие стихи:

*Ты далеко ушел от нас, мой сын,
Скучаешь ли по матери своей?
Ты был бы среди нас, и у нее не стало бы седин,
Была б она ученым всех мощней!
Но только жизнь ее теперь в одних слезах,
Мысль тяжкая все давит на нее,
А жизнь моя проходит не во снах,
А всюду ночь, хоть день, да вокруг светло.*

Он сильно замерз на этом балконе, промок, и вернулся в комнату, набросил на себя теплую рубашку. Потом сел за письменный стол, и стал записывать строфу за строфой, строчку за строчкой, выходявшие из его сердца.

*Ты думал только о нуждах народа,
И помогал бессильным беднякам.
В каких-то двадцать лет
Стал сильной личностью.
И прямо во время твоей свадьбы
Сердце твое остановилось,*

Ты думал, все будет иначе,
Полмира тебя оплакало.
Твою свадьбу прервали безжалостно,
Кто видел такое страшное несчастье?
Дорогого сына я потерял,
И сердце мое в скорби и горе.
Разве может быть таким коротким
Расстояние между счастьем и горем?
Великой тоской я отравлен,
Ты посмотри, во что я превратился.
Сижусь и реву, как верблюд по верблюжонку,
Ничего вокруг не вижу.
Стал я слепец, ничего не видящий,
Соскучился я по сыну.
Поцеловал его фотоснимок,
Слезы мои наполнили озеро,
Этот светлый мир стал мне могилой,
Надел я на себя шекпен из тоски,
О, Аллах, что я тебе такого сделал,
Чтобы так жестоко меня пытаться?
Где и когда я ошибся,
По сыну я соскучился,
Надел я на себя шекпен из тоски,
Надел я на себя шекпен из тоски...

Перед его глазами вновь появился призрак сына, и стихи, вышедшие из под его пера поспешно были занесены на бумагу, и он работал так, пока Айгуль не позвала его завтракать. И тогда выглянуло и солнце, окрасив мир в свои яркие и светлые краски, и ливший непрерывно дождь, вдруг прекратился, как будто его отрезало саблей...

В тот день Айгуль и Ерасыл, омываясь слезами, отметили перед всем народом годовщину их сына. Тот год – 2014 год, второго августа в ресторане «Достык», расположенном у подножия Алатауских гор, на печальную годовую тризну приехали гости из Аркалыка и Астаны, из Бишкека и Ташкента, Душанбе и Москвы, Парижа и Индии, которые выразили слова утешения Ерасылу и Айгуль, с пожеланиями, чтобы «Пусть скорбь завершится радостью».

– Человечество – дитя одной священной Матери-Земли. И этот ее сын самый любимый, самый сильный – человек – это целый мир. Каждый человек – по-своему – остров сокровищ, – так начал свою речь коллега Ерасыла, друг из Кыргызстана народный писатель Бекболат Алматов. – Каждый человек, когда уходит из жизни, уносит на тот свет свой остров сокровищ – таланты, знания, ум и культуру. Поэтому смерть так тяжела, и никогда не бывает легкой, и в этом, вероятно, причина великой скорби. А Аллах Создатель обладает такой исключительной благодатью, что показывает, насколько у каждой личности сокровища его талантов отличаются от других, насколько они красивы, насколько они превосходят других, и это правда, как день. Смерть не бывает легкой, говорим мы, данный богом Неба Тенгри Данияру талант невосполним, и поскольку Данияр распрощался с этим бранным миром, покоится в земной колыбели, – поэтому невосполнимость его – особенно тяжелая печаль. Он вместе с собой унес свой дорогой драгоценный остров сокровищ. Если бы он прожил еще хотя бы 20-30 лет, Данияр стал бы известен миру как крупная личность. Стоящие перед ним задачи были значительные. И наше нутро сгорает от того, что сожаление по несбывшемуся нам не дает покоя, – и это особенное горе. Одно только утешение – Данияр был сыном отца, и сыном человека, о котором великий Абай сказал так: «Пролетел, как быстрая комета», родился и долго не простоял. Кто его видел, кто его знал – сожалеют о нем, никто не успел его оценить».

После Бекболата слово взял французский, известный на весь мир литературовед, Альбер Фишлер. Он сказал:

– У нас в Париже клуб «Культура», в котором каждый месяц собираются интеллигенты. Вот на очередном заседании клуба я сообщил эту трагическую весть, и тогда французские писатели и ученые, видевшие Данияра, очень сильно опечалились и передают вам свои соболезнования. Лично я считаю, что Данияр был исключительно интересным и сильным человеком, и я до сих пор не верю в то, что рядом с нами нет этого незаурядного молодого ученого, юноши, внутренний мир которого был сложнее всей нашей вселенной. Какая же это жестокая судьба, – всплакнул Альберт.

Президент Назарбаев выразил соболезнования Ерасылу и Айгуль, и это его послание озвучил аким города Алматы Ансар Сарсенович.

Известные казахские поэты Жазылбек, Серали, Нартай, кыргызский поэт импровизатор Нуржан прочитали свои стихи, посвященные этой печальной дате.

Отец и мать, невольно надевшие шекпен скорби, и близкие родственники после проведения годовщины смерти сына, отправились на Кенсай два.

*Дорогой мой сын Данияр,
Душа твоя была полна красоты,
В Алматы на Кенсае два,
Стит вечно великий! –*

Карие глаза Ерасыла были полны слез, когда он поцеловал фотографию сына на каменном надгробье.

*Со дня твоего ухода исполнится год,
Но лед в моем сердце не тает, –*
так плакала Айгуль.

Придя на место вечного упокоения Данияра, они возложили цветы, попросили муллу прочитать молитву, а потом всей группой вернулись к дому Ерасыла.

У белой скатерти дастархана, в присутствии родственников и близких друзей, прибывших из ближнего и дальнего зарубежья, Айгуль сняла черный платок с головы своей невестки и сказала:

– Я буду благодарна тебе, если в одном из уголков твоего маленького сердца останется место для Данияра. Будь счастлива, родная моя!

После этого она вдела в уши Анжелики золотые серьги, и на руки надела золотой кольцо. Драгоценные алмазы на серьгах и на кольце засверкали так ярко, и тогда Анжелика обняла свою свекровь, и стала безутешно и горько плакать, и слезы сверкали на груди скорбящей матери, как капли дождя...

Люди, увидевшие, как горько плачет молодая вдова, тоже сильно взволновались, и не смогли сдержать своих слез...

В ту ночь в Алматы сгорел Дворец бракосочетаний...

16

Тот год был особенно трудным для всего народа. Казахи, верящие в свои приметы, ждали много хорошего от года лошади, но их надежды не оправдались. Год не успел начаться, как тенге значительно обесценился. Простой народ думал лишь об одном – как себя прокормить, но тут начались пожары на базарах. Зимой на казахской и кыргызской землях выпал такой густой снег, какого никогда не было. Поздно пришедшая весна усугубила и без того тяжелое положение. Месяцами не прояснявшееся небо, серое, обильно сыпавшее снегом, в один день открылось, и дни стали стремительно теплеть. Снег, начавший быстро таять, превратился в наводнение. Реки выходили из берегов, а вода в обильных озерах стала затапливать населенные пункты побережья, став настоящим местным бедствием. Неожиданные наводнения начали уничтожать людей и скот. Вода, вырвавшаяся из-за плотины в верховьях, залила все внизу, в долине, и Сырдарья вышла из берегов. Многие аулы в Кызылординской области оказались в воде. Юг сам по себе, но вот западные и восточные районы очень сильно пострадали от потопа. В Кокпектинском районе Карагандинской области триста домов смыло потопом. К сожалению, были и жертвы среди людей.

По всему миру прокатились различные природные бедствия, стало только хуже. В Сирии война, в Европе и Африке волнения... Противостояния, конфликты, происшествия, над миром вновь нависла опасность третьей мировой войны.

Теперь народ надеялся отогреться летом. Люди думали о том, что вот придет сверкающее солнцем лето, земля станет зеленой, вырастет урожай, затянутся раны, нанесенные суровой зимой и капризной весной, мы сможем вытянуть свободно руки и ноги, спины наши расправятся. Но и эта надежда оборвалась. Лето тоже не было особо хорошим. За все лето с неба не упало ни капли влаги. То, что было посажено в землю, в надежде на всходы, было высушено и сожжено жарой. Грудь Земли-Матери потрескалась, стала подниматься черная пыль, и под ногами была одна жаркая и знойная пыль. Не наступила еще осень, а листья на дере-

вях пожелтели, многие были продырявлены насекомыми вредителями, и деревья стали похожи на перенесшие многие несчастья, худых, раньше времени постаревших старух. Даже асфальт, что говорить о другом, даже дорожный асфальт под страшной жарой стал плавиться, помягчел под ногами. Самое ужасное – и пшеница в полях, и трава пожухли, высохли. Как бы не было голода, однако?..

Но Айгуль обжигала не жара, а ее мысли. Сердце у нее сторало. Все ее тело и душу сжигало непонятное внутреннее пламя. Сегодня она была дома одна. Ерасыл ушел на годовщину одного своего земляка. Она обходила все четыре комнаты, посмотрела на портрет Данияра, бродила, разговаривая сама с собой:

Мою грудь тревожит сейчас

Моя любовь и моя тоска.

Стать бы птицей Самурык,

И полететь к Данияру.

Так сказала себе Айгуль, и спешно вышла из дома. Села в такси, и быстро доехала до Кенсая. Дойдя до вечной обители Данияра, она дала волю своим чувствам, своей любви и тоске по сыну. «Данияр мой, мой гений, Данашым! Прости меня, жеребеночек мой. Когда оставалось несколько минут до твоего свадебного праздника, подлая, безжалостная смерть схватила тебя, я не была рядом. Не смогла тебя защитить от смерти. А теперь вот стою, несчастная, вся полная болезней и горя, соскучилась по тебе, вот и пришла. Прости меня, сын, прости. Я совсем лишилась ума, лучше мне уйти из жизни раньше смерти, чтобы однажды не упасть перед людьми. Поскорее дойду до тебя, чтобы увидеть твое светлое лицо. Прижму тебя к своей груди, обниму, и буду целовать и целовать. Прости меня, жеребеночек мой, такую как я несчастную, бессильную мать.

Айгуль решила высказать все, что у нее накопилось в сердце, из глаз ее лились слезы, а она продолжает говорить и говорить. Вдруг, неизвестно откуда взялась, целая стая черных ворон закружила над каменным памятником Данияру, и стала кружиться вокруг Айгуль. В это же время с высоких вершин Алатау взлетел Белоголовый беркут, и быстро долетел до Кенсая, над которым кружила черная воронья

стая. Вороны заметили Белоголового беркута, сильно заркаркали, и стали потихоньку удаляться, спускаясь в низину Коктюбе...

Прошло около получаса, и в небе образовалось большое черное облако. Вокруг стало темно. Засверкали молнии, которые стали безжалостно терзать небо и землю, разрезая грудь неба, ударяя в болевые точки земли. К тому же началась сильный ураганный ветер. Гром загредел, едва поспевая за сверканиями молний, и в горах эхо грома многократно увеличилось. Сначала полил мелкий дождь, а потом хлынул потоком, как из ведра.

Пронизывающий сильный ветер бьет по всем частям тела. Загорелое на солнце лицо ее стало бледным, и по нему лупил струями дождь, смывая горькие слезы, а Айгуль сидела на коленях и молчала. И тут она воздела обе руки к небу, и начала говорить:

– О, божественной силы Создатель! Данияра моего не пожалел, не дал мне счастья. Сына моего ты забрал, сжег мне нутро, и я несчастная, бедная и неприятная не помещаюсь в твоём огромном мире! Ты послал мне испытания – и чем вот так каждый день находиться в аду, лучше мне теперь умереть, это будет в тысячу раз лучше! О, Создатель, о, Куда-дай, о Бог! Если правда, что ты есть, возьми мою жизнь, не подвергай меня огню каждый день! Прямо сейчас возьми, не оттягивай! Эту прошедшую жизнь, этот бранный подлый мир я проклиная. Ускорь мою гибель, я прерываю эту жизнь, ускорь же, Бог, мою смерть. Я поскорее дойду до моего Данияра...

Так сказала Айгуль, потом достала из кармана черного шелкового платья небольшую бутылочку, правой рукой открыла пробку и, запрокинув голову, выпила все содержимое бутылочки до последней капли. Потом, не доходя до могилы Данияра двух – трех шагов, упала на землю...

В тот же день в Алматы произошло землетрясение...

17

Айгуль похоронили рядом с Данияром. Ерасыл в те дни и ночи практически не спал. Он ворочался на постели и так,

и смяк, и тут ему показалось: «Папа, я пришел!» – слова он услышал отчетливо. Он узнал – это был голос Данияра!

Он безошибочно узнал бы этот голос из миллиона других голосов. Он открыл глаза и посмотрел в ту сторону, откуда слышался голос. О, чудо! В самом изголовье постели стоял, глядя на него, его любимый Данияр! Ерасыл хотел что-то сказать, но язык его был словно связан. Так он и лежал, вытаращив глаза, и Данияр протянул к нему руку. Крепко схватив сына за руку, отец кое-как поднялся с постели. У Ерасыла задрожали колени. Он кое-как успокоил сердце, грохочущее, скачущее словно лошадь, не знающая кнута или упряжи. Он протер глаза и пристально посмотрел на Данияра. Находясь между явью и сном, не зная, правда это или обман, он устремился сделать шаг вперед, и тут взгляд его встретился с глазами Данияра. По телу Ерасыла пробежала дрожь.

«Данияр, оказывается, жив! Мой Данияр не умер! Приди, подойди ко мне, родной мой, жеребеночек, приди в мои объятия, я же по тебе очень соскучился!» – сказал он и, расправил руки, как крылья птицы, собираясь обнять Данияра, и Ерасыл упал лицом вниз на пол. Тут же вскочив с места, он стал искать Данияра. Он ясно увидел мебель, даже часы на стене видны отчетливо. И это уже не было сном. Тогда что это, мираж, что ли, призрак? Нет! Все, что он видел только что – реальная картина.

– Где ты, мой Данаш, где ты? Покажись мне, жеребеночек мой, покажись на глаза, – закричал он. Этот его горький крик вырвался из спальни и разнесся по всей округе. И в это мгновение:

– Закрой глаза и снова открой, – голос Данияра прозвучал у него в ушах.

Через несколько секунд снова сверкнул свет, и Ерасыл увидел Данияра. Он, оказывается, вместе с главной героиней романа «Горькая любовь» – Снежной девушкой бродит среди белых вершин Алатау. Они забрались на самую вершину и зовут его.

– Люди интересные. Исцарапают себе глаза и бегут прямо. Спешат почему-то, к чему-то стремятся. Одни гонятся за богатством, другие лихорадочно делают карьеру.

Входят со смехом, выходят грустные... Неизвестно за что рычат друг на друга, как собаки, рвут друг другу воротники. Из-за укрытия бросают друг в друга камни. И вот, и без того грязную жизнь делают еще грязнее. Таким образом, сами не замечают, как изрядно замарались, как оказались вовлеченными в еще большую грязь. И эту собачью жизнь они называют бранным миром, и говорят об этом... И все все не так, верно, что жизнь, этот мир, бранны. В обманчивом мире нет смысла. Не лучше ли махнуть рукой на этот обманчивый и бранный мир, и пока не замарался совсем, в чистом-чистом виде перейти в жизнь вечную, да поскорее. Приходи, отец, приходи! Я жду!

Данияр сказал это и исчез за пеленой белого снега, ушел в белый туман.

До ушей Ерасыла дошла песня, сочиненная снежной красавицей Белой Матерью – Кар Ана:

Ребенок умер, она плачет,

Она в тоске, и как иначе.

Я снежная Белая Мать,

Я камень обняла вместо дитя.

«В этом обманчивом мире нет ничего, что я любил. Я уйду из этого бранныго мира. К сыну своему, к жеребеночку – до Данияра доберусь. Надо уходить. Надо скорее дойти до Данияра. Надо уходить. Надо уходить...»

Эти слова Ерасыл воспринял, как совет-наказ, и написал письмо-завещание:

«Дорогая моя, белый мой верблюжонок – Суйинишбике! Меня зовет мой Данияр. Он вместе с моей героиней из романа «Печальная любовь» красавицей Снежной Матерью бродит среди заснеженных гор. А женщина рядом с ними, Смуглая красавица рядом со Снежной Матерью – это моя Айгуль. Я теперь должен как можно быстрее дойти до заснеженных вершин Алатау, где находятся мой Данияр и Айгуль. Я теперь отправляюсь к ним. Я тебе вот что скажу, как завещание – эту четырехкомнатную квартиру открой своим вторым ключом. Потом отдай ее кому-то из многочисленных казахов, которые живут без жилья, без денег. Отдай бесплатно. Только скажи им: «Комнату Данияра сохраните в таком виде, в каком

она есть». Такое будет условие. Меня искать не надо. Все равно вы меня не найдете. Я отправляюсь в Алатау, там, среди заснеженных гор есть смуглая красавица Снежная Мать – и там моя Айгуль, и там мои крылья и ангел мой – Данияр. Прощай, прощай, будь здорова, верблюжонок мой, моя Суйинишбике!...

Твой несчастный отец Ерасыл».

Ерасыл прикрепил письмо скотчем к наружной рукоятке двери, и ушел в сторону Алатауских гор.

Когда Суйинишбике и Куттыбек пришли в квартиру Ерасыла, прочитали письмо, он уже бродил среди заснеженных вершин Алатау в поисках смуглой красавицы Снежной матери – Айгуль, и легендарного ангела своего – Данияра...

В тот день с небес упал огромный метеорит...

В тот день ночью в горах пошел крупный снег, и на город обрушился сильный дождь, ливший, как из ведра...

*Перевод с казахского
Орынбая ЖАНАЙДАРОВА*

БЕЛАЯ АРУАНА

повесть

Шестые сутки аруана – мать-верблюдица – тоскует и томится по дальней дороге. Несколько месяцев назад коварная судьба насильно заточила ее в неволю. Печалится она по далекой родине, страшится неизвестности в чужом краю. До сих пор в больших черных зрачках дрожит кусочек неба родной земли, плывут лебединые белые облака. Волнуют, преследуют горьковатые запахи полыни, верблюжьей колючки – перекаати-поле. Манят голубые озера, синеватые миражи любимой земли, где она родилась и выросла, беспечно резвилась, вольготно носилась по ее просторам.

Днем и ночью преследуют аруану горькие видения, невольно набегают на глаза слезы...

Когда верблюдицу привели в чужую сторону, смуглый безухий старик, с глубоко посаженными глазами, с кошачьими усами, поглаживая густую шерсть аруаны у горбов на спине, у нижней части шеи, со знанием дела разъяснял сбежавшимся слугам неповторимые качества казахских верблюдов. Горбы у них высоки, словно горы, остры, как пики, мясисты. Крепкие костистые животные дают много молока и шерсти. Мускулы у них стальные, спины широкие, сильные. Казахские верблюды стремительны, выносливы и быстросходны.

У джунгар верблюды плотны, быстры на ход, шерсть у них густая, но по сравнению с казахскими более низкорослы, мельче. Поэтому безухий старик, правая рука джунгарского хана по хозяйству, решил получить потомство от аруаны и местного верблюда. Так очутилась мать-верблюдица в чужой стороне.

Бежали дни в неволе. Нет, мать-верблюдица не могла пожаловаться на плохое обращение. О ней заботились, за ней ухаживали, пожалуй, даже лучше, чем дома. Ни в чем она

не нуждалась. Но и ничего не радовало, не веселило. Все для аруаны здесь есть в избытке — сытный корм, свежая вода. Только не хватает для полноты жизни, для душевного покоя родного воздуха. Здешний — не бодрит, не освежает, не вливает в тело силы — давит, гнетет, от него аруана задыхается.

И опять ей мерещится черная жирная земля, густо растущая на ней трава. Сладкая, сочная, вся сила от нее, только от нее, — она звала аруану в дорогу, ведущую на родину, желанную, любимую. Только тогда утихнет сжигающий ее нутро огонь, когда она вернется в родимые места.

Аруана хорошо запомнила, в какой стороне лежит ее земля. Часто, оторвавшись от корма, задумчиво, подолгу, ненасытно смотрела она на северо-запад, тяжело и горестно вздыхая.

И зрело подспудное: лучше умереть в дальнем и трудном пути, чем томиться в неволе. Сегодня же под покровом ночи, такой черной и тоскливой, как сейчас у нее на душе, спрятав любовь и надежду в маленькое, с кулачок, сердце, зашагать через сопки и перевалы навстречу далекой звезде, мерцающей в темном небе родного края.

Аруана уже было решилась, сделала несколько шагов и вдруг остановилась. Нет, нет, это не лишения и трудности дальнего пути, а насмешка судьбы, преграда, подобная реке, у которой нет брода, остановили ее. Если бы не это — не раздумывая поспешила бы к родной земле на крыльях тоски и надежды. Но как оставить здесь беззащитного верблюжонка, малютку с блестящими, безмятежно наивными глазами?

Хитер безухий старик. Оставил ее на свободе, а на верблюжонка надел недоуздок и крепко привязал: никуда не уйдет она от плоти своей, не бросит на произвол судьбы свое дитя.

Как преодолеть возникшую преграду, тупик, разорвать эти путы, мешающие устремиться навстречу мечте? Как освободить верблюжонка от недоуздка?

Шесть дней мечется верблюдица, шесть безрадостных, гнетущих дней и ночей.

Незаметно подкрался рассвет седьмого дня. Но и он, осветив сероватое небо, не принес облегчения. Безысходность безжалостно терзает сердце, полное любви к родному дому. Ни ласковое солнце, ни прозрачная звонкая трель жаворонка, ни красота степи бескрайней – ничто не трогает и не волнует аруану. Все здесь для нее чужое.

Тяжело вздохнув, посмотрела верблюдица на небо. Солнце уже стояло в зените. И тут ее осенило... Словно яркая вспышка молнии, прорезавшей непроглядную темень ночного неба, мелькнуло радостное, обнадеживающее: «Недоуздок... Его же можно перегрызть, оборвать, освободить верблюжонка!»

Для него этот мир прекрасен, светел и радостен. Откуда ему знать, несмышленишу, что далеко-далеко за перевалами раскинула свои степные просторы, голубые прозрачные озера и горные хребты родная земля? И манит она, неотступно зовет к себе. А что может быть сильнее зова родины, отчего дома?

Переполненная нежностью и любовью, аруана приласкала верблюжонка. А он, будто вдруг что-то почувствовав, вскочил на ноги, потягиваясь и отряхиваясь. Верблюдица, схватив недоуздок, принялась неистово грызть его, вкладывая в это всю ненависть, словно в зубах был смертельный враг, а не простая веревка. Резко дернув головой, она оборвала привязь, и верблюжонок, радуясь свободе, шаловливо закружил, завертелся вокруг матери, то подбегая к ней, то отскакивая в сторону. Подпрыгивая, он ласково подталкивал ее под коленку, словно говоря: ну, что же ты стоишь? Побегай со мной, поиграй.

Еще не веря в удачу, верблюдица сделала шаг, другой... и побежала неторопливо, но споро. Малыш, помешкав немного, радостно вскрикнул и со всех ног пустился вслед за матерью.

Режет грудью ветер аруана, обезумев от радости стремительного бега. Быстрее, быстрее, пока не слышно стука копыт конных, пустившихся в погоню. Летит под ноги широкая, просторная степь. А вдали манит, зовет родная земля, свобода и счастье.

Верблюдица разгорячилась, горьковатый, едкий пот выступил на теле. Быстрее, быстрее. Пусть разорвутся от напряжения легкие, остановится от усталости сердце, но вперед, только вперед лети, словно на крыльях, укорачивай даль, сокращай расстояние до отчего дома. И летит, стелется над землей аруана, обезумев от свободы.

И вдруг сквозь свистящий гул ветра донесся знакомый слабый зов. Это жаловался и плакал отставший верблюжонок. Ее плоть, ее дитя. Аруана, опомнившись, резко остановилась, повернулась. Но не пошла навстречу, не в силах была сделать хотя бы шаг назад, в сторону неволи. Так и ждала, где остановилась.

Потный, взъерошенный, жадно хватая воздух, верблюжонок добежал до матери и в изнеможении не лег, а рухнул к ее ногам. Словно виноватый в чем-то, жалобно взглянул на нее, еле переводя дух. Бока так и ходили ходуном. Не то пот, не то слезы застилали глаза.

С тяжким вздохом, с каким-то надрывным всхлипом аруана подалась к верблюжонку, прилегла рядом, склонилась над ним, будто всем своим телом защищая его от неведомых врагов.

Стук копыт насторожил верблюдицу, но она даже не повернула головы, не взглянула на подскакавшего ханского слугу. Тот, бранно крича, с такой злобой взмахнул камчой, точно собирался рассечь аруану надвое. Но не ударил. Поразила его своим видом мать-верблюдица. Не обращая на слугу внимания, будто его тут и не было вовсе, продолжала ласкать верблюжонка. И такой тоской и скорбной безысходностью повеяло на слугу, что он натянул повод, осаживая коня. Занесенная для удара рука с камчой медленно в какой-то растерянности опустилась и замерла в нерешительности. С открытым от удивления ртом смотрел он на верблюдицу, ошеломленный ее материнской телом прижавшегося к матери.

«Бедная, как убивается по дому, — мелькнуло в голове у слуги. — Может, отпустить, сказать, что не нашел?»

Но, едва подумав об этом, испуганно завертел головой. Перед глазами возник безухий старик с неизменной камчой, сплетенной из сыромятной кожи и свинцом на конце.

Если не пригнать назад верблюдицу, забьют до смерти да вырежут сперва полосы со спины.

Аруана тяжело поднялась, подставила голову прохладному ветерку, налетевшему из родного края. И до того ей стало больно, будто кто-то жестоко начал скоблить незажившую рану. Тоскливый пронзительный крик вырвался из горла. Заплакал напуганный верблюжонок.

«О, люди! Почему не слышите моей горечи? Почему скреживаются копыя и клинки? Почему рушатся юрты и пылают аулы? Кому нужны войны и нашествия? Кому нужны кровопролития, когда юноши и зрелые батыры, вооружившись, садятся на коней и отправляются в поход? И без того ведь в мире много горя и страданий».

Будто в ад, в преисподнюю, а не в аул плелась аруана на поводу у слуги. Вернутся ли дни, когда она резвилась на груди родной земли, или так и останутся в заманчивой дали, а счастье уйдет безвозвратно? И жизнь пройдет в горе, сожалениях и печали?

Ясно вспомнился аруане тот вечер, когда, оставив верблюжонок, вышла одна из аула. Тогда долго стояла она, с тоской глядя в сторону родного края. Казалось, сделай шаг, другой и вот уже ты в дороге, пусть дальней и тяжелой, но ведущей к дому.

«О, мой верблюжонок, глупый несмышлениш, ты связал мне руки крепче любых пут. Теперь ты мое горе и единственное утешение в черном краю...»

Но где-то глубоко-глубоко в сердце теплилась искорка надежды, что рано или поздно освободится она от оков, вернется на родину.

II

Яростно, из последних сил отбивался Тауман, сын Турлыбека, от наседавшего противника. Казалось, еще одно усилие и вырвется из вражьего кольца. Но тут удавка-аркан, коварно взметнувшийся из-за спин всадников, вырвал юного батыра из седла, безжалостно и грубо швырнул на землю. Но не сдался Тауман, не смирился со своей участью. Очнувшись связанным по рукам и ногам, продолжал отчаянно сопротивляться. Извиваясь всем телом, катаясь

по земле, старался освободиться от пут, вырваться из ненавистного плена.

Стража пыталась утихомирить пленника, но он не покорялся, продолжал буйствовать, пытаясь разорвать врезавшийся в тело аркан.

– Шайтан, – выругался кто-то из старших и приказал:
– В рогожу его, в рогожу!

Непокорного пленника зашили в рогожу: тут уж или воля сломится и покорится человек судьбе, или зачахнет в рогожном мешке.

Но и такая жестокая мера не помогла. Юный батыр продолжал буйствовать, рваться на свободу. Тогда прибегли к еще более изощренной пытке: туловище Таумана зашили в кожу годовалого жеребенка, зарезанного в честь победы, руки, ноги заковали в кандалы.

Побагровело, налившись кровью, лицо батыра, нестерпимая боль терзает тело: кожаный панцирь, высыхая на солнце, твердеет, сжимаясь, все сильнее и сильнее неумолимо сдавливает тело, ломая ребра. Кажется, вот-вот, от нечеловеческого напряжения разорвутся легкие, треснут кости. Какие силы, какую твердость духа, мужество нужно иметь, чтобы вынести такие муки, не дрогнуть, не сдаться? Тауман словно закаменел, закусив губы, ни стоны, ни звука, а тем более мольбы о пощаде не услышали его мучители...

Но не только муки телесные терзали Таумана. Позор и бесчестье пали на его голову. Он, сын прославленного батыра, в плену... Его отец, Турлыбек – глава небольшого рода, обитавшего на просторных берегах большой реки, никогда не показывал спину врагам и всегда побеждал их, отважный и бесстрашный.

Широкоплечий, громадный, словно высеченный из скалы, он почти всю жизнь провел на коне. Не было ему равных в крае ни по силе и отваге, ни по мудрости мысли. При его жизни никто не осмеливался напасть на их род. Опасались лавинной мощи воинов Турлыбека, боялись его львиного сердца и старались поддерживать добрососедские отношения.

Бывали жадные намерения у воинственных соседей, но едва до них доходила весть, что род Турлыбека взялся за

оружие, — а он всегда держал коней наготове, — трусливо затаивались, словно суслики в норах, готовые в панике мгновенно бежать с обжитых мест в дальние степи.

Турлыбек, однажды проучив угрожавший ему род, больше не трогал его. «Наказали, чтоб впредь неповадно было, и хватит. Долго помнить будут, — успокаивал он горячие головы, — Уважающий себя батыр не нападет без причины, не прольет безвинную кровь. Этому ему не простит народ, наши потомки».

Хан недолго любил Турлыбека за свободолюбие, непреклонность, честность. Как-то хотел он послать Турлыбека в грабительский поход против калмыков. Но тот отказался, сказав: «Они не виноваты ни в чем... Непростимый грех перед богом нападать на мирные кочевья».

С тех пор охладел хан к Турлыбеку, затаил злобу в сердце своем. И откочевал Турлыбек вместе со своим небольшим родом к северо-западу.

И все-таки хан не мог обойтись без услуг Турлыбека. Много было у правителя казахских стойбищ внешних и внутренних врагов. Хитрый, лицемерный, послал он своих приближенных просить Турлыбека вернуться, поселиться рядом.

Нет у Турлыбека столько воинов, сколько у хана, и власти, как у него. Да и богатства нет такого, скота и имущества меньше. Но сила его в народе. Простые казахи прислушиваются к его словам, уважают и любят. Долго советовался Турлыбек с аксакалами, товарищами по походам, и не принял просьбы хана.

Большинство батыров окрестных аулов поддерживали Турлыбека, считая его своим предводителем. Ничего не оставалось хану, как делать вид, что они с Турлыбеком не только дружные соседи, но и почитающие друг друга родственники. Летом присылал он в подарок Турлыбеку кумыс, приглашал на охоту, Часто зазывал в гости молодых батыров из рода Турлыбека, оказывая им всевозможные почести. Он и сам как-то с нукерами погостил в ауле Турлыбека... Да, был у хана свой корыстный расчет. Слава батыра — надежный щит от врагов. Вот и хитрил хан, льстил, задабривал, скрывая свою ненависть к непокорному, сво-

бодолобивому батыру. А Турлыбек, догадываясь обо всем этом, думал только о мирной жизни своего народа, о его единстве.

Но легла черная тень скорби на казахские степи – скончался могучий батыр. И ранее трепетавшие от одного его имени джунгары, подкупленные ханом, нанесли коварный удар. Много осталось у Турлыбека отважных друзей, которые не дали бы упасть знамени его. Но джунгары взяли хитростью. Под покровом ночи во время похорон Турлыбека напали они на спящий аул. Нарушили исконный обычай, когда каждый обнажает голову перед юртой, где находится покойник, выражая сочувствие и соболезнование опечаленным родственникам.

Пылающий аул, вопли женщин и детей, стоны раненых, трупы убитых – видение это не дает покоя Тауману, преследует его и во сне, и наяву, безжалостно терзает сердце. Седьмые сутки томится он в неволе, зашитый в проклятую шкуру, которая делает его слабым ребенком. Нет коня, чтобы напасть на врага, отомстить, нет народа, который последовал бы за юным батыром. Невольные слезы наворачиваются на глаза.

Это слезы ярости от своего бессилия покарать врага, отомстить за родной аул, за поруганную землю.

Всю ночь не сомкнул глаз Тауман, ворочаясь, перекатываясь с места на место. Безысходность, насмешки врагов жгли молодое сердце... Перед рассветом, находясь в какой-то полудреме, полузабытьи, увидел он возникшую в крошечной тьме конюшни белую фигуру. Длинный старик с клюкой, в белом чекпене, с широкой бородой наклонился над ним. «Эй, сынок, выше голову, – прошептал он, – Я твой предок Батыраш». И словно солнцем озарило все вокруг, сгинула тьма. «Что это ты, сынок? Не плачь. Будь стойким. Я и дед твой Жауке, и твой отец, безвременно ушедший из жизни, – все мы тоже в свое время испили горечь страданий от врагов своих. Но не плакали мы – слезами горю не поможешь. Будь как свободолюбивый тулпар, который не успокоится, пока не достигнет родной земли. Чем показывать слезы врагу, лучше живым сойти в могилу. Не позорь нас, Тауман. Докажи, что ты мужчина. Разорви

оковы, вырвись на свободу. Скорее же. Вставай. Слышишь, как призывно ржет твой тулпар в ожидании седла?»

Тауман прислушался: до него донеслись ржание коня, нетерпеливый перестук копыт. Дрожь пробежала по телу Таумана. «Друг мой, крылья мои», – закричал он во весь голос и очнулся. Давно наступил рассвет. Через щели конюшни, в которой лежал Тауман, лился яркий свет.

«Наверное, неспроста я увидел во сне предка своего, которого знал только по имени. Видать, дух его явился ко мне, чтобы приободрить и утешить. Бедная мать говорила – береги талисман, в беде он вызовет на помощь дух предков».

Тауман дотронулся до груди, где находился талисман, рука наткнулась на конскую шкуру. Но талисман был на месте. Юноша чувствовал, как вдавился он в кожу. Талисман вернул его мысли к матери. «Где ты сейчас, апа? Сидишь, наверное, у очага в слезах или тебя тоже захватили в плен? Нет, не может этого быть. Если она в руках джунгар, я увидел бы ее во время долгой дороги. Но я даже здесь, в плену, ничего не слышал о ней. Не могут же ее специально прятать от меня. Враг безжалостен. Если бы мать была здесь, ее бы за это время несколько раз нарочно провели передо мной, чтобы унижить, сломить меня. Нет, мать на родине. Она, наверное, сидит сейчас около очага и полными слез глазами смотрит в ту сторону, где сгинули мы, ее защитники.

Конечно, это так. Ведь когда я не захотел отвечать джунгарскому хану, чтобы сломить мою волю, они привели сестру мою Казыну, закованную в кандалы. Каныш моя, моя ласточка! Сестричка черноглазая, единственная! Боль сердца моего. Где ты сейчас? Или и тебя до сих пор не освободили от оков? А может, ты уже стала рабыней и выполняешь самую черную работу? Или в почете ты у хана, обратившего внимание на твою красоту?»

Тауман далее застонал, заскрежетал зубами, но гневно отбросил он горестные мысли. «Прочь жалобы, недостойные мужчины. Как сказал предок Батыраш, я – тулпар, который не успокоится, пока не вернется на родную землю. Рано или поздно освобожусь от пут. Вскachu на гнедого и не

уйду, пока не расквитаюсь с врагами. Только тогда вернусь на родину, которая днем в мыслях моих, ночью в сновидениях моих.

О, судьба! Не дай умереть в неволе. Чем счастье на чужбине, лучше страдания на родной земле. Даже цветок растет на той почве, где он расцвел...»

Словно весенний паводок подхватил Таумана поток дум. В глазах вновь заблестел огонь надежды, силой и решимостью наполнилась душа.

С грохотом распахнулись ворота, и в конюшню ворвался ослепительный свет просторного мира. Тауман в упор посмотрел на приблизившегося к нему черного, в полосатом одеянии великана.

– Шайтан, какие у него глаза, – повернувшись к своему спутнику, сказал великан. – Так и жгут.

– Ты что? – словно наступив на огонь, резко отпрянул тот. – Боишься?

– Я? Боюсь? – хрипло засмеялся великан, шагнул к юному джигиту, пнул ногой. – А ну вставай, пададь!

Грубо подхватив закованного в кандалы Таумана под мышки, они выволокли его наружу, бросили на кошму в большой белой юрте. С трудом поднявшись на ноги, юноша увидел пожилого, но еще сильного хана этого племени, который возвышался на почетном месте. Хитростью и силой хотел сломить он стойкость молодости, когда Тауман попал в его руки. И внутренне остался доволен юным джигитом, видя, что тот не слабеет духом от обрушившихся на него невзгод, а, наоборот, становится крепче и непреклонней. «Народ, родивший такого батыра, – подумал хан, – может гордиться им по праву. Он тверд и грозен, как булатный кинжал. Такому слуге цены нет. Надо привлечь его сердце к нашему величию». А Тауман, глядя на властителя, думал: «Хоть и крепок ты не по летам, глаза полны огня и на лице играет краска, хоть и движения твои бодры, но, видать, не твое дело размахивать мечом и разить соилом. Водить войска не для тебя. Тебе больше подходит лисья личина сладкоречивого коварного посла, старающегося обмануть соседние народы».

На миг встретились глаза старого льва и молодого тигра. Словно скрестились сверкающие молнии, раскалывающие небесный свод, шатающие мир, расщепляющие надвое старый дуб. Но никто не смог взять верх. Взоры отпрянули, как борцы, которые не смогли осилить друг друга.

Удивился Тауман – сегодня не грозен хан. В его глубоких больших глазах – доброта, на лице – тепло. Долго сидел он, задумавшись, изредка поглядывая на юного джигита. Потом кивнул склонившимся в поклоне у порога слугам. Они мгновенно срезали с Таумана кожаный панцирь, сняли железные оковы, облачили в одежду.

– С этого момента ты свободен, – сказал хан, – Но помни, пока не разрешаю ходить дальше аула. Иди, поешь, отоспись, – И властно прервал собравшегося что-то сказать Таумана, – Сегодня наслаждайся отдыхом, беседа будет завтра.

Сопровождаемый слугами, сразу сделавшимися почтительными и даже раболепствующими, Тауман вышел. Теплом и покоем повеяло на джигита. Солнце стояло в зените. Небо было прозрачно и безоблачно.

«Тишина как перед грозой... Не может тулпар скакать в путах, сокол летать в клетке. Соловей в неволе не поет. Самое большое счастье – свобода. Без солнечных лучей не распускаются цветы. Нет жизни без воздуха родной земли», – думал Тауман, жадно вглядываясь в светлый мир, по которому тосковал столько дней.

Ханские слуги покорно и терпеливо замерли позади Таумана, ожидая, когда он двинется дальше. Но джигит стоял словно в каком-то забытии, полной грудью вдыхая пахнущий полынью степной воздух. Тело отдыхало от кожаного панциря и железных пут. «Свободен, неужто свободен», – мелькнула мысль. Тауман потянулся так, что, казалось, захрустели, выпрямляясь, кости. Обернулся, посмотрел на слуг, усмехнулся: «Да, хороша свобода. Попробуйся сделать хотя бы шаг в сторону, набросятся, скрутят...»

Тауман пошел было к юрте, но опять остановился. Не давала покоя мысль – почему хан не терзал, не истязал, не издевался, а велел снять оковы, дал малую свободу, велел

слугам заботиться о нем? Здесь какая-то тайна или далеко идущие расчеты. Что ж, посмотрим, что в них заключено.

Донесшийся топот и лошадиное ржание вывели Таумана из задумчивости. Оглядевшись, заметил в степи клубившуюся пыль, причудливыми облаками повисшую над степью. Почудилось вдруг – услышал голос своего коня. Напрягся, подобрался: «Откуда он здесь? Неужели и его заарканили недруги?» Вспомнились слова предка Батыраша: «Ты частица тулпара, который не успокоится, покуда не отыщет родную землю». Нет, не может этого быть, конь Таумана погибнет, а в чужие руки не дастся...

И тут джигит увидел выскочившую из-за сопки кобылицу и гнавшегося за ней табунщика. Размахивая свернутым в кольца арканом, подбадривая коня пронзительными вскриками, пытался тот настигнуть сбежавшую из табуна лошадь. Но распластавшись в стремительном беге, оставив далеко своего преследователя, неслась она по степи.

«Да это же кобыла из нашего табуна, который водил серый жеребец, – узнал Тауман. – И она тоже готова умереть, но не жить в незнакомом, чужом табуне... Догонит или не догонит ее табунщик?..»

III

Резко изменилась аруана за последние дни. Закаменело, ожесточилось ее ранее излучавшее тепло и доброту нежное сердце.

Только-только стала она приходить в себя после неудачного побега, когда из-за обессиленного верблюжонка пришлось ей прервать свой побег, как коварная судьба приготовила очередной жестокий удар. Через десять дней после того, как пригнали ее обратно, разлучили аруану с верблюжонком – плотью от плоти ее, ее любовью и мукой. Джунгарский хан подарил верблюжонка своему племяннику из соседнего аула. Лет одиннадцать-двенадцать было этому забияке и задире с рассеченной бровью и разбитой губой. Упрямство, злость и заносчивость были написаны на его лице.

Другой бы, обрадовавшись подарку, лелеял и холил малыша, а этот, едва увидев, принялся мучить его: заставлял ложиться, вставать, садился верхом, бил по ногам и голове.

Глазами, полными слез, глядела, привязанная к столбу, мать-верблюдица на издевательства злобного мальчишки. Она пыталась броситься на помощь, защитить верблюжонка, но узда неумолимо и цепко держала ее на привязи.

С болью смотрела она на сидевших невдалеке мужчин, словно молила: «Люди добрые, прекратите эти муки. Защитите безвинного и слабого... Почему сидите безучастно, не замечая ничего? Почему не остановите маленького злодея? Или у вас самих нет детей?»

Но отяжелевшие от выпитого кумыса мужчины о чем-то неторопливо и лениво беседовали, не замечая ничего вокруг.

«Не видят. Увидели бы – защитили, – успокаивала себя надеждой аруана. – Не может быть, чтобы не отогнали безжалостного мальчишку. Есть же у них сердце...»

И тут злобный мучитель засмеялся громко, торжествующе, довольный своей очередной грубой проделкой. Сидевшие кружком мужчины повернулись к нему.

«Слава богу, увидели, – с облегчением подумала мать-верблюдица, – сейчас вмешаются, потребуют, чтобы пакостный мальчишка оставил моего верблюжонка в покое. – И какое же было изумление и отчаяние аруаны, когда мужчины не только не остановили мучителя, а, посмеиваясь, стали подзуживать его, подталкивая на новые пакости. – Что же это такое? – страдала мать-верблюдица, – Никто не желает вступить за бедного верблюжонка! Наоборот, подключились к этой безжалостной травле. Разве это достойно вас, люди?»

Закричал, заплакал верблюжонок от боли, причиненной взгрозившимся на него мальчишкой. С отчаянием, собрав все силы, взбрыкнул и сбросил с себя мучителя. Увидев мать, бросился к ней. Мальчишка, вскочив на ноги, выкрикивая проклятия и угрозы, припустился за верблюжонком. Но тот успел спрятаться за спиной матери. Пытаясь достать его, ханский племянник ткнулся головой в грудь аруаны. Испугавшись, отпрянул в сторону и, спотк-

нувшись, с громким криком растянулся на земле. Услышав его, сидевшие в стороне мужчины вскочили, подбежали к аруане. Засвистели камчи, удары посыпались на верблюдицу. Досталось и верблюжонку, хотя мать, стойко перенося боль, старалась прикрыть его своим телом.

Избитую аруану заперли в темном сарае. С тех пор мать-верблюдица томится в одиночестве. Чужаки погасили единственный луч, который светил для аруаны в темном царстве чужого мира. Потеряв верблюжонка, она потеряла любовь, свою последнюю опору в жизни.

IV

Недоумевающий, растерянный сидел Тауман в просторной светлой юрте, смотрел на суетившихся вокруг слуг и мучительно думал, пытаясь понять: почему, все-таки, джунгарский хан освободил его от оков, велел оказывать ему почести?

Четко видел джигит этого стареющего хитреца с лошадиной головой и лисьим лицом. Глыбой возвышался хан на почетном месте в своей белой юрте, бросая из-под густых, нависших над глазами бровей испытывающий, словно испепеляющий взор. Пугающе немногословен был хан. Что-то задумал он, обманывая и хитря. Какой пакости ждать завтра от коварного врага?

Густой желтый кумыс не утоляет жажду, не бодрит, а горькой желчью давит на желудок. Слуги, которые не спускают глаз с батыра, готовы выполнить любое желание, не слуги... а безмолвная, бдительная стража. Не радуют, не дают успокоения измученному телу ни эта просторная юрта, где он отдыхает, ни роскошная постель, ни прохлада.

Коварен хан. Негой, покоем хочет усыпить бдительность, расслабить тело, сломить стойкость духа. Как выдержать это искушение? Так хочется хоть на мгновение забыться, погрузиться в сладкую дрему, ни о чем не думать, просто отдыхать, наслаждаться покоем, нежиться в роскошной постели.

После обильной еды, вымытый, чистый, одетый в дорогое платье, лежит Тауман на мягкой постели. Раны его смазаны целебными мазями, аккуратно перевязаны. Слуги

откинули кошмы со стены, и степной шелковистый ветерок выдул из юрты жару и духоту, подкрался прохладной негой, освежил разгоряченное лицо, влечет в такое заманчивое, сладостное небытие, которого так жаждет измученное, израненное тело...

Но нет, нельзя ни на миг расслабиться, забыться. Этого и добивается хитрый, лицемерный хан.

«Ищи силу и твердость в своей пламенеющей молодости, в любви к родине», – будто шепнул Тауману прохладный ветерок, прилетевший из милого сердцу края.

«Пусть моя молодость – огонь пламенеющий. Но хитрость коварного врага словно ливень, тушащий пожар. Где взять силу еще более могучую?»

«Стыдись! Ты сын отважного народа. Можешь отдать тело, но не честь. Погибнуть, но не перешагнуть через совесть. Ради отчизны высоко и гордо держи честь воина. Это и есть опора, которая не даст тебе споткнуться, затоптать совесть».

«Честь нужно оттачивать, не отточишь – загубишь. Хорошо, он опутает меня хитростью, обманом? Где найти еще более мощное оружие, чтобы победить хитрость и коварство, вырваться из неволи? Как и где отыщу я его?»

«Отыщешь в священной любви к родной стороне, к родной земле».

«Ты прав, вольный ветер, дующий из родимых мест. Спасибо тебе, я получил ответ и для души, и для тела. Ты прав, сильнее всего на свете любовь к родной земле. И это чувство обостряется у человека, который, как и я, по коварству судьбы оказался вдали от родины и тоскует по ней.

О, родная земля, что дороже тебя в целом мире? Не плачь обо мне, не печалься, не проливай горьких слез. Никогда я не опорочу твое светлое имя. Ради тебя я готов совершить невозможное, готов биться с любым врагом. В часы испытаний от любви к тебе молнии ярости рождаются в моей груди.

Земля родная! Просторные степи твои, озера и реки, лесные кущи и родники – они не просто природа, а Родина, они свет жизни моей, любовь и гордость моя. Мечту о тебе лелею в груди своей, ношу в сердце своем.

О, родная земля, ты сердце мое, бьющееся в груди. Загроюешь ты, заплачу и я, засияет солнце радости и счастья над тобой, переполнюсь радостью и счастьем и я. Без тебя нет у меня смысла в жизни. Горсть земли твоей – талисман на моей шее. Умру – одеялом укроет эта горсть меня. Если и вознесусь я на вершину солнечного счастья, то лишь на твоей груди. Коль упаду с той высоты, опять же только на твою грудь. Мы с тобой как две струны одной домбры, две косы за спиной красавицы. Все, что есть во мне хорошего, – от тебя, земля родная, за это я в вечном долгу перед тобой. Ты – живой дух, который всегда поддерживает меня в трудностях и невзгодах.

О родная земля, чтобы стойким был я, ты при рождении завязала мою пуповину вспышками молний. Чтобы чиста была моя душа – искупала ты меня в предрассветной росе. Белыми облаками качала мою колыбель из листьев. Аргамак, резвящийся на груди твоей, научил, вырвавшись на простор, лететь навстречу схватке с врагом. Соколы твои, парящие в небе, звали меня к высотам. Бури и ливни, горные тропы оттачивали мою силу и мощь. Выдержку я взял у твоих гор, геройству учился у тебя, о, священная земля моя. Поэтому верь сыну своему. Любые трудности и невзгоды перенесу, не дрогнув, с высоко поднятой головой. Никогда не подведу тебя.

Правда, ты сейчас далеко от меня, родная земля. Но с тобой мое сердце, моя жизнь. Не пожалею сил, все вынесу и вернусь к тебе, земля желанная...»

Разволновавшись, вспоминал Тауман картины недавнего прошлого. Счастлив был он в ту пору и радостен. Казалось, ничего не предвещало беды. Удачно прошла зимовка. Рано, с первыми вестниками весны – подснежниками, перекочевал аул на летние пастбища. Все вокруг расцвело и зазеленело. Земля, похожая на огромный ковер, разукрашенный белыми, желтыми и красными цветами, заиграла, засветилась красотой драгоценного девичьего наряда. Все выше и выше взбирался сокол, словно стремился догнать плывущие в светлом небе облака. Горный ручей, журча игривым смехом, прыгал с камня на камень, пригоршнями подбрасывая вверх искрящиеся на солнце хрустальные

брызги. Ветерок-джигит, чистый и прозрачный, как роса, щекотал, заставляя улыбаться, цветы, словно девушки, в танце склоняющиеся к земле. И звенела над просторами необозримой степи переливистая трель птиц, во весь голос воспевающих нежную красоту пробудившегося от зимней спячки края.

Опьяненный свежестью весеннего дня, переполненный молодой бодростью и удалью, далеко в степь забрался вместе с девушками и джигитами Тауман. С ними была и сестра его Казына. Верхом на конях, веселые и беззаботные носились они по бесконечному цветущему ковру, звонко перекликаясь, шутя и смеясь.

Незаметно пролетело время. Когда вернулись в аул, и Тауман остановил аргамака у коновязи, вечер уже вступил в свои права. Радостный и беспечный прыгнул Тауман с коня, не обратив даже внимание на то, что обычно веселый и улыбающийся конюх стоял нахмуренный, озабоченный. Не придал Тауман значения и тому, что мать не встретила его, как обычно, у юрты.

И только когда вошел в свою юрту и разделся, чтобы принять омовение, почувствовал Тауман беспокойство, непонятную тревогу. Быстро привел себя в порядок и поспешил к родителям.

Войдя в юрту, Тауман увидел лежавшего на деревянной кровати отца. Он был в жару, лицо его пылало. Мать что-то искала в сундуке среди множества свертков и кулечков.

«Снадобье ищет, – догадался Тауман, – опять отец заболел».

Последние годы почти каждую весну валила с ног отца старая болезнь. Налетала она стремительно, укладывала Турлыбека в постель. Обычно сутки мучился отец, борясь с неутолимой жаждой. Пил чашу за чашей. Утихнет жар, забудется, задремлет Турлыбек, тяжело дыша и стеная во сне. И снова проснется, мечась в жару. Снова пьет чашу за чашей. Покрывшись потом, немного затихал.

Если в течение суток болезнь не отпускала, пил тогда отец серое, похожее на пепел снадобье, приготовленное из корней разных трав и растений. И хворь постепенно покидала его...

По словам матери, отец заболел еще вчера, под вечер. Но не велел, даже приказал ничего не говорить детям: «Не надо их напрасно беспокоить. Болезнь привычная, как пришла, так и уйдет». А вот и не ушла...

Всю ночь Тауман вместе с аксакалами аула просидел около кровати отца. От выпитого настоя трав лучше ему не стало. Наоборот, даже несколько раз впадал в беспамятство. Перед рассветом привезли знахаря. Осмотрев больного, поинтересовался: то ли лекарство дали. Получив положительный ответ, сел рядом с аксакалами:

– Все в руках Аллаха, подождем до утра. Роственники Турлыбека смотрели на знахаря, знахарь на больного, метавшегося в забытии. Утром знахарь, уткнувшись в широкую седую бороду, долго думал, потом обвел взглядом собравшихся, прочел в глазах немой вопрос: «Что же дальше?» Вздохнув, начал издалека:

– Больной бредит, даже пить не просит. Это нехорошо: болезнь долго продлится... Вижу один путь спасения. Узок этот путь. Трудно говорить о нем, еще труднее не говорить.

Знахарь опять тяжело вздохнул и замолчал.

– Ради Турлыбека, опоры нашей, говори. Нет ничего страшнее неизвестности, – заволновались аксакалы.

Знахарь посмотрел на Таумана, перевел взгляд на его мать.

– Сообщают даже о смерти, – проговорила байбиче с мольбой глядя на знахаря, – Не молчи, скажи всё. Любая правда, пусть и неприятная, лучше неизвестности.

– На том берегу Яика, – произнес старый знахарь, – под одиноким тополем облюбовали свое гнездовье змеи. Нужно поймать одну из них и приготовить из яда лекарство. Ничем нельзя остановить эту болезнь, только змеиным ядом. В чем тут трудность? Змеи злобны, чуть что – нападают первыми. Никого не подпускают к гнездовью, сразу же набрасываются на любого. Поэтому пешим невозможно приблизиться к ним...

– Что же делать?

– Верхом на коне надо. Подскакать, накинуть петлю на змею и вскачь – прочь. Все дело в отваге, ловкости и быстроте. Тут решает мгновение.

– Так в чем же трудность? На коне так на коне. Разве мало у нас отважных и ловких джигитов?

– Джигитов-то много, но это еще полдела, – возразил знахарь. – Надо еще коня найти. Сами знаете, как лошади змей боятся. Какой из ваших аргамаков осмелится войти в змеиное гнездо?

Приумолкли аксакалы, призадумались, перебирая в уме аульских коней.

– Переплыть Яик и войти в гнездовье может только каурый тулпар Таумана – лучший из лучших.

– Но ведь каурый никого и близко не подпускает к себе, кроме Таумана, – возразил знахарь, – только молодой господин в силах оселать его...

– Ты прав. Нрав у каурого тулпара, как у дикого кулана, одно название, что он родился от кобылицы, – своенравен, непокорен. А к Тауману он привык, когда еще жеребенком был. Так и ходил за ним, словно собака на привязи, – сказал старый побратим Турлыбека по походам,

– Вот я и мучаюсь, – произнес знахарь, – думаю: вправе ли мы обрекать молодого господина на такую, можно сказать, смертельную опасность?

Приумолкли аксакалы, затаила дыхание растерявшаяся от неожиданной угрозы для ее первенца мать Таумана. Тишину нарушил юный джигит:

– Чего здесь долго думать? Еду!

– Не спеши, сын мой, это не праздная прогулка, а опасный путь, – возразил отцовский побратим. – Надо все хорошенько обдумать.

– Да чего тут долго думать? – загорячился Тауман, вставая: – Еду, и все тут.

– Обожди, джигит, – остановил его знахарь, повернулся к матери Таумана и почтительно спросил: – Что скажешь, байбиче?

Согласно закивали головами аксакалы: «Ей, матери и жене, решать, только ей...»

А мать Таумана сидела молча, в нерешительности и сомнениях, как путник, не могущий найти в темной ночи тропинку, ведущую к дому.

– За отца не жалко жизни, – пылко воскликнул Тауман. Его загоревшиеся, словно уголья саксаула, глаза с мольбой и решимостью смотрели на мать: – Отец – опора народа. А кто я? Да и не ради смерти я еду, а ради жизни. Аллах свидетель, вернусь целым. Разреши, мать...

– Как я могу отказать священному порыву сердца любящего сына? – со скорбным вздохом проговорила байбиче. – Езжай, дорогой мой, любимый... Только береги себя, вернись здоровым и невредимым. Погибнешь – и отцу не сможешь, и горем сразишь меня. Езжай. Белым молоком окроплю твой путь...

– Аксакал, сотворите молитву, – склонился в низком почитательном поклоне Тауман перед отцовским побратимом. – Я сейчас же отправляюсь в путь.

– Сегодня среда, несчастливый день, – возразила мать и попросила: – Не надо, верблюжонок мой, не ездь сегодня.

– Надо спешить, пока болезнь не взяла верх. Змеиный яд прогонит ее. И чем скорее я его добуду, тем лучше будет для больного. Я еду сейчас!

– Все в руках Аллаха, – мягко проговорил знахарь. – На все его воля.

– Хорошо, езжай, верблюжонок мой, – поколебавшись, разрешила мать, ласково проведя рукой по щеке сына. – И возвращайся поскорее.

Десять джигитов отобрали аксакалы для сопровождения Таумана до берегов Яика. Нетерпеливо бьет копытом землю уже оседланный тулпар, рвется с привязи. В орде собрались самые почтенные люди аула. Побратим Турлыбека сотворил молитву, прося у Аллаха удачи для молодого джигита.

– Аминь!

– Да услышит всевышний нашу молитву!

– Аминь!

– Дай, Аллах, доброго пути!

– Аминь! – раскрытыми ладонями собравшиеся погладили свои горестные, бледные лица.

Тауман с джигитами вскочили на коней. Солнце уже стояло в зените.

Побежали дни ожиданий. Несмотря на суету знахаря, больному становилось все хуже. Он часто впадал в забытье, метался в жару, бредил. Черная тень горя и печали опустилась на аул. Притихли даже дети. Аул казался вымершим. Женщины не выходили из юрт. Все взрослые мужчины молча часами просиживали около орды Турлыбека. Давно вернулись провожавшие джигита всадники. А Таумана все не было, как в воду канул.

Только на седьмые сутки ожил аул – пронесся слух: Тауман вернулся. Все собрались у коновязи, где спешился юный джигит. Запыленный, с запавшими глазами, протянул он знахарю глиняный кувшин с пятнистой змеей, взглядом спросил: «Ну как тут?»

– Все в руках Аллаха. На все воля его, – неопределенно ответил знахарь и поспешил в юрту. Тяжелым, усталым шагом последовал за ним Тауман.

Но и змеиный яд не помог Турлыбеку. Больной слабел на глазах. – Если бы дня на два раньше, – сокрушался, оправдываясь, знахарь. – Набрала силу болезнь.

Еще сильнее сгустилась скорбная тень над аулом. Справляться о здоровье Турлыбека приезжали из соседних стойбищ, даже хан прислал своего гонца.

– Все в руках Аллаха, – молитвенно возводя глаза к небу, отвечал знахарь.

И вдруг, на десятые сутки, радостная весть пронеслась над аулом: «Слава Аллаху, отец наш ожил, перестал бредить, пришел в себя...»

А Турлыбек, утолив жажду, заснул. Проснулся хоть и слабым, но бодрым. Жар спал. Батыр снова попросил напиться. Некоторое время лежал молча, поглядывая на окруживших его аксакалов, родственников, плачущую байбиче, припавшую к постели дочь.

– Не плачь, – положив руку на голову Казыны, произнес Турлыбек. – Аллах смилостивился над нами.

Он опять обвел юрту глазами, словно отыскивая что-то, попросил:

– Сесть бы мне.

Наперебой кинулись родственники к старому батыру, бережно приподняли, усаживая, заботливо подложили под спину подушки.

– А где Тауман?

– Здесь, здесь, сейчас придет.

Тауман, увидев сидящего на кровати отца, замер от неожиданности, потом, странно всхлипнув, припал к его ногам.

– Поднимись, сынок, – проговорил Турлыбек, – дай взглянуть на тебя.

Обняв за плечи сына, притянул к себе, понюхал лоб, расцеловал в обе щеки. Аксакалы переглянулись: так обычно Турлыбек поступал перед тем, как идти в поход.

И возликовал род берши. Великая радость пришла в аул. Засновали, громко переговариваясь, между юртами женщины, слышался звонкий смех детей, словно очнувшихся ото сна. И только знахарь оставался мрачным.

– Что печалит тебя, что угнетает? – спросил побратим, – Скажи, может, я помогу тебе.

– Кончается положенный Аллахом срок жизни льва нашего, – прошептал знахарь.

Побратим испуганно посмотрел на него, отвел в сторону, гневно бросил:

– В своем ли ты уме, старик? Что ты мелешь? Какой срок? Прикуси язык и не каркай, как ворон над добычей...

– Ради жизни славного батыра я готов не только сойти с ума, но и умереть в муках. Но чует мое старое сердце – близко, ох близко облако черного горя...

– Ничего не понимаю... Турлыбек очнулся, пришел в себя... А ты беду кличешь?

– Что тут понимать: по воле Аллаха Турлыбек пришел в себя, чтобы проститься перед смертью, – сказал знахарь, смахивая слезы с глаз.

И тут Турлыбек неожиданно заговорил, тихо, но твердо:

– О, мой народ! Обрати взор и слух ко мне. Чувствую, близок час мой...

Ропот протеста прокатился по юрте.

– Нет, нет, – поднял руку Турлыбек. – Мне лучше знать. Сердце вещает мне об этом.

Турлыбек помолчал и продолжил в гнетущей тишине, повисшей в юрте:

– Народ мой, вечно врагом твоим был; междоусобица: брат шел на брата, род на род Зависть и корысть разъедают твоё тело! Если хотите мира, не враждуйте между собой, не замыкайтесь в своих родах, а объединяйтесь. Тогда никакой враг вас не осилит. Помните, богатство, счастье народа начинается с единства. Береги... – речь Турлыбека оборвалась на полуслове. Глаза его закрылись. Вместе с последними лучами заходящего солнца ушел навеки из жизни прославленный батыр...

Плач и стенанья взметнулись над аулом. Тауман, убитый горем, сидел у изголовья отца. Горечь и печаль разрывали сердце юного джигита: «Глазам бы моим ослепнуть, чтобы не видеть. Ушам оглохнуть, чтобы не слышать... Горе, ты высосало кровь из моего сердца, растерзав его своими безжалостными когтями.

Отец мой любимый! Ты был весной моей жизни. Как зазеленею я без тебя, мой лев, моя сила! Небо жизни моей! Неужели я потерял тебя? Что же мне делать без тебя? Как земля вынесет это горе? Ушел от нас батыр – опора народа, его счастье и слава, сила и мощь, радость и веселье.

О, мой народ, стонущий в горе, омывающийся кровью печали! Лучше испытать адские муки, чем видеть слезы твои, слышать стенанья твои...

Нет, нет! Не то говоришь ты, мой язык. Ошибаешься и ты, мой ум. Я – надежда и сын отца, схожего со старым дубом, которого не в силах сломить горе, сын стойкого свободолюбивого народа. Если я предамся слезам, где я возьму мужество и силу, чтобы осушить реку слез моего народа? Ведь если чисто голубое небо, по нему сможет летать даже ночная сова. Какая цена соколу, если не сможет он силой крыльев своих устоять против бури и ливня?

Нет, горе, не осилить тебе меня. Не думай, что я все тот же молодой беркут с еще не оперившимися крыльями. Не сломать тебе меня горькими испытаниями. Если надо для народа – смело брошусь на молнию грозовую, которая заставляет дрожать землю, надвое раскалывает черные тучи».

А вскоре на мирный аул напал враг. Среди родов, сплотившихся под знаменем Турлыбека, был один, довольно сильный, мужчин которого батыр часто укорял за двуличность, алчность и коварство. Они завидовали славе и достатку Турлыбека. Но при жизни батыра открыто выступать против него не решались, только исподтишка злословили и ворчали, возводили всякие небылицы.

Смерть батыра развязала им руки, и они решили воспользоваться удобным для них случаем. До побратима Турлыбека, ставшего во главе осиротевшего рода, доходили слухи, на первый взгляд до того невероятные, что слегший от горя после смерти Турлыбека побратим не поверил и не придал им никакого значения. А весть была такова: послали, мол, недоброжелатели гонца к джунгарам с тайным предложением. Они хотели, воспользовавшись бедой, постигшей род, склонить джунгар к совместному нападению на аул Турлыбека. Добычу же предлагали разделить поровну...

Растревоженный воспоминаниями, ворочался на пышной постели Тауман. Вновь и вновь не давали покоя мысли: «Зачем освободили его из заточения? Кому, для чего понадобился он? Какую участь готовит ему судьба? Что стало с его родным аулом?» И опять видения прошлого начали тесниться в его голове...

После переезда на летние пастбища, когда раскинули юрты, а кобылиц поставили на привязь, одним из солнечных дней собрались в белой орде Турлыбека самые почтенные мужчины аула, чтобы по старинному обычаю вкусить первый летний кумыс. Был здесь и Тауман, скромно сидевший немного в стороне от аксакалов.

Неторопливо и мирно текла беседа. Довольные успешно проведенной зимовкой аксакалы предсказывали обильное лето. Только Турлыбек был чем-то озабочен, больше молчал, чем говорил. И было непонятно, слушает ли он аксакалов или где-то витают его мысли. Побратим спросил:

– Брат мой, Турлыбек, мы всегда делили поровну и печали и радости. Что тревожит тебя, какие неприятные одолевают мысли? Скажи. И, может быть, в наших силах рассеять их?

Турлыбек очнулся от своих дум, провел рукой по глазам, словно отгоняя видения, проговорил нерешительно:

– Плохо спал я эту ночь – сновидения тревожили мою душу... – и замолчал, колеблясь: стоит ли говорить.

– Поведай нам, что встревожило тебя, – настаивал побратим.

– Видел я густой лес, – неторопливо начал рассказывать Турлыбек. – Сколько ни вглядывался в кедры и березы – признать не смог. Нет, они мне были незнакомы. День стоял летний, солнечный. Вместе с джигитами ехал я под густыми тенистыми кронами деревьев. Все вокруг дышало тишиной и спокойствием. Вдруг сокол, сидевший на моей руке, заволновался, стал рваться с привязи, закричал. Раз, другой... Никогда с ним такого не было.

Турлыбек замолчал, видимо переживая случившееся. Никто не потревожил его, не поторопил.

– Я огляделся, – продолжал Турлыбек. – Мы очутились на огромной поляне. На земле лежал глубокий снег. Все кругом, куда достигал глаз, было белым-бело... И тут, вздымая снег черным взмыленным конем, подскакал голец, закричал:

Уходит, Туреке, уходит. Чего же ты медлишь? Пускай скорее, пускай сокола. Не то опоздаешь». Я недоверчиво оглядел совершенно пустынную заснеженную поляну. Но все же на всякий случай освободил сокола от пут. Он взлетел и тут же стремглав бросился вслед откуда-то появившейся огненно-красной лисице. Она молнией сверкнула по поляне, взлетела на дальний горный распадок и юркнула в расщелину между скал. Сокол парил в небе, то спускаясь низко, то вздымаясь ввысь. Лиса выглянула из-за скалы. Но когда сокол упал на нее, вдруг превратилась в свирепого рычащего льва...

Подскакав к скале, увидели мертвого, с переломанными крыльями сокола и лису с разодранной, кровоточащей мордой...

Турлыбек прикрыл глаза, будто вглядываясь в возникшее видение, продолжил:

– Все пропало, и мы вновь очутились в лесу, зеленевшем в объятиях лета. Вдруг, испугавшись неизвестно откуда

взлетевшей совы, встал подо мной на дыбы Белолобый. От неожиданности я едва удержался в седле, схватившись за гриву тревожно ржавшего коня... Сразу все потемнело вокруг. Пожелтели, пожухли листья на деревьях. Сдуваемые налетевшим ветром, дождем посыпались на землю. А ветер, все сильнее ломая ветви, и, обрывая листья, мгновенно оголил густой бор.

Куда-то пропали джигиты, и я повернул Белолобого к аулу. Пошел ливень с градом. Шатались и падали разметаемые бурей юрты... И вдруг я, пеший, среди табуна. Лошади мечутся по степи, разбегаются в стороны. На сопке появился плачущий верблюжонок. Рядом белая аруана пытается встать на ноги и не может. С ржанием носятся взад и вперед кони. Среди них – тулпар Таумана. Уздечка свободно волочится по земле. На золоченом седле – следы запекшейся крови. А среди табуна рыскает матерый волк. Вдруг он кинулся на отставшего от серой кобылы жеребенка. Тот бросился под защиту тулпара. Волк вертелся вокруг, а тулпар рвал его зубами, бил копытами...

И опять я на Белолобом, который принес меня в аул. Из юрты выбежала байбиче. Бледная, как выбеленное солнцем полотно, плача закричала: «Оборвалась юная завязь белой орды. Потерялось золотое кольцо с пальца моего». В следующий миг байбиче уже плакала вместе с откуда-то появившимся верблюжонком. К их плачу присоединились тревожное ржание тулпара, тоскливый, заставляющий трепетать душу человеческую, зов аруаны...

Турлыбек замолчал, облегченно и в то же время как-то тяжело вздохнул, словно освобождаясь от гнетущего груза. Посмотрел на притихших аксакалов, будто говоря: «Я полностью поведал вам свой сон. Что вы скажете о нем?»

Но молчали аксакалы, застывшие в тяжком раздумье. Никто не решался заговорить первым. Очень уж странный был сон, страшный своей необычностью, необъяснимостью.

Нависшую тишину нарушил старый побратим:

– Почему опустили головы? Почему приуныли, аксакалы? Сон ведь – лисий помет...

– Немало за свою жизнь я перевидал снов, – произнес Турлыбек с дрожью в голосе. – Но такого загадочного, зловещего – никогда. И мучает меня еще и то, что приснился мне он, когда перекочевали на новую стоянку.

Глаза Турлыбека, всегда сверкающие огненными молниями перед опасностью, сейчас были потухшими, какими-то поблекшими. Он переживал все как будто увиденное не во сне, а наяву. Побратим, заметив это, поспешил отвлечь его, успокоить.

– А ты сам-то как? – спросил он. – До юрты добрался целым? Вместе с Белолобым?

– Добраться-то добрался целым, но...

– Тогда никаких «но», Я скажу тебе: сон говорит о том, что ты потеряешь часть своего скота, и только.

– Отдам не только часть, но и все стадо. Лишь бы мужчин наших миновала беда, все бы остались целы и невредимы, – вздохнул Турлыбек.

Тауман, сидя в стороне, с изумлением поглядывал на отца, не узнавая его. Батыр, как кряжистый дуб, всегда, не дрогнув, встречал любую беду, любую опасность. А сейчас упал духом, переживает из-за какого-то глупого сна. Неужели правда, что так расслабляет домашний очаг? Ведь отец уже давно не ходил в поход против врагов. Или верно говорят аксакалы, что человек с возрастом становится мнительным? Нет, не к лицу это батыру, которому народ вверил свою судьбу. Осуждающие, гневные слова готовы были сорваться с уст юного джигита. Но не принято говорить младшему, когда молчат старшие.

И, словно почувствовав состояние сына, угадав его мысли, заговорила байбиче.

– Батыр, – сказала она, по обычаю казахских женщин не называя мужа своего по имени. – Разве переезд на новое место не праздник? В такой особый день нельзя думать о плохом. Да к тому же у всех у нас радость – посетил нас гость дорогой, твой сверстник, знахарь.

– Наша байбиче всегда права, – засмеялся Турлыбек, воспрянув духом и отбросив все сомнения. Сегодня надо веселиться, радоваться, а не предаваться думам о грядущих невзгодах. Славе богу, с нами пока еще ничего не случи-

лось. А случится, сумеем постоять за себя, нам ведь это не впервой.

И вот уже перед аксакалами прежний батыр – спокойный, уверенный, мудрый. Облегченно вздохнули аксакалы, согласно закивали головами: нельзя нарушать обычай, надо отпраздновать переезд на летовку.

В полдень на ближайшей сопке около аула водрузили знамя. Призывно заиграл, загрохотал керней. Ему вторил тонкий, нежный голос свирели. Слившись воедино, дополняя друг друга, зазвучали они над степью словно пение жаворонка. Народу на сопке собралось видимо-невидимо.

На подобных торжествах большие скачки на дальние расстояния обычно не проводятся. А в скачках на короткое расстояние настоящего скакуна не выявить. Поэтому в байге принимают участие и те, у кого кровные аргамаки, и те, у которых обычные кони. Счастье для бедняка, никогда не получавшего приза, коль его мерин придет к финишу хотя бы наравне с аргамаком.

И зашумело, заискрилось смехом праздничное веселье. Байга сменилась борьбой, борьба – стрельбой из лука... Молодые джигиты, красуясь перед девушками, наперегонки показывали свою силу, ловкость, умение обращаться с конем, с луком, арканом.

Незаметно подкрался вечер. Взрослые разошлись по юртам беседовать за дастарханом. Часть молодежи уселась играть в кости. А наиболее непоседливые, неугомонные соорудили алтыбакан – качели, и веселье вспыхнуло вновь.

Тауман некоторое время сидел среди старейшин в юрте отца, слушал их бесконечные рассказы о прошлых временах, о славных походах, подвигах батыров, ставших легендарными. Из юрты он вышел, когда в ауле уже начали готовиться ко сну. Полная круглолицая луна, добродушно улыбаясь, осветила своим нежным молочным светом молодежь, собравшуюся около алтыбакана. Внимание Таумана привлекла песня. Задумчивая, с мягкими, негромкими переливами, легким ветерком неслась она по степи.

Тауман, решивший было лечь спать, невольно подчиняясь напевному зову, завороченно сделал шаг, другой и... побежал навстречу песне.

Озаренные лунным светом, сидя друг против друга на алтыбакане, вели песню юный джигит и девушка; остальные тихо, вполголоса, словно боясь спугнуть влюбленных, подпевали им. Тауман узнал Кылышбая – единственного сына побратима Турлыбека и свою сестру Казыну. Пламенеющие и, в то же время, какие-то просветленные лица, глаза, излучающие нежность, песнь о чистой любви – многое сказали Тауману.

«Коль дружат отцы, дружны и дети» – это святое правило впитал в плоть свою Тауман с молоком матери. Поэтому похожий на него характером, честный и смелый Кылышбай – единственный сын побратима Турлыбека – его верный, душевный друг. И все же, несмотря на это Таумана охватило чувство ревности. Как? Его маленькая сестричка любит не только его, Таумана, а кого-то еще?

Первым порывом было броситься к влюбленным, накричать, растерзать предателя Кылышбая. Сдерживая, перебивая себя, Тауман остановился, в смятении запрыгали мысли: «Это когда-нибудь, поздно или рано, должно было случиться... Такова жизнь. Девушка и парень полюбили... Ты же должен радоваться, что выбор Казыны пал на твоего лучшего друга...»

Не зная, что делать, как быть: подойти или незаметно скрыться, переминался с ноги на ногу озадаченный Тауман. Из оцепенения его вывел девичий голос, прозвеневший как серебряная монета на золотом подносе:

– Здравствуйте, Тауман-ага. Круто повернувшись, Тауман увидел подошедшую к нему стройную гибкую, как тростинка, девушку.

– Здравствуй, Нурсауле!

На миг глаза юноши и девушки встретились и тут же в смущении метнулись в сторону.

– Тауман пришел!

– Тауман-ага!

– Куда же ты пропал?

– Иди к нам, – послышались приветливые голоса. Молодые джигиты окружили Таумана, дружески похлопывали по плечу, обнимали. Казына и Кылышбай спрыгнули с качелей. Прервалась песня, печально унеслись и замерли

вдали обрванные на полутакте звуки домбры. Тауману стало неловко, что невольно нарушил слаженную песню сверстников, прервал их веселье. Но к ним уже спешила светлоликая, скуластенькая молодая женщина, жена брата Нурсауле.

– Ау, люди! – смеясь, заговорила она. – Что это вы стоите, точно в гости пришли? Почему погасло веселье? Или устали, маленькие? И вам пора баиньки? Еркежан, что стоишь как в воду опущенная? Идем, теперь твой черед...

Сжав своими длинными сильными пальцами нежный локоток Нурсауле, потянула ее к качелям, усадила на них. Повернувшись к толпе, весело, с вызовом, предложила:

– Пусть напротив Еркежан сядет джигит. Но, предупреждаю, только стойкий джигит, уверенный, что не растает от светлых чар Еркежан. Ну, кто из вас самый смелый?

– Смотрите, как она расшумелась, – заговорили джигиты, – расхвасталась, напыжилась, словно старый индюк!

– Коль Еркежан – красная лисица, – важно заговорила смуглая молодуха, жена двоюродного брата Таумана, – найдется и на нее красавец-парень, сокол настоящий, сумеющий перехватить ее в беге.

– А ну, пошли, Салджигит, пошли, – подскочила она к Тауману и, посмеиваясь, потянула за руку к качелям: – Посмотрим, на что способны они и что можем мы.

Тауман, внутренне обрадовавшись вмешательству своей женге, в голосе которой проскальзывали многозначительные волнующие нотки, постарался сдержаться, не показать свои чувства. Взбудораженная душа торопилась покачаться на алтыбакане вместе с Нурсауле, но Тауман, хотя и был моложе девушек и парней, собравшихся тут, вспомнил о своем особом положении – сына батыра – и решил проявить спокойствие и выдержку. Хитрая молодуха, не обращая внимания на слабое сопротивление Таумана, усадила его на качели напротив Нурсауле.

«Оказывается, нет счастья превыше, чем качаться при лунном свете на алтыбакане вместе с молодой девушкой и петь задушевные песни, – думал Тауман в ту ночь. – Не знал я до сих пор ни с чем не сравнимое удовольствие, ког-

да душа не может насытиться и жаждет, требует песни еще и еще».

Но эти мысли пришли к Тауману потом, позже, когда он, расставшись с Нурсауле, остался один. Сейчас же он наслаждался стремительным полетом, звонким голосом Нурсауле, любовался ее раскрасневшимся, ставшим для него таким милым и дорогим лицом... Тауман был счастлив.

Девушка и юноша готовы были качаться бесконечно, беспредельно, не замечая ничего и никого вокруг, только друг друга. Так не хотелось покидать этот рай, о котором они раньше даже не подозревали. Но всему приходит конец. Своей очереди ждали другие. И Тауман с великой неохотой уступил качели следующей паре.

Потрясенные внезапно раскрывшимися перед ними чувствами, Тауман и Нурсауле, смущенные и оробевшие, стояли молча, не принимая участия в искрившемся вокруг веселье, даже не поддержали песню, вновь взвившуюся в ночное небо.

«Неужели все, конец, — лихорадочно думал Тауман, — сейчас прощаемся и разойдемся по домам?»

Нет, расставаться им не хотелось, но и быть в круговороте молодого веселья тоже. Тауман робко взял руку девушки, тихо спросил:

— Может быть, пойдём поиграем в кости? Нурсауле, молча соглашаясь, ответила на пожатие джигита. И тогда, воспрянув духом, Тауман громко объявил:

— Мы идем играть в кости. Кто с нами? Желающих не оказалось. Медленно, касаясь друг друга плечом, пошли Тауман и Нурсауле, сопровождаемые многозначительными, все понимающими смеющимися взглядами.

А в степи было чудесно. Луна проложила свою серебристую дорожку. И, казалось, влюбленные не идут, а плывут в лунном свете по густому ковро терпко пахнущих полыни и ковыля. Не сговариваясь, пришли Тауман и Нурсауле на берег реки.

Глаза джигита встретились с блестящими глазами девушки, которая стояла, прижавшись спиной к дереву. Забились сердца, как рыба в сети, заиграла горячая кровь. Нурсауле,

смущенная огненным взором Таумана, потупилась, лицо залилось румянцем.

«Нурсауле – лунолика, – подумал Тауман, – как соответствует ей ее имя. Лунолика...»

А Нурсауле действительно была чудо как хороша. Белое длинное платье и короткий красный камзол скрывали ее юную фигуру. Среднего роста, ладная, подтянутая – красные сапожки на высоком каблуке подчеркивают стройность ног. Губы маленького рта алеют, как черешни. Словно первый пушистый снег белеет в ночи ее лицо. А румянец на щеках – это лучи заходящего солнца на белом снегу. Черные выразительные глаза, большие, словно глаза верблюжонка, белая полная шея, узкий подбородок, брови как крылья ласточки, ровные белоснежные зубы – все у девушки было по-молодому привлекательно и прекрасно – и могло поразить любого. А для влюбившегося Таумана было верхом совершенства.

Робко, стыдливо поглядывают друг на друга джигит и девушка. Словно связала их какая-то невидимая великая сила, и они позабыли о времени, о том, что пора возвращаться по домам. Осторожно обнял Тауман девушку, поцеловал в глаза, долго с любовью и нежностью вглядывался в ее ставшее таким дорогим лицо.

В ту ночь Тауман и Нурсауле не произносили солнечных слов о любви, не клялись в верности. Сердца их молча, без слов поняли, поверили и полюбили.

Далеко за полночь расстались влюбленные. Но наедине с собой не смогли сомкнуть глаз. Так в мечтах и грезах, встретили наступивший рассвет.

...Чудесные видения недавних счастливых дней, как душевная песня, успокоили взбудораженное сердце Таумана. И он уснул, окунувшись в грезы сладостного сновидения. Снова увидел себя с Нурсауле на берегу реки среди молодого тальника и густой травы. Солнце, еще не успевшее подняться высоко в небо, светило ласково и приветливо. Остановившись у небольшой березки, Нурсауле с нежностью обняла Таумана белыми полными руками. Горячее, свежее дыхание, ласковое объятие словно обожгло Таумана. Он пригнулся, собираясь поцеловать затрепетавшую

девушку. И вдруг Нурсауле отпрянула от джигита, с расширенными от страха глазами, дрожащими тонкими пальцами показала на густой камыш:

– Там, там...

Схватив ее за плечи, Тауман резко повернулся и увидел приготовившегося к прыжку полосатого тигра. Джигит бросился навстречу кровожадному хищнику, закричал и... проснулся от собственного крика. Потный, задыхаясь от пережитого ужаса, Тауман некоторое время безмолвно лежал, стараясь отогнать страшное видение. Немного придя в себя, поднялся с кровати и, разбитый, опустошенный, вышел из юрты.

Солнце уже клонилось к закату. Тауман, стоя у порога, жадно вглядывался в даль, туда, где находилась недостижимая сейчас для него, но горячо любимая родная земля. Вдруг кто-то задышал над ухом, тихо тронул за плечо. Тауман обернулся. Рядом стояла, обнюхивая его, аруана. Изумленный и обрадованный, юноша узнал верблюдицу из стада своего отца, принялся гладить ее по шее, приговаривая:

– Милая, откуда ты появилась?

Вспомнилось, когда вставал с постели, дрогнула стена юрты, словно кто-то потерся о нее. Тауман не обратил тогда на это внимания, а сейчас догадался:

– Так это ты звала меня? Как же ты нашла меня? Как узнала?

Аруана лизнула Таумана в лицо, посмотрела туда же, куда только что смотрел юноша, опять лизнула его, словно говоря: «Что же ты стоишь? Давай – пошли».

Джигит вытер слезившиеся глаза аруаны, ласково погладил по шее:

– Милая, и ты хочешь домой? Я тоже. Но нельзя сейчас, еще не пришло время.

Аруана, словно поняв юношу, тужко вздохнула. А к ней уже бежали с проклятьями слуги, чтоб водворить ослушницу на место.

Неумолимая судьба опять привела Таумана к джунгарскому хану с лошадиной головой и лисьим лицом. Но сегодня он шел не как пленник, его не подталкивали и не пинали.

Нет, он шел как мужчина – свободно, с гордо поднятой головой.

Шестикрылая белая юрта-орда была заполнена незнакомыми Тауману людьми. Глядя на серебряный пояс одного, на позолоченную чалму другого, на роскошную одежду третьего, юноша понял, что это знатные люди аула. Смело перешагнув порог, он остановился и молча посмотрел на сидевших на почетном месте.

Молчали и собравшиеся. Они поглядывали на хана, возвышавшегося на торе, как гора, на Таумана, застывшего в ожидании, словно каменное изваяние. Хан сидел, опустив голову и полузакрыв глаза. Но из-под густых, нахмуренных бровей замечал малейшее движение присутствующих. По неподвижному лицу цвета засохшей глины невозможно было угадать настроение хана. Но по резко дернувшимся в гримасе губам Тауман понял, что тот едва сдержал злость, кипевшую в груди.

Словно очнувшись от дум, хан поднял голову, пристально посмотрел на Таумана. Тот смело выдержал его взгляд, как бы спрашивая: «Ну, что скажешь?»

Разодетый старик, один из приближенных хана, первым нарушил затянувшееся гнетущее молчание, заговорил вкрадчиво и тихо:

– Разве у твоего народа не принято почитать старших, приветствовать их? Что молчишь? Или ты немой?

– Видать, от страха онемел, – противно захихикал кто-то сбоку.

Но хан-старик взмахом руки остановил смех, спросил Таумана:

– Что молчишь? Или нечего сказать в свое оправдание?

Еле сдерживая ненависть, вспыхнувшую обжигающим душу пламенем, Тауман гордо выпрямился, резко бросил:

– Не по своей воле приехал я издалека. Не к родным, дорогим зятьям, к кому скачешь, не жалея коня. Как же мне в моем положении приветствовать вас?

– Не говори так, не давай волю обиде. Ты сейчас не пленник, а гость, равный со всеми нами. Не нарушай же обычая. Ты самый молодой среди нас. А молодость должна

уважать, чтить старость. Разве не тому учили тебя старейшины рода твоего?

Тауман, переборов себя, решил не перечить и выведать замыслы врага. Поэтому он громко произнес:

– Здравствуйте, люди добрые...

И все же не удержался, вложив едкий намек в слова: «люди добрые».

Сидевшие на торе закивали головами, забормотали:

– Здоровья тебе, сынок! Пусть растет слава твоя!

– Проходи на тор, Тауман дорогой, – сказал хан, покосившись на стариков. Те заторопились, освобождая место для Таумана рядом с ханом.

– Ты сейчас, видать по молодости, по недомыслию, поторопился сказать лишнее, мол, не к зятьям приехал, – продолжал хан, когда Тауман уселся. – А мы с божьей помощью думаем породниться с тобой. Такова воля Аллаха, и не надо противиться ей,

– Ты шутишь, повелитель? – вспыхнул молодой джигит.

– Держишь меня в неволе, а разговор завел о родстве?

– Ни к чему сейчас слепо злиться, валить все в одну яму, – снова заговорил разодетый старик. – Не давай злобе ослепить свой светлый ум. Выслушай меня спокойно, дорогой. Не зря здесь собрались сегодня самые почтенные и уважаемые люди. Они хотят принять тебя, мужественного батыра, в свои объятия, назвать родным и дорогим сыном.

Стиснув зубы, слушал Тауман старого джунгара, продолжавшего плести льстивый и коварный словесный узор. Он понял, что старик высказывает пожелание шестидесятилетнего хана, который захотел взять в младшие жены его сестру Казыну. Но для этого необходимо было его, Таумана, как старшего брата, согласие, разрешение. Если он согласится, то ему окажут всяческие почести. Ему дадут скот, много скота, возведут белую юрту, дадут горячих скакунов, богатое оружие. Он сможет взять в жены самую красивую девушку здешних мест. Одну, другую – сколько его душе будет угодно. А если не согласится? Если не согласится, то... какой «почет» ему окажут, старик не сказал, многозначительно замолчав. Тауман и сам понял, что его ждет. Но ад, в который собирались его ввергнуть недру-

ги, не страшил юного батыра. Ради чести мужской, ради родины, своего народа он готов вынести, не дрогнув, все испытания.

«Вот только Казынаш, — болью пронзило сердце, — несчастная сестра. Соглашусь я или нет, все равно она будет мучиться и страдать в рабских путах. Заставит страдать и меня. Родная земля мне так же дорога, как и кровная сестра. Как брошу ее я в объятия врага? Своим согласием я предам не только сестру, но и родину. Хан уверен: если я отдам ему в жены сестру, то приму и его почести. А значит, останусь на чужой земле. Предав сестру, не спасу ни ее, ни себя, предам родину. Так о чем же я думаю, о чем рассуждаю? Передо мной один путь, путь тернистый, но только он достоин батыра».

Тауман, приняв решение, шагнул к испуганно отшатнувшемуся старику, заговорил громко, непреклонно:

— О, аксакал, убеленный мудрой сединой, тебе я говорю слова свои, чтобы ты их донес до слуха хана твоего, который и в шестьдесят своих лет не нажил ума. Ведь я в глазах его глупый юнец без чести и совести, которого можно лестью и подачками склонить на свою сторону, заставить предать свой народ, свой род. Как он мог в мыслях своих даже на мгновение решить, что он достоин моей единственной Казынаш? Разве уживутся вместе цветущая молодость и блекнущая старость? И постыдился бы ты, аксакал, быть посредником в таком неправом деле. Твой обещанный рай не для меня. Коль кулан свалится в колодец, даже лягушки будут смеяться над ним, как над последней падалью. Я не падаль, чтоб смеяться надо мной. Пусть я умру преждевременно, но пока бьется сердце мое, вам меня не сломить. Никогда ночь не покроет навечно мраком землю. Неотвратимо наступит рассвет, засияет солнце.

Не принуждайте сестру, не насмехайтесь надо мной. Ни одно насилие не остается без возмездия. Придет и ваш черед. Даже лев сломает себе хребет, если вздумает бросаться на луну.

Старый джунгар молчал, замороженно глядя на юного джигита. Его поразило, что юноша, совсем еще мальчишка, держится с таким благородным достоинством. И хотя

его рассердили непочтительные, гневные слова Таумана, он невольно подумал: «Непобедим род, имеющий такого сына! Да, о подобном наследнике любой отец может только мечтать... Его обязательно надо приблизить к себе — он станет украшением рода».

Старик, заметив взгляд хана, заторопился:

— Зачем так говоришь, дорогой джигит, зачем напрасно нас обижаешь? Мне кажется, ты не понял одного. Это не насмешка над тобой, а тем более не насилие над твоей сестрой. Наш род хочет сблизиться с вашим родом. Мы говорили об этом с твоей сестрой. Она сказала: если брат даст разрешение, я согласна.

— Согласна? — Тауман не поверил своим ушам, — Ты говоришь — согласна? Не может этого быть.

— Не веришь, выслушай ее сам, — старик калмык кивнул стоящему у входа слуге.

Снова наступило гнетущее молчание. Молчал хан, молчали и его приближенные. А у Тауманаш все смешалось в голове: «Казына согласилась.. Как же так? Нет, не может этого быть, не такая она, чтобы поступиться честью... Или она что-то задумала, или ее заставили силой, хитростью.. Что-то здесь не то. Но сейчас Казына придет и тайна раскроется..»

Но что происходит на свете? Который уже день я томлюсь в неволе, а никто даже не прислал мне весточку из родимых мест. Как они там? Или, может быть, никого из батыров нет в живых? Если бы родственники были целы, обязательно дали бы знать о себе. Свой может обижаться, но в руки смерти не отдаст.

А может, снова вспыхнула междоусобица? Позабыв обо всем, они перегрызлись между собой? Зависть и раздор — самое страшное, что может быть на свете. Каждый, не думая о народе, беспокоится лишь о собственном благе. Если бы не это, разве сидели бы они сложа руки по домам? Совесть и честь бросила бы их в седла боевых коней...

Наверное, и Казынаш, отчаявшись и разуверившись в помощи, дала согласие. Говорят, утопающий хватается даже за соломинку... Кому хочется уходить из жизни молодым,

когда и старики ею дорожат? Но нет, лучше умереть, чем влачить такое жалкое существование...

Постой, постой, Тауман. Не горячись, опомнись, приди в себя. Как говорит мать – не верит только черт. У подножия синих гор обитает сильный род твоей матери. Коль достигнет их весть, они сразу же сядут на боевых коней... Нет, нет, скоро наступит этот долгожданный мир... Не упало бы только мое знамя».

Словно легкий ветерок пробежал среди приближенных хана: аксакалы, как по команде, повернули головы к входу в юрту. Глянул туда и Тауман. У порога, застыв в нерешительности, опустил голову и уставившись в пол, стояла Казына.

Сон или явь? Неужели это Казына? – провел ладонью по глазам Тауман. – В чужой одежде, с потемневшим исхудавшим лицом, на котором, казалось, только и остались глаза – огромные, карие.

Тауман, забыв обо всем, охваченный чувством любви и жалости, вскочил на ноги:

– Казынаш!

Девушка вздрогнула от неожиданности, вскинула голову и, увидев брата, кинулась к нему:

– Брат мой, опора моя!

– Сестра моя, моя Казынаш, золото мое! Прижавшись к брату, Казына склонила голову к нему на грудь. По дрожи, пробежавшей по ее телу, Тауман понял, что она еле сдерживает рвущиеся из глубины сердца рыдания. «Плакать перед врагом – значит позорить себя», – спохватился Тауман, что у него самого слезы наворачиваются на глаза. Сильно сжав сестру за плечи, он немного отстранил ее от себя, заглянул в лицо. Казына, увидев нахмуренные брови брата, поняла, что он недоволен и что она допустила ошибку. Огромным душевным усилием остановила слезы, улыбнулась. Тауман, довольный выдержкой сестры, взял ее за руку, усадил на свое место на торе. Сам же опустился чуть ниже, сел напротив Казыны. Провел ладонью по своему лицу, будто стер следы радостного оживления от встречи. И опять предстал перед собравшимися спокойным, невозмутимым, уверенным в себе джигитом:

– Простите, что я нарушил обычай и не сдержал чувств своих при виде сестры. Не вините за порыв моего сердца.

Он посмотрел на хана, давая понять, что теперь слово за ним. Но хан опять промолчал, лишь едва заметно кивнул старику, доверяя ему продолжать торг. Тот словно только и ждал ханского знака, заговорил, обращаясь к девушке:

– Дорогая Казына, наши намерения по отношению к тебе мы высказали, как и обещали, брату твоему. Он хочет услышать о твоем согласии из твоих уст.

– Я сказала, – тихо произнесла Казына и, хотя обращалась к старику, смотрела только на Таумана, – если брат разрешит, я согласна. Повторяю снова: это одно условие. Второе, чтобы хан не подходил ко мне, пока не пройдут сорокадневные игры. И третье – пусть никаких условий, приказов не будет по отношению к моему брату. Все остальное в вашей власти.

Тауман по устремленному на него пристальному взгляду сестры понял, что она действительно что-то задумала. И чтобы еще более утвердиться в своей догадке, он спросил:

– Ты хорошо подумала, Казына, прежде чем решиться на этот шаг? Не случится ли так, что после пожалеем об этом и ты, и я, но будет уже поздно ?

– А что тут думать, наивный мой брат. На все воля Аллаха. Судьба забросила нас далеко от родной стороны. Что же делать, если теперь нет иного пути?

– Тогда буду краток. Пусть Аллах даст счастье тебе, верблюжонок мой, – сказал Тауман и, повернувшись к старику, добавил: – Даю свое согласие.

– Слава Аллаху!

– Живи долго, сынок!

– Это слово мужчины!

– Умный человек все понимает с полуслова.

– Хорошо, что не оттолкнули своего счастья, – наперебой заговорили приближенные хана.

– Теперь сядем за дастархан.

– На той хану приношу четыре головы скота.

– Я даю шесть.

– Я – восемь.

– От меня прошу принять девять...

Клятвы и заверения в любви и преданности хану раздавались со всех сторон. Но Таумана и Казыну не коснулось общее оживление. Свои невысказанные слова они донесли друг другу взглядом.

Расшумевшиеся хозяева вышли наружу. Начались приготовления к тою. И только старик остался сидеть на месте, наблюдая за Тауманом и Казыной: встревожили старца последние слова девушки.

VI

Аруана, которую выпустили из темного сарая и выгнали на пастбище недалеко от аула, потихоньку, шаг за шагом, отдалялась от чужого для нее стада. Так, пощипывая траву, часто прислушиваясь, отошла она на порядочное расстояние, в ожидании, что вот-вот раздастся стук конских копыт и появится табунщик. Но все было спокойно. И только какой-то непонятный звук тревожил аруану. Она всматривалась в сторону аула, но ничего пугающего не доносилось и оттуда.

Нет, погони еще не должно быть. Табунщик верблюдов, с которыми паслась аруана, около недели не спускал с нее глаз. Стоило ей отойти т стада хотя бы на несколько шагов, как он появлялся рядом. Но, кажется, пастух постепенно поверил, что аруана смирилась и не убежит.

Успокоившись, он последние дни почти не тревожил ее. А сегодня еще до темноты уехал в аул и не появится на пастбище до тех пор, пока не взойдет солнце. И все же незнакомый, непонятный звук то и дело доходит до сознания аруаны и тревожит ее.

Аруана опять остановилась, настороженно осмотрелась, вслушалась в раскинувшуюся ночную степь. Тишина и спокойствие царили вокруг. Серебрилась в потоках лунного света полынь, залившая чуть возвышающиеся вдали сопки, темнеющие низины. Сорвавшись с вершины, стремительно прочертила небо искрившаяся зеленоватым светом звезда.

И, все-таки, аруана тревожилась: что готовит ей судьба? Склонив голову, она жадно принюхивалась к ветру, дующе-

му из родной стороны. И тут поняла, что это за звук: это же стучало ее сердце, волнующееся перед дальней дорогой.

Подняв высоко голову, аруана вздохнула полной грудью, сорвалась с места и устремилась туда, где лежала ее родная земля.

За время пребывания на чужбине испытала аруана два наиболее тяжелых для нее удара судьбы. Первый, когда она поняла, что не в силах бежать, оставив своего верблюжонка. Второй, когда ее разлучили с ним, с единственным светлым лучиком в чужой стороне.

Эти коварные удары выбили было аруану из колеи. Она, отчаявшись, затосковала сильнее. Но сейчас, придя в себя, вырвалась на свободу и стелется в беге по тропе своей мечты.

Одна за другой померкли звезды на небе. Предраcсветная прохлада приободрила аруану, придала ей новые силы, и она все ускоряла и ускоряла свой бег. Взошедшее солнце не смогло осушить своими теплыми ресницами пот, обильно выступивший на теле верблюдицы. Но и наступившая жара не остановила аруану. Уже раз побывав в руках своих преследователей, вернувших ее в неволю после неудачного побега, она старалась уйти как можно дальше, оказаться недосыгаемой для погони. А это было возможным только в родном краю, куда не осмелились бы последовать за верблюдицей недруги. Поэтому аруана без передышки бежала весь день и следующую ночь, хотя и изрядно устала. Одно желание, одна мечта манила и поддерживала ее силы – скорее попасть домой.

Только на вторые сутки перед рассветом замедлила свой бег верблюдица. Горький пот застилал глаза, щипал зрачки. Тяжелое дыхание вырывалось из судорожно вздымавшейся груди. Аруана почувствовала, что не в силах продолжать стремительный бег. Надо хотя бы немного отдохнуть, остудить пот, перевести дыхание и тогда опять, как ветер, по-нестись дальше.

Добежав до густого тальника, росшего на берегу, верблюдица в изнеможении опустилась в тень, полежала немного. Затем вошла в прохладную голубую воду, долго и жадно

пила, Выйдя на берег, осмотрелась и снова уверенно отправилась в путь, отдохнувшая и посвежевшая.

В первую ночь побега аруана перевалила невысокие горы. Затем бежала низинами и сопками, которые накатывались, чередуясь, как волны. Теперь же перед ней лежала без конца и края пустыня – самая трудная часть пути. Коль преодолет ее, проскочит, как говорится, на одном дыхании, то перед ней откроется родная земля, где много воды и густого травостоя. А дальше все будет легче. Дома и стены помогают.

Немилосердно припекало солнце. Раскаленный песок жег ноги. Жара затрудняла дыхание. Но аруана неслась, рассекая грудью густой, какой-то тягучий, застоявшийся воздух. Час за часом, версту за верстой отмеряла она. И только в сумерках перед ней открылась зеленеющая степь.

Аруана перешла на шаг, жадно вдыхая показавшийся таким вкусным, освежающим долгожданный воздух родной земли. Приветливо освещала путь полная луна. О чем-то ласково шептала серебристая полынь. То и дело путались под ногами шары вкусного перекасти-поля. Аруана ликовала: еще совсем немного, еще одно усилие и она – дома.

Решив опять перейти на стремительный бег, верблюдица на миг остановилась, словно прикидывая расстояние, отделявшее ее от дома, и вдруг замерла в тревоге. Она увидела россыпь мигающих звезд, плывущих в ночи ей навстречу.

Волки – степные хищники и мародеры! Дрожь пробежала по телу верблюдицы. Растерявшись от охватившего ее ледяного страха, она затопталась на месте, не зная, что делать, куда бежать, чтобы спастись от надвигающейся опасности. А тем временем, мерцая как угли, множество огоньков, величиной с наперсток, неумолимо и стремительно приближалось к аруане, охватывая ее широким полукольцом.

И аруана, резко сорвавшись с места, подгоняемая страхом и отчаянием, собрав в кулак свое мускулистое тело, ринулась вперед, стремясь разорвать окружающую ее огненную цепочку и вырваться на степной простор. Взвизгнул неуспевший увернуться от верблюжьих копыт молодой волк, покатился по земле с переломленным хребтом. Другой

прыгнул на аруану, целясь в горло, но промахнулся, упал в траву, успев все же рвануть ее за бок до крови. А с другой стороны уже прыгнул на аруану третий... Волки смотрели на стоящую в воде верблюдицу. Отдыхали, не торопились, поняв, что теперь жертва уже никуда не уйдет от них...

И тут прокатился над рекой громкий устрашающий рев. Из густого камыша выскочил полосатый тигр, молнией взвился в прыжке и обрушился на вожака волчьей стаи. Голодные озлобленные волки, защищая свою добычу, кинулись на тигра. Завертелся на берегу клубок из звериных тел. Мелькала то тигриная пасть, то волчьи морды. Истощенный визг, злобное рычание, летящие в разные стороны клочья шерсти.

Верблюдица, не обращая внимания на кровавую схватку, медленно подплыла к противоположному берегу. Холодная вода уняла боль, вдохнула силу в истерзанное усталое тело. Выбравшись на песчаную отмель, аруана побрела по степи. Ослабевшие ноги плохо слушались. Но верблюдица, спотыкаясь и пошатываясь, все шла и шла. Только бы не упасть, пройти. Только бы не упасть, не упасть...

VII

Пышно праздновал свою свадьбу хан. Со всех концов его владений и от соседей съехались гости. Днем и ночью пылали костры вокруг аула, одуревшие от усталости слуги варили, жарили, пекли всевозможные яства. Бурлили, шумели толпы людей на игрищах.

В одну из ночей прокрался в юрту к Тауману Кылышбай. Юный батыр не сразу признал в оборванце со щекой, подвязанной грязной тряпкой, своего друга. А тот, приблизившись к лежавшему Тауману, шепнул:

– Сегодня ночью, когда все уснут, приходи на берег. Только будь осторожен. Так просила передать Казына.

Тауман даже не успел удивиться, спросить Кылышбая, как он сюда попал, что они затевают, так внезапно тот исчез. Шепнул и пропал, словно и не было его тут вовсе, будто ветер принес тайные слова. А взволнованный Тауман остался на своем ложе, обдумывая их смысл. Еще во время разговора с Казынаш в ханской юрте юный батыр

сообразил, что сестра что-то задумала, и принял условия задуманного ею плана, не ведая его подробностей. Сейчас же ему стало ясно: готовится побег.

И Тауман засомневался: к лицу ли ему бежать тайком под покровом ночи? Достойно ли это такого батыра, как он? Не ляжет ли позором этот поступок на его род? Но не выполнить просьбу Казыны тоже нельзя. Она будет его ждать. И не прийти на реку – значит предать ее, подвергнуть опасности.

«К тому же, – подумал Тауман, – я здесь не по собственной воле, я пленник; хотя и освободил меня хан от пут, даже саблю вернул, все равно я пленник его. И честью своей не клялся, что буду смирен и не убогу».

Долго сомнения грызли Таумана. Бежать тайком – позорно. Но не использовать представившуюся возможность значит признать, что он не мужчина, стремящийся к свободе, а раб, добровольно оставшийся на чужбине, довольствующийся подачками с ханского стола.

Нет, ведь он дал свое согласие на брак сестры и хана и именно ради этой возможности – бежать, воспользовавшись свадебной суетой. Что же тут позорного? На хитрость недругов они ответили хитростью своей, мнимой покорностью усыпили их осторожное око.

А как поступили с ним его захватчики? Разве они взяли Таумана в открытом бою? Нет, выскочили, как собаки из подворотни, накиннули» внезапно. Нечего раздумывать, надо бежать. Пусть скажут – трусливый беглец. Пусть болтают, чточ хотят. Вырвавшись на свободу, Тауман сумеет объединить свой народ. Соберет войско и нападет не исподтишка, а победит в открытом, честном бою.

А если побег не удастся, их поймают и с позором приведут в аул? Нет, этому не бывать. Он лучше убьет тогда сестру, а затем покончит с собой. Смерть лучше позорной неволи.

И тут Тауман даже вздрогнул, оборвал себя. Убить Казыну? Нет, нет, даже в мыслях нельзя допустить этого. Убить свою любимую несчастную сестричку? Надо сделать все, чтобы побег удался наверняка. Казына – твоя опора в трудные дни, крылья твои. Любить и нежить должен Тауман ее. Благодарить за тонкий ум. В трех условиях, поставленных

хану Казыной, сколько продуманного смысла. Ведь она предвидела, что если хан потребует от Таумана поклясться не пытаться бежать на родину, он окажется привязанным без повода. Все знают, что настоящий батыр никогда не нарушит данного слова. А хан понял условия Казыны на свой лад. Он поверил, что Тауман согласился породниться с ним, стремясь к почету и богатству. И, значит, станет верным его нукером. Ай да Казынаш, мудрее всякого аксакала оказалась, всех вокруг пальца обвела.

Взвесив все «за» и «против», Тауман решил: пусть все совершится так, как задумала сестра. Будь что будет.

В полночь, когда затих утомленный аул, Тауман, не зажигая огня, оделся, взял саблю и кинжал и вышел из юрты, осторожно перешагнув через храпевшего у порога слугу. В непроглядной темени безлунной ночи, крадучись, на ощупь подобрался к коновязи. Каурый аргамак, признав хозяина, приветливо заржал. Вздвогнув от неожиданности, Тауман потрепал коня за гриву, успокаивая, прислушался. Утомленные свадебным весельем и выпитым вином спали вповалку прямо на траве прислужники хана. Лишь дружный храп нарушал ночную тишину.

Тауман попытался отвязать уздечку аргамака, но крепко затянутый узел не поддавался. Нагнувшись, вцепился в него зубами, и тут кто-то сзади тронул его за плечо. Выпрямившись, Тауман увидел стоящего рядом конюха. Батыр отпрянул в сторону, молнией сверкнула сабля, и слуга без стопа упал на землю.

Птицей взлетел джигит на оседланного аргамака, задев случайно привязанного рядом коня. «Надо и его прихватить! — мелькнула мысль. — В дальней дороге запасной скакун — большое подспорье».

Тихим шагом, чтобы не выдать себя стуком лошадиных копыт, двинулся Тауман к реке. Заехав в густой тальник, притаился, не слезая с коня. Ни Казыны, ни Кылышбая еще не было.

Медленно текло время. Батыр чутко вслушивался в ночь, напряженно ожидая: вот-вот раздастся стук копыт. Где-то в степи завыл, затыкал шакал. Взбrehнули аульские собаки. И снова тишина — вязкая, гнетущая. Тревожные мысли начали одолевать Таумана: «Где же Казына? Не случилось

ли чего? Не перехватили ли ее на полпути? А Кылышбай? Как он попал сюда? Что с ним?»

До боли в глазах всматриваясь в темноту, Тауман пытался отогнать прочь мрачные мысли, но они назойливо возникали снова и снова:

«Почему Казына и Кылышбай задерживаются? Может быть, сестре не удалось бежать и ее схватили? Тогда почему я стою здесь, не спешу на помощь? Возврата в аул мне нет. Убив конюха, я отрезал все пути, остался только один – на родину. Но где же моя сестричка, где мое крылышко? Я не должен оставлять ее на чужбине: ей расплачиваться за мой побег. Что же делать? Попытаться освободить ее? Но спокойно, спокойно. Тауман. Если бы Казыну задержали, в ауле поднялся бы переполох. А пока все тихо... Подожди, не торопись принимать решение...»

Мысли Таумана нарушили два всадника, неожиданно вынырнувшие из-за высокого, густого камыша. Казына и Кылышбай? Наконец-то! Тауман облегченно вздохнул и выехал из своего укрытия.

Тауман обнял обоих и почувствовал себя соколом, у которого выросли крылья. Молчание прервала Казына:

– Время дорого, коке.

– Да, пора в путь, – вскочил в седло Тауман.

– Возьми, ага, – Кылышбай протянул ему боевой лук и колчан, полный стрел. – В дороге всякое может случиться.

– Спасибо, друг, – обрадованный Тауман схватил верное, испытанное оружие. И, заметив, что за плечами Казыны и Кылышбая также висят луки, добавил: – С таким оружием нам никто не страшен. В путь!

– Помогите нам, аруах! – сказала Казына. Но Тауман медлил.

– Если поскачем по проторенной дороге, – сказал он в раздумье, то топот копыт наших тулпаров разбудит ночную тишину, донесется до аула. Это обязательно насторожит кого-нибудь. Поэтому, думаю, нам лучше пробираться берегом, песчаные отмели и травяной покров заглушат ход коней. Хоть путь этот более долог, но зато мы можем не сдерживать наших тулпаров.

– Ты прав, Тауман, – согласился Кылышбай. Беглецы двинулись в путь, торопясь уйти как можно дальше, пока их не хватились и не послали вслед погоню. А в том, что она будет, никто не сомневался. С восходом солнца в ауле наверняка обнаружат их исчезновение. И преследователи будут многочисленны и упорны. Что ждет беглецов? Вырвутся ли они на свободу или опять попадут в неволю?...

VIII

Аруана медленно брела по зеленевшей солнечной степи, ничего не замечая вокруг. Померкла, как-то притупилась радость, вспыхнувшая в ее сердце, когда она ступила, наконец-то, на долгожданную родную землю, избавившись от волчьей стаи. Все силы ее были сосредоточены на том, чтобы не потерять сознание, не упасть, добраться до родного аула. И она брела, спотыкаясь, не решаясь остановиться, передохнуть: если приляжет, найдутся ли силы подняться?

Солнце, словно следуя за аруаной, тоже медленно катилось по небу, поднимаясь все выше и выше. И с каждым часом припекало все сильнее и безжалостней, словно каленым железом обжигая раны на теле верблюдицы.

Слабеет аруана, каждый шаг дается все труднее и труднее. От потери крови кружится голова, пеленой заволакиваются глаза. И тогда аруана спотыкается, подгибаются дрожащие от усталости ноги. Уже несколько раз верблюдица чуть-чуть было не упала. Откуда только брались силы, чтобы устоять на ногах. А так хотелось лечь, дать отдых измученному телу. Но чувствовала, если ляжет, то больше не встанет.

И упорно брела аруана по степи, отреченная, вне времени и пространства. «Домой, домой», – стучало сердце. Шаг, еще шаг, еще... Только не упасть, только не упасть...

Солнце уже скрылось за горизонтом, оставив только свой отблеск на небе, когда верблюдица, наконец-то, добрела до аула, до юрты Турлыбека. И тут силы оставили ее, и как подкошенная упала она у порога.

Мать Таумана, в траурной одежде, сидела в юрте, закрыв глаза и монотонно раскачиваясь из стороны в сторону. Горе безжалостными когтями терзало сердце старой женщины.

С той ночи, когда недруги напали на аул, когда погибли захваченные врасплох многие мужчины их рода и пропали ее дети, Казына и Тауман, убитая горем байбиче словно закаменела. Молча сидела в юрте, не пила, не ела, устремив невидящий взгляд на дверь. Уговоры родных и близких не действовали на нее, словно не доходили до ее сознания. В глазах застыла одна только мысль: «Бедные дети, где вы, что с вами?»

На миг очнулась байбиче, когда на другой день после обрушившегося на аул несчастья к юрте на взмыленном коне подскочил Кылышбай. Весть о набеге настигла его, когда он не спеша возвращался с дальнего пастбища, куда его посылал с поручением отец, старый побратим Турлыбека. В грязной, запыленной одежде он спрыгнул с седла, диким, обезумевшим взором окинул разоренный аул.

Окружившие Кылышбая плачущие женщины повели об убитых, о пропавших Казыне и Таумане. Какой-то клекот, не то крик, не то рычание, вырвался из горла Кылышбая. Он вбежал в юрту и бросился к ногам несчастной матери:

– Я найду их, байбиче, умру, а найду. Благословите меня.

Байбиче нагнулась к джигиту, приподняла, поцеловала в лоб:

– Да поможет тебе Аллах, сын мой.

Вихрем умчался джигит из аула и... пропал. Сколько дней и ночей прошло, а не было о нем никаких вестей. Как не было вестей и о Казыне с Тауманом.

«Видимо, он погиб понапрасну», – мелькнула горькая мысль, и байбиче опять погрузилась в бездну своего нестихающего горя.

Странный звук от падения чего-то тяжелого, а затем тяжкий вздох вывели байбиче из оцепенения.

«Кылышбай! Кылышбай вернулся», – сверкнула радостная мысль. Байбиче даже не послала, по обыкновению, слугу узнать, что там случилось, поднялась с места и, с трудом переставляя ослабевшие ноги, опираясь на палку, вышла наружу. У порога, распростершись на земле, лежала аруана.

От неожиданности байбиче даже схватилась за сердце.

С ужасом глядя на израненное, казавшееся бездыханным тело верблюдицы, байбиче узнала ее.

«Это же наша аруана, – вспомнила она. – В прошлом году ее выменяли у нас и увели слуги джунгарского хана. Бедная, что же с тобой случилось на чужбине... А ведь там, по слухам, томятся и мои дети...»

Вокруг толпились уцелевшие аульчане. Нахмурившись, молча, сбитые с толку, смотрели они на дышавшую с трудом верблюдицу. Вдруг она зашевелилась, подобрала под себя ноги, пытаясь встать, но не смогла.

Байбиче нагнулась: из глаз аруаны текли слезы. Слезы горечи и боли, слезы радости и облегчения...

IX

Три всадника тайком бежали глубокой ночью из аула, но коней вскачь погнали не сразу. Хоть и дорога была каждая минута, первое время ехали осторожно, крадучись, стараясь не потревожить чуткую ночную тишину. Застоявшиеся аргамачи грызли, похрапывая, удила, нетерпеливо прядали ушами. Но всадники не давали им воли, придерживали горячившихся коней. Не дай бог выдать себя конским топотом. Время у беглецов есть, едва ли обнаружат их исчезновение до рассвета. Беспробудно сейчас спит загулявший ханский аул. Но осторожность – есть осторожность. Никогда еще она никому не возбранялась. Недаром говорят: береженого бог бережет.

В молчании проехали с полчаса. Тауман остановил коня, прислушался. В безмятежном сне отдыхала степь. Тишина стояла такая глубокая, вязкая, что звенело в ушах. Только пофыркивали, потряхивая головами, нетерпеливые кони.

– Пора, – тихо проговорил Тауман, отпуская поводья.

Тулпар, словно стрела, спущенная с тугой тетивы, стремительно сорвался с места. Засвистел ветер в ушах, горячая кровь забурила в жилах. Какому джигиту не по нраву такая гонка? Тауман, пригнувшись к холке, летел вперед. Бодростью, удалью наполнилось тело. Рядом, бок о бок с его конем, на коротком поводке распластался в беге серый ханский аргамач.

«Сбылась мечта, а казалась неисполнимой! Я снова на своем верном тулпаре. Только бы не споткнулся в ночи, товарищ мой верный! – заклинал в душе юный батыр. – Будь нам опорой, священный предок Батыраш. Если благополучно достигнем родины, обязательно вернусь и отомщу. Только не дай врагу опять застать меня врасплох, а сведи нас в честном открытом бою! Без сожаления умру за землю родную...»

Тауман спиной чувствовал горячее дыхание несущегося по пятам аргамака Казыны. Подпоясанная в дорогу широким шелковым поясом, девушка сидела в седле, чуть склонившись вперед. Ее конь не привык глотать пыль из-под копыт скачущего впереди. Он стремится обогнать коричневого тулпара. Но Казына, хоть и устают руки, твердо держит уздечку, не дает воли своему скакуну: нельзя нарушать порядок. Это не праздничные скачки, не увеселительная прогулка. Здесь ставка одна – жизнь.

«Пусть наш путь будет добрым, о, всевышний, – молит девушка, – Хоть и темной ночью, но с чистым сердцем отправилась я в дальнюю дорогу. Лишь бы добраться до родной земли, обнять и утешить истосковавшуюся мать. Ничего больше не прошу у судьбы...»

След в след за скакуном Казыны, не отставая ни на шаг, несетя крапчатый аргамак Кылышбая, выдавший немало жарких схваток на своем веку. Без устали проскакав день и ночь, он может с ходу ворваться в гущу сражающихся. Обученный приемам боя, чуть сгибает колени, когда джигит натягивает лук, при взмахе кинжалом поворачивается в сторону движения руки.

Мчатся в ночи трое всадников, чьи думы и надежды слились воедино. Вперед, только вперед! Прочь тревожные и беспокойные мысли. Вперед, только вперед... Каждый миг приближает их к заветной цели. Вот уже солнце подморгнуло им, краешком выглянув из-за горизонта. На мгновение задержалось, словно высматривая, все ли спокойно вокруг, и покатилося по небосводу, осветив путь беглецам, нежно лаская их лица своими лучами.

Время от времени Тауман поворачивал аргамака, делал небольшой круг по степи, всматриваясь в даль – не насти-

гает ли погоня. И опять устремлялись вперед всадники. Но теперь они мчались не друг за другом, а бок о бок, чтобы пыль, поднимаемая копытами коней, не оседала на лицах, не затрудняла дыхания.

Летят, распластавшись в беге, аргамаки. Кажется, нет предела их выносливости. Но Тауман предусмотрителен: чтобы дать передохнуть скакунам, по очереди пересаживаются на запасного ханского коня.

Вот уже и солнце в зените. А беглецы и не думают остановиться, передохнуть. Знают – спасение только в быстроте.

Время неумолимо приближалось к вечеру, а путь еще долог. Где-то скачет по их следу погоня, но неизвестно, какая опасность может ждать их впереди. Поэтому нужно быть сильными и бодрыми, готовыми во всеоружии встретить любую опасность.

– Надо дать остыть коням и немного отдохнуть самим, – крикнул Тауман и привстал на стременах, высматривая подходящее место для привала. Невдалеке заблестела окаймленная густым тальником излучина реки, вдоль берега которой они ехали уже более часа.

– Лучшего места не найдешь, – решил Тауман. Всадники поскакали к берегу, спешили. Завели в кустарник и привязали аргамаков, чтобы, не дай бог, случайно, разгоряченные, те не напились воды.

Кони не казались усталыми. Наоборот, возбужденные стремительной скачкой, они нетерпеливо топтались на месте, порываясь продолжить бег.

Особенно бодрым выглядел тулпар Таумана. Он бил копытами землю, призывно ржал, словно говоря хозяину: «Что же ты стоишь? Я еще полон сил – едем. Что же ты медлишь?»

Тауман потрепал аргамака по холке, успокаивая: потерпи, немного отдохнем, и в путь.

Путники устали, хоть и не признавались в этом друг другу. Они с облегчением вздохнули, покинув седла, ходили вокруг коней, разминаясь. Когда те остыли, ослабили им подпруги, напоили и пустили пастись. Голод давал себя знать. В спешке джигиты не догадались прихватить с собой еды. Лишь у Казыны оказался мешочек курта. Немного

поели, утолили жажду прохладной ключевой водой. Прилегли на траву, с наслаждением вытянули уставшие ноги.

Но долго отдыхать было опасно. Тауман вскочил первым, оглядел степь. Все было спокойно.

– Пора в путь, – сказал он, направляясь к коням. За ним последовали Казына и Кылышбай. Быстро подседлали лошадей. И вот они уже снова в дороге.

– Будем двигаться всю ночь без остановки, – решил Тауман. – Аргамаки отдохнули, да и ночная прохлада подбодрит их.

«Может быть, успеем, – думал Тауман, время от времени тревожно поглядывая назад, – все-таки, мы значительно опередили погоню...»

Аргамаки замедлили бег. На пути встало каменистое предгорье. Тропа, извиваясь, поднималась все выше и выше.

«Пройдем ущельем, спустимся вниз, – с надеждой подумал Тауман, – а там останется всего лишь один перегон – и мы в родных краях. Вряд ли посмеют туда сунуться наши преследователи».

«Быстрее, быстрее», – торопил он своего аргамака. Еще один поворот, другой, и откроется ущелье. Задержавшись на вершине, он пристально оглядел степь. Она была, по-прежнему, пустынна. Тауман хотел было тронуться дальше, но вдруг насторожился. Внимание его привлекло чуть заметное облачко. «Это пыль, – понял он. – Все. Догнали», Первым порывом было подстегнуть тулпара, кинуться прочь. Но вовремя спохватился. От погони не уйти. У них отборные кони, да притом у каждого всадника по запасному.

«На открытом месте они нас скрутят мгновенно. Их много. Что же делать? – лихорадочно думал Тауман. – Родная земля так близко. Неужели оборвется надежда? Неужели опять позорная неволя?»

– Кылышбай! Вручаю тебе самое дорогое – Казыну. Вперед, спасай ее.

– А ты? – вскрикнула сестра.

– Я попробую задержать погоню. Ну, что же ты медлишь, Кылышбай? Дорога каждая минута...

Кылышбай в растерянности посмотрел на девушку, на своего друга. Потом до него дошел смысл сказанного.

– Нет, Тауман, – твердо возразил он. – Останусь я. Ты спасешь Казыну.

– Никуда я не поеду, – запротестовала девушка.

– Но ты понимаешь, что сейчас тут произойдет? – спросил Тауман.

Казына упрямо замотала головой:

– Я останусь с вами.

А время стремительно летело, и так же стремительно приближалась погоня.

«Уйти незамеченным никому не удастся, – понял Тауман, – часть преследователей обязательно бросится в погоню».

Поняв это, он не настаивал. Больше никто не произнес ни слова. Отведя за скалу аргмаков и поивязав их друг к другу, они залегли за высокими камнями, затаились.

Всадники, увлеченные преследованием, азартно погоняли коней.

«Может быть, не заметят, проскочат мимо? – мелькнула мысль у Таумана, но он тут же отбросил ее. – Нет, этого не случится: они же идут по нашим следам».

Первым выпустил стрелу Тауман. Молнией сверкнула она в сумеречном воздухе, и передний всадник упал с коня. Запели стрелы Казыны и Кылышбая. Прицел их был тоже точен. Еще два всадника рухнули на землю.

Громкие крики, проклятья разнеслись по степи. Сдерживая коней, растерявшиеся преследователи сбились в кучу. Воспользовавшись этим, беглецы пускали стрелу за стрелой. Промахнуться было просто невозможно.

Опомнившись от неожиданности, всадники рассыпались веером и вскачь, подбадривая себя пронзительными криками, кинулись по предгорью к камням, где укрылись беглецы. Но чем выше они поднимались, тем медленнее шли лошади, и стрелы преследуемых точно находили свои цели. Падали люди, кони.

В замешательстве отхлынули нападающие от скал. Как горох посыпались с коней всадники, бросаясь на землю.

«Их около сотни, – прикинул Тауман. – Силы неравны. Но они внизу, на открытом месте. А мы под надежной защитой».

Несколько раз преследователи пытались бегом добраться до беглецов. Но, потеряв еще пятерых, поняли, что так они не добьются успеха. Лежа на земле, они обрушили град стрел на спрятавшихся за камнями, не давая им даже приподнять головы.

«Так они нас окружают и возьмут голыми руками», — забеспокоился Тауман. Незаметно выглянув из-под камня, он увидел в стороне сбившихся в кучу коней. Решение пришло сразу же. Воспользовавшись, что недруги ослабили обстрел, очевидно совещаясь, что предпринять дальше, он послал несколько стрел в коней. Казына и Кылышбай без слов поняли замысел Таумана и тоже отправили свои стрелы вслед. Вздыбились с душераздирающим ржанием пронзенные стрелами кони, забились в агонии. Остальные шарахнулись в сторону и понеслись по степи. Боясь остаться пешими в глухой степи, всадники бросились ловить коней.

«Может быть, настало время попытаться сесть на аргамаков и пуститься прочь? — подумал Тауман. — Нет, ничего не выйдет. Часть всадников осталась на месте».

Недруги быстро пришли в себя. Поймав лошадей, отвели в сторону и, оставив несколько человек сторожить их, вернулись к оставшимся. Опять лавина стрел обрушилась на камни. Но теперь, пока одна группа стреляла, другая ползком продвигалась вперед. Так, чередуясь, преследователи медленно, но верно приближались к беглецам. Положение тех становилось угрожающим.

«Надо отвлечь врагов. Пока они будут заняты мной, Казына и Тауман успеют уйти. Их прикроет ночная тьма, — решил Кылышбай. — Пусть хоть они вырвутся на свободу. Ради них, близких мне людей, умру без сожаления...»

— Бегите! — крикнул он Казыне и Тауману и, перебегая от камня к камню, спустился немного вниз и в сторону так, что оказался сбоку от врагов. Неожиданно полетевшие отсюда стрелы озадачили нападавших.

Но Казына и Тауман не воспользовались их замешательством, не попытались бежать, а начали тоже стрелять по врагу. И тут Кылышбая настигла стрела, да не одна, а несколько, и он молча упал на землю. Вскрикнув, Казына бросилась к нему.

– Куда ты? – закричал в отчаянии Тауман. – Вернись сейчас же!

И с ужасом увидел, как стрела пробила плечо девушке. Не помня себя, кинулся к ней Тауман, бросился на колени, приподнял голову. Казына открыла глаза, с трудом прошептала:

– Ты беги. Прошу тебя, беги. Еще не поздно. Тьма скроет тебя. Слышишь? Беги, беги...

– Что ты, сестричка, как брошу тебя... А преследователи, решив захватить их живыми, прекратили стрельбу. Шумной толпой двинулись они к беглецам...

Х

Притихшие стояли аульчане около аруаны. Женщины украдкой смахивали набегавшие слезы. А мужчины, при виде верблюдицы, которая, вырвавшись из каменного sklepa неволи, сумела вернуться на родную землю, с ненавистью сжимали кулаки. Закипала мужская гордость. Вспомнили, врагу еще не отомстили. От мальчика до согбенного старца, жаждающие мести аульчане готовы были хоть сейчас, как один, сесть на коней. Даже известные домоседы, не решавшие раньше шагнуть дальше своего порога, готовы были последовать за всеми. Но не было предводителя, не было батыра, который повел бы их за собой. Ушел из жизни Турлыбек. Сраженный горем последовал за ним его старый побратим. Исчез в неизвестности Тауман...

Байбиче приказала привести знахаря. Тот промыл раны верблюдицы, смазал их снадобьями из трав. Аруана затихла. Услышав ее спокойное дыхание, аульчане обрадовались. Но перед рассветом аруаны не стало...

ХІ

Когда преследователи уже готовы были схватить Казыну и Таумана, громко заржал каурый тулпар. Ему вторили другие аргамаки. Недруги насторожились. И, хотя закат уже начинал угасать, в наступающих сумерках можно было рассмотреть густое облако пыли, вдруг взметнувшееся над ущельем.

– Вай, вай, – забеспокоились нападавшие, – что это такое?

И тут из облака вылетело вооруженное войско. Свыше сотни всадников лавиной ринулись в степь, разбуженную топотом копыт, грозными криками, стонами раненых.

– Помоги, аруах!

– Дай силу!

– Аксарбас!

– Каракипчак!

– Вперед, вперед!

Несколько всадников, соскочив с коней, подбегали к Тауману. Основные погнались за преследователями, которые только что готовы были вкусить веселье победы...

Это были кипчаки, родственники Таумана по линии матерей. Они обитали у подножия Каратау. Они не знали междоусобицы, единство – вот что было их главной силой. И теперь они устремились в поход, чтобы освободить Таумана, единственного сына Турлыбека, своего кровного племянника.

Радостью озарилось лицо юноши, сердце забилося так, словно вот-вот вырвется из груди. Вскочив на ноги, он раскрыл объятия своим родичам.

А они окружили лежавшую на земле Казыну. Бережно приподняли ее. Казалось, дыхание радости отогнало от девушки тень смерти. Когда приподняли ей голову, она посмотрела на освободителей, с кличем несшихся по степи, и слова благодарности полились из ее уст. Она благодарила воинов, которые высоко несут честь своего народа. Говорила о том, что без сожаления примет смерть, зная, что будет похоронена в отчей земле. И закрыла глаза.

Словно провожая Казыну в мир теней, все вокруг погрузилось в ночную тьму.

Когда забрезжил рассвет, войско с телами Казыны и Кылышбая тронулось в обратный путь, впереди, на тулпаре ехал Тауман. Что он потерял, что нашел, много ли горя или радости ждет его? Тауман сейчас не думал об этом. Он возвращался на родную землю...

*Перевод с казахского Юрия ЧИЧЁВА.
г. Москва. 1980г.*

НА ОБОЧИНЕ

Рассказ

I

Удушливый зной плыл по городу дымкой, окутывая все, что попадалось по пути. Он забивался в нос, обжигал грудь, заставляя ее ходить ходуном, но не давал такого чаемого живительного вдоха. Каждый новый поток воздуха вместо облегчения вновь приносил лишь порцию жара. Ни ветерка, на дождя... Уже месяц... Раньше времени пожелтели под палящим солнцем листья. Земля потрескалась, высохла, и даже под деревьями казалась жухлой и безжизненной. Асфальт не выдерживал – ноги увязали в топком асфальтовом болоте. Красавец – город у подножья Алатау стал покрываться слоем тяжелой серой пыли. Только ранним утром с гор тянулся еле ощущаемый свежий ветерок.

С утра пораньше, до начала липкой духоты, Айдын по обыкновению побежал к газетному киоску. Многолетняя привычка – начинать день с газет. Белокурая русская женщина в киоске хорошо его знала. У пенсионерки, несмотря на возраст, была отличная память. Знала даже, какие он покупает газеты. Не отходя далеко от киоска, он начал листать газеты, как вдруг услышал такой знакомый низкий с особенной хрипотцой голос:

– Айдын!

Резко обернувшись, он не поверил своим глазам.

– Айдын, ты?! ... Не узнал меня? – неуверенно сказал подошедший смуглый джигит среднего роста с кругленьким животиком. Лукаво прищуренные глаза изучающее глядели на Айдына.

– Почему же не узнал? Гафур! – Искренне обрадовавшись встрече, Айдын протянул было руку, но, повинуясь импульсу, крепко обнял друга.

– Вот уж не ожидал!.. Пропал на долгие годы и вдруг объявился вот так, неожиданно! – Клокочущий голос Гафура уже привлекал внимание прохожих.

Айдын показал на стоящий рядом пятиэтажный дом, – Что же мы тут-то стоим? Пошли ко мне домой?

Гафур сразу понял, что Айдын живет один. В квартире было чисто, даже слишком, но не было ощущения женской руки, того, что называется семейным уютом. От обшарпанных, когда-то выкрашенных в синюю краску стен, пустого серванта, по-армейски заправленной кровати веяло холостяцким духом. – Извини... А где Рымжан и Айбар? Почему ты один?

– Я... потерял... и жену, и сына, – после недолгой паузы сказал Айдын, еле сдерживая слезы, навернувшиеся на глаза. – Четыре года назад, – вздохнув, Айдын еле слышно добавил: – Автокатастрофа. Рымжан и Айбар поехали в Шымкент погостить. На Кордайском перевале автобус перевернулся, и оба погибли... – комок в горле не дал ему договорить.

Гафур дотронулся до руки друга. – И с тех пор ты один? Не женился?

– Не хотел жениться... Ты же знаешь, как я любил Рымжан и как на ней женился... Ты, наверное, помнишь?.. – в голосе Айдына послышался упрек. – Ты же был на нашей свадьбе дружкой?

– Конечно помню! Я помню и грандиозные твои по случаю рождения Айбара и начала его школьной жизни...

– Айбар скончался сразу. А Рымжан умерла в районной больнице Георгиевки, куда ее привезли после аварии. Перед тем как закрыть глаза навеки, ее последними словами были: «Как трудно теперь будет Айдыну. Он во всем полагался на меня...»

Оба замолчали. Чай давно остыл, но Гафур, знавший толк в чае, любивший его хорошо заваренным и горячим, а потому всегда требовавший наливать его ровно на глоток, на донышко, с деланным удовольствием пил

холодный светленький чай из большой пиалы. – Да... А как с работой? Работаешь там же?

– Нет, попал под сокращение.

– Как это? Кто-кто, а ты не должен был попасть под сокращение! – Гафур от возмущения даже привстал.

Айдын невозмутимо кивнул головой: – Ты думаешь?

– Ты и институт окончил с красным дипломом, ты и все время работал только в одном месте. Трудового стажа достаточно... Мы – совсем другое дело. Нет, что ни говори у тебя-светлая голова. Помню, при Советской власти ты участвовал во Всесоюзном совещании изобретателей в Москве. Разве не так? Разве много в Казахстане таких талантливых инженеров, как ты?

– Остались те, кто пришли позже, а мы ушли, – Айдын, казалось, был абсолютно спокоен.

– Это же несправедливость. Тебе же далеко еще до пенсии?

– Боюсь, что я пенсии не дождусь, – тихо сказал Айдын.

– Знающие люди говорят, что для начисления пенсии берется заработная плата последних пяти лет. А я сижу без работы уже два года. А до пенсии еще двенадцать лет.

– Тогда тебе надо браться за любую работу, не выбирая должность.

– А разве сейчас время выбирать должность? Работал в одном месте вахтером, недавно и этой работы лишился, – и на его лице появилась горькая усмешка: – Кому-то и это работа оказалась нужной.

– Ладно! Не унывай!.. Тебя за бортом не оставим. Если найду работу, согласишься переехать в Астану? Можешь эту трехкомнатную квартиру поменять?

– Я не смогу оставить свою Рымжан и своего Айбара, – прервал друга Айдын. – Боюсь, меня понять трудно, но... – у Айдына перехватило дыхание.

Снова наступило молчание. Гафур начал собираться.

– Подумай, – сказал он уже не так настойчиво. – Я по-ищу тебе работу в Астане. В крайнем случае, обращусь к своему шефу.

– Подумаю, – Айдын дружески улыбнулся.

– Приезжай в Астану, погости. Вот тебе мои координаты.

– О-хо! – воскликнул Айдын, взглянув на визитку Гафура. – И сотовый у тебя есть.

– Ой, не нужны мне ни эта визитка, ни сотовый. Это мой шеф делает все это... Да, кстати, а что с твоей диссертацией? Защитил?

– Не защитил.

– Почему? Ты же ее давно закончил?

– Ты знаешь, не люблю я всякие там звания и шумиху, – усмехнулся Айдын.

– Знаю, конечно. Но я от многих слышал, что как специалист ты за пояс заткнешь даже академиков. Если бы у меня были твои знания, я бы мир перевернул.

– Сейчас не знания, а деньги правят миром.

– Да! К сожалению, ты прав!.. Ладно, я пойду. Шеф будет беспокоиться.

– Сколько еще будешь в Алматы.

– Сегодня вечерним рейсом мы с шефом улетаем в Москву. Он отправляется дальше за рубеж на отдых. А я пригоню в Астану новый джип.

Айдын проводил Гафура до автобусной остановки. Утро было жаркое, небо ясное. Но погода в Алматы, как настроение капризной женщины, сорок раз за короткий день может резко измениться. Откуда-то налетевшие тяжелые свинцовые тучи вдруг скрыли солнце. Духота усилилась, и даже ветер, неожиданно подувший с юго-запада, только поднял пыль с асфальта и обжег лицо. Тяжелые теплые капли дождя медленно застучали по земле...

Не зная как толковать такую перемену погоды, Айдын долго стоял, погрузившись в раздумья.

II

Мучил ли его голод или тяжелые, как тучи, мысли не давали покоя, наплывая одна на одну. А может духота материализовалась и свинцом легла на грудь? Либо встреча с Гафуром так разбередила душу? Он не смог в этом разобраться и заснуть до глубокой ночи. «Боже, когда покинет меня черная полоса?.. Неужели, Господи, ты не видишь, как опутывает и сжимает меня тяжеленная цепь неприятностей?.. Помогите мне, Боже!.. Дайте поддержку! Не отворачивайтесь от меня совсем! Ведь я все старался делать по вашим заповедям!». Ворочаясь то в одну, то в другую сторону, он только под утро сомкнул глаза под скрип старой деревянной кровати, и встал не отдохнувшим, а разбитым. От ярких лучей высоко поднявшегося солнца, проникших через дыры старой шторы, в маленькой комнате бетонного дома стало невыносимо жарко.

Еле передвигая почему-то трясущиеся ноги, шатаясь из стороны в сторону, он открыл окно. На улице было еще жарче, и горячий воздух с радостью ворвался внутрь, как-будто сам скрываясь от обжигающих лучей. Сердце вновь защемило, глаза затуманились. Только теперь он вспомнил, что почти не ел уже два дня. Подумал о бульоне, который отложил на случай, если сильно проголодается. «Кажется, в холодильнике было еще что-то съедобное», – в надежде на это, опираясь дрожащими руками о стены он дошел до кухни.

Открыл дверцу холодильника и остолбенел. Все полки были пусты. Лишь в углу он заметил кусочки хлеба и желтую кастрюлю с бурыми от гари пятнами. Съел, подогрев оставшийся на доньшке суп, сваренный неделю назад из костей, и отключил холодильник. «Надо его помыть и почистить, масла же нет, чтоб там хранить... Нет даже чашки молока к чаю... Наступит ли день, когда я смогу варить бульон из костей?.. Дома ничего не оста-

лось на продажу. Может быть, кто-нибудь купит по дешевке этот холодильник?»... .

Съев полтарелки супа и два куска хлеба, Айдын, немножко ожил. Выступила испарина. Теперь попить бы... Он не захотел использовать остаток заварки. Вскипятив воду, заварил высушенную вчера траву и выпил травяной чай. Чтобы заваренный из трав чай не горчиал, он положил туда щепотку соли, так как сахара давно не было, и чай приобрел вкус заквашенного напитка – коже.

Построенный сорок лет назад девятый микрорайон находился на окраине города с ветреной стороны. Айдын жил на верхнем этаже обветшалой пятиэтажной «хрущобки». Войдя в гостиную он обратил внимание на черное пятно, величиной с пуговку, на трубе, идущей от потолка к батареям. Только сейчас он вспомнил, что весной труба на этом месте прохудилась и оттуда капала вода. Он потрогал пятнышко и понял, что дырка сама собой закупорилась от образовавшейся накипи. «Бог на стороне бедных», – мелькнуло в голове.

Лежа на диване, Айдын теперь стал думать о завтрашнем дне и пище. «Вот и сегодня наступило, а что меня ждет завтра? – подумал он. – Вчера на черном рынке просидел с утра до вечера, разложив свое последнее богатство-антикварные книги, а заработал всего лишь триста тенге. Десять из них отдал за проезд. Газеты купил... На сколько же дней хватит оставшихся двухсот семидесяти? Люди такие странные!... Не берут за цену, дешевле в десять раз, книги, которые при Советской власти были в дефиците и продавались только из-под прилавков. Последняя надежда – тридцатитомный медицинский справочник. Если повезет, на вырученные деньги можно пожить некоторое время...»

Телевизор давно вышел из строя. Как назло и радио замолчало!.. На что теперь купить газеты? Айдын, чувствующий себя оставшимся на необитаемом острове, последние новости, происходящие в мире, стал узнавать у соседей. Стоячая вода, наполняющая пруд, по истече-

нии времени становится затхлой. Так и человек, если он ни с кем не общается, со временем становится сам не свой. Неделями, месяцами не разговаривая ни с одной живой душой, Айдын чувствовал, что превращается в нелюдимого, замкнутого и угрюмого отшельника. Стали меняться даже характер и привычки, и сам себе он уже становился противен. Испугавшись этого, Айдын, для которого одиночество было страшнее бедности, стал по возможности больше общаться с соседями. Но порой бывало, что и обмолвиться словечком-то и ни с кем. Наступило время: «Ты – мне, я – тебе». И люди, видать, стали расчетливее в выборе собеседника. Пока только двое охотно разговаривают с Айдыном. Один из них – пенсионер полковник, живущий напротив его квартиры, а другой – хозяин первой квартиры, журналист, оставшийся раньше времени безработным.

Когда жара спала, и тени стали длиннее, Айдын вышел во двор, но там никого не было. Не зная, куда себя девать, и уже подумывая о том, не вернуться ли обратно, он внезапно увидел соседа, молодого татарина. Раньше тот здоровался только кивком головы, но сегодня поздоровался особенно вежливо, протягивая руку:

– Как вы, ипташ? Вас не было видно давно. Куда-то ездили?

– Куда мне ехать-то? Дома сижу.

– А я вас искал.

– Зачем? – удивился Айдын.

– Вы говорили, что сидите без работы. Я хотел вам помочь и поговорил со знакомыми насчет работы для вас.

– Да? – Айдын насторожился.

– Одна работа есть... Настоящая работа! Тяжеловато, но плата немалая, – он хитровато улыбнулся.

Айдын нетерпеливо прервал соседа: – Рафикжан, что это за работа, скажи, наконец!

– Вы же хорошо водите машину? Завтра утром ждите здесь. Водительские права и паспорт возьмите с собой, и...

– Потом? – Айдыну поскорее хотелось узнать, что это за работа.

– Потом я познакомлю вас со своими джигитами. Их шестеро братьев. Вы будете седьмым. Полетите в Объединенные Арабские эмираты.

– Зачем? – голос Айдына сник. Он понимал, что за границу нужно ехать с деньгами.

– Они бизнесмены. Занимаются торговлей автомобилями. Там они купят несколько иномарок. Вы просто вместе с ними пригоните одну из этих машин.

– На какое время едем?

– Каждая поездка длится семь или десять дней. За каждый день заплатят сто долларов. Авиабилет, проживание, даже питание они берут на себя.

– Надо же! Отличная работа, – сказал Айдын. Сердце его чуть не выскочило из груди от радости: «Бог не оставил меня! Не зря я надеялся!!!»

– Говорят: «Ради соседа жертвуй и намазом». Я постарался для вас и нашел эту работу, – Рафик самодовольно улыбнулся.

– Ой, Рафикжан, никогда не забуду твою доброту. Спасибо, айналайын.

– Одного «Спасибо» – недостаточно. Хорошо обмоете, когда вернетесь. Айдын понял намек и рассмеялся: – Конечно, конечно, обмоем!

– Хорошо, до завтра.

Голубые глаза Рафика радостно засверкали, щеки на рыжем толстом лице порозовели, и он быстро удалился. «Бог мне устроил эту встречу. Надо же, сон это или явь?» – Айдын потерь глаза. И убедившись, что это не сон, он долго стоял перед дверью, постепенно приходя в себя.

III

Погрузив на паром купленные в Дубае машины, они доставили их в Иран. На следующий день с утренней прохладой двинулись в путь. Шестеро водителей сели за

рули шести автомобилей, и машины помчались по гладкой асфальтированной дороге. Один из шестерых – Айдын. Седьмой джигит – их руководитель – устроился на заднем сиденье передней машины.

Выехав из Бандарабата – портового города Ирана, они остановились на короткое время, поспешно перекусили. За обедом руководитель объяснил дальнейший путь: «Проехав тысячу семьсот километров, мы прибудем в село Сирак на границе Ирана с Туркменистаном, – сказал он. – Затем, через города Мары, Чарджоу доедем до границы Узбекистана. Следующая остановка – в селе Фарат Узбекистана. Дальше будут Бухара, Навои, и наконец – родной Казахстан. Жара стоит, дорога трудная!.. Но до Сирака останавливаться не будем!.. Кто устанет – скажите, не стесняйтесь!.. Я сам подменю, дам передохнуть. Давайте, джигиты, по коням!»

После этого они завели машины и поехали. Айдыну было поручено вести «Ауди», пробег которой – всего два года. Со стороны посмотришь – как новая. Салоны чистые, будто только с конвейера завода. И мотор безупречен. И вправду, новая машина – как хороший конь. Несмотря на жару, Айдын не чувствовал усталости. Наоборот, с приподнятым настроением он нажимал на газ. Мысли его мчались в голове быстрее машины. Он представил себе зеленые бумажки, которые он получит по приезду в Алматы. «Избавлюсь и от замучившего голода, и от угнетавшей бедности». Мечты взлетели к небесам. Сердце выпрыгивало от радости.

«Какая природа! Такая разная! От тропической зелени до желтой пустыни!.. Но все равно настолько красивая везде, что глаз радуется! Боже, спасибо тебе за все!». Впервые за последние годы захотелось петь. Любуясь и бросая взгляды по сторонам, он запел «Хусни-Хорлан» Естая. Рымжан любила слушать эту песню. Конечно, он не певец, но голос его был приятен. В те годы, когда еще Рымжан была жива, он не раз пел на вечеринках. Да, было беззаботное время, когда не думаешь о завтраш-

нем дне, о том, что нечего будет есть или одеть. Когда Рымжан и Айбар были живы, и Айдын был самым счастливым человеком! Но жизнь его разделилась на до... и после... Мир обманчив!.. Не успел и глазом моргнуть, и эта жизнь прошла так быстротечно, и началось просто существование... Теперь сердце ноет, тоска сжимает по безвозвратно ушедшему счастью. Но продолжать существование приходится...

Добрались они в Фарат поздно вечером и остановились в доме одного узбека. Перед тем, как ложиться спать, их собрал руководитель:

– Джигиты, вы устали с дороги. Осталось немного... Теперь хорошенько отдохните. Я сам разбуду вас утром.

После его слов Айдын крепко заснул. Проснувшись утром, он обнаружил, что нет ни машин, ни спутников. Стал спрашивать у хозяина, а тот начал причитать, как будто оплакивает умершего:

– Ой-бай-ау! Они оказались настоящими мошенниками. Мало того, что не заплатил за вчерашний плов и ночлег, они у меня забрали два тюка ткани. Мы шили из этой ткани одежду, и на этом сводили концы с концами. Что теперь будем делать?

– Машина? У вас есть машина? – Айдын ничего не мог понять: «Ведь хорошие парни! Не могут они так поступить!..»

– Да, есть машина. Но все бесполезно – их не догнать!..

– А если догоним? – «Нельзя смириться, надо действовать» – стучало в голове.

– Это невозможно. Если даже догоним, мы ничего от них не добьемся. Свои казахи тебя же и угробят в степи.

– Что теперь будем делать?

– Что делать?! Как-нибудь прокормимся. А ты что будешь делать? Вернись на родину, пока цел.

– Как я доберусь до родины, если карман пуст?

– В таком случае, найди здесь какую-нибудь временную работу и заработай на дорогу.

– У меня нет документов, – с ужасом вдруг вспомнил Айдын. – Руководитель забрал у всех документы, сказав, что лучше их держать в одних руках.

– Пропал ты, парень.

– Да, пропал окончательно! – он произнес эти слова, даже не вдаваясь в их смысл.

Безмерность человеческой подлости и предательства потрясли его. Он ощутил боль. Боль жгучую, бесконечную, всеобъемлющую! Она пронзила его насквозь, рвала душу, жгла нутро. Почти потеряв рассудок, он некоторое время сидел неподвижно. В глазах потемнело, он ничего не видел вокруг. Когда судьба хочет нанести удар, она бьет наотмашь, неистово. Придя в себя, оглянулся по сторонам, старика-узбека давно и след простыл. Со слабой надеждой он потянул ручку ворот дома, где он ночевал. Ворота не открывались. Нажал на кнопку звонка. Никто не ответил. Не зная, что делать, он поплелся в неизвестном направлении.

IV

Пока весь исхудавший, потерянный Айдын добрался до Алматы, прошло уже три месяца. А тут перед квартирой, где он прожил столько лет, его ожидала еще одна беда. Деревянную дверь заменили железной. Вместо одного замка врезаны два. Не понимая ничего, Айдын нажал на кнопку. Дверь с железной задвижкой приоткрылась.

– Вам кого? – спросил толстощекий парень с растрепанными волосами.

– Откройте дверь, – сказал Айдын. – Это моя квартира.

– Вы с своим уме?.. Убирайтесь немедленно! Не то, позову полицию!.. – дверь закрылась перед носом.

Почувствовав неладное, сердце Айдына забилося, кровь вскипела, и он прошел к тому соседу – татарину. Дверь открыл сам Рафик. Айдын пожаловался, что его квартирой завладели чужие люди.

– Да, – невозмутимо сказал Рафик. – После вашего отъезда пришли какие-то люди и начали делать капитальный ремонт. Недавно заселились. Я спросил что, да как, они ответили: «Мы купили эту квартиру».

– Что мне делать?

– Идите в милицию.

По совету Рафика Айдын пришел в отделение милиции. Спасибо молодому милиционеру, которого Айдын привел сюда, и тот при нем стал допрашивать этого толстяка с большой башкой. К сожалению, документы оказались в полном порядке. Потом они вдвоем пришли в КСК. И там документы оформлены должным образом.

Эти документы подтверждали, что Айдын через маклера продал свою квартиру за 3000 долларов.

– Аксакал, извините, я ничем не могу помочь, – сказав это, молодой милиционер пошел своей дорогой.

«На бедного Макара все шишки валяются», «Беда она не приходит», – подумал Айдын. Разум отказывался понимать: «Не может быть!!! Неужели я останусь на улице?.. Кто я теперь?.. Нет предела людской бесчеловечности! И Бога не боятся! Почему?! Почему это случилось именно со мной? За что? О, Всевышний Боже, почему ты меня так наказываешь? Что плохого я тебе сделал? Неужели ты можешь оставить человека в такой ситуации?... Неужели я в чем-то провинился, что мне нет прощения? За что?... За что?..» От тяжелых мыслей у него голова закружилась, глаза затуманились. Коленки дрожали, еле передвигая ноги, он добрался до скамейки и опустился без сил.

Солнце садилось...

V

С утра пораньше разбегаются они в разные стороны и собираются лишь вечером. Полный интернационал, представители разных народов, эта группа была очень колоритна. Иван, вечно пьяный, с сизо-красным огром-

ным носом – явный лидер сборища – русский. Его правая рука – коренастый, слепой на левый глаз татарин Шавхат. Среднего роста, весь в угрях синюшного оттенка Тохтахун – уйгур. Низенький коренастый Пак – кореец. Худощавый, мосластый болтун Юлдаш – узбек. Самый высокий, длинноногий, получивший из-за худобы прозвище «Антенна», Тимофей – украинец. Вот с ними и обитал когда-то светлолицый Айдын.

Их нынешнее жилище-небольшой подвал одного из домов в микрорайоне, который раньше использовали как склад. Своих друзей, ночевавших раньше на крышах домов или в подземных канализационных люках, сюда привел Шавхат.

– Собака с нюхом, – сказал тогда Иван Шафхату. – Чего ты только не находишь! Если бы не ты, эта шваль никогда бы не нашла такой хаты. – Иван смачно харкнул. Харчок пролетел через голову Айдына, сидящего напротив.

– Правильно говорит Князек, – поддакнул Юлдаш, привыкший поддакивать главарю. – Разве найдешь угол лучше этого.

– На хрена нам лучше?

– Почему?

– Не дадут нам жить в лучшем.

– Да, это правда.

– Коммерсанты отберут.

– Хватит! Заткнитесь! Баста!.. – сказал Иван, его лицо стало чернее тучи.

Сборище, гудевшее как улей, сразу замолчало.

У этой группы людей, которую народ называет «бомжи», есть свои неписанные законы. Зная, что пропадут в одиночку, они в последнее время стали жить общиной. Днем обшаривают все уголки полуторамиллионного города, а вечером собираются в этом подвале. Для бездомных бродяг это жилище не хуже ханского дворца.

Каждодневный ритм их жизни и сегодня не нарушился. С наступлением вечера, в сумерках один за другим они стали возвращаться сюда, к себе «домой».

– Эй, Алик, зажги свечу, – приказал сидевшему ниже казаху Тохтахун, громко высморкавшись, зажимая ноздри короткими толстыми пальцами.

– Меня не Алик зовут, а Айдын, – буркнул тот.

– Заткнись! Твою мать!.. Князек идет, и если не будет света, он покажет тебе, где раки зимуют! Имя свое вообще забудешь! – угрожающе сказал Тохтахун.

Только Айдын успел зажечь свечу, вошел Иван, потирая указательным пальцем свой горбатый нос.

– Как вы тут, соколы мои, все в сборе?

«Да сегодня у Князька настроение хорошее, – подумал Айдын. – У него привычка: «если удастся выпить, начинает называть нас «соколы мои», а если не повезет с выпивкой, тогда начинает кричать, обзывая «собаками-свиньями».

– Все в сборе, – сказал Шавхат, облизывая большим языком, всегда не вмещающимся во рту, потрескавшиеся губы.

– Ну, что добыли?... Бросай в общак на середку!.. Сядем!.. Антенна, там кран как бы не вышибло?.. Ты же сантехник?! – Иван громко и ехидно расхохотался. – Не бомбанет?..

– Да, я работал в КСК сантехником, – Тимофей приосанился. – Не бойсь! Не бомбанет!..

– Че же ты ушел?

– Платили копейки, да и то не вовремя!.. Я и взял пару счетчиков, загнал их... Ну и дали мне четыре года. От звонка до звонка... Жена, стерва, продала дом, нашла хахаля и укатила в другой город. Так и стал бичевать...

– А я не нашел работу в Татарстане, приехал в Казахстан. Мне говорили, что здесь заработать можно..., – поддержал разговор Шавхат. – Вот и верь кому... Правда, в первый год удалось сесть за руль «Камаза». В Китай цветной металл возили. Но выдоили все проклятые таможенники, и пошло все прахом – и работу, и документы потерял.

– Значит бизнес хотел сделать? – Пак хмыкнул. – Я тоже занимался бизнесом, даже отдал дом под залог. Дело прогорело, и дом мой-коту под хвост!.. Вернее одному хмырю! Он и бабу мою прибрал!.. Да!.. Бабы все стервы! Им только деньги нужны!..

Юлдаш поддакнул:

– Эти колбиты правильно говорят, – показывая на Айдына указательным пальцем. – «Не надейся на жену и коня». Я вернулся из Сибири, а моя лежит с любовником. Оба голенькие в спальне.

– А че потом? – спросил Тимофей, брызгая слюной.

– Эй, козел, не перебивай, – набросился на него Шавхат.

– Какой мужик потерпит такое унижение, – продолжил Юлдаш. – Я за нож, хотел их обоих зарезать. Но эта стерва, шустрая, выбежала, спряталась в соседской квартире. А тот ублюдок, ее любовник, коньки и откинул. И меня за решетку в тюрягу упекли...

– А зачем ты ездил в Сибирь? – спросил Пак.

– О, безмозглый, как не можешь понять? Ездил зелень продавать.

– Что скрывать, а я пострадал от водки, – сказал Тохтахун. – Не могу без нее, родимой!..

– Князек, а ты сам... – Тимофей прикусил язык.

– Ты че ж, допрос с меня снимаешь?! Много хочешь знать!.. – рыкнул Иван.

– Кнезек, у казахов есть одна пословица: «Если народ пожелает, то хан и верблюда зарежет», сказал Шавхат, который был у Ивана за подручного, позволяя иногда себе вольности.

Подогретому крепкой водичкой Ивану понравилось слово «хан».

– Мать вашу!... Если хотите знать, чего мне не рассказать-то, – сказал он, поглаживая двумя пальцами горбинку носа. – Будь я трижды проклят!!! Век воли не видать!!! Моя жизнь похожа на судьбу этого Лопуха. Водка-мой друг и мой враг.

Зная, что «Лопух» – прозвище Тохтахуна, остальные теперь поняли, почему Иван опекает его.

– Ладно, хватит на сегодня. Отбой! – раздраженно сказал Иван.

В тот же миг все попадали на сено, тряпье, не раздеваясь.

Вскоре слышно стало, как соревнуясь друг с другом, храпят бедные бродяги, оставляя позади еще один день.

В этом логове Айдын находился еще два месяца как бедный родственник. Среди тех, кто сильнее его, ему пришлось быть тише воды, ниже травы. Но все равно и эта группа его не приняла, не смог он там прижиться. В конце концов, его выгнали.

И если раньше было только мучение, то теперь жизнь превратилась в ад.

Однажды он нашел кошелек. Нетерпеливо открыл и не поверил своим глазам, увидев совершенно новые пятисотки. От счастья, обрушившегося на его голову, у него чуть не закружилась голова. Придя в себя, он посчитал деньги-оказалось, пять тысяч тенге! Давно не видевший горячую еду, он почти бегом направился к столовой напротив, уже ощущая вкус чего-то особенного. В это время его догнали двое бродяг, у которых на плечах были пестрые китайские сумки.

– Эй, ты, козел, – сказал синеглазый наглец, приближаясь к нему. – Отдай деньги!

– Какие деньги? – сказал Айдын, засуетившись.

– Мы видели, как ты нашел деньги по дороге, – преградил Айдыну дорогу второй.

Айдын побежал. Два громилы мигом настигли и вцепились в него. Как он ни сопротивлялся, силы были неравными. Свалив с ног, они стали его избивать. Но Айдын все равно не выпускал кошелек из рук, который держал мертвой хваткой. Оба хулигана не могли разжать его пальцы. И вдруг резкая боль заставила его разжать руки. Острым лезвием они порезали пальцы... Заполучив кошелек, набитый деньгами, оба растворились в тол-

пе... И никто не пришел на помощь! Никто даже и не пытался вмешаться...

Помыв в арыке окровавленную руку, Айдын упал под высоким тополем во дворе. В это время наступила темнота, и люди уже ложились спать. Но Айдын долго не мог уснуть. Все мытарства, издевательства, которые ему пришлось пережить в последние месяцы – проходили перед его глазами. Он вспоминал, как он стоял вместе с безработными на улице Сейфуллина перед тем, как присоединиться к бомжам, и как его оттуда прогнали с шумом и собакой.

Месяц назад он нашел в мусорном ящике жестяную банку и обрадовался своей находке как маленький ребенок. Но и эта радость не была долгой. Быстро открыв банку с надписью «Паштет», он немножко успокоил свой желудок, но потом чуть не сдох от отравления...

И после этого он немало повидал. Однажды среди страшной ненастной ночи, когда как говорят: «Хороший хозяин и собаку из дома не выпустит», его разбудили пьяные, возвращавшиеся из гостей, пиная ногами.

– Ах, мерзавец, вставай и уходи, – сказал косоглазый толстый казах, подойдя вплотную. Откидывая назад волосы, падавшие на глаза, тот стоял над душой и угрожал.

– Агатай, дайте мне поспать тут до утра.

– Уходи немедленно! Уходи, я говорю! Испачкаешь подъезд!

Выходя из подъезда, он услышал слова женщины, которая была вместе с косоглазым казахом:

– Тьфу, какой вонючий этот бомж!

Железная дверь захлопнулась. Обуреваемый сном Айдын постелил грязную газету на земле недалеко от гаража во дворе и заснул.

В тот день в обед Айдын, копаясь в мусорном баке, собирал бутылки. Услышал позади себя знакомый голос женщины. Он не посмел прямо посмотреть, бросил взгляд краешком глаз и сразу узнал: эта была Нагима, подруга Рымжан, с которой она вместе училась в инсти-

туте. Айдын не мог поднять головы, пока она далеко не отошла. Так он долго стоял как страус, что прячет голову в песке. Вонь из мусорного ящика и раньше ему была знакома, но сегодня он ее особенно остро чувствовал, и его тошнило. Глядя на свой старый пиджак и грязные брюки с дырками на колене, проведя потрескавшимися ладонями по небритой щеке, он почувствовал себя загнанным зверем. Все вокруг обложено красными флажками, и нет пути, и некуда больше бежать. Повсюду дула ружей и злые прищуренные взгляды сквозь прицелы, откуда летит шквал убивающих наповал пуль.

Презирая себя, он проклинал свою несчастную судьбу. Хотелось плакать, но не было слез.

VI

Уже год, как Айдын принял статус «бомжа», стал бродягой, но об этом он вспомнил только сейчас, когда наступила холодная осень. Говорят: «Человек через три дня и к могиле привыкает», и это правда. Оказывается, и к собачьему бытию, казавшемуся вначале очень трудным, он тоже привык постепенно. Терпел голод и всякие унижения. Но все равно не хотел расстаться с этой проклятой жизнью и жил как мог. Теперь же она начала надоедать...

Понимая, что суровая жизнь его не пощадит, он терзался больше и больше. Сердце ныло, душа плакала кровавыми слезами. «Кому я нужен на этом свете? Я уйду – и никто этого не заметит... Может даже чище будет на Земле, меньше грязи!.. Никчемный я человек оказался, никому не нужный и никого теплом не одаривший. Каждая букашка имеет свою норку, свое обиталище, свое потомство... А что я оставлю в этой жизни, каков смысл моего существования? Никакой! И все тут! Хватит просто существовать! Хватит! Надо уходить, пока я еще человек!!! Сколько же можно терпеть эту грязь и унижения. Лучше умереть, чем терпеть все это!!!», – думал он. С

этого дня Айдына не оставляла навязчивая мысль: «Когда и как умереть?», и эта мысль начала его одолевать.

Раньше, особенно в первые годы совместной жизни с Рымжан, Айдын страшно боялся смерти. А с тех пор, как потерял свою Рымжан и своего Айбара, он стал смело смотреть смерти в глаза и перестал ее бояться. А в последнее время мысль: «Смерть лучше, чем это проклятая собачья жизнь» – начала целиком подчинять его себе.

Кто знает, может быть под влиянием этой мысли он видел Рымжан во сне. Как и прежде, во времена своих счастливых дней, они гуляли на Медеу. Айдын хотел обнять и поцеловать Рымжан, но она убежала. Айдын побежал за ней. Они шли по грязной воде. Через некоторое время, обойдя Коктюбе, подошли к Кенсаю. Дойдя до крайней могилы, Рымжан упала. Айдын хотел поднять Рымжан, и в это время проснулся. Правая нога сильно болела. Он выбежал на улицу. Присмотревшись, он увидел, что на правой колени появилась глубокая с куриное яйцо рана. Он понял, что это крыса откусила кусок плоти с его ноги.

Едва наступая на больную ногу, Айдын сел на скамейку во дворе. Не зная, что делать и откуда ждать помощи, он огляделся по сторонам. Увидел газету под ногами. Неохотно взял газету в руки. Это был номер «Алматы акшамы» от пятого мая двухтысячного года. Он без интереса просмотрел первые две страницы, и его взгляд задержался на короткой статье: «Бродячие бомжи». Начал читать: «В настоящее время много стало бомжей без жилья, без средств к существованию и работы. Не все эти крепкие мужики-алкоголики или наркоманы. Они отстранены от общества в связи с тяжелыми реалиями социального бытия. Из-за отсутствия жилья они вынуждены жить в подвалах, на крышах и влачить жалкое существование. В нашем обществе не хватает социальной заботы и сострадания к таким людям. Беря во внимание это, профессор Ярославского университета имени П.Демидова в России Федор Завьялов и кандидат экономических наук Елена

Спиридонова взялись изучить проблему бомжей. В результате их кропотливого труда отыскивались родственники у 83 процентов, родители – у 27 процентов, братья-сестры – у 64 процентов, дети – у 54 процентов бомжей. Из этого следует, что у людей не хватает благородства. Как определило исследование, у многих бомжей есть образование, они могут устроиться на работу в любом предприятии водителями, машинистами, слесарями, операторами, токарями, электриками. Хотят они жить как нормальные люди, но из-за неимения жилья не прописаны нигде. А причина лишения жилья-судимость. А на что они живут: 43 процента из них-обходятся случайными заработками, остальные собирают бутылки, металлолом, сырье, а в летнее время торгуют украденными овощами-фруктами. Из числа бродяг только пятая часть получает пенсию по возрасту или инвалидности. Их доход, добываемый с трудом, уходит на питание, выпивку и сигареты. Помимо этого, сколько еще нужно на лекарства, одежду, мыло? Что хорошо: выявлено, что бомжи тратят 17 процентов дохода на газеты и журналы! И на этом спасибо!».

Айдын положил газету на скамейку, посмотрел по сторонам. Утро давно наступило, но никого еще не видно во дворе. Когда он читал газету, вроде нога не болела, а сейчас боль усилилась.

Айдын некоторое время сидел в раздумье. Лицо его окаменело. Он вынул из кармана расческу, причесал волосы и торчащую на щеках щетину. Посмотрел вокруг и решительно вытащил нож, который держал в кармане. Сильная его рука не промахнулась. Засверкавшее в лучах только что поднявшегося солнца острое стальное ножа вонзилось в мягкое тело. Закрыв глаза, Айдын острым лезвием ножа вспорол себе живот...

Айдын прикрыл руками вываливающиеся кишки, и стал медленно оседать. Глаза полузакрылись, на губах выступила пена. В этот миг только что спрятавшееся за тучами солнце выглянуло вновь, и вокруг стало светло.

Боль ушла... Перед взором Айдына появился ослепительно сияющий мираж-из прозрачной дымки медленно выплывала белая лебедь. Оплакивая свою половину, она летела сюда. Печальная мелодия – то ли стенания, то ли тихий плач. Эта лебедь вскоре обратилась в Рымжан, одетую в длинное белое платье. Айдын хотел обнять свою любимую и подался вперед, но упал. Взмахнув крыльями, от чего повеяло прохладой, Рымжан улыбнулась ему. Ее чарующая улыбка наполнила его необыкновенной радостью, несказанным счастьем и таким долгожданным покоем. Все его черные дни и ночи, принесшие столько горя, остались позади.

Внезапно Айдын поднялся и наконец прикоснулся к Рымжан. Тело его стало легким, и он растворился в сияющем блеске миража.

А жизнь на земле, где не нашлось ему места, и потому она отправила его на небеса, как ни в чем не бывало, продолжалась. И обманчивая ее красота сверкала, и светило солнце, и всходила луна, и день сменялся ночью.

Такая короткая быстротечная жизнь со своими нескончаемыми заботами...

Перевод с казахского
Куралай АККОШКАРОВОЙ
г.Алматы.2005.

СОДЕРЖАНИЕ

Глазами четырех поколений 4

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА

Президент знает чаяния людей.....	7
Территория мира и согласия	11
Дороже золота!	18
Любить и знать	20
День Первого Президента. Рожден во благо народа....	23
Берегите птенцов ласточки	27
Культура –это паспорт нации	31
Человек силен дружбой.....	40
Лучше горькая правда, чем сладкая ложь.....	43
Мой «Двадцатый век».....	49
Счастье – это когда нет несчастья	55
Предтеча.....	60
Когда зацвела сакура.....	70

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА

Сон перед рассветом.....	75
Ночь, когда выли волки	101
Белая Аруна	306
На обочине.....	362

Сабит ДОСАНОВ
«Хранители сокровенного»
(На русском языке)

Редактор и корректор – *Гульнара АННАКУЛИЕВА*
Технический редактор – *Т.Алимжанулы*
Верстка – *М.Енсенбай*

Подписано в печать 17.05.2017г.
Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная.
Формат 84x108¹/₃₂... Ус.печ.л. 20
Тираж 5000+120 экз. Заказ № 240

ИП «Баспа»,
Республика Казахстан, город Алматы,
мкр. Мамыр-4, дом 304, кв19
Тел.: +7(727)3810955. Сот. тел.:87753036868
salya76@mail.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика.

ТОО РПИК «Дәуір», 050009,
г. Алматы, пр. Гагарина, 93а.
E-mail: priemnl@dauir.kz, zakaz@dauir.kz

ISBN 978-601-80663-1-3

